ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения *№1 | 2020*

Евгений Ларионов | Таёжное зимовье | 30 × 40 | 2014

Евгений Ларионов | Ветрено на мосту | 30 × 40 | 2018

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №1 | 2020

В номере

ДиН публицистика

Александр Щербаков
3 «Бабы моются…»

ДиН краеведение

Юрий Ромашков
7 Обычная история необычного купца

ДиН время

Виталий Пшеничников
18 Встреча с юностью

Юрий Коряков
28 Афганские будни

ДиН диалог

Юрий Беликов, о. Игорь Ануфриев
23 Подошла бы Моцарту сутана?

ДиН симметрия

Владимир Маяковский
27 О дряни

Владислав Ходасевич
102 Времён приближенная даль…
118 Музыка

Осип Мандельштам
156 Актёр и рабочий

Фёдор Сологуб
177 Баллада о высоком доме

Иван Бунин
180 Звезда морей, Мария

ДиН ревю

Эльдар Ахадов
59 Доброе слово о Крайнем Севере

Любовь Карзникова
186 Мир радости

Наталья Потапова
199 Лекарство от боли

ДиН память

Александр Образцов
60 Империя во мне

Марина Саввиных
64 Продолжение следует

Анатолий Чмыхало
67 Всех люблю вас, люди мои!

ДиН поэма

Геннадий Васильев
69 Поэма в слезах

ДиН стихи

Александр Орлов
74 Диво

Станислав Федотов
76 Подарите мне день

Николай Ерёмин
78 Сибирские сонеты

Сергей Востриков
80 Мой мим

Александр Степанов
170 Не было прежде такого рассвета

Варвара Юшманова
173 Если бы детство знало…

Борис Суслович
176 Дорога

Валерий Сухов
178 От жалости сжалась живая душа

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Сергей Кузнечихин
82 Товарищи по несчастью

Зинаида Кузнецова
91 Старый тополь

Ольга Пашкевич
96 Тались

Александр Якутский
103 Дедова коса

Сергей Брель
107 Вежливый отказ

Д*и*Н ПРОЗА

Вера Зубарева
119 Во льдах

Елена Басалаева
137 Спасительница

Ирина Шульгина
157 Долго жить и вечно ткать

Д*и*Н ВЗГЛЯД

Дмитрий Косяков
181 И это прекрасно смотрится

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

185 Мастерские Елены Тимченко

187 Мой Красноярский край

192 Сочинения учеников Литературного лицея на тему «Закон Мёрфи, или Закон падающего бутерброда, или Закон подлости»

193 Красноярский городской конкурс школьной публицистики «Суперперо-2019»

194 Д*и*Н АВТОРЫ

Александр Щербаков

«Бабы моются…»

Заметки по поводу

Не знаю, как вы, дорогие собеседники, а я нынче редко включаю телевизор. Не по лени-матушке, не по старческому равнодушию и не потому даже, что опасаюсь попасть под влияние этого коварного зомбоящика, заразиться от него манкуртоносными бациллами. На сей счёт у меня, слава те Господи, иммунитет устойчивый, закалённый в многолетних битвах и трудах на идеологическом фронте. Да и вообще я не столько боюсь голубого идолища, сколько всё более стыжусь его и брезгую им. Того и гляди покажет что-нибудь непотребное, отчего невольно загорятся уши и подступит к горлу тошнота.

Вот хотя бы сегодня, раздумывая над этими заметками, проходил мимо него, самодовольно торчащего в переднем углу, и полуосознанно нажал на кнопку пульта, а там… Вместо ожидаемого какого-нибудь сервильного толкователя последних указов и посланий президента там выплыло, извините, «постлание», то бишь явная предподготовка очередной постельной сцены, которые теперь непременно «украшают» фильмы, спектакли, их рекламные анонсы и мелькают по «телику» не только за полночь, но и средь бела дня. В часы, когда у экранов торчат в основном бабушки с внучатами.

Рука моя импульсивно отбросила пульт как что-то гадкое, вроде чёрной жабы с пупырями, я чертыхнулся и выскочил из гостиной с тем самым ощущением горевших ушей и подступающей тошноты.

Поверьте, я не святоша, не аскет, склонный к умерщвлению плоти, и, как говаривал великомудрый внук раввина, «ничто человеческое мне не чуждо».

Но именно человеческое, а не… Впрочем, не будем обижать братьев наших меньших, пребывающих в первобытной невинности. У нас речь пока о странных гуманоидах, находящихся по ту сторону экрана. Они, похоже, и слыхом не слыхивали, что нормальные «хомо сапиенсы» от роду наделены особым органом, называемым совестью. Невидимым, но весьма чувствительным и неоценимо важным. Философ Кант определял его как «нравственный закон внутри нас». И разумные законопослушные люди стремятся следовать ему, пусть и неписаному, насколько хватает душевных сил. Они понимают, что есть такие акты и отправления в жизни человеческого организма, которым словно бы самой природой заповедано совершаться в священной тайне, вдали от посторонних глаз и ушей. В первую очередь, конечно же, к ним относятся — зачатие, рождение и смерть…

Между прочим, к соблюдению двух последних таинств тяготеют даже и многие животные, включая домашних. К примеру, если корове приспичит телиться на пастбище, то она непременно постарается уйти подальше от стада, от людей, укрыться в каком-нибудь овражке или в перелеске и там разрешиться от бремени. Именно так когда-то поступала наша красно-пёстрая Майка, приносившая телят-поздышей, и мне в крестьянском отрочестве не раз приходилось разыскивать их, припрятанных роженицей в укромном местечке.

А что касается таинства смерти в мире животных, то оно, похоже, с особой наглядностью «соблюдается» в дикой природе. Все мы с вами в годы детства, юности не однажды задумывались над тем, как и где кончают жизнь свободные звери и птицы. Ведь никто из нас не встречал в лесу, в степи либо на каком-нибудь косогоре палого, допустим, волка, зайца, орла или филина, если они, конечно, не были кем-то убиты. И каждому невольно приходила мысль о некой священной тайне, которая окружает их бесследное исчезновение «куда-то» по прикровенному закону природы.

Ну а возвращаясь к людям, можно вспомнить проявления этого таинственного закона во многих древних обычаях, отголоски которых долетают и до наших времён. К примеру, известен обычай индусов одинокими уходить на старости лет в джунгли, в некую «нирвану», то есть «в никуда», чтобы раствориться там на веки вечные. Правда, у нас старики не уходят в таёжные дебри, в нашенские джунгли, но кому доводилось бывать у одра умирающих, подтвердит, что они зачастую, словно стремясь отойти тайно, делают последние вздохи в моменты, когда свидетели отлучатся хотя бы на минуту-другую.

Кроме означенной сакральной «триады», к тому, что сама природа негласно «советует» окутывать тайной, несомненно, относится и нагота

человеческого тела. Прежде всего женского, но не только. Этот голос природы слышат даже дети. С определённого возраста они инстинктивно начинают смущаться своей и чужой наготы, исключая разве что явленной в обстановке, где она уместна и неизбежна. Всякое же выставление её напоказ и для дитяти противоестественно.

Приходит на ум выразительный пример на эту тему, отражённый в ряде воспоминаний о Льве Толстом и его семье. Однажды в их яснополянском доме маленькая дочка кухарки Аннушки, сидя за столом, перелистывала какую-то иллюстрированную книгу и, когда встречались обнажённые женские фигуры, восклицала: «О! Бабы моются!.. Опять бабы моются!» Это наивное, но мудрое в своей непосредственности выражение девочки очень понравилось всем Толстым, чутким к слову, и с той поры стало употребляться в семейном кругу для иронического обозначения всяких неприличных картин, театральных сцен и литературных пошлостей. А Лев Николаевич даже намеревался поместить его в задуманную книгу «Детская мудрость». Правда, замысел этот остался неосуществлённым, но простодушных слов кухаркиной дочки классик не забывал и частенько приводил в разговоре.

Возможно, их влияние отразилось и в таком эпизоде, запечатлённом кем-то из свидетелей. Дело было уже в конце жизни Толстого, когда он достиг поистине всенародной славы. За ним, всюду узнаваемым, люди ходили толпами. В одну из поездок в Тулу его, по прибытии на станцию, с особенным напором осаждали поклонники и любопытные. Они скупили на вокзале все открытки, какие там водились, и просили подписать их на память. Льву Николаевичу ничего не осталось, как покорно извлечь самопишущее перо и приступить к исполнению просьб почитателей. Однако чаемый автограф получил далеко не каждый. Подаваемые открытки с «картинками» дам декольте яснополянский мудрец подписывать отказывался категорически. Должно быть, в те минуты ему припомнилась естественная реакция невинной девочки на подобные изображения: «Бабы моются...» А, по известной пословице, устами детей глаголет истина...

Конечно, сегодня многие криво усмехнутся, читая эти строки, и сочтут поведение Льва Толстого за очередное чудачество «неадекватного» графа. Подумаешь, декольте! Да нынче даже иные скороспелые школьницы щеголяют в таких декольте, что и не снились великосветским дамам столетней давности. Притом не только в танцевальных залах или в театрах, а на улицах городов и весей России, самой целомудренной страны в крещёном мире.

Впрочем, заневестившихся старшеклассниц, гимназисток и студенток ещё можно понять: они выходят на смотрины, на брачный базар и, движимые инстинктом поиска пары для создания гнезда и продолжения рода, исподволь стремятся представить свои «данные» во всей красе (тем более что рынок на дворе),—но от них мало в чём отстают иные замужние молодицы и даже женщины бальзаковского возраста. Помню, июльским днём минувшего лета видел, как одна мамаша вошла в автобус с малышом в коляске. Поднять коляску ей помог мужчина, стоявший у дверей. Между прочим, не то кавказец, не то среднеазиат в рабочей куртке. В ответ на «спасибо» он как-то испуганно кивнул и молча отвернулся. Разом притих и весь салон. По крайней мере, мужское его население. Многие смущённо уставились в окна. Дело в том, что пышная мама была одета слишком условно. На ней была полупрозрачная кружевная кофточка-маечка до пупка, а ниже шли такие... нет, даже не шортики, а скорее трусики или плавочки, в которых и на пляж не каждая модная купальщица насмелится выйти. Мамаша подкатила коляску к окну и смешалась со стайкой девчат, стоявших там тоже в условных одеждах—маечках на бретельках и коротких трусах либо джинсовых шортиках с рваной бахромой вокруг бёдер. По возрасту девицы были из тех самых, едущих на ярмарку, на ловлю женихов, на показ своего товара лицом, и с ними, как говорится, всё ясно. А вот зачем зрелой мамаше с ребёнком, у которой уже вроде бы решены брачные проблемы, так показательно полуобнажаться? Большой вопрос, загадка века...

Вспоминаешь прошлое лето—и невольно встают перед глазами одна подобная картина за другой, как в той книге с иллюстрациями, которую листала когда-то яснополянская девочка. Сплошное «бабы моются»...

И ведь не только у нас в России творится такое. Похоже, спешно обнажается весь подлунный мир, крещёный и некрещёный. Почему? С какой стати? И по чьей наводке или команде? Говорят, мода, мол, такая. Без всяких объяснений того, от каких «гносеологических корней» она взяла начало и откуда свалилась на наши головы. А в её тотальном распространении обычно грешат на средства массовой информации, которые и впрямь действуют всё агрессивнее, наглее и наступательнее. Особенно—электронные, о чём уже сказано выше. И в ряду самых бессовестно «обнажённых» среди них—вездесущий Интернет, поистине—Всемирная паутина.

Чтобы подкрепить эти заметки живыми примерами, решил я пройтись по сайтам, по блогам и вот какие навскидку обнаружил единовременно висящие там сообщения и картинки.

В Екатеринбурге, в театре юного зрителя, Иван Хлестаков, питерский чиновник из гоголевского «Ревизора», по ходу спектакля... насилует дочь городничего. Прямо на сцене. Почти натурально

и, понятное дело, не без мелькания «обнажёнки». Факты проверяет местная прокуратура.

Во Владимире открыта провокационная выставка, названная словом «Наружу» с неясной аббревиатурой перед ним. Посетители «подсматривают», как люди ведут себя вне общества. Наибольшим интересом у публики, особенно молодёжной, пользуются (кто бы сомневался!) «виды» с обнажениями, объятиями и прочими контактами. О реакции прокуратуры пока не сообщается.

В столице нашей родины Москве, в метро, некая дама заголилась… в знак протеста, что ей не уступили место в вагоне. Насколько «заголилась»? Блогер в своём ролике уточняет: она подняла подол и (пардон) приспустила трусы. Не уступавший прежде лыцарь с ближними соседями в панике покинули скамью.

И вообще, в России, оказывается, запущен проект «Сомнойвсётак», имеющий целью «помочь женщинам полюбить свою внешность». А точнее — наготу, если судить по иллюстрациям в паутине.

Ради объективности оговорюсь ещё раз, что ныне всё непринуждённее «бабы моются» не только у нас на Руси, но и в зарубежье, как ближнем, так и дальнем.

К примеру, в Незалежной заместитель председателя Запорожского облсовета Владимир Марченко публично заявил, что «откровенно одетые» женщины напоминают проституток. Возмущённые украинки в ответ запустили флешмоб — стали выкладывать в Интернет фото разной степени откровенности с язвительными подписями: «Забыли спросить Марченко», «Оценка вида женщин — не дело чиновника», «Имеем право» и так далее. При этом «виды» многих таковы, что кухаркина дочка, взглянув на них, явно бы повторила своё восклицание, а граф Толстой отказался бы ставить под такими «открытками» автограф.

В Португалии принародно голая девушка прыгнула с сорокапятиметрового моста и выжила, даром что была заметно подшофе.

В другой стране вечно загнивающего капитализма финал футбольной Лиги чемпионов открыла «полуобнажённая фанатка», выскочившая на поле. В Интернете это подтверждено фотографией: полицейский гонится за женщиной, «полуобнажение» которой выражается в единственных плавках, более похожих на перекрестья бретелек в «неожиданных» местах.

Словом, действительно поветрие это становится глобальным, «бабы моются» без стеснения на любых широтах и долготах. Да и ладно бы, всё же зрелище, сказать без ханжества, не из самых отвратительных. Но ведь и «мужики моются» публично всё охотнее — вот в чём богомерзкость последних времён. «Где такое видано?» — спросите вы. Да хотя бы в том же Интернете и даже в «современном» театре. Например, у продвинутого идейно и «небрежного» финансово режиссёра Кирилла Серебренникова. Он когда-то прославился скандальным спектаклем «Голая пионерка», где главная героиня Маша Мухина служила на фронте наложницей у озверевших советских офицеров. Что подтверждалось наглядными сценами: в зрительный зал летели рваные трусы.

Но это в прошлом. А ныне в его московском «Гоголь-центре» всё привычнее сцены с голыми мужиками.

Не отстают и театральные модернисты из Питера, культурной столицы страны. Допустим, в знаменитой Александринке, в спектакле «Швейк», разом тридцать артистов прямо на сцене… снимают штаны. Под аплодисменты. Не верите? Мне бы тоже не хотелось, но об этом с кафедры рассказывал Олег Басилашвили студентам Гуманитарного университета профсоюзов. И даже он, большой прогрессист и либерал, возмущался падением вкусов и нравов.

Мне уже слышатся возражения оппонентов из числа свободомыслящих и лишённых совковских предрассудков. Говорите, на сцене, на экране, на страницах книг — обнажённые женщины и мужчины? Ну и в чём тут криминал? Каждый знает, что все мы с вами, в сущности, обнажённые. Таковыми рождаемся и таковыми умираем. А шкуры, тряпки на нас — лишь условность. Да и то они не на всех. Вон в южных африках, в америках наши шоколадные братья по разуму голышом шастают по своим джунглям, обходясь лишь набедренными повязками, — и ничего. Никто не возмущается, не бежит с доносом в полицию нравов. Есть и среди белых такие, что не спешат «паковаться», если холод не понуждает. Возьмите нудистов: они спокойно полёживают на пляжах в чём мать родила, наслаждаясь солнечными и морскими ваннами. В буквальном смысле — «бабы моются» и «мужчины моются» без ложного стыда. Не так ли?

Ой, не скажите, любезные свободолюбцы и всеобновленцы! Известно ведь, что исключения лишь подтверждают законы. И в первую очередь это относится к законам природы, законам нравственным, которые искони предписывают нам прикрывать наготу телесную — со времён Адамы и Евы, со времён Ноя ветхозаветного. Вспомним хотя бы притчу о сыне его Хаме из «Книги Бытия».

Выйдя из ковчега вместе с сыновьями Симом, Хамом, Иафетом, начал Ной возделывать землю, развёл виноградники, выпил вина, и опьянел, и «лежал обнажённый в шатре своём». Хам увидел наготу отца и рассказал братьям. Сим с Иафетом взяли одежду, «вошли задом» в шатёр и «накрыли наготу отца». Ной проспался от вина, узнал о постыдном поступке Хама и проклял весь его род, начиная от сына Ханаана. С тех древнейших времён Хам известен как величайший грешник, а имя его

стало нарицательным. Хамством называют пренебрежение традициями, моральными, культурными запретами. В полном соответствии с гласом Божиим — «нравственным законом внутри нас».

Правда, знавала седая старина и другое отношение к наготе. Все слышали о древнегреческом философе Диогене, который по улицам своего Синопа разгуливал голяком и даже на глазах у прохожих, следуя формуле «что естественно, то не безобразно», прошу прощения, справлял малую нужду.

Но Диоген был киник, то есть, по-нынешнему, циник. А мы-то с вами себя циниками не считаем, верно?

Как не считал себя таковым другой мыслитель древности, знаменитый римский философ Цицерон. Раздумывая над вопросом, чем же существенным человек отличается от животного, к примеру, от собаки, он сделал такой вывод: «У человека есть настоящее, прошедшее и будущее. У собаки же есть одно настоящее. Её гложет голод, и она будет униженно рыскать и попрошайничать еды, пока не утолит его; взыграется плоть — и она поспешит удовлетворить похоть при первой возможности, на виду у всех…»

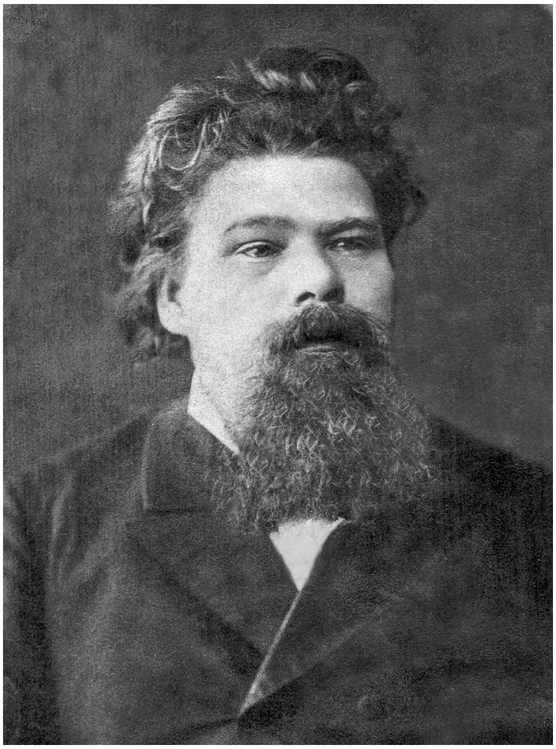
Так что поступать «современно» («здесь и сейчас!»), чем обычно козыряют модернисты, предрасположены и собаки вместе с иными «братьями меньшими». А у нормальных «старших братьев», у человеков разумных, имеющих прошлое, настоящее и будущее, принято и действовать соответственно, с учётом нажитого опыта, завещанных традиций и с думой о завтрашнем дне. О том, как отзовётся их слово и дело на потомках, если, конечно, они не из рода Хамова и Ханаанова.

Кроки реки Большой Кас, составленное капитаном парохода «Сибирячка» Л. И. Прушинским в навигацию 1889 г.

Юрий Ромашков

Обычная история необычного купца

Енисейская дореволюционная золотопромышленность за неполный век своего существования, подобно большому социальному лифту, вынесла на самый верх социальной лестницы разные имена. Многие из них, над кем, по выражению современника, «подыграло золотишко»[1], так же быстро исчезали с небосклона успешной жизни, возвращаясь в лоно городского плебса; те же немногие, кто смог адаптироваться к быстро меняющейся экономической ситуации в стране и регионе, остались на слуху у потомков. Разумеется, состав успешных енисейских предпринимателей тоже был неоднороден в плане понимания отрасли. Большинство компаний, так или иначе, имело консервативное представление о добыче золота, вырабатывая до последнего имеющиеся в своём распоряжении прииски. При этом находились и те, кто стремился к введению новых технологических приёмов в золотодобыче, традиционно выделяясь в среде местных золотопромышленников. Поэтому данная статья будет посвящена одному из таких деятелей — купцу Ивану Дмитриевичу Черемных, чья деятельность носила настолько разноплановый характер, что оставила неоднозначную оценку у современников. Постараемся же на основе сохранившихся материалов хронологически проследить жизненный путь Ивана Дмитриевича.



И. Д. Черемных. Фото второй половины XIX в.

Вопрос о происхождении нашего героя связан со Средним Уралом. В 1855 году он числится мещанином города Ирбит Пермской губернии. Сама фамилия Черемных, по утверждению профессора А. Г. Мосина, родилась из прозвища, ставшего фамилией, с конца шестнадцатого века: «Русские служилые Чермные зафиксированы уже в документах 1598 г. Эту фамилию носил тобольский казак Алексей, участвовавший в битве на р. Ирмень и затем сопровождавший пленённое семейство Кучума в Москву»[2]. По мнению автора, прозвище имеет северное происхождение, перекочевавшее в Сибирь. Здесь не лишним будет привести комментарий М. О. Маркса, столкнувшегося с самобытными традициями Енисейска в 1870-е годы девятнадцатого столетия: «Обыкновение спрашивать „чей?“ пошло со времени открытия золотых приисков, и отвечать следовало „григорьевых“, „бенардакских“, „малевинских“, „базилевских“ и прочее. И, в свою очередь, вопрос этот породил новые фамилии мещанские и купеческие с окончанием на „их“: „Белых“, „Черемных“ и „Сизых“»[3]. Однако представляется, что Максимилиан Осипович всё же заблуждался относительно причудливой трансформации вопроса в фамилию, и она действительно несёт в себе уральские корни. о. В. Копытская высказала другую, более жизнеспособную версию, хотя и в свойственной ей манере «стремительного развенчания исторической несправедливости». Согласно её выводам, купец имел более «близкое»

1. *Яворский А. Л.* Город Енисейск. Воспоминания 1890-х гг. XIX в. Машинопись. ЕКМ ОФ 5459. С. 16.
2. *Мосин А. Г.* Словарь уральских фамилий. Происхождение фамилий Камышловского уезда. Екатеринбург, 2000. С. 10.
3. *Маркс М. О.* Записки старика. Машинопись. ЕКМ 2141–10. С. 46.

Вид на Ново-Мариинский прииск И. Д. Черемных. Фото XIX в.

происхождение — город Красноярск. Действительно, ещё во время учреждения одной из ранних своих компаний на Бирюсе Иван Дмитриевич упоминается красноярским мещанином.

Кроме того, в литературе, посвящённой енисейскому купечеству, до сих пор отсутствует точная дата его рождения. Исследователь Е. В. Комлева указывает примерно 1860-е годы[4], с чем сложно согласиться, так как, по имеющимся данным, И. Д. Черемных уже в 1872 году упоминается как управляющий одним из приисков компании В. И. Базилевского. Ранних представителей династии Черемных тоже установить сложно. Казалось бы, на это могут пролить свет сохранившиеся документы фиксации городских жителей середины девятнадцатого века, которые представлены по Енисейску в Обывательской книге 1852–1858 годов. Однако персоны с такой фамилией не встречаются, что говорит о возможном иногороднем происхождении. Это подтвердится в последующем и в его отношении к Енисейску: в отличие от своих коллег по золотопромышленности, предпочитавших скупать и строить недвижимость в городе, он бóльшую часть жизни будет проводить на приисковых резиденциях. Возможно, являясь выходцем из другого города и не имея в Енисейске родных, будущий золотопромышленник предпочитал ему тайгу. Интересно, что когда в 1884 году местные думцы решили избрать его членом управы, он отказался, как проживающий большей частью на приисках. Как писал А. И. Кытманов, «долго Дума не увольняла его, убеждая, что он, проживая в Енисейске и пользуясь здесь выгодами, не относил ни одной службы»[5]. И хотя сам Иван Дмитриевич не питал большого интереса к этому городу, именно енисейский период его жизни станет главной темой настоящей статьи.

Вообще в поле зрения современников И. Д. Черемных как деятель попадает в 1878 году. После окончания Енисейского уездного училища он сразу включается в приисковую жизнь, оказавшись в обществе ссыльных поляков. Возможно, это обстоятельство также наложило отпечаток на его стремительно формирующуюся любознательную натуру. В это время он уже известен как управляющий Татьянинским прииском Виктора Ивановича Базилевского, который в том же году дал десять пудов пять фунтов золота. К этому времени он уже побывал во второй купеческой гильдии (1859 год) и записался в первую (1861 год). С Виктором Ивановичем у него сложатся длительные деловые отношения сначала как хозяина и управляющего, а затем и как компаньонов. В своих воспоминаниях об отце он упомянул и своего бывшего управляющего: «…благодаря энергии И. Д. Черемных открыто много рудников в Северной системе»[6]. Сам Виктор Иванович приходился сыном известному в золотопромышленных кругах Ивану Фёдоровичу Базилевскому, выходцу из дворян Оренбургской губернии. В 1857 году во владении

4. *Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И.* Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск, 2012. С. 278.

5. *Кытманов А. И.* Летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. ЕКМ. Машинопись. С. 592.

6. Биография И. Ф. Базилевского. ЕКМ 3065. Л. 4.

этой фамилии имелись золотые промыслы на землях Оренбургского казачьего войска[7]. Затем спектр их интересов сместился в Енисейскую губернию, где он записался в первую гильдию красноярского купечества, добывая драгоценный металл сначала в Ачинском, а затем и Енисейском уездах. К этому времени частный поиск золота в Сибири был одобрен правительством, но для начала необходимо было получить Разрешительное свидетельство. Уже в 1840 году были открыты россыпи енисейской тайги. Возможно, не покажется преувеличением такой вывод: в лучшее время енисейской золотопромышленности добыча принадлежала далеко не местному купечеству. Компании Малевинских, Бенардаки, Сидоровых и другие представляли предпринимательский класс Европейской России либо Урала. И только во второй половине девятнадцатого века на этот рынок стали выдвигаться местные компании. Разумеется, господину Базилевскому не хотелось утруждать себя поездками. Да и владельцы приисков, на тот момент преимущественно не местные, за редким исключением не посещали приисков и вели разработки посредством своих уполномоченных и доверенных. Одним из таких уполномоченных и оказался герой нашего повествования.

Иван Дмитриевич Черемных пришёл в золотопромышленность, когда та находилась на излёте своего существования. Лучшие времена добычи, когда рассыпное золото добывалось относительно легко, были позади, и теперь предпринимателям оставалось надеяться на техническую революцию в области машиностроения. Здесь компании Базилевского пригодился природный ум своего управляющего, склонного к постоянным совершенствованиям в области добычи. Но, как замечал А. И. Кытманов, «недостаток технических знаний и увлекающийся характер вовлекли его много раз в крупные ошибки»[8]. В 1882 году Иваном Дмитриевичем открыто месторождение кварцевой золотоносной жилы, но радость открытия омрачена пожаром на том же Татьянинском прииске, в котором погибли паровая машина и вагонный пескоподъёмник[9]. Годом ранее он пробовал свои силы на Бирюсе. Была учреждена компания с нижнеудинским купцом А. Г. Воронцовым. Предприятие купило четыре прииска у Бирюсинской компании, но дело после смерти А. Г. Воронцова прекратилось.

Уменьшение объёмов золотодобычи неизбежно вело к ухудшению положения рабочих. «Кажется, ни один промысел не находится в таких неблагоприятных условиях, как золотопромышленность»[10],—отмечал корреспондент газеты «Енисей». Иван Дмитриевич пытается улучшить ситуацию со снабжением приисковых рабочих, а заодно избавить себя от необходимости закупать зерновые у подрядчиков. Любопытный эксперимент, на который ещё не решался ни один из местных промышленников,—возделывать овёс прямо на приисках. К сожалению, опыт оказался неудачным. Параллельно с внедрением посевов И. Д. Черемных пытается улучшить систему коммуникаций. Ещё с начала золотопромышленной эпохи забота о дорогах являлась коллективной задачей всех участников отрасли. Иван Дмитриевич в 1883 году выходит с предложением перейти на Старонифантьевскую дорогу, минуя, таким образом, реку Пит на протяжении двух станков. По мнению автора проекта, это сократило бы путь к основной зоне приисковой системы, а также снизило расходы на содержание почт, зимовий и прочих служб. Как и с предыдущим проектом по сеянью овса, наш герой с энтузиазмом отдаётся делу. Но, изначально лишённый поддержки со стороны остальных предпринимателей, его замысел был обречён на новую неудачу. В итоге уже созданная просека к реке Сухой Пит с обустроенными зимовьями, несмотря на огромные затраты, была заброшена. Однако эти откровенные провалы нисколько не надломили предприимчивого управляющего, что вскоре выльется в серию очередных проектов.

Его супруга, Афанасия Савельевна, тем временем выступает на подмостках енисейского тетра. На афишах за 1884–1886 годы её можно было без труда отыскать среди актрис спектаклей «Лакомый кусочек», «Выгодное предприятие» и «Доходное место»[11]. Об Афанасии Савельевне на данный момент известно, что до замужества она носила фамилию Глазкова и происходила из мещан. По данным, собранным Н. В. Пироговой, она родилась в семье Глазкова Савелия Яковлевича и его жены Варвары Климентьевны[12]. Наталья Викторовна предполагает уральское происхождение данного семейства, а точнее—Екатеринбургский уезд. По воспоминаниям С. В. Востротина, чей отец Василий был женат на представительнице этого рода Акулине Савельевне—одной из дочерей Савелия Яковлевича: «В то время в Енисейске находилась семья Глазкова, также переселившаяся с Урала, но с соседнего, Кыштымского, завода той же Зотовской компании. Прибывшая в Енисейск семья Глазковых состояла из отца, матери,

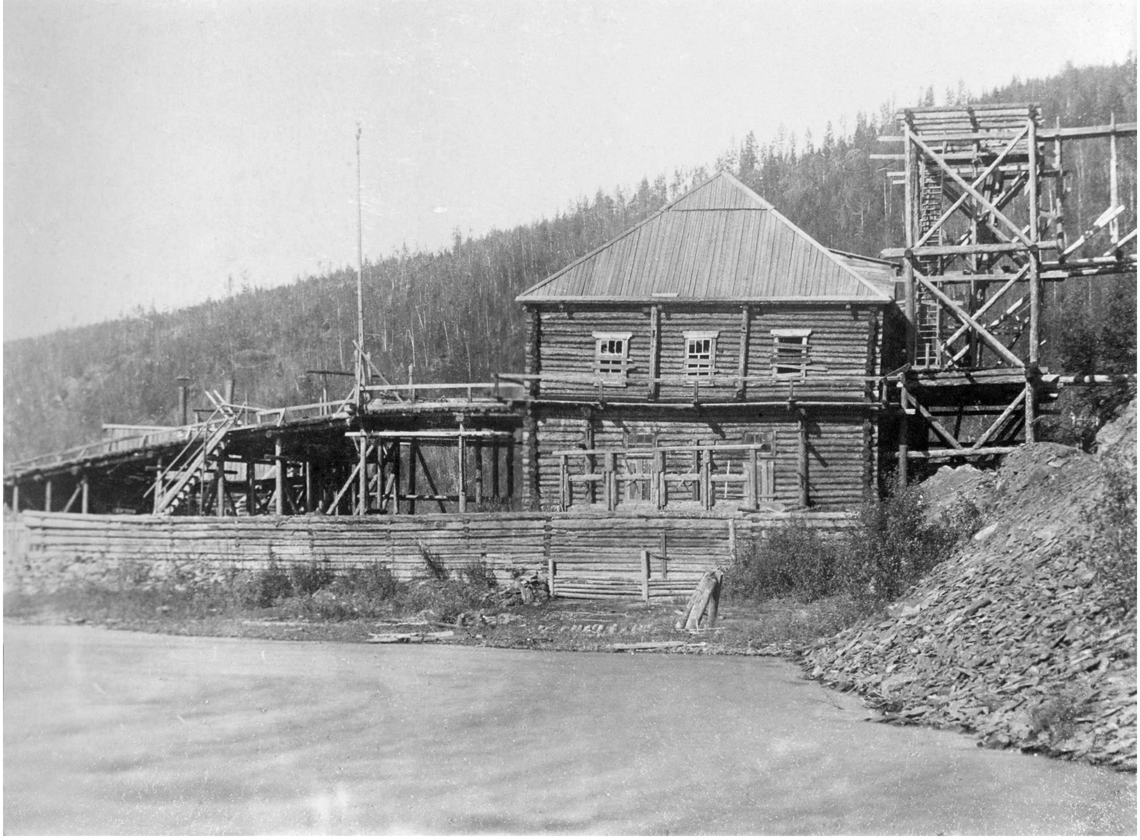
7. *Смирнов В. В.* Золото Сибири. Исторический очерк о людях, добывающих золото в сибирской тайге. Красноярск, 2011. С. 126.
8. *Кытманов А. И.* Ук. соч. Машинопись. С. 537.
9. «Енисейские губернские ведомости» // 1883.
10. «Енисей» // 1898.
11. *Кытманов А. И.* Ук. соч. Машинопись. С. 657.
12. *Пирогова Н. В.* Род Михайловых и род Глазковых // Енисейский Родослов. Альманах. Выпуск 9. Енисейск, 2018. С. 32–35.

Панорамный вид на жилые помещения завода «Рассвет». Фото 1890-х гг.

четырёх дочерей и двух сыновей»[13]. Приехав в Енисейск, Глазковы также постепенно включились в процесс золотопромышленности, а сам глава семейства, возможно, состоял управляющим одним из приисков Востротиных. Не менее яркий отзыв приводит Степан Васильевич Востротин о Енисейске и Афанасии Савельевне Черемных, вкладывая его в уста английского горного инженера Уильяма Артура Мерсера: «Город поразил меня несказуемо. Даже в Лондоне никто не пожелал бы иметь дома лучше и красивее и с большим вкусом обставленные. Большие комнаты, много света и воздуха. Дом Черемных действительно прекрасен. Обед был отлично сервирован. Сама г-жа Черемных оказалась дамой, полной достоинства, с большой выдержкой, настоящей леди, которая оказывала гостеприимство с большим навыком. <…> Я провёл в конечном счёте очень приятный день, и было трудно поверить, что мы находились в самом сердце Сибири»[14]. В 1896 году Афанасия Савельевна приняла участие в полезной акции. Общество попечения о начальном образовании в городе Енисейске арендовало помещение под книжный склад, который был призван насыщать литературой город, а деньги с продажи книг должны были пойти на финансирование учебных заведений. Идею о складе выдвинул ещё в 1892 году член Общества Н. В. Скорняков. Представители Общества обратились в управу с просьбой о выделении тёплого помещения в составе Гостиного двора, но там ответили, что свободных мест нет. Тогда пришлось арендовать неотапливаемые лавки в торговом корпусе И. И. и Г. И. Дементьевых за семьдесят рублей в год. Как отмечалось в отчёте Общества, «место было бойкое, центральное, но, к сожалению, помещение очень холодное, но ввиду его центрального положения пришлось мириться со многими недостатками»[15]. Так как в складе нужно было вести торг, встал вопрос о продавцах, который и был решён при участии председательницы А. А. Кытмановой. Как отмечает источник, «на приглашение председательницы дамы откликнулись весьма сочувственно и изъявили своё согласие торговать в складе»[16]. Среди откликнувшихся, наряду с А. И. Станкеевой, Ю. М. Хейсиной, Е. И. Востротиной и прочими, была и А. С. Черемных. Кроме книг, в складе можно было приобрести канцелярию и предметы живописи. Акция позволила собрать дополнительные средства в поддержку образовательных учреждений Енисейска. Её имя можно встретить и в списках членов Общества пособия бедным города Енисейска, в котором она состояла с 1902 года. Продолжая свою работу на ниве просвещения, Афанасия Савельевна служила преподавательницей грамматики в женской воскресной школе, открытой в 1893 году на базе помещения второго приходского училища. В 1915 году она числится заведующей данной школой и её учебными пособиями. В 1916 году она входит в список учредителей Енисейского отдела Сибирского общества помощи раненым воинам. Кроме того, она упоминается в списках дарителей Енисейского общественного местного музея.

Возвращаясь к персоне Ивана Дмитриевича, отметим, что ему так или иначе, по примеру супруги, пришлось включаться в общественную жизнь города. В 1883 году открывается Енисейский общественный местный музей, и он становится его

13. *Востротин С. В.* Енисейск, Томск, Казань. Автобиографические воспоминания. АРАН. Ф. 529. Оп.1. Д. 5. Л. 14.
14. Там же. Ф. 529. Оп. 1. Д. 8. Л. 38.
15. Отчёт Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске за 1896 г. Енисейск, 1897. С. 10.
16. Там же. С. 11.



Вид на завод «Рассвет». Фото 1890-х гг.

практически постоянным дарителем. Уже в год открытия им подарены сланец с кварцевыми жилами, гранит, окаменелость дерева, карты приисков и чертежи завода «Рассвет». После неудачной попытки со стороны городской Думы избрать его членом управы, в 1885 году был избран членом попечительного совета Енисейской женской гимназии. Всего в совет входило двадцать три представителя. При этом общественная деятельность ни в коем случае не заслоняла собой дело всей жизни — добычу драгоценного металла. За своё упорное стремление к цели он заслужил у современников прозвище «неутомимый». Итак, в 1886 году «неутомимому Черемных», казалось, сопутствовала удача. Открытие возможностей месторождения жильного золота Татьянинского прииска способствовало расширению промысла. На руднике «Эльдорадо» пробы кварцевых жил дали содержание в десять золотников, и как отмечал летописец А. И. Кытманов, «Черемных торопился в постройке завода, который строился на Вангаше, и руда должна была отвозиться туда с рудника „Эльдорадо“. <…> Работа кипела, и каждый, посещавший тайгу, стремился на прииски, управляемые Черемных, чтобы посмотреть на новинки. А их было везде много. Так, на заводе „Заря“ действовала турбина, делавшая 200 оборотов в минуту»[17]. Его деятельность в разработке рудного золота внушала оптимизм всем остальным. «Несмотря на новизну рудного дела и на его, вследствие этого, несовершенство, несмотря на недостаточное знакомство с ним рабочих и служащих, на несовершенство самого оборудования, завод в настоящем виде оказывается настолько выгодным, что, по вычислениям, должен окупить все произведённые на его устройство расходы», — писал корреспондент «Сибирской газеты»[18]. Как сообщает В. М. Внуковский, «инстинктивно поняв, какое огромное значение в будущем должна иметь добыча жильного золота, поэтому желая монополизировать её в своих и доверителя руках, Черемных лихорадочно приступил к захвату (путём заявки) всех тех площадей, где, по его предположениям, стоило ожидать золотосодержащих жил»[19].

Примерно в это время он перестаёт быть управляющим В. И. Базилевского и приобретает статус

17. *Кытманов А. И.* Ук. соч. Машинопись. С. 611.
18. «Сибирская газета» // 1887.
19. *Внуковский В. М.* Отчёт по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности северной части Енисейского округа. С.-Петербург, 1905. С. 397.

компаньона, вступая на путь самостоятельной добычи. Также он располагает новым социальным статусом, с 1883 года числясь во второй гильдии енисейского купечества. А. Л. Яворский так описывал подобные метаморфозы: «Часто ловкий доверенный, управляющий или приказчик, осторожно спихнув своего хозяина, становился на его место»[20]. На самом деле приведённая ситуация не являлась нормой. Более распространёнными считались ситуации, когда наиболее талантливые управляющие в итоге сами заявляли прииски. Таких примеров существовало множество: это и бывший управляющий прииском купца И. П. Кытманова В. М. Харченко, впоследствии сам состоящий в купеческой гильдии; это П. В. Шумахер, управляющий компании Красильниковых, и так далее.

Персона нашего героя не сходила с газетных страниц. Действительно, если мы посмотрим на периодику того времени, посвящённую золотопромышленному промыслу, то обязательно отметим тот факт, с какой регулярностью Иван Дмитриевич попадал на остриё пера либеральной прессы. И такое внимание с её стороны не всегда устраивало Черемных. В 1885 году наш герой впервые попал на страницы периодических изданий, став участником крупного скандала, связанного с нарушением межевальных границ Святодуховского прииска купца Власова. Трудно сказать, насколько действия со стороны рабочих Черемных носили преднамеренный характер, но в итоге состоялось разбирательство, закончившееся ничем. В конце концов было решено, что «окружной ревизор допустил, как говорят, отступление от своей прямой обязанности—не сделал своевременно освидетельствования выработки местности»[21]. Интересно, что купец и сам писал письма в газеты, вступая в полемику с экспертами золотопромышленной отрасли, которыми нередко себя считали журналисты. В 1886 году он пишет письмо в редакцию «Сибирской газеты» после выхода очередного материала, посвящённого делам компании Базилевского—Ратькова-Рожнова. Автор публикации подчёркивал: «Высокие проценты на деньги и на товар, нерациональность ведения дела его управляющими, предпринявшими без средств большие затеи, сгубили дело и поставили его ребром. Было бы гораздо лучше, если бы Базилевский самолично вёл своё дело, не управляя им из Петербурга»[22]. На эти заявления Черемных ответил редактору: «Милостивый государь, господин редактор! Клеветы и небылицы о приисковом деле В. И. Базилевского в енисейской тайге, украшающие собой страницы „Сибирского листка“, могут вызвать тревогу близко заинтересованных состоянием этих дел и потому побуждают меня обратиться к Вам с просьбою напечатать мою заметку о действительном положении этих дел»[23]. Далее им приводились аргументы, сопровождаемые бухгалтерскими выкладками. В частности, И. Д. Черемных утверждал, что частные работы В. И. Базилевского обеспечены доверенностью в двести пятьдесят тысяч рублей уже осуществляемой добычи. Также Иван Дмитриевич писал: «Личный мой кредит обеспечен моей половиной Александровского прииска Южной тайги… прииск выгодный, и потери по этому прииску достаточно обеспечены моим заработком за 10 лет службы приисковым помощником в деле В. И. Базилевского»[24]. Письмо было напечатано и в дальнейшем не оставалось без внимания прессы.

Но журналистов привлекал не только «неутомимый» золотоискатель, но и члены его семьи. Конечно, к любой корреспонденции, как и к источникам иного плана, необходимо относиться с известной долей критики, но в свете ограниченности фонда документов по Черемных и его близким не станем пренебрегать тем, что имеем. Итак, в 1884 году читающая публика не без интереса следила за эпатажными выходками тестя Ивана Дмитриевича—Савелия Яковлевича Глазкова, устроившего потасовку в Енисейском общественном собрании. По сведеньям корреспондента, Глазков явился на маскарад тринадцатого февраля (по старому стилю) без маски, «во фраке, в белом жилете и таком же галстуке, заявив своим знакомым, что намерен устроить скандал»[25]. Заявлением Савелий Яковлевич не ограничился, действительно начав драку в общественном месте с одним из местных золотопромышленников. Результатом нападения стало заявление побитого золотопромышленника в полицию. Интересно, что родственники Глазкова просили пострадавшего пойти на мировую, а когда получили отказ, прибегли к последнему способу: отказали в ссуде на арендуемый пострадавшим прииск. Разумеется, поколоченный арендатор вынужден был забрать заявление. И, как не без иронии замечал корреспондент, «Глазков же, разумеется, будет по-прежнему посещать маскарады во фраке и белом жилете»[26].

Вернёмся к И. Д. Черемных. В 1887 году он пробует себя в роли судовладельца, купив небольшой пароходик «Сибирячка» с машиной в восемьдесят лошадиных сил. Тогда же по сооружённому Обь-Енисейскому каналу он отправляет баржу с хлебом для северных приисков. А весной 1889 года

20. *Яворский А. Л.* Ук. соч. С. 3.
21. «Сибирская газета» // 1885.
22. «Сибирский листок» // 1886.
23. Письмо И. Д. Черемных в редакцию «Сибирской газеты», 1886 г. ГАКК. Ф. 156. Оп. 1. Д. 4553. Л. 1.
24. Там же. Л. 2.
25. «Сибирская газета» // Подшивка, 1884. Л. 27.
26. Там же.

И. Д. Черемных объявил о намерении совершать рейсы между Енисейском и деревней Мотыгино, подготовив команду и выделив сумму на обмундирование. А. И. Кытманов по этому поводу замечал: «Капитан „Сибирячки“ одел своих матросов в форменное платье и старался сделать из енисейских рабочих настоящих моряков. Всё это смешило енисейскую публику»[27]. Здесь начинающего пароходчика подстерегала неудача: на Стрелковском пороге затонула баржа и едва не погиб сам пароходик[28]. Из положительного можно отметить составленное по результатам похода капитаном Л. И. Прушинским кроки реки Большой Кас. Это кроки до сих пор хранится в фондах Енисейского музея. Однако не в правилах Ивана Дмитриевича было отступать, и в том же году он отправляет «Сибирячку» за крупчаткой, купленной в Томской губернии. Это предприятие оказалось более удачным. Кстати, данный пароход прослужил на Енисее ещё несколько лет и был списан в 1893 году. Заслуживает внимания ещё одна неосуществившаяся задумка. «Неутомимый Черемных» объявил Судоходный прииск, находящийся ниже устья реки Оллончимо, исключительно для нужд неудачно спроектированного им судоходного сообщения приисков с Енисеем. Возможно, он искал водные пути в систему приисков с целью удешевить доставку припасов по известным сухопутным путям, которые содержались на средства золотопромышленников. Стоит ли говорить, что проект остался неосуществлённым?

Следующий, 1890 год принёс новые трудности — начались волнения рабочих на Александровском прииске, что не помешало получить с него восемь пудов тридцать один фунт золота. Рабочие выступали против жестокого обращения со стороны служащего Рязанова. Приисковая же администрация во главе с Бастриковым закрывала на происходящее глаза. К тому же рабочих не устраивал быт. Так, комиссия, занимавшаяся исследованием положения рабочего контингента на приисках компании Базилевского — Черемных — Ратькова-Рожнова, заключила: «Казармы для рабочих устроены в двух корпусах без сеней и сушилен, с ординарными полами, доходящими только до нар. Жилые и хозяйственные постройки сделаны из дерева, без фундамента, прямо на почве»[29]. При этом отмечалось, что «имеется больница на 12 кроватей»[30]. При всей совокупности недостатков устройства быта трудового персонала, его фактически юридическом бесправии, закреплённом в системе договоров о найме людей на работы с 1838 года с некоторыми дополнениями (в частности, утверждалось: «Рабочие на приисках должны быть в полном повиновении у нанявшего их хозяина или доверенного его приказчика, хотя бы и не было между ними формального явочного договора; не причинять ему ущерба и воздерживаться от буйства, разврата и особенно преступлений»[31]), неудивительно, что такие договоры представляли собой широкое поле для произвола приисковой администрации. Кроме того, нередкими были случаи и хищения золота, а также побеги рабочих. Последнее особенно беспокоило золотопромышленников. Весь непосредственный наём основной массы пролетариев происходил в Енисейске и Енисейском округе, уже традиционно являвшимися главными источниками живой силы. Сам Енисейск, как метрополия Южной и Северной систем тайги, являлся ещё и местом вербовки служащих приисковых администраций. Если посмотреть на статистику побегов рабочих с приисков конца девятнадцатого столетия, то окажется, что больше всего их бежало с приисков компании Матониных, а также с приисков Л. Мильштейна и В. П. Захарова. Порой побеги носили массовый характер, когда из нанятой партии в триста рабочих бежало от восьмидесяти до ста тридцати человек. С приисков В. И. Базилевского, В. А. Ратькова-Рожнова и И. Д. Черемных бежали меньше. В первую очередь это было обусловлено всё же лучшим содержанием, а главное — растущей зарплатой. Так, если в 1894 году на оплату труда компанией потрачено 35 тысяч 650 рублей, то в 1895 году она составила уже 55 тысяч 072 рубля, а в 1896 году — 63 тысячи 677 рублей при относительно стабильной численности персонала[32]. На тот исторический отрезок времени значительная часть приисков разрабатывалась не самими владельцами, а сдавалась в аренду. По некоторым данным, на конец века только тридцать восемь процентов работ из общего массива добычи проводилось самими хозяевами[33].

Понимая причину своих неудач, которая крылась и в отсутствии специалистов горной промышленности, Иван Дмитриевич выходит в городской Думе с предложением об открытии реального училища без дорогостоящего оборудования, развивая мысль о том, что «даже высшее горное училище не поднимет упадающую золотопромышленность, потому что ещё не найдено средства создавать золото там, где его нет»[34], тем более случай

27. *Кытманов А. И.* Ук. соч. Машинопись. С. 639.
28. «Сибирский вестник» // 1889.
29. *Лаговский А.* Опыт добычи и обработки жильного золота в Енисейском округе. С.-Петербург, 1889. С. 138.
30. Там же. С. 139.
31. *Рассели Ф.* Материалы. Сведенья о частном золотом промысле в России. С.-Петербург, 1863. С. 77.
32. *Лаговский А.* Ук. соч. С. 154.
33. *Кулибин В.* Наша золотопромышленность. Рабочий вопрос // Вестник золотопромышленности, 1894. С. 21.
34. *Кытманов А. И.* Ук. соч. Машинопись. С. 654.

представился удачный: в 1891 году встал вопрос о преобразовании Енисейской прогимназии в гимназию. Ему возражал Н. В. Скорняков, настаивавший на открытии хотя бы низшей горнозаводской школы. Он подчёркивал, что это заведение будет доступно для малоимущих слоёв города и послужит улучшению промышленности и благосостояния края. Строго говоря, Никита Виссарионович был прав. В конце девятнадцатого века Енисейск переживал влияние общероссийской модернизации: строительство телеграфных линий, портовых сооружений и рыбопромышленных пунктов требовало специалистов, которых можно было «вырастить» в здешней среде. Не зря А. И. Кытманов писал: «Для развития рыбопромышленности нам нужно более образованных капиталистов, способных образовывать товарищества, акционерные общества для поиска золота, развития торговли, пароходства и прочее»[35].

Пока шли споры, И. Д. Черемных предпринял очередной шаг к развитию собственной судоходной линии, на которой, правда, работали один небольшой пароходик «Сибирячка» и несколько деревянных барж. Но здесь нашему герою фатально не везло. Ещё в 1889 году он обратил своё внимание на залежи графита в Туруханском крае. В 1891 году им было добыто несколько десятков тысяч пудов по реке Троицкая Тунгуска (сегодня Нижняя Тунгуска), судоходство по которой традиционно осложнено системой порогов и водоворотов. Весь груз было решено сплавить на нескольких баржах, но переход оказался неудачным: баржа потерпела катастрофу, и за борт отправилось до семи тысяч пудов графита. Эти баржи потом были проданы и очень пригодились при разгрузке привезённых из Англии рельсов. Иван Дмитриевич пытался отправить в эту страну приготовленный груз — восемнадцать тысяч пудов графита и пилёный лес, но из-за бури сделка сорвалась. Не ограничиваясь графитом и лесом и предвидя заинтересованность Великобритании в сибирских ресурсах, особенно в слюде, предприимчивый купец решает организовать её добычу, отправив своего приказчика Азанчевского с разведывательной партией на приток Ангары — реку Тасееву, которая ещё с семнадцатого века была известна своими месторождениями этого минерала. Чем закончилось данное предприятие, сегодня сказать сложно. Тогда же на Фатьянихе, помимо добычи графита, партиями были обнаружены месторождения каменного угля, образцы которого были доставлены доверенному Черемных — Галанину[36]. С 1891 года правительство Российской империи занималось воплощением в жизнь проекта Транссибирской железнодорожной магистрали. В свете большой стройки на внутренние речные пути возлагались большие надежды в плане доставки строительных материалов. В 1893 году на средства Комитета Сибирской железной дороги из Великобритании на Енисей была организована экспедиция под руководством лейтенанта Л. Ф. Добротворского. В ней приняли участие и русские корабли под военным флагом: «Лейтенант Овцын», «Лейтенант Малыгин» и паровая шхуна «Лейтенант Скуратов». Эти суда встречал речной конвой, состоявший из парохода «Граф Игнатьев» с тремя баржами и парохода «Бард» при трёх баржах И. Д. Черемных. Начался шторм, в результате которого две баржи с грузом рельсов оказались выброшенными на берег.

Общественная жизнь Енисейска также не отпускала Ивана Дмитриевича, хотя он бóльшую часть времени проводил на приисковых резиденциях. Ещё в 1888 году он и его супруга вступили в почётное членство Совета Общества попечения о начальном образовании, организованного по инициативе тогдашнего городского головы Н. Н. Дементьева, внося суммы на поддержание развития системы учебных заведений города. В 1892 году пришло тревожное известие: из соседних районов приближалась эпидемия холеры. Местные общественники предприняли ряд мер для улучшения санитарной обстановки улиц и домовладений. И. Д. Черемных и ещё несколько гласных городской Думы выдвигают предложение о закрытии береговых кабаков, издавна служивших пристанищем криминальных элементов Енисейска. Однако Думе было невыгодно закрывать данные заведения, которые служили источником дохода, и кабаки остались на прежних местах. Эпидемия миновала Енисейск, а администрация получила бесценный опыт в оперативной уборке кварталов. В том же году в печати состоялись очередные баталии о ситуации на приисках, на этот раз между Иваном Дмитриевичем и корреспондентом «Восточного обозрения» В. Крутовским. Золотопромышленник раскритиковал его статью, посвящённую положению рабочих. В ответной заметке Крутовский советовал «пускаться на другой раз в критику более осмотрительно, ознакомившись подробнее с предметом критики, и если последняя, как это вышло в последнем случае, недоступна для Черемных по своему специальному характеру, то лучше ограничиться молчанием, а не браться за перо и не ставить себя в смешное положение»[37]. Вообще, 1892 год оказался для приискового отшельника Черемных плодотворным. В Красноярске состоялась первая сельскохозяйственная и промышленная выставка. Правда, А. И. Кытманов был не в восторге от возможностей Енисейского округа на этом мероприятии, лишь скупо осветив событие

35. Там же. С. 654.
36. *Хейн И.* Дневник поездки с Н.В. Асташевым в Туруханский край. С. 9.
37. «Восточное обозрение» // 1892.

в своей «Летописи…»: «Участие Енисейска и его округа на первой сельскохозяйственной выставке было ничтожно, если не считать коллекции музея и предметов любителей»[38]. Примечательно, но среди этих «любителей» оказался и наш купец, получивший Похвальный отзыв за демонстрируемую большую тыкву с собственного огорода.

Но не станем забывать о золоте, добыча которого являлась настоящей страстью для нашего героя. Ещё четвёртого октября (по старому стилю) 1888 года он заявил свидетельство на два прииска: Ильинский и Счастливый. Был заявлен никогда не работавший рудник «Поднебесный». Шла дополнительная разведка на Иеремеевском и Покровском приисках, которые он принял уже разработанными от предыдущих владельцев—золотопромышленников Родственных, Цибульских и компании Иваницкого. Иеремеевский же арендовался Черемных на паях с мещанином Д. Ф. Секистовым и генерал-майором А. Л. Шанявским[39]. Казалось бы, после трёх владельцев перспективность этих приисков была более чем скромной, но у Ивана Дмитриевича был свой взгляд на предстоящее дело. За операции 1894 года, а в последующем—уже наследниками Черемных в 1895–1896 годах, было пробито сто девяносто четыре шурфа, часть из которых ввиду выхода подземных вод оказалась затопленной[40]. В этот период времени золотопромышленники предпочитали не покупать, а арендовать прииски, владельцы же часто сами отказывались от работ на принадлежащих им территориях, предпочитая жить рентой. На этот рынок приходят казённые компании из Европейской России, а также иностранные предприниматели. Иван Дмитриевич приобретает себе компаньона—енисейского мещанина Герасима Фёдоровича Лазичева, который впоследствии станет его душеприказчиком. На Иеремеевском прииске И. Д. Черемных не добьётся особых успехов, и он будет продан в 1899 году наследниками мариинским и красноярским купцам Савельевым. Здесь важно подчеркнуть, что частную золотопромышленность, помимо приводимых выше причин, сдерживал фактор высокого налогообложения со стороны государства, который «всецело и исключительно ложится на производителя, и никакая правительственная мера не может оградить его от разорения»[41]. Но «упорный» золотоискатель продолжал пытать счастья, арендуя новые участки. Так, были арендованы Покровский, Афанасьевский и Александровский прииски. Последний разрабатывался при участии старых компаньонов В. И. Базилевского и В. А. Ратькова-Рожнова[42]. В 1893 году его поисковые партии били шурфы на руднике «Мария-Яковлевский». Тогда же он преподносит Енисейскому общественному музею очередной дар—«Альбом с видами приисков и рудников товарищества Базилевского и Ратькова-Рожнова» с собственным автографом. Альбом и сегодня хранится в музейных фондах.

К 1894 году в арендном владении нашего героя имелось десять рудников, некоторые из которых носили любопытные названия: «Золотая заноза», «Эйфель», «Золотой бугорок» и «Горный дух». Тогда работы на этих месторождениях жильного золота были признаны самыми значительными после работ компании Асташевых[43]. Однако поиск новых месторождений в начале 1890-х годов осуществлялся всё труднее. Известно, что некоторые прииски выделялись не столько содержанием золота, сколько примечательными и даже экзотическими названиями. Некоторые из них после отведения никогда не разрабатывались. Наш герой ещё в 1885 году заявил прииски «Обещающий» и «Забытый клад», но к их разработке так и не приступил. Инженер Ячевский хотел вызвать интерес к новым поискам среди предпринимателей Северной тайги. На частном совещании в присутствии Кытмановых, Востротиных, Черемных, Захарова и Харченко было решено создать общий капитал, получив от каждого по одной тысяче рублей для найма поисковых партий. К сожалению, эта инициатива осталась лишь замыслом.

К 1894 году Иван Дмитриевич Черемных, в связи с ухудшением дел, выбыл из первой купеческой гильдии Енисейска во вторую. Судя по всему, в первой гильдии он пробыл совсем недолго. Судьба типичная для многих енисейских предпринимателей того времени. В самом городе, тесно связанном с золотым промыслом и не располагавшем крупными производственными базами, наблюдалась общая стагнация. В городской казне даже не было денег на ежегодные ремонты казённых и общественных сооружений. Сохранившиеся документы городской управы ярко свидетельствуют о наступившем кризисе: «Для поддержания городских заведений от дальнейшего обветшания в течение всего года произведены были лишь самые ничтожные исправления, вызванные крайней необходимостью, на что израсходовано, как видно из отчёта, 420 руб.

38. *Кытманов А. И.* Ук. соч. Машинопись. С. 671.

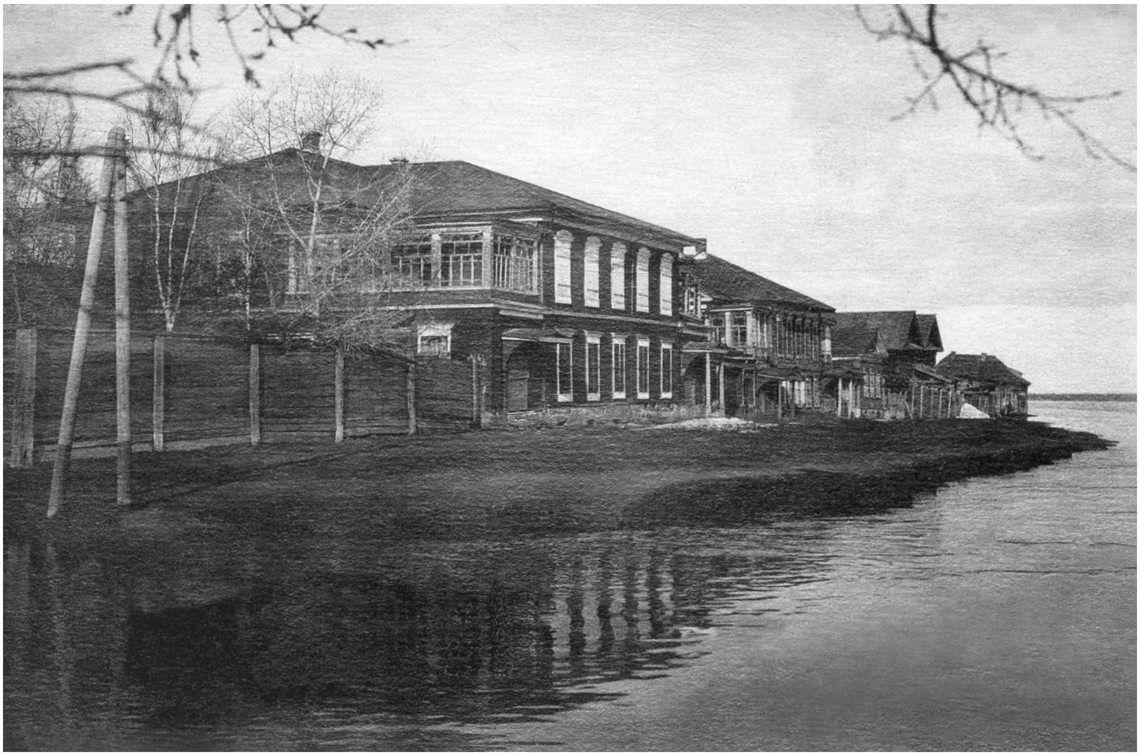
39. *Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И.* Ук. соч. С. 278.

40. *Лаговский А.* Ук. соч. С. 143.

41. Труды комитета по вопросам золотопромышленности. Сборник материалов. Выпуск первый. Иркутск, 1880. С. 17.

42. *Преловский П. И.* Образцы и формы прошений, заявок, договоров и других бумаг по золотопромышленным делам со включением законоположений, относящихся до золотого промысла. Иркутск, 1890. С. 332–333.43.

43. *Лаговский А.* Ук. соч. С. 407.



Вид на дом усадьбы Базилевских в Енисейске. Фото 1937 г.

32 коп.—сумма, которую тратит иной домовладелец на ремонт своей усадьбы»[44].

В 1894 году, двадцать восьмого апреля (по старому стилю—пятнадцатого апреля), Ивана Дмитриевича Черемных не стало. В газете «Енисейский листок» можно обнаружить следующий некролог, посвящённый ему: «В Енисейске скончался небезызвестный местный деятель Иван Дмитриевич Черемных, первый положивший основание рудной разработке золота в Енисейском округе на делах В.И. Базилевского и К. В то же время это был отзывчивый человек на всё хорошее, где, по мере сил своих, всегда принимал материальное участие, и мы уверены, что смерть этого доброго человека, как местного деятеля, будет чувствительна для Енисейска, и в особенности в золотопромышленном мире потеря эта будет ещё ощутимее»[45].

По его духовному завещанию, ликвидация всего дела должна была осуществиться через три года, причём все доходы должны были быть сформированы в единый капитал для обеспечения престарелых и увеченных рабочих. Однако после смерти И. Д. Черемных его душеприказчик Г. Ф. Лазичев в 1897 году передал Иеремеевский прииск бывшему компаньону—генералу А. Л. Шанявскому, а тот, как упоминалось выше, сдал его в аренду купцам Савельевым. Аренда для последних была весьма высокой—свыше шестисот золотых полуимпериалов (три тысячи рублей)[46]. Покровский прииск остался во владении наследников умершего золотопромышленника вместе со всеми хозяйственными постройками. Компания Базилевского и Ратькова-Рожнова продолжала действовать. Она упоминается в источниках за 1916 год, то есть в разгар Первой мировой войны. Что касается И. Д. Черемных, то, по данным городских приходов, ни в одном некрополе Енисейска он погребён не был. Скорее всего, следы его последнего пристанища нужно искать в метриках приисковых церквей.

Наследницей оставшегося капитала выступила молодая вдова (на момент смерти мужа ей было тридцать четыре года). В первое время жене даже удалось приумножить дело мужа, объявив (ещё при жизни Ивана Дмитриевича) прииск Васильевский, первым обладателем которого был И. П. Кытманов[47]. Кроме того, к ней отошёл прииск Аборигенный, который она успешно сдавала в аренду. Ранее её родителям—мещанам Глазковым—принадлежал деревянный дом на Сенном рынке. Теперь, в декабре 1899 года, ею была

44. Отчёты Енисейской городской управы. МКУ «Архив города Енисейска». Ф. 9. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.
45. «Енисейский листок» // 1894.
46. *Лаговский А.* Ук. соч. С. 155.
47. Описание к карте приисков, расположенных по системе рек Понимбы и Таврикуль с левой стороны реки Большой Пит. ЕКМ 3607. Л. 5.

приобретена усадьба на Большой улице (купчая от двадцать первого декабря по новому стилю). Кроме того, ещё в январе того же года, после четырёх лет вдовствования, Афанасия Савельевна вторично связала себя узами брака с начальником Енисейской пожарной команды подполковником Петром Филипповичем Михайловым. Венчание состоялось в Градо-Енисейском Богоявленском соборе. Судя по записям в Енисейской книге домовладений, приобретённая усадьба включала в себя целый комплекс построек: деревянный дом, амбар с навесом, флигель, баню и сарай[48]. Интересно, что от михайловского дома в конце 1890-х годов начиналась так называемая «антикабацкая зона», которая тянулась до каменного склада Поляковых (пересечение современных улиц Ленина и Бабкина).

Сам Пётр Филиппович происходил из красноярских мещан; окончив в дальнейшем юнкерское училище, стал офицером. Был переведён в Енисейск в 1892 году, дослужился до начальника местной войсковой команды, получив титул личного дворянина[49]. Также он служил преподавателем гимнастики в Енисейской мужской гимназии. Во время первой всеобщей переписи населения 1897 года являлся одним из счётчиков. Служил П. Ф. Михайлов исправно и, по словам М. П. Миндаровского, «пользовался симпатиями подчинённых ему по службе нижних чинов как человек мягкого характера и не корыстолюбец. Таким он и остался до конца своей жизни»[50]. Также он с 1905 по 1909 год служил гласным городской Думы. Уже в Енисейске Михайлов овдовел — его жена Александра Гавриловна скончалась в 1895 году. В семье осталось пять (по другим данным — трое) детей, и нужно отдать должное Афанасии Савельевне, теперь уже Михайловой, что она приняла и воспитала их как своих. Так сложилось, что ей было суждено пережить и второго мужа: подполковник Пётр Филиппович Михайлов скончался в сентябре 1909 года и был похоронен на Абалаковском кладбище. Захоронение не сохранилось. Афанасии Савельевне было суждено прожить долгую жизнь. В 1911 году она избирается председательницей возрождённого Общества попечения о начальном образовании в Енисейске, которое ранее было закрыто в связи с последствиями революционных событий 1905–1907 годов. В начале 1920-х годов советские национализации обошли стороной владения Михайловых. По выписке 1935 года она продолжала оставаться владелицей дома, возможно, занимая только какую-то его часть, так как к сегодняшнему дню здание претерпело внутреннюю перепланировку, получив статус многоквартирного дома. Интересно, что сам дом был застрахован как недвижимое имущество Енисейским филиалом Красноярского общества взаимного страхования от огня двадцать третьего мая 1917 года под №129 на сумму две тысячи рублей.

Подполковник П. Ф. Михайлов в составе счётчиков Первой всероссийской переписи населения 1897 г.

Завершая своё повествование о купце-золотопромышленнике Иване Дмитриевиче Черемных (двадцать восьмого апреля 2019 года исполняется сто двадцать пять лет со дня смерти), стоит сказать следующее: на протяжении всей своей жизни он показал себя как крайне неординарный и инициативный предприниматель. Перебравшись в енисейскую тайгу в числе первой волны золотопромышленников с Урала и выйдя из довольно большой когорты приисковых управляющих, он, благодаря своему природному уму и трудолюбию, смог подняться до вершины купеческой иерархии, войдя в ряды первогильдийцев. Вместе с тем крайне увлекающаяся натура нашего героя довольно часто бросала его из одной предпринимательской стихии в другую, что нередко приводило к краху некоторых проектов. Также нельзя отрицать факта серьёзной эксплуатации рабочих на приисках, принадлежавших его компании. При этом в сравнении с другими владельцами приисков условия труда и жизни, обусловленные стремлением нашего героя к техническому совершенствованию поиска золота и медицинскому обслуживанию рудников, здесь были всё же лучше. Нельзя также отрицать и участия его и Афанасии Савельевны в общественной жизни Енисейска. Иными словами, Иван Дмитриевич Черемных был метеором, стремительно пронёсшимся по небосклону истории добычи драгоценного металла в Енисейском округе второй половины девятнадцатого столетия.

48. Книга домовладений г. Енисейска 1856–1922 гг. МКУ «Архив города Енисейска». Ф. 9. Оп. 1. Д. 30. Л. 15.

49. *Пирогова Н. В.* Ук. соч. С. 32.

50. *Миндаровский М. П.* Мои записки и воспоминания 1891–1916 гг. Машинопись. С. 177.

Виталий Пшеничников

Встреча с юностью

Осматривая выставку художественных произведений молодых авторов в красноярском Доме искусств, Виталий увидел небольшую поясную скульптуру человека в фуражке и плаще, с простым русским лицом, в чертах которого угадывался волевой характер. Мелькнула мысль: «Я где-то видел этого человека». За прожитые годы перед глазами прошли тысячи лиц с их проблемами, радостями и горестями. Несколько минут он стоял перед скульптурой, но так и не смог вспомнить, когда и где произошла эта встреча. Подойдя ближе, прочёл на табличке: «Андрей Ефимович Бочкин…» Дальше читать не стал, в памяти всплыли события более чем сорокалетней давности, годы юности, поход на реку Бирюса, встречи с легендарным человеком, имя которого неразрывно связано со строительством самой крупной в мире Красноярской ГЭС и города Дивногорска, выросшего в таёжной глуши, на крутом берегу Енисея.

Четверо парней и две девушки, работавшие в сборочном цехе Красноярского машиностроительного завода — «Красмаша» — на сборке ракетных двигателей, решили сходить на таёжную реку Бирюса, надеясь побывать в пещере, осмотреть открытую археологами стоянку первобытного человека. При заполнении водохранилища пещера должна была уйти под воду, и они спешили. Высадившись из «Ракеты», домчавшей их на подводных крыльях от Красноярска до пристани города Дивногорска, взвалив на плечи увесистые рюкзаки, с запасом продуктов на три дня, туристы дошли до причала, сооружённого недалеко от строящейся плотины Красноярской ГЭС. Моста не было, попасть на левый берег Енисея можно было только на барже, которую толкал пришвартованный к ней теплоход. Подходя к пристани и переплывая Енисей, ребята во все глаза смотрели на устремившуюся к небу громадину бетонной плотины самой мощной в мире ГЭС, перекрывшую могучий Енисей. Им приходилось видеть стройку в журналах кинохроники, но так близко, с борта баржи, видели впервые. От правого берега вдоль плотины тянулось здание машинного отделения, сверкавшее на солнце огромными окнами. К нему от гребня плотины тянулись одетые в бетон трубы водоводов, по которым потечёт вода на лопатки установленных в машинном отделении турбин. Виталий мысленно сравнил их с исполинскими клавишами огромного пианино, поставленного вертикально. На гребне плотины продолжалась укладка бетона, работало множество строителей, стройка казалась большим муравейником. По натянутым с одного берега на другой толстым тросам кабель-кранов катались грузовые тележки, перевозившие над плотиной бадьи с бетоном, прутья арматурного железа, другие грузы. По команде оператора тележки останавливались в нужном месте, и груз опускался. На плотине работало несколько башенных кранов, везде сверкали огни электросварки, из стальных прутьев варилась паутина арматуры, вокруг неё ставили щиты опалубки. Из огромных бадей, прибывающих по тросам кабель-кранов, рабочие сливали жидкий бетон, уплотняя его вибраторами.

Могучий поток Енисея, одной из величайших рек планеты, встретив бетонную преграду, устремлялся к левому берегу.

С рёвом, в клочьях тёмной пены огромных водоворотов, поток воды со скоростью курьерского поезда проносился через огромную гребёнку из бетона. Ребятам казалось, что через мгновение ревущие потоки смоют бетонные быки сливных шлюзов, задерживающих их стремительный бег, захлестнут, словно пушинку, и утопят проплывающую рядом с плотиной баржу вместе с теплоходом. Ступив на твердь левого берега, ребята вздохнули с облегчением. Но здесь их ждало разочарование: узнали, что из-за подъёма воды в водохранилище затоплены дороги на Бирюсу, проходившие по пойме Енисея.

После короткого совещания решили идти по берегу заполнявшегося водохранилища. Обходя залив, образовавшийся на месте впадения речки Шумиха, глубоко вдающийся в берег, поняли, что это невозможно, обход заливов займёт много времени и сил. После короткого совещания Валентин предложил:

— Пойдём по азимуту через тайгу, по берегу Бирюсы выйдем к Енисею, так сократим путь.

Под мрачными сводами деревьев невозможно было сориентироваться, в какую сторону идти. Доверяясь только стрелке компаса, отряд упрямо двигался вперёд, продираясь через заросли кустов, ломая кипрей и обходя завалы валежника.

Над тайгой висело удушливое июльское марево, наполненное запахами цветущего кипрея, таёжных трав, хвои, влажного мха и растаявшей от жары, стекающей по стволам деревьев смолы.

В воздухе, заглушая другие звуки, стоял звон тысяч крыльев таёжных кровососов — комаров, мошки, и мокреца, облаками висевших над головами путешественников, безжалостно жаливших до крови во все оголённые места. Никто из туристов не был на Бирюсе, не знал, в каком из распадков она протекает к Енисею, правильно ли они едут, но все были уверены, что непременно на неё выйдут.

Солнце перевалило далеко за полдень, когда Виталий, идущий впереди растянувшихся цепочкой друзей, запнувшись о корень, потянул мышцы на ноге. Каждый шаг давался с трудом, боль была невыносимой. Сжав зубы, хромая, он продолжал путь. Выйдя на гребень очередного горного кряжа, парень сел на мох, прислонив рюкзак к дереву. Когда подошли друзья, сказал:

— Если в распадке не Бирюса, пойду на берег водохранилища, как-нибудь доберусь до плотины! Дальше идти не могу, сил нет, колено болит, нога немеет.

— Кончай дурака валять! Кто тебя в тайге оставит? Вместе выходить будем! — безапелляционно заявил Дмитрий.

Спуск в долину по густой тайге казался бесконечным. Преодолевая боль, Виталий шёл первым, проламываясь через заросли кустов, обходя упавшие деревья. От боли и усталости наступило состояние ступора, его ничего не волновало, надо было двигаться вперёд, и, превозмогая боль, он шёл.

Углубившись в заросли пихтового подлеска, погрузился в полумрак — так густо росли молодые деревья, ветвями заслонившие солнце. Продираясь через заросли, закрыл глаза, опасаясь ударов ветвями. Сделав несколько шагов, остановился. Открыв глаза, невольно зажмурился от яркого солнечного света, лившегося с небес. Перед ним лежал луг, залитый солнцем, покрытый изумрудно-зелёной травой, синими колокольчиками и разноцветными цветами саранки. Под противоположной горой змеилась река с пологими берегами, катившая по разноцветным камешкам кристально чистые воды.

Он застыл от изумления, лишился дара речи, сражённый резкой сменой сумерек мрачной тайги на солнечный берег. Несколько минут стоял, любуясь буйной красотой травы, цветов и солнечных бликов на речных перекатах. Созерцание прервал голос подошедшего сзади Валентина:

— Чего стоишь? Проходи!

Парень шагнул в сказку, обернулся на голос приятеля. Он увидел удивлённое лицо друга, вынырнувшего на свет Божий из таёжной чащи.

Придя в себя, Валентин крикнул:

— Ребята! Прибавьте шаг! Мы пришли, это Бирюса!

Виталий облегчённо вздохнул: «Слава Богу, дошёл! Не думал добраться до реки с больной ногой!» Сбросив рюкзак, в пропитанной пóтом, облепленной паутиной одежде, сделав несколько шагов от берега, плашмя упал в воду. Тёплые ласковые струи таёжной реки подхватили его. Чтобы не унесла вода, ухватился за скользкий камень.

После длительного перехода усталое тело, погрузившись в прогретую солнцем кристально чистую воду, млело от удовольствия. Весело журча, вода ласково омывала его, унося пот, грязь, усталость. От счастья и прилива сил хотелось петь, казалось, что не было изнурительного многочасового пути, туч таёжного гнуса, непроходимых зарослей кустов, таёжной травы — кипрея, завалов бурелома, боли в ноге и смертельной усталости. Все горести перехода уносились ласковыми струями таёжной реки.

Перевернувшись на спину, не отпуская камень, крикнул:

— Прыгайте в воду! Это кайф!

Через минуту парни и девушки, не снимая одежды, поднимая тучи брызг, купались в ласковых тёплых водах реки, радуясь окончанию трудного перехода по нехоженой тайге.

Накупавшись, туристы перешли вброд неглубокую речку, увидели петлявшую по траве просёлочную дорогу, скрывавшуюся за ближайшим мысом.

— Это Бирюса! Дорога идёт из посёлка к Енисею, — сказал Валентин, снимая рюкзак.

— А ты откуда знаешь? Завёл нас в таёжные дебри. Как будем домой выходить? Неужели опять по тайге? — с тревогой спросила Марина.

— Как пришли, так и выходить будем, через тайгу и горы! — подмигнув ребятам, серьёзно сказал Дмитрий.

— Я не смогу! Устала, с ног валюсь, — чуть не плача, взмолилась девушка.

— Не грусти, Мариночка, я тоже не пойду! Вдвоём останемся, отдохнём, палатка и котелок есть, будем жить на берегу, ловить рыбу, пока нас не найдут и не вывезут! — сохраняя серьёзное выражение лица, едва сдерживая смех, подыграл приятелю Виталий.

Увидев заблестевшие на глазах девушки слёзы, Валентин заступился:

— Успокойся! Выйдем на берег Енисея, навалим сухостойных деревьев, свяжем плот и доплывём до плотины.

Ребята быстро развели костёр, девушки приготовили нехитрый обед: сварили из брикета кашу, заварили чай. Проголодавшиеся туристы с ложками расселись вокруг котелка. За обедом увидели, что к костру подходит молодой человек с молотком на длинной ручке. Поздоровавшись, удивлённо спросил:

— Ребята! Кто вы? Дороги залила вода! Откуда здесь взялись?

— Туристы из Красноярска. От плотины пришли по азимуту, через тайгу! — с гордостью ответил Дмитрий.

— По компасу?! Без тропы по тайге прошли более двадцати километров?! Для чего? — удивление и недоверие звучали в словах геолога.
— Таёжная романтика, будет что вспомнить! — гордо ответил Валентин.
— А это Бирюса? — поинтересовался Виталий.
— Это Бирюса! А что, никто из вас здесь не был? — удивился ещё больше геолог.
— Никто не ходил на Бирюсу, пришли посмотреть пещеры на устье, — ответил Дмитрий.
— Отчаянные ребята. Кругом на сотни километров непроходимая тайга, бывалые таёжники неделями блудят! Вы ради романтики рискуете жизнями!
— Как видишь, все живы-здоровы. А сколько километров до устья? — спросил Дмитрий.
— Километров одиннадцать, не больше. Счастливого пути, я тороплюсь! — собрался уходить геолог.
— Садись к костру, выпей кружку чая! — пригласил Валентин.
— Спасибо, ребята! Спешу! Ведём изыскания для будущей автомобильной дороги. До свиданья! — отказался гость, забрасывая молоток на плечо.

Отдыхая после обеда, ребята и девушки купались, загорали на прогретом солнцем берегу. Валентин пошёл по дороге к ближайшему мысу, за которым скрывалась река. Вернулся обрадованным:
— За поворотом у берега два штабеля брёвен лежат. Думаю, из них можно связать плот.

Находка всех обрадовала: не придётся шагать более десятка километров, на берегу Енисея искать сухостойные деревья, валить и распиливать двуручной пилой для постройки плота, махать топором. Туристы были готовы и к этому, у них были двуручная пила, острый топор и два тонких стальных троса длиной по тридцать метров. Этими тросами они вязали плоты, сплавляясь от посёлка Береть до устья таёжной реки Мана. Приставая к берегу, ловили рыбу, особенно хорошо клевал усатый пескарь. Положив на плот большой плоский камень, продолжая плавание, разводили костёр, варили уху, жарили пескарей, купались, загорали, отдыхая в свободное от работы время.
— По такой воде по Бирюсе на одном плоту не проплывём, осадка большая, сядет на камни — придётся в воде разбирать! — посмотрев на тонкие брёвна, сложенные на берегу, сказал Дмитрий.
— У нас два троса, давайте свяжем два плота, осадка будет меньше, и легче перетаскивать через камни, — предложил Валентин.

Парни одобрили его предложение. Вскоре были связаны два небольших плота. На одном сделали грузовую площадку для рюкзаков, чтобы не замочить рюкзаки с продуктами во время сплава. На нём плыли Валентин и Виталий, отталкивая шестами плот от камней. Но это не всегда помогало, течение наносило плот на торчавшие со дна камни. Тогда ребята прыгали в воду, приподнимая плот, перетаскивали через камни и продолжали плаванье. На другом плоту плыли их друзья — двое парней и две девушки, так же преодолевая встречные камни, перетаскивая плот с девушками.

Неожиданно плоты замедлили движение, берега реки раздвинулись, исчезло дно, прозрачная вода потемнела.
— Что случилось? Почему плот остановился? — удивлённо спросил стоявший на носу с шестом в руках Виталий, оглядываясь на Валентина, стоявшего на корме плота.
— Скорее всего, мы доплыли до водохранилища, — рассмеялся друг.
— Пройдоха этот геолог! Дольше плоты вязали, чем плыли! — возмутился парень.
— Кончай злиться! На этих плотах завтра поплывём по Енисею до плотины! Он нам помог! Деревья сухостойные не надо валить! — рассмеялся Дмитрий.
— Куда собрался плыть? Посмотри на воду! Течения в водохранилище нет! Придётся домой выходить по тайге! — остудил товарища Валентин.

Подгребая шестами, подогнали плоты к берегу у большого костра, вокруг которого сидели парни и девушки, с интересом смотревшие в их сторону. Сойдя на берег, подошли к костру, быстро познакомились. Они оказалось туристами из Дивногорска, рассказали, что в больших палатках, стоящих на берегу, живут археологи, изучающие стоянку первобытного человека, открытую в Бирюсинской пещере.
— Как собираетесь выходить к плотине? — спросил Дмитрий.
— Придётся завтра возвращаться через тайгу обратным следом. Садитесь к нашему костру, обсудим, вечер длинный, — предложил Евгений, турист из Дивногорска.

Ребята разместились у костра, достали из рюкзаков продукты, девушки приготовили нехитрый ужин. Парни запаслись для похода бутылкой спирта-ректификата. Дмитрий обратился к новым знакомым:
— Ребята, подставляйте кружки.

От нескольких глотков обжигающей жидкости по усталому телу разливалось приятное тепло. Глядя на сказочную пляску языков огня на дровах костра, парни и девушки, не думая, что завтра предстоит изнурительный путь по тайге, заполненной полчищами гнуса, пели о любви, неустроенном быте туристов, нелёгких таёжных тропах, оставшихся дома любимых. Спать легли далеко за полночь, палаток не ставили, заползли под брезент, укрывшись от ночной росы.

Утром рассмотрели торчавшие из воды вершины деревьев, громады скал, в которых находились Бирюсинские пещеры. Отдельными островами они возвышались над гладью заполняемого водохранилища, метрах в трёхстах от берега.

Они поняли, что их желаниям не суждено сбыться, вода превратила скалы в острова. Разожгли

костёр, приготовили завтрак. Проснулся и лагерь археологов, застучал движок, вырабатывающий электричество. В это время раздался крик:

— Теплоход плывёт!

Все повернулись в сторону скал. Ребята с удивлением смотрели на проскользнувший между скал небольшой красивый теплоход, направлявшийся к берегу.

Увидев его, Виталий вспомнил, что мальчишкой вместе с друзьями бегал смотреть такой же, приставший к берегу Енисея. Его носовая часть была закрыта палубой, под ней находилась каюта, в ней по бортам стояли диваны, обтянутые красной кожей. Над палубой возвышалась ходовая рубка, на корме была небольшая открытая палуба, на которой стояли деревянные диваны. На рубке красовалась латунная пластина с отлитой надписью, что эксплуатация теплохода допускается в шторм не более трёх баллов. Ребятишки между собой назвали теплоход «Адмиральским».

Забыв о завтраке, утреннем чае, парни и девушки вышли на берег, любуясь приближающимся судном, рассекающим острым форштевнем зеркальную гладь воды. Теплоход мягко уткнулся носом в берег. На палубе появился молодой матрос в тельняшке, негромко крикнул:

— Ребята, примите трап!

Парни уложили его на берег. Первым сошёл мужчина в тёмном кителе с двумя рядами латунных пуговиц, в фуражке с высокой тульей, увенчанной кокардой. Все догадались, что это капитан. Проверив, хорошо ли лежит трап, он сказал:

— Андрей Ефимович! Можно выходить, трап на грунте.

Из каюты вышел коренастый, широкоплечий, плотного сложения мужчина, среднего роста, в светлой фуражке и светлом костюме. Осмотревшись, не спеша сошёл на берег. Туристы из Дивногорска дружно поздоровались с ним. Следом из каюты вышли несколько мужчин и женщин, с любопытством разглядывавших берег, лагерь археологов, горевший костёр, туристов, сгрудившихся на берегу.

— Кто это? — удивлённо спросил Дмитрий.

— Андрей Ефимович Бочкин приплыл! Директор строительства Красноярской гэс! — ответил Евгений.

Виталька и его друзья во все глаза смотрели на легендарного человека, руководившего грандиозным строительством самой крупной в мире плотины гидроэлектростанции и города Дивногорска.

Бочкин в сопровождении капитана прошёл в лагерь археологов.

Туристы из Дивногорска посовещались, и Евгений предложил:

— Ребята! Давайте попросимся на теплоход — может быть, возьмут до плотины!

— Попытка не пытка. Вы представьтесь строителями гэс, вас не должны бросить в тайге! Мы рядом будем, может быть, и нам повезёт! — одобрил Валентин.

Слушая их разговор, Виталька без всякой надежды подумал: «Не возьмёт! Кто мы для него? Таёжные бродяги! Трудно мне придётся тащиться по тайге с больной ногой два десятка километров!»

Сгрудившись у трапа, переговариваясь, ребята ждали возвращения высокого гостя, вернее, хозяина здешних мест, в душе надеясь на чудо. Из лагеря археологов Бочкина и капитана провожала женщина в брезентовой штормовке, на ходу дававшая пояснения.

Евгений, возглавлявший дивногорских туристов, ещё раз поздоровавшись, робко спросил:

— Андрей Ефимович! Не могли бы вы взять нас на теплоход до плотины?

Бочкин вопросительно посмотрел на женщину, полагая, очевидно, что перед ним археологи, но та пожала плечами.

Повернув голову, удивлённо спросил:

— Кто вы, ребята? Как попали сюда? Все дороги затоплены!

— Мы из Дивногорска, работаем на строительстве гэс, в свободное время увлекаемся туризмом, пришли на Бирюсу через тайгу.

— Не могу понять, для чего вы два десятка километров без дороги шли по тайге? — удивился Бочкин.

— Хотели посмотреть Бирюсинские пещеры, стоянку первобытного человека, но скалы окружены водой, нам не повезло. Подвезите нас до плотины, — попросилась одна из девушек.

— Вы все из Дивногорска? — неожиданно спросил капитан.

Ребята переглянулись, и Дмитрий возразил:

— Нет, мы из Красноярска, работаем на «Красмаше».

— Из Красноярска?! А вас как сюда занесло? — ещё больше удивился Бочкин.

— Романтика походов по родному краю! — улыбнулся Дмитрий, и все рассмеялись.

— Сколько вас, романтиков? — сквозь смех спросил директор.

— Десять человек! — ответил Евгений.

Капитан замахал руками:

— Теплоход перегружен! Не дай Бог волнение начнётся — утонем! Никого не возьму! Ни одного человека!

— Возьмите хотя бы девушек, они измотаны переходом! Увезут наши рюкзаки, нам легче будет выходить по тайге, — робко попросился Евгений.

— Я вам русским языком сказал: судно перегружено, никого не возьму! — отрезал капитан.

— Ты не прав! Ребята попали в трудное положение, надо взять! — остановил его Бочкин.

— Ничем не могу помочь! На судне нет места! Меня судовая инспекция лишит прав управления

теплоходом! Никого не возьму, двойная загрузка! Не дай Бог заштормит — пойдём ко дну! — продолжал настаивать капитан.

Его вновь прервал Бочкин, остановившись на палубе:

— Успокойся! Пока я рядом, никто и пальцем не тронет! Серьёзные ребята, рабочий класс, романтики, надо помочь. Мы с гостями из Москвы потеснимся в носовой каюте, а ребята сядут на свободные места открытой палубы! Никуда не уходите, сплаваем на Бирюсинскую пещеру, покажу гостям стоянку первобытного человека, на обратном пути возьмём вас! — сказал Бочкин, исчезая в носовой каюте.

Обречённо махнув рукой, капитан последним поднялся на борт, обрадованные туристы забросили трап на палубу. Отработав задним ходом, теплоход отошёл от берега, развернулся и полным ходом направился к торчавшим из воды скалам.

Туристы, поражённые согласием Бочкина, словно загипнотизированные смотрели вслед уплывающему теплоходу. Неожиданно одна из девушек крикнула:

— Ура!

Парни, очнувшись от потрясения, её поддержали. Над затопленной тайгой, возвышающимися над водой скалами пронеслось дружное:

— Ур-ра-а-а!!!

Наскоро позавтракав, собрав палатки, уложив рюкзаки, туристы с нетерпением ждали возвращения теплохода, гадая про себя, не передумает ли этот великий человек взять на борт незнакомых таёжных бродяг, не отговорит ли его капитан.

Медленно тянулось время. Всем казалось, что Бочкин уже забыл про них и не вернётся. Надежда таяла с каждой минутой, но ребята боялись сказать об этом, изредка бросая взгляды на скалы среди воды. Неожиданно раздался крик:

— Он плывёт! Плывёт!!!

Не сговариваясь, все обернулись к водохранилищу. Из-за прибрежной скалы показался нос теплохода, от которого разбегались усы разрезаемой воды. Несколько секунд стояла тишина, разразившаяся невиданным весельем. Туристы, прыгая от восторга, громко кричали:

— Ур-р-ра-а-а!!!!

Матрос спустил трап. Дождавшись, когда на берег сойдёт женщина-археолог, туристы столпились у трапа, возле которого стоял капитан.

— Беру по количеству посадочных мест! Первыми поднимаются на борт девушки! — скомандовал капитан.

— Ещё два места свободны, проходят ребята из Дивногорска! — вновь скомандовал капитан.

На берегу остались Виталий с друзьями, четверо туристов из Красноярска, держа в руках рюкзаки. Они видели, что открытая палуба переполнена. Там сидели несколько гостей Бочкина, туристы из Дивногорска и две девушки из их компании.

— Всё! Больше никого не возьму! Нет места! Матрос, поднять трап! — приказал капитан.

Но его остановил Бочкин:

— Прекрати! Нельзя бросать парней в тайге, разлучать с девчонками! Ребята станут по бортам и будут держаться за леера! Вы согласны? — обратился он к обрадованным его решением туристам.

Но капитан опередил их ответ:

— Я не могу везти людей на бортах, за леерами! Меня лишат права вождения теплоходом! Это грубое нарушение правил судовождения и безопасности! Мы с таким перегрузом утонем!

— Успокойся! Всю ответственность беру на себя! Поднимайтесь, ребята, рюкзаки передайте девушкам, сами становитесь по бортам за леерами! — скомандовал Бочкин.

Боясь, что капитан может отказаться взять их, через пару секунд стояли на бортах, придерживаясь за тонкие тросы лееров.

Обречённо махнув рукой, капитан приказал:

— Матрос! Поднять трап!

Перегруженный теплоход, осевший в воду гораздо ниже ватерлинии, обвешанный стоящими на бортах ребятами, постукивая мотором, скользил по глади рождающегося Красноярского водохранилища. Каждого из стоявших по бортам и сидевших на палубе туристов, смотревших на проплывающие берега заполняемого водохранилища, тайгу, подступающую к самой воде, вершины затопленных деревьев, торчавшие из воды, переполняло чувство благодарности к человеку, руководившему многотысячным коллективом строителей. Ему ежедневно приходилось решать сотни вопросов, связанных со строительством среди дремучей тайги самой большой в мире гидростанции и города. Каждый с благодарностью думал о том, что Бочкин оказался отзывчивым человеком, готовым помочь таёжным бродягам в ущерб собственной безопасности.

Теплоход обогнул далеко выступающий береговой мыс, и все увидели бетонную плотину, перекрывшую могучий Енисей, сверкающую огнями электросварки в ранних сумерках.

Когда теплоход причалил у правого берега, рядом с плотиной, был отдан трап, парни и девушки дружно благодарили проходившего по палубе в сопровождении капитана доброго и отзывчивого человека — Андрея Ефимовича Бочкина.

Прошло более сорока лет, но Виталий, глядя на бюст замечательного человека, выполненный рукой молодого, но умелого скульптора, чувствовал себя так, словно вновь встретил живого Бочкина.

Это было свидание с туристской юностью, походами, ночёвками у костра, романтикой тайги, новыми знакомствами, память о которых будет ещё долго жить в душе благодаря немногим любительским фотографиям.

Юрий Беликов, о. Игорь Ануфриев

Подошла бы Моцарту сутана?

В иные времена эти две вещи были для меня несовместны. Как в памятном пушкинском определении про «гений и злодейство». Мне представлялось, что если, к примеру, человек значился вчера замзавотделом обкома КПСС, а сегодня стал заведовать монастырским хозяйством,—это по меньшей мере сомнительное назначение, ежели не карикатура.

Но шли годы, десятилетия, и чем больше они относили вашего покорного слугу и Отечество наше от исторической смены вех, тем меньше зиял зазор между той кричащей несовместностью. В конце концов он превратился в игольное ушко, в которое может протиснуться библейский верблюд.

И когда я нынче встречаю на улицах этого сгорбившегося, сивобородого, будто миновавшего не одну пустыню человека, пусть не отмеченного преображением, но уж точно перерождённого, мне он давно не кажется ходячим укором. И хоть одаривает новоявленных рясоносцев мой верный товарищ, внук священника и стихотворец народных низов Николай Андриевский, убийственными мазками: «…а то павлиньи распушили ризы»,—я спрашиваю его, себя и окружающих: «А Савл, ставший апостолом Павлом?»

И пусть сравнение хромает, но ведь Савл-то нас не шокирует. Мы даже исполнены к нему заведомым придыханием. И если уж Савл, то отчего бы не былой обкомовский функционер?.. И вообще, забудь про обкомы. Ну их.

Другое дело—Игорь. Или правильней—отец Игорь. Из композиторов—в протоиереи. Это как-то хорошо. Это близко. Это не просто музыкально, а даже симфонично. Нырнул композитором—вынырнул настоятелем храма святомученика Георгия Победоносца. Что подвигло? Зов Божий. Ну да—ответ общий, один на всех: что для функционера, то и для композитора,—но существует ведь и разница.

Однажды я уговорил принять обряд крещения маявшуюся от душевных метаний почтенную даму, некогда возглавлявшую литдраму на местном телевидении. К потускневшему функционеру, прими тот подобающий сан, она бы на сей счёт обратиться не соблаговолила. Но знавшая Игоря Ануфриева как автора симфонии «Звоны и песнопения», исполненной оркестром Пермского академического театра оперы и балета, а также музыкально-драматического цикла для сопрано, чтецов и мужского вокального квартета «Стихи Чердыни Великой», не преминула ответить: «А вот к отцу (тут она слегка споткнулась) Игорю пошла бы…»

—Отец Игорь, по большому счёту любое творчество—крест. И в этом смысле нет серьёзного противоречия между несением этого креста писателем, художником или композитором и долгом священнослужителя. Противоречие может заключаться в жизненном укладе и мирском поведении. А крестные муки могут быть схожими. И вот, словно в подтверждение этой мысли о схожести несения креста, за последнее время, особенно—на сломе веков и в том, что ему предшествовало, заметное число деятелей отечественной культуры не просто придвинулось к храму, но в прямом смысле в него влилось. Только навскидку: прозаик Ярослав Шипов служит на Патриаршем подворье в Зарядье и в храме Василия Блаженного; поэт Константин Кравцов—в московской церкви Благовещения Богородицы; некогда популярный литературный критик «огоньковской» плеяды Владимир Вигилянский—настоятель храма святой мученицы Татианы при МГУ; известная киноактриса Екатерина Васильева—казначей храма Софии Премудрости Божией в Средних Садовниках; выпускник ВГИКа Тихон Шевкунов, чья книга «Не святые святые» у всех на слуху,—архимандрит и игумен Псково-Печерского монастыря. А композитор и лауреат премии имени Дмитрия Шостаковича Союза композиторов России Игорь Ануфриев—настоятель храма святого великомученика Георгия Победоносца в Перми. Чем, по-твоему, продиктован этот исход деятелей культуры?

—Не думаю, что так уж много деятелей культуры ушло в лоно Церкви. Какое-то число—да. Но оно всё равно малое. Каждый должен быть на своём месте. И деятели культуры—заниматься культурой. А почему часть из них уходит в храм?.. Полагаю, это зов Божий. И человек, если его слышит и откликается на него честно, то он действительно идёт к храму. Это не значит, что все должны бросить своё дело. Если Господь дал вам какой-то дар, то, даже придя в Церковь, нужно постараться этого дара не оставить. Может быть, преломить и сделать

так, чтобы он и в дальнейшем послужил людям. Но уже — в ином качестве.

Что касается меня, то, учась в Гнесинке и сочиняя музыку, я никогда не предполагал, что стану священником. Однако, ещё будучи студентом, всегда чувствовал благодать, исходящую от церковной музыки и вообще — от Церкви. Но потом, неожиданно для себя самого, так увлёкся стихией церковности, что стал петь в церковном хоре. Не скажу, что я быстро перешёл в священнослужители. Долго не мог на это решиться. Однако никогда впоследствии о том не жалел. И сейчас так получилось, что из-за нехватки времени заниматься светским творчеством у меня нет возможности, хотя тяга к этому не иссякла. Но думаю, если Бог даст, что-то ещё написать. Может быть, это будет какое-то иное качество музыки?

— Мне кажется, относительно храма у деятелей культуры сейчас наблюдается не только центростремительное, но и центробежное движение: с одной стороны — вхождение во храм, а с другой — принявшие священнический сан вчерашние выходцы из культурной среды нередко вспоминают свою мирскую профессию. Допустим, начинают приобретать известность в кинематографе — самом массовом, по известному определению, виде искусства. Глядя на них, некоторые продвинутые миряне иногда не без справедливого укора сетуют: «Ежели уж служить, то служи — занимайся тем, чем и дóлжно заниматься священнику: принять исповедь, совершить обряды, съездить на требы, и сделать всё так, чтобы от этого исходила чистота безупречности. А не держись за киношную гашетку...» В этом месте взоры обычно скрещиваются на актёрствующем и «выведенном за штат» иерее Иване Охлобыстине. К тому же — исправно снимающемся в рекламных роликах, где, раскатывая «р-р-р», он оповещает телезрителей ликующим тенорком об «инфекциях горла»...

— Обращение священников к кинематографу может иметь разный посыл. А если это часть проповеди? Когда человек становится священником, то, согласно евангельским заповедям, одна из его обязанностей — несение слова Божьего.

— Даже если у него «инфекция горла»?..

— Я считаю, если человек языком кинематографа или телевидения может проповедовать, а не просто снимать некое светское кино или кино для заработка, то участие в кинематографе цельно для его личности. При этом, согласен, личность священника не должна допускать раздвоения: вот тут я — светский, а тут — духовный. Если эта личность раздваивается, тогда не вопрос: нужна ли такая включённость его в жизнь светскую? Скорее всего, нет.

— Есть ощущение, что быть в Церкви и при Церкви стало граничить с некой модой, а то и выгодой. Когда священник, ничтоже сумняшеся, речёт, что «вознаграждение за освящение автомобиля зависит от объёма двигателя» (сам слышал!), сразу вспоминается Высоцкий:

В церкви смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан.
Нет! И в церкви всё не так,
Всё не так, как надо...

— Безусловно, все церковнослужители — это люди. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Естественно — не без греха. Без греха один Господь. И это обеспечивает святость Церкви. Потому что Господь — её глава. А мы все — грешные. И это правда: то, о чём ты говоришь, — грех сребролюбия — он действительно присутствует в тех или иных случаях жизни некоторых священнослужителей. Только не нужно делать обобщающего вывода, потому что люди в храм приходят всё-таки не за куском хлеба, а для того, чтобы служить Богу. И среди них есть личности святой, праведной жизни. А то, что Церковь — сложный организм?.. Конечно. Так же, как всё общество...

— И всё-таки на подступах к семнадцатому году и после октябрьского переворота вот это, странноватое с моей точки зрения, неприятие большей частью простого и православного народа всего, что связано со словом «поп», наводит на некие размышления. Заметил — сейчас слово «поп» почти вышло из речевого оборота? А в атеистическую-то пору? Священника называли не иначе как попом. «Поп — толоконный лоб». Даже у Пушкина — «Сказка о попе и о его работнике Балде». Как это поделикатней-то сказать?.. Наверное, оттого что к семнадцатому году попы откровенно заигрались, они по балде и получили... Отчего люди рушили купола с крестами да колокольни? Стоит вспомнить, до какой демонстративной мерзости додумались большевики, когда в алтаре Белогорского монастыря учинили отхожее место, а затем, через годы, в самом монастыре — психушку...

— Я думаю, что были разные попы. И я не сторонник такого обобщения — что церковь так испортилась, что за это получила воздаяние. Тут гораздо всё сложнее, и, согласись, нам непросто из нашего времени судить о времени том — это более чем сто лет. Здесь надо видеть сейчас какой-то особый промысел Божий. В том, что Церковь и русский народ понесли такие страдания, конечно, много печали, но Господь так всегда ведёт, что от зла он всё равно приводит к добру.

После октябрьского переворота не только ведь церкви крушили, но и было огромное количество исповедников и мучеников. Это миллионы людей, которые засвидетельствовали всей своей жизнью

и смертью веру во Христа. А определённая часть населения—да, ушла в неверие и в осквернение веры. Но если посмотреть историю Церкви и государства Российского, да и историю мировую, так было всегда и везде.

И то, что мы сегодня имеем в России возрождающуюся православную веру, которая во всём остальном мире угасает (если глянуть на Европу, Америку—там подлинной и крепкой веры нет, хотя всё в достатке, всё хорошо), а в России она есть. Благодаря чему? Благодаря тем страданиям, которые мы все претерпели. Потому что Церковь—это не только иерархи и священнослужители, но и весь народ—миряне, верующие.

Однако в том, что мы все за эти долгие десятилетия вместе с Церковью перенесли, надо видеть очищающее страдание. Конечно, были грехи. Но я говорю, что это всё неизбежно, потому что мы все—люди. Есть святые, есть подвижники, но как общество людей—мы не можем быть идеальными. Мы можем только стремиться к идеалам.

—Отчего, на взгляд протоиерея, зависит, что прихожане выбирают какой-то определённый храм, а не другой: от близости к местоположению храма, церковного убранства, внутреннего доверия к священнику?

—Но ты сам уже практически ответил на поставленный вопрос…

—А дальше последует ещё один, на котором я попытаюсь поймать своего собеседника.

—Конечно, пространственная близость к храму—важный фактор в выборе его прихожанами. Но мы знаем и другое: что люди ездят с противоположного края города совсем в другую церковь. Потому что они там нашли ту духовную атмосферу, которая им близка. Это не значит, что она самая идеальная. Но сейчас, слава Богу, у прихожан есть выбор и священнослужителя. Если раньше в округе были один-два действующих храма—и хочешь не хочешь, но все туда шли, и эти храмы были переполнены. А сейчас человек может выбрать—по своему духовному и душевному устроению. И при этом, конечно, важна личность священнослужителя. Потому что нам всегда нужен посредник. Не всякий может прямо прийти к Богу. Для этого необходим человек, который нас поведёт.

—Здесь напрашивается светская аналогия: больной выбирает врача?..

—А это близкая аналогия. Потому что, как правило, люди приходят к священнику с болью. И просят исцеления.

—Тогда вот он, вопрос. В пределах Чусовского этнографического парка, некогда созданного трудами Леонарда Постникова, где, кстати, любил останавливаться Виктор Петрович Астафьев, возведена церковь Святого Георгия—прямо-таки привет настоятелю одноимённого храма Георгия Победоносца отцу Игорю Ануфриеву! Но в той церкви нет службы—не готов сказать, почему. Он открыт, этот храм, и там всё есть—алтарь, иконы, подсвечники, свет, чистота… И я сам видел, как туда, минуя городские приходы, приезжают люди—кто на машине, кто на велосипеде. Ставят свечи, молятся. Не оттого ли, что здесь это можно делать уединённо, не перебарывая в себе присутствие тяжко дышащей массы народа?

—Ну, может, здесь сказывается влияние самого места? Потому что если нет службы, как бы ни был красив храм и убранство его… Но согласен с тобой: бывают такие состояния, когда нам действительно нужен маленький и тихий храм. Однако большие храмы тоже нужны. Многолюдные, с торжественными богослужениями, в которых проявляется торжество православия. Скажем, храм Христа Спасителя. Это—воистину видимая сторона нашей Церкви, олицетворение Патриаршего богослужения. Но, помимо этого, есть ещё духовная жизнь, которая человека ведёт порой в тихий, уединённый и даже не обязательно замечательно убранный храм. Человек там ищет другое. В идеале—каждому нужен свой храм.

—Насколько я знаю, ты и до принятия сана был близок Церкви—сочинял и серьёзную симфоническую музыку, и композиции на слова отца Павла Флоренского и на старообрядческие тексты. Но скажи: не заужает ли сан тебя как композитора? Представь, если бы Моцарт стал священнослужителем?.. Не сковывало бы сие его брызжущую солнцем натуру?

—Я думаю, если бы Моцарт стал священнослужителем, это бы не заузило его творчество. Потому что оно насквозь гармонично.

—По-моему, у него не было никакой необходимости становиться священником, потому что он сам в себе уже нёс эту гармонию.

—Я говорю гипотетически: если бы. А так, конечно, зачем это Моцарту? Его служением была музыка. Но мы знаем, что священнический сан принял Ференц Лист. И это не заузило его творчество. Оно пошло в сторону философского углубления. Он, может быть, и отошёл от внешних виртуозных пассажей, которые у него были по молодости, но это естественный путь. Я думаю, он бы и так от них отошёл, даже не будучи в сане. Мы знаем, что и Вивальди пребывал в сане священника. Разве это повлияло отрицательно на музыку Вивальди?

Другое дело, что священный сан, действительно, обязывает отойти от чего-то легкомысленного, недостойного и внешнего, которое бывает

в искусстве, но священнику, да и вообще человеку православному, это кажется неестественным. Поэтому не считаю, что священный сан зауживает художника. Просто на этом пути преломляется изменение человеческого мировоззрения. Это только в творчестве Стравинского мы находим некоторую эклектику: он и там, и там, и там — всё время менял своё лицо. В музыкальном мире его называли «хамелеоном». Но Стравинский — исключение.

— Возьми пространство иконы. Оно стиснуто внутренними рамками и каноном изображения. И в этом узком пространстве доступными ему средствами богомаз пытается сказать о многом. Канон даёт тебе за счёт скованности искать иные пути изобразительных возможностей. А когда художник не в каноне — у него широкая палитра, он распахнут, может работать или в кубизме, как Пабло Пикассо, или в импрессионизме, как Клод Моне. Я понимаю, что здесь большую роль играет момент личного выбора и следования Провидению. Но миссия художника как такового — в разрыве канона. Даже если ему хочется в каноне остаться, он рано или поздно всё равно его превысит. Вспомни пермскую деревянную скульптуру. Ценность её — в заступе за каноническую черту. Как когда-то заметил один из основоположников уральской поэзии Владимир Радкевич: «Ибо сила искусства — это вызов богам!»

— Мы ведь не будем отрицать светскую живопись и музыку? У неё есть своё место в культуре. Человек не может всё время молиться и находиться в храме. Это — уже монашеский путь, стезя для избранных. Поэтому нужны высокая светская музыка, хорошая светская живопись и глубокая светская литература. Я же не утверждаю: только канон — и ничего более. Это — разные вещи. Есть церковное искусство. Но есть и светское искусство. Между ними нет противоречия. Некоторые их разделяют.

Но возьмём русскую живопись — она не противоречит иконам. Или — светскую музыку: она не противоречит духовной музыке. Это — цельная русская культура. Думаю, что и западная — тоже. Это в современном мире всё разорвалось…

— Парадокс, но в атеистические времена серьёзная симфоническая музыка была востребована больше, нежели теперь, когда кажется, что все стали резко верующими. Однако сегодня мы наблюдаем засилье не просто лёгкой, а откровенно бездуховной музыки, вгоняющей зомбирующие матрицы в сознание людей.

— В атеистические времена, конечно, существовала цензура, но мы жили тогда в основном на остатках русской православной культуры. Да, вера была запрещена, храмы преимущественно закрыты, но атеизм же не создал какой-то своей самобытной культуры.

— Хотя у атеизма был кажущийся синоним: соцреализм. Но назвать-то можно как угодно.

— Вот именно! Советские композиторы — это бывшие русские композиторы, ученики великих мастеров прошлого. То же самое — художники и писатели, чьё творчество, правда, в закодированном виде, несло ту же истину. А сейчас, когда нет цензуры в том, прежнем, понимании этого слова и то, что называется искусством, пущено на сплошной поток, истина размывается и насаждается не истина…

— Мало того: выбирается пресловутый формат. Но в итоге он выворачивается в формат бездуховности.

— И он навязывается! Я знаю, что есть талантливые произведения. Но им не дают ходу. Они не нужны. Говорят: «Вы не востребованы!» А что востребовано? Вот этот мутный поток? Да он навязан!

— Особенно это навязывание опасно для юных умов и душ. Вот ты был проректором по регентскому отделению и отделению сестёр милосердия в Пермском духовном училище, а затем — семинарии. И, стало быть, ведаешь, какими путями приходят сюда молодые люди?

— Молодые люди, приходящие сюда послужить Церкви, делают свой выбор с юности. И это, конечно, особый путь, потому что, в том числе и по сегодняшним временам, он — редкость. Этих людей мало. Их не может быть сейчас много, исходя из навязывания того мутного потока, заполонившего культурное пространство. Возраст? Восемнадцать-двадцать лет, кому-то — чуть больше.

Что касается путей, которыми они сюда приходят, то выбор — это всегда для человека такая тайна Божья. Это — избранничество. Отчасти это дети из церковных семей, которые уже получили соответствующее воспитание. Они выросли в то время, когда уже не было запрета на религию. Есть люди, которые приходят в духовную семинарию от обратного, когда душа не принимает всей этой накипи и пены.

В силу того, что я был слушателем Свято-Тихоновского православного гуманитарного университета, а значит, иногда бывал в Москве, могу сказать, что там очень много молодых людей можно увидеть в храмах. И знаешь почему? В столице с послеперестроечных лет быстрее дала ростки греховная культура. И молодые люди, быть может, вкусившие этой культуры или просто оттолкнувшиеся от неё и ужаснувшиеся гримасам её греха, приходят к Богу, ища защиты от смрада греховного.

— То есть опять-таки — от противного?..

— Совершенно верно. В провинции этот процесс тоже идёт. Правда, он начался позднéе, чем в столице. Но приток молодых людей чувствуется

и в храмах, и в нашей духовной семинарии. Пусть он немассовый. Но быть массовой Церковь и не должна, потому что Господь говорит о малом стаде. Большинство никогда не пойдёт к истине. Это нам показывает весь ход мировой истории.

В мире должно быть равновесие. Поэтому он представляет собой некие весы. Если бы эти весы сломались, мир бы погиб. И в ответ на умножающийся грех происходит умножение благодати. Грех—он массовый. А благодатных и праведных всегда мало. Читаешь жития святых—это же были единицы, десятки, ну, сотни. И сейчас такие люди есть. И Господь продолжает воздувать светильники, освещающую тьму. Когда смотришь на этих ребят и девушек, которые с юности искренне выбирают путь служения Церкви, нелёгкий путь, тернистый, это наполняет сердце надеждой, что не всё уж так у нас в России плохо. Есть ещё будущее на этом свете.

Д*и*Н симметрия

Владимир Маяковский

О дряни

Слава, Слава, Слава героям!!!

Впрочем,
им
довольно воздали дани.
Теперь
поговорим
о дряни.

Утихомирились бури революционных лон.
Подёрнулась тиной советская мешанина.
И вылезло
из-за спины РСФСР
мурло
мещанина.

(Меня не поймаете на слове,
я вовсе не против мещанского сословия.
Мещанам
без различия классов и сословий
моё славословие.)

Со всех необъятных российских нив,
с первого дня советского рождения
стеклись они,
наскоро оперенья переменив,
и засели во все учреждения.

Намозолив от пятилетнего сидения зады,
крепкие, как умывальники,
живут и поныне
тише воды.
Свили уютные кабинеты и спаленки.

И вечером
та или иная мразь,
на жену,
за пианином обучающуюся, глядя,
говорит,
от самовара разморясь:
«Товарищ Надя!
К празднику прибавка—
24 тыщи.
Тариф.
Эх, и заведу я себе
тихоокеанские галифища,
чтоб из штанов
выглядывать
как коралловый риф!»
А Надя:
«И мне с эмблемами платья.
Без серпа и молота не покажешься в свете!
В чём
сегодня
буду фигурять я
на балу в Реввоенсовете?!»
На стенке Маркс.
Рамочка ала.
На «Известиях» лёжа, котёнок греется.
А из-под потолка
верещала
оголтелая канареица.

Маркс со стенки смотрел, смотрел…
И вдруг
разинул рот,
да как заорёт:
«Опутали революцию обывательщины нити.
Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
головы канарейкам сверните—
чтоб коммунизм
канарейками не был побит!»

1920

Юрий Коряков

Афганские будни

Афганские будни — это мои личные воспоминания о службе и жизни в Афганистане, изложенные в хронологической последовательности и связанные между собой по месту и времени.

Все события по службе происходят в провинциях Бадахшан и Кундуз. Всё, что написано в дневнике, на девяносто семь процентов правда, три процента оставляю на свою субъективную оценку событий…

Глава первая

Шестнадцатого ноября 1986 года я пересёк границу Афганистана. Этот день разделил мою жизнь на две половины. Вторую половину мне ещё предстояло узнать…

В начале сентября, после краткосрочного отпуска с заездом на малую родину к родителям в Абакан, я прибыл для дальнейшего прохождения службы в Ташкент, в штаб Краснознамённого Туркестанского военного округа.

Сразу же после обращения в отдел кадров ТуркВО мне и Жене Вожову, командиру гранатомётного взвода 1-го мотострелкового батальона, куда я попал, приехав в ЦГВ, подполковник-кадровик предложил должности в военном комиссариате одного из районов Джизакской области Узбекистана. Дело в том, что перед самым нашим приездом в Ташкент, по причине тотальной коррупции в военкоматах ТуркВО, была произведена чистка кадров, в результате чего несколько десятков офицеров лишились должностей и были уволены из рядов Вооружённых Сил.

Я на секунду представил, что продолжу свою службу в каком-нибудь затрёпанном районном военкомате, и ужаснулся самой мысли о продолжении такой карьеры. Поэтому предложение о службе в военном комиссариате отмёл без колебаний. А старший лейтенант Вожов согласился и поехал служить в районный военкомат Джизака. Его можно было понять. У него семья, маленький ребёнок…

— Тогда — Афганистан, товарищ старший лейтенант, — с нескрываемой ухмылкой обратился ко мне кадровик.

— Ну что ж, Афганистан так Афганистан. Не я первый, не я последний…

Я не стал упрашивать подполковника найти мне «тёплое» местечко. Даже сама мысль об этом мне претила.

Я, как и все военные люди, не выбирал: где прикажет Родина, там и буду служить…

Для кадровиков я был ценным товарищем: у меня уже был заграничный служебный паспорт, я не был обременён семейным положением, меня не нужно было обеспечивать квартирой. Ну а то, что за три года я приобрёл бесценный опыт службы в развёрнутой воинской части, было хорошим бонусом.

Подполковник отдела кадров смерил меня пристальным взглядом, дал листок бумаги и ручку:

— Пиши, старлей, рапорт о добровольном направлении для прохождения дальнейшей службы в составе Ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан.

Офицер-кадровик предупредил, что отправка в Афганистан будет в ближайшие дни и что я должен буду приходить в штаб округа и узнавать дату отправки. Странное дело: он даже не поинтересовался, где я в настоящее время проживаю, есть ли у меня финансы.

Глава вторая

В Ташкенте я остановился у своего друга по военному училищу Александра Походина. С Александром мы вместе приехали поступать в Омское ВОКУ из одного города, где жили неподалёку друг от друга, у нас были общие знакомые — в общем, земляки. Так уж распорядилась судьба, что мы попали учиться в один взвод, в одно отделение, а наши кровати стояли рядом все четыре года обучения. Саня с женой Татьяной и сыном Артёмом жили в одноэтажном, старой постройки, кирпичном флигеле рядом с Ташкентским общевойсковым командным училищем, где он проходил службу командиром курсантского взвода. Он попал служить в это училище сразу по окончании Омского ВОКУ, хотя мог выбрать место и получше, так как окончил училище с красным дипломом. Мне выделили койку на веранде, которая выходила в небольшой сад.

Каждое утро я приходил в штаб округа, узнавал об отправке, получал вежливый отказ и ехал обратно домой. Днём гулял в центральной части

Ташкента, наслаждаясь красотой его зелёных и ухоженных улиц. Ближе к вечеру, когда спадала жара, принимал участие в футбольных баталиях офицеров—сослуживцев Александра Походина. Такое моё состояние продолжалось около месяца, прежде чем, наконец, мне выдали предписание убыть в распоряжение командования 40-й армии.

В последний день перед отправкой в Афганистан, голодный и неприкаянный, в раздумьях о своей дальнейшей участи, я шёл по многолюдному и шумному Ташкенту. Никто не обращал на меня внимания, да и кому я был нужен в этом мире, кроме своих родных?.. Ситуация усугублялась тем, что к моменту отправки в Афганистан в моих карманах не было ни копейки денег…

Я брёл, опустив голову, по раскалённому тротуару вдоль улицы Пролетарской. Среди осенней листвы мой взгляд остановился на зеленоватой бумажке. Она была моим настоящим спасением. Я огляделся по сторонам, чтобы никто не заметил моего наклона за заветной купюрой, ловким движением правой руки подцепил трёшку и сунул её в карман брюк…

Неподалёку от места, где мне улыбнулась удача, я увидел хинкальню. На рубль я взял полуторную порцию узбекских пельменей с бульоном и полстакана сметаны. Насытив свой организм, я отправился в парк имени Горького. Ранее я уже захаживал в этот зелёный оазис с раскидистыми чинарами для того, чтобы пострелять из пневматической винтовки, и весьма преуспел в этом деле. В тире практиковалась призовая стрельба. Главным призом была определённая сумма денег. Иногда мне удавалось «заработать» несколько рублей, и я, довольный, уходил по своим делам. Бывали случаи, когда я вовремя останавливался и уходил «при своих»…

С двумя рублями в кармане я подошёл к стойке, чтобы поучаствовать в такой стрельбе… Мишени были отпечатаны на чёрном прорезиненном постаменте и представляли собой пять кругов—по количеству стрелков, участвующих в призовой стрельбе. Каждый стреляющий покупал по пять пулек, стоимость которых составляла двадцать пять копеек. Приз, в размере пяти рублей, получал стрелок, набравший пятьдесят очков. Три рубля получал стрелок, набравший сорок девять очков. Один рубль получал стрелок, у которого было выбито сорок восемь очков. В лучшем случае один из пяти стрелков выбивал сорок семь—сорок восемь очков. Поэтому тирщик почти всегда оставался с хорошей прибылью.

Этот стрелковый аттракцион был популярен среди местной публики и привлекал много народу. Купив пять специальных пулек с плотным хвостовым оперением, мне пришлось подождать, пока освободится «моя» винтовка, которую я знал «в лицо», точнее, знал её номер…

По команде тирщика я и мои соперники приступили к стрельбе. Первым же выстрелом я попал в десятку. Аккуратно, не меняя точку прицеливания и плавно спуская спусковой крючок, я выбил пятьдесят очков. Первая серия закончилась удачно, и мне выплатили пять рублей. Купив пульки для повторной стрельбы, я продолжил стрельбу. Отстреляв ещё раз и выбив пятьдесят очков, я вновь получил свои призовые. Протянув тирщику деньги для третьей стрельбы, я получил категорический отказ с формулировкой:

— Иди отсюда на…, ворошиловский стрелок. Понаехали тут разные…

Вдобавок к этой фразе старый узбек достал из штанов скомканную пятирублёвую бумажку и протянул её мне, шепнув на ухо:

— На и уходи быстрее, а то мне тут тебе всю выручку придётся отдать…

Заработав тем, для чего, собственно, я учился четыре года, почти пятнадцать рублей, я устроил семейству Походиных и себе прощальный перед отправкой в Афганистан ужин.

За столом Саша сказал мне слова, которые я запомнил навсегда:

— Михалыч, сохрани себя, никогда не иди на компромисс с собственной совестью и обязательно вернись домой, где тебя будут ждать родители и брат…

Перед ужином я позвонил своим родителям. Ничего не сказав им о своём новом назначении, я попросил маму, чтобы она передала трубку младшему брату Олегу. Только ему я намекнул о том, что еду служить в Афганистан и чтобы он пока ничего не говорил родителям, а в случае непредвиденных обстоятельств был для них надёжной опорой…

Глава третья

Самолёт на Кабул должен был вылетать ранним утром шестнадцатого ноября. Уже не помню, каким способом я добрался до аэродрома Тузель (Ташкент-Восточный), но последние двести метров шёл пешком по ночному Ташкенту и тащил полный чемодан вещей, привезённых из Чехословакии. Мимо по широкой ночной улице проезжал тяжёлый тягач, который медленно буксировал от заводских ворот новенький Ил-76.

Под утро мы взяли курс на Кабул. Соседи, летевшие к новому месту службы, из отпусков и командировок, молча наблюдали за происходящим. Каждый по-своему, и я в том числе, переживали и были наедине с собственными мыслями. Неизвестность и неопределённость, страх и тревога—вот эти четыре слова, которые характеризовали моё состояние. Что будет дальше? Как пройдут полёт и посадка? Где и в каком месте буду служить? Как сложится дальнейшая судьба? Останусь ли живым и вернусь ли домой?..

Подлетая к аэродрому Кабула, самолёт начал снижение. Посадка проходила не так, как это происходит в обычных, мирных условиях. Для обеспечения безопасного расстояния от точки возможного обстрела до самолёта существовала зона, которую контролировали наземные части боевого охранения аэродрома. Самолёт должен попасть в охраняемую зону, начать снижение почти вертикально по спирали, делая два витка перед посадкой, не давая возможности противоборствующей стороне произвести выстрел из переносного зенитного ракетного комплекса или крупнокалиберного пулемёта. Одновременно самолёт производил отстрел так называемых ловушек (пиропатронов). Их тепловой эффект был значительно выше температуры выходящих газов воздушного судна, что осложняло прицеливание инфракрасной головки самонаведения ракеты. Кроме этого, в небо поднимались вертолёты для прикрытия транспортных самолётов. Всю картину происходящего мы, сидевшие в Ил-76, сполна прочувствовали на себе. Уши не просто закладывало, они сворачивались в трубочку. Лёгкая паника и ужас охватили нас. Вся посадка заняла считанные минуты, лайнер благополучно приземлился на взлётно-посадочной полосе кабульского аэродрома, и груз переживаний свалился с плеч.

Яркое афганское солнце, несмотря на середину ноября, ласкало своими жаркими лучами. Встречавший нас колоритный старший прапорщик в рыжих усах зычным голосом скомандовал прилетевшим пройти за ним на территорию кабульского пересыльного пункта. Нас построили, распределили по модулям казарменного типа.

Из громкоговорителей то и дело доносились объявления о необходимости сдать кровь соответствующей группы, оглашался список военнослужащих, которым необходимо было собрать вещи и проследовать к месту посадки для отправки в свой гарнизон или в штаб 40-й армии.

Мы сдали документы для определения своей дальнейшей участи. Ближе к обеду вновь прибывших военнослужащих собрали в большом металлическом ангаре, который одновременно служил клубом и столовой. Молодой замполит провёл с нами беседу о нравах и обычаях народов Афганистана.

После просветительского мероприятия вместо пищи познавательной стали потчевать дарами съедобными. Несмотря на откровенно плохо приготовленные блюда, я без разбора съел всё, что было предложено, потому что к этому моменту я не ел почти двадцать часов.

В столовой я познакомился с лётчиком, командиром звена Су-25 из Кандагара, который возвращался из командировки в Союз. Алексей был в кожаной лётной куртке и в лётном камуфлированном обмундировании, подтянутый, с голубыми глазами, брюнет — таких мужиков любят женщины. Я обратил внимание, что питался он не так, как все остальные, и спросил у него:
— Почему у тебя другой рацион? — на что он ответил, что у него лётный паёк по талонам.

В модуле мы расположились на соседних кроватях и разговорились о службе. Алексей уже второй раз в Афганистане. После года службы лётный состав и обслуживающий технический персонал заменялись в Союз.

Тем временем по громкой связи в очередной раз объявили, что срочно требуется третья положительная группа крови. Как раз у меня была такая группа. Я первый раз решил сдать кровь, за это полагалось двое суток к отпуску и дополнительный паёк в виде шоколадки, двух банок консервов, пачки печенья и банки сгущённого молока.

На пересыльном пункте кипела своя, особая жизнь. Кто-то прилетал в Афганистан, а кто-то убывал в Союз или к новому месту службы в Афгане.

Интересно было наблюдать за вновь прибывшим контингентом, коим был и я. Особо пристальные взгляды привлекала девушка, прохаживающаяся по бетонному тротуару. Она была одета в короткую юбку, которая ещё больше усиливала и приближала к ней мужские взгляды. Глядя на эту красотку, я подумал: зачем она приехала в Афганистан, с какой целью?

> …Ведь здесь стреляют,
> И здесь, как прежде, идёт война…

Незаметно наступил вечер. В клубе показывали фильм с ужасным звуком, который то и дело прерывался из-за объявлений и обрывов киноплёнки. Суета не прекращалась ни на минуту. В модуле играли на гитаре. Несколько офицеров расписывали преферанс. Война была где-то далеко и совсем близко… Мы с Алексеем приготовились немного поспать и уже укладывались в скрипучие кровати. После новых впечатлений, раздумий и тревог я провалился в безмятежный сон. Не помню, сколько я проспал, но сон мой и моих соседей был прерван раздавшимся поблизости мощнейшим взрывом. Я автоматически свалился под панцирную кровать. Алексей невозмутимо лежал рядом и, не скрывая улыбки, стал успокаивать меня, говоря, что всё уже позади. И правда, зачем падать, когда взрыв уже прогремел?.. Не показывая, что испугался, я встал, отряхнулся от толстого слоя прикроватной пыли, как вдруг ещё один взрыв прогремел в ночной тишине. Выбитые окна в углу нашего модуля и осколки стекла подтвердили опасность происходящего. Вот тут я наконец понял: я на войне. Затем было ещё несколько разрывов реактивных снарядов, которые уже не представляли опасности для нас, обитателей пересыльного пункта, но, несомненно, принесли боль и горе неизвестным нам людям.

В ответ заработал дивизион реактивных установок «Град». Через несколько минут «война» прекратилась так же внезапно, как и началась…

Наутро моего нового друга Алексея вызвали для отправки к своему месту службы. Широким гусарским жестом он отдал мне пару своих талонов. Мы попрощались. Алексей пожелал нам обоим, чтобы количество взлётов соответствовало количеству посадок. Впервые от него я услышал выражение, что «не бывает ничего в жизни в последний раз, бывает только крайний раз»…

На пересыльном пункте я провёл ещё пару суток. Не знаю, чем было вызвано моё столь длительное пребывание, но мне порядком это надоело. Народ сменял друг друга, а я всё никак не мог определиться, где же я буду служить…

Наконец наступил день, когда объявили мою фамилию и номер борта Ан-12 на Кундуз, на котором я должен был убыть к новому месту службы. Окружающие, с которыми я успел познакомиться, одобрительно закивали головой. Хорошо, что в Кундуз, на север страны, а не на юго-запад, куда-нибудь в Кандагар. «Если хочешь жить как туз, поезжай служить в Кундуз»,—такая поговорка ходила по Афганистану. Получив в каптёрке свой чемодан, я чуть было не опоздал к самолёту, который стоял с уже работающими двигателями и поднятой аппарелью грузового отсека на дальней стоянке. Я с трудом закинул чемодан, попробовал самостоятельно загрузиться, но с первой попытки не получилось. Затем чья-то мощная рука подтолкнула и закинула меня в чрево самолёта… Боковые створки закрылись, и самолёт медленно, покачивая крыльями, направился к старту взлётно-посадочной полосы.

Почти половина салона самолёта была загружена деревянными ящиками с фамилиями и адресами для доставки скорбного «груза-200». По бортам самолёта сидели человек двадцать солдат, прапорщиков и офицеров, которые сопровождали этот «груз». Рядом на развёрнутом брезенте лежали туши говяжьего мяса. Мне досталось место в хвосте Ан-12…

В мыслях о предстоящих событиях и встречах время в полёте пролетело незаметно. Самолёт садился в Кундузе «по-афгански», под прикрытием пары Ми-24… Ситуация усугублялась тем, что при изменении давления воздух внутри фюзеляжа наполнялся смесью запахов, исходивших от грузов. Шасси самолёта коснулось твёрдой поверхности, наступило не сравнимое ни с чем облегчение…

В тот момент я ещё не знал, что мне не раз предстоит «путешествовать» по северным провинциям Афганистана на различных типах воздушных судов…

Спустя несколько месяцев, когда транспортные самолёты и вертолёты стали летать по ночам, родились эти строки:

Ночь темна, только звёзды мерцают.
Тишина… но никак не уснуть.
Это гул самолёта прорвался наружу,
И пытается в небе спираль завернуть.

Гул моторов всё ближе и ближе,
Подустали работать в кромешной ночи,
Им бы надо бы просто выжить,
Всё спокойно, сиди и молчи.

Тем, кто там, им, наверное, туго,
Уши всмятку, прижало к скамье,
Да и прыгать, наверное, глупо,
До земли две пятьсот, я в себе…

Ну а лётчик, знать, парень бывалый,
Заложил свой вираж на второй уж виток,
Без отстрелов идёт, и на малом
Он заваливает на восток.

И с востока, под рёв моторов,—
В крайний свой крутейший вираж.
Двести метров осталось, посадка,
Всё, не сбили сегодня вас…

Глава четвёртая

На аэродроме Кундуза меня встретил водитель командирского бронетранспортёра, рядовой Сандуленко Николай. Белокурый парень с Донбасса отвёз меня в расположение отдельного батальона. Поездка заняла минут десять, не больше, но за это время всё моё обмундирование оказалось в пыли. Я с большим трудом отряхнулся от въедливой афганской пыли и обратил внимание, что на въезде в батальон, по обе стороны от ворот, находятся два крыла, забетонированных в постамент. Это был один из символов нашего батальона, так называемые «крылышки». На входе справа расположилось отдельно стоящее здание магазина военторга, за ним солдатская казарма. Слева, напротив магазина, какие-то незнакомые мне пока строения. Штаб батальона с пристройками располагался в сорока метрах прямо перед въездными воротами. Все помещения были выкрашены в серый цвет. Территория была ухожена, ровные бетонные дорожки, зелёные насаждения в виде небольших раскидистых, похожих на пальмы, растений. Между штабом и солдатской казармой, рядом с глубоким оврагом, я увидел открытый бассейн, загороженный щитами с плакатами и наполненный водой, который вызвал у меня удивление.

В замешательстве я стоял и не знал, куда же мне идти и что делать дальше. Согласно Уставу внутренней службы, мне необходимо было представиться своему новому командиру части. Кто-то из офицеров сказал, что комбат в бане и придётся немного подождать. Через некоторое время меня пригласили в помещение штаба, который одновременно служил и местом для проживания комбата. Моему взору предстала небольшая комната,

в которой сидел сержант-писарь, попросивший у меня все документы. Затем меня пригласили к командиру батальона. Я зашёл в кабинет-спальню. В кресле сидел худощавый молодой человек. На вид ему было не больше тридцати лет. Он сидел в кресле, запахнувшись махровым халатом, в солдатских прикроватных шлёпках. Я слегка напрягся и не знал, как обращаться к командиру. Он, видя моё замешательство, сам назвал своё звание, должность и предложил продолжить установленный церемониал. Теперь уже я чётко, как учили, отрапортовал:

— Товарищ капитан, старший лейтенант Коряков! Представляюсь по случаю назначения на должность командира взвода!

Мы обменялись с комбатом и присутствующим в кабинете начальником штаба батальона капитаном Никитиным рукопожатиями. Начались расспросы, какое училище я закончил, где служил до Афганистана.

«Если два офицера, закончившие общевойсковые учебные заведения, в течение получаса не нашли общих знакомых, значит, один из них — американский шпион…»

Так и во время нашей первой встречи: обнаружилось, что в Центральной группе войск, где я начинал свою армейскую службу, начальником штаба нашего батальона был капитан Матисаков Н. Э. — однокурсник моего нового комбата.

Капитан Перевозчиков Сергей Геннадьевич, мой новый командир батальона, рассказал о батальоне, о роте, в которой я буду служить, и в чём заключаются особенности моей новой службы. Мне предстояло ещё одно путешествие — убыть на вертолёте в северо-восточную горную провинцию Афганистана, в Бадахшан, на аэродром города Файзабада, где располагалась первая рота батальона.

Комбат выразил сожаление, что время года, в которое я прибыл, было прохладным. Иначе я должен был пройти ритуал, который проходили все вновь прибывшие офицеры и прапорщики батальона. А ритуал заключался в следующем. Начштаба, под предлогом ознакомления, забирал у офицера все имеющиеся документы, а кто-то незаметно подходил сзади и толкал прибывшего в бассейн. Это было так называемое первое афганское крещение. Если честно, не хотел бы я оказаться в такой ситуации. Может, со стороны такая процедура скрашивала афганские будни и выглядела смешно, но для виновника сего события это был дополнительный стресс.

Глава пятая

Между тем быстро наступил вечер. Меня определили на первое время пребывания, до отправки в Файзабад, во вторую роту батальона, которая находилась в километре юго-западнее управления батальона. Нужно было пешком, с чемоданом, преодолеть широкий овраг глубиной около тридцати метров. Тут я впервые увидел и почувствовал, что такое афганская пыль. Эта была не просто пыль, а мучная мелкодисперсная субстанция. Мои сапоги проваливались в неё, поднимая пыльное облако, которое я хватал своим носом и ртом. Пыль оседала на обмундирование, сапоги и забивалась во все открытые участки. Когда я пришёл на заставу второй роты и на свету увидел себя в пыли, долго отмывался, но все попытки были тщетны… С этой пылью я прожил в Афганистане почти два года. Чуть позже я услышал, что за два года в Афганистане военнослужащие увозят по два кирпича в своих лёгких, и это было недалеко от истины…

Когда я познакомился с офицерами и прапорщиками управления второй роты, командир роты капитан Глушко Н. П. отправил меня в баню. Видимо, мой внешний вид представлял собой жалкое зрелище… Баня для русского человека вещь особая, а в условиях боевых действий особая вдвойне…

После бани меня ждал званый ужин. Офицеры и прапорщики второй роты уже сидели за накрытым столом, и по случаю знакомства, в знак гостеприимства или по другой, неизвестной мне причине старшина разлил по рюмочкам, представляющим собой пластмассовые колпачки от упаковки для хранения и перевозки НУРСов, в обиходе прозванных «нурсиками», домашний самогон.

Моё тело расслабилось, обмякло и успокоилось. За разговорами мы просидели недолго. Меня отправили спать на выносной пост первого взвода второй роты. В маленькой землянке, в крохотной комнатёнке, я провёл первую на новом месте службы ночь.

Глава шестая

Утром из штаба батальона пришло распоряжение о сборе офицеров для участия в методических занятиях руководителей групп политзанятий, которые проводились в клубе 201-й мотострелковой дивизии. К назначенному времени собрались все свободные от службы офицеры дивизии, в том числе и офицеры нашего батальона, с которыми я виделся впервые. Многих из них, как оказалось впоследствии, я видел в первый и в последний раз — по причине того, что подразделения находились на удалении друг от друга и часть военнослужащих вскоре уехала по замене в Союз, а на смену им прибыли новые офицеры и прапорщики.

Из всех присутствующих я выделялся своей серой повседневной офицерской шинелью и глажеными хромовыми сапогами. Мне казалось, что все смотрят только на меня. Но, как говорится, нет худа без добра. У стены клуба, в компании сослуживцев, я увидел старшего лейтенанта со знакомой широкой белозубой улыбкой. Это был весельчак Шура Полянский, мой однокашник по Омскому общевойсковому командному

училищу. Он подошёл ко мне, мы обнялись. Он был удивлён и, увидев меня, спросил:

— Юра, ты что здесь делаешь?

— То же самое, что и ты, Саня,—ответил я.

Мы перекинулись с ним новостями об однокашниках, которые служили в Афганистане. Срок его службы подходил к концу. Он был ротным в Кундузском разведбате. Затем я увидел офицера, с которым служил в 30-й Иркутско-Пинской дивизии в Чехословакии. Он рассказал, что приехал в сентябре и служит в 149-м мотострелковом полку. В перерыве между занятиями ко мне подошёл полковник Шеходанов Владимир Николаевич. Под его началом я служил в Чехословакии, в 30-й гвардейской Иркутско-Пинской орденоносной мотострелковой дивизии. Он запомнил меня по учениям «Щит-84», в которых мне посчастливилось принимать участие. Наша мотострелковая рота в составе первого батальона наступала совместно с Венгерской народной армией. Моему взводу выпала честь на стыке двух дружественных армий, в непосредственной близости от наблюдательной вышки, на которой находились министры обороны стран Варшавского договора, «атаковать» условного противника. В ходе каждодневных тренировок он запомнил моё лицо и, когда мы встретились с ним взглядами уже в Кундузе, приветствовал меня. Спустя десять месяцев судьба вновь сведёт меня с этим офицером. Но это будет совсем другая история. А сейчас мы постигали новые горизонты и методы политического образования в деле воспитания беззаветной преданности и патриотизма своих бойцов.

Глава седьмая

Через три дня после моего прибытия в батальон я впервые должен был лететь на вертолёте. Диспетчер указал борт, на котором предстоял полёт. Я подошёл к указанному вертолёту. В распахнутой боковой двери Ми-8 я увидел борттехника. Увидев меня, вертолётчик замахал руками, показывая, что на борту нет парашютов, и что-то выкрикивая сквозь шум работающих двигателей.

Мне пришлось побегать с чемоданом по вертолётной стоянке, прежде чем я «нашёл» борт, в котором был свободный парашют. Это был Ми-6, бортовой номер сто сорок два, отдельной вертолётной эскадрильи «советников», которая специализировалась на доставке гуманитарных грузов (крупа, мука, сахар и другие продукты) по всему Афганистану.

Вертолётчики приняли меня как родного, надели парашютную систему и усадили поближе к кабине пилотов, так что я мог слышать все переговоры экипажа с землёй, между вертолётами и внутри нашей «вертушки».

Караван из семи вертолётов Ми-6 и двух вертолётов сопровождения Ми-8 взял курс на Файзабад. В ноябре 1986 года все полёты военно-транспортной авиации выполнялись в дневное время. Глядя в иллюминатор вертолёта, я рассматривал покрытые снегом пики вершин. Проплывающий внизу горный пейзаж завораживал.

Выйдя на заданный курс, вертолётчики не стеснялись, вели переговоры между экипажами каравана и открыто сообщали, какой груз доставляется в Файзабад. По статистике, а затем и на личном опыте, я знал, что вертолёты эскадрильи «советников» никогда не сбивали по причине того, что часть перевозимого груза в конечном итоге оказывалась у «ду́хов».

Вертолёты производили посадку так же, как и самолёты, по спирали. Но здесь, в Файзабаде, ситуация усугублялась наличием горного массива, который располагался по периметру узкой поймы реки Кокча. Расстояние от гор до взлётно-посадочной полосы и аэродромных сооружений позволяло прямой наводкой производить обстрел всего того, что летает и передвигается по земле.

По установленной традиции, каждый караван вертолётов встречали, в том числе и представители нашей первой роты. Увидев меня в повседневной форме (шинели, фуражке и хромовых сапогах), ко мне подошёл офицер азиатской наружности, с редкими усиками, и мягким, вкрадчивым голосом представился:

— Заместитель командира первой роты старший лейтенант Гомбоев. К нам в роту?

— Да, к вам в роту. Я старший лейтенант Коряков.

— Давай грузи чемодан на БРДМ и сам забирайся, поедем в управление роты, будем знакомиться с личным составом.

Как оказалось чуть позже, Арсалан Цибенович Гомбоев—выпускник Дальневосточного высшего общевойскового командного училища имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, 1983 года выпуска. В этом же году и я окончил училище, поэтому у нас было много общих знакомых-однокашников, с кем мы учились или служили до Афганистана. Арсалан рассказал, что из восьми офицеров и прапорщиков в роте находятся четыре человека. Он и сам незадолго до моего прибытия лежал в санчасти 860-го отдельного мотострелкового полка и лечился от малярии. Остальной командный состав роты проходил лечение в инфекционном госпитале в Кундузе. Не было командира роты старшего лейтенанта Сергея Ефимкина, командира первого взвода Артура Егиазаряна и замполита роты—эта должность была вакантной. В строю оставались командир второго взвода лейтенант Александр Екимовский, старшина роты прапорщик Игорь Богданович Кузив, техник роты старший прапорщик Володя Кравцов, Арсалан и вот теперь ещё и я, старший лейтенант Коряков Юрий, вновь прибывший командир третьего взвода.

Единственный человек нашего небольшого подразделения, кто не подхватил желтуху (гепатит),—техник роты старший прапорщик Кравцов Володя. У него была коронная фраза, которой он обезоруживал окружающих: «Красные глаза не желтеют…» А всё почему? Да потому что он почти каждый день дезинфицировал свой организм тридцатью граммами сорокаградусного напитка. Остальные военнослужащие, кто имел такую возможность, делали это от случая к случаю, поэтому и подхватили заразу. По нему никогда не было видно, что он подшофе… Тридцать граммов для стокилограммового русского мужика—как слону дробина…

Глава восьмая

Меня переодели в полевую форму-афганку, выдали армейский чёрный тулуп и представили бойцам. Практически с этого момента началась моя настоящая служба в Афганистане. Застава моего третьего взвода располагалась в землянке, в трёхстах метрах от афганского кишлака Кури. Два поста наблюдения находились в непосредственной близости, через дорогу от населённого пункта. Землянка, окружённая небольшим каменным забором, на котором стояли гильзы от снарядов, представляла собой заглублённое сооружение со сквозным проходом, обитое изнутри деревянной вагонкой, сделанной из досок от ящиков из-под реактивных снарядов для «Града». Снаружи стены землянки были усилены большими, округлой формы, камнями, стыки между которыми промазаны глиной. Небольшие оконные проёмы, которые на ночь завешивались светомаскировкой, одновременно служили бойницами. Солдаты спали на двухъярусных кроватях. Рядом с входом, с правой стороны, у стены стояли пирамиды с оружием и боеприпасами. На спинках кроватей висели бронежилеты. В отдельном месте в землянке находилось помещение для приёма пищи. Рядом со спальным помещением, с левой стороны, располагалась небольшая канцелярия командира взвода, на одной из стен которой висел щит взводной документации, закрытый плотной тканью. В этом же помещении была оборудована небольшая спальная комната со встроенными деревянными нарами и креслом, сколоченным из двух ящиков от выстрелов пг-7 для ручного гранатомёта рпг.

Глава девятая

С первого дня своей службы я приступил к знакомству со своими бойцами. Молодые парни, немногим старше восемнадцати лет, почти ровесники моего брата, представляли срез нашего общества. Они были из семей простых родителей, разных национальностей, призванными из разных регионов нашей огромной страны. Солдаты выглядели замученными не только экстремальной обстановкой, но и чем-то ещё, пока непонятным для меня. Я видел в глазах почти всех своих бойцов тоску, печаль и безысходность. Лица многих были небриты и грязны. Обмундирование и постельное бельё давно не стираны. Я видел, как бойцы чесали в кровь своё тело из-за паразитов. Мне нужно было как можно быстрее разобраться с этим состоянием всеобщего хаоса и привести их «к нормальному бою».

Днём замкомроты провёл меня пешком по всем заставам и постам наблюдения нашей роты. Протяжённость маршрута составляла чуть более пяти километров. За ночь необходимо было пройти этим маршрутом два раза и проверить, как осуществляется дежурство в ночное время во всех взводах нашей роты.

Помню свой первый проход по периметру, который начался от управления роты. В подразделении была установлена особая система паролей и отзывов, которая сообщалась личному составу каждый день в момент отдачи приказа и постановки задач на охрану и оборону нашей зоны ответственности. Вечером выпал снег, который продолжался всю ночь, и то, что было понятно и очевидно днём, ночью приобрело совершенно другие очертания и ориентиры.

Первым пунктом моего дежурства был наблюдательный пост первого взвода, который находился в центре нашей роты. Я двигался по незнакомой мне местности самостоятельно. При мне был мой личный автомат и два магазина с патронами. Когда я приблизился к месту, где, по моим ощущениям, должен был находиться наблюдательный пост, меня никто не окрикнул (на самом деле до поста надо было пройти ещё пятьдесят метров). Я проследовал дальше и слегка напрягся, сделал ещё несколько шагов и услышал, как сзади меня, метрах в десяти, кто-то чертыхнулся. У меня по спине потекли холодные капли пота. Никакого установленного окрика в мой адрес не последовало. Конечно, я испугался, но, слава Богу, никого рядом не было, и никто не видел моего трепетного состояния… После небольшой паузы я выстрелил на звук. Наутро мы с Арсаланом по отпечаткам следов от обуви на свежем снегу определили, что кто-то неизвестный хотел проверить нас на прочность и бдительность.

Две пары афганских калош уходили в сторону горной реки Кокчи. Только река в этом месте была своеобразным заградительным барьером между афганской стороной и расположением нашей роты. Тем не менее, несмотря на холодное время года, кто-то смог переправиться и выйти к нашему посту. Сплошных минных полей вокруг расположения нашей роты не было, поэтому сохранялась возможность скрытного проникновения на наши позиции.

По рассказам моих сослуживцев, летом 1985 года на бортовом ГАЗ-66 с полуторакубовой ёмкостью бойцы решили привезти в роту воды для помывки личного состава в бане. Грузовик заехал в реку чуть больше допустимого, и бурным потоком автомобиль утащило ближе в середине реки. Хорошо, что обошлось без жертв. Только спустя несколько недель, когда уровень воды спал, автомобиль удалось вытащить из реки. Единственным материальным ущербом была утрата одного автомата, который мы нашли в двухстах метрах ниже по течению реки в середине мая 1987 года.

Под утро я пошёл на второй круг. Моё первое дежурство близилось к завершению. Я подходил к своей заставе, которая находилась на противоположной стороне взлётно-посадочной полосы. С первыми лучами пробивающегося из-за гор солнца со стороны расположения отдельной роты аэродромного обеспечения, совершенно неожиданно, в мою сторону бежали четыре разъярённых псины. Три серые собаки, с обрезанными ушами, южно-азиатские овчарки огромных размеров, лаяли и кидались на меня. Четвёртая, рыже-белого окраса, хитро, без звука забегала за мою спину и тайком пыталась напасть. Позже я узнал её кличку—Наташка-провокатор. Я схватил автомат за ствол двумя руками и стал отмахиваться им, как палкой. В панике я забыл, что у меня в руках оружие. Со стороны вся эта картина выглядела комично, но мне точно было не до смеха. И вот когда я совсем устал размахивать автоматом, вспомнил, что у меня в руках есть надёжное средство обороны. Я перехватил автомат, одним движением снял оружие с предохранителя, передёрнул рычаг затворной рамы и готов был пристрелить эту безумную свору. Услышав звук затвора, стая собак, как по мановению волшебной палочки, остановилась. Лай собак прекратился, псы успокоились и ретировались в свои будки…

Усталый, с чувством исполненного долга, я дошёл до своей землянки и, не снимая обмундирования, завалился на кровать и провалился в безмятежность. Проснулся оттого, что кто-то щекочет меня по носу. Я открыл левый глаз и увидел, как рядом с моей правой щекой на подушке сидит мышь и её хвост то и дело касается моего носа. Спросонья, не поверив своим глазам, я перевернулся на левый бок. Тут же моему взору предстала ещё одна мышь, которая спокойно расположилась на другой стороне подушки. Я пулей выскочил из постели, а сон как рукой сняло…

Глава десятая

К обеду снег растаял. На улице образовались грязь, слякоть и лужи. Небо—в плотных чёрных тучах. По полевому телефону из управления роты поступила команда: срочно всем не задействованным в несении службы солдатам прибыть в расположение управления роты. Взвод сломя голову побежал к месту сбора. Усталый после ночного дежурства, я побрёл за ними. Выйдя за границу заставы, в луже я увидел пачку разбросанных афганских купюр, собрал все денежные знаки, которые видел в первый раз. Приближаясь к управлению, увидел и поднял ещё несколько сотенных бумажек. Для меня эта картина была неожиданной.

На построении роты объявили, что ночью в расположении второго взвода, на одном из наблюдательных постов, корова «не ответила» на пароль. Да, бывает такое. Корову выпустили из стойла, непредсказуемое животное по ошибке побрело в известном только ей направлении. Боец, стоящий на посту, в кромешной мгле услышал чьи-то шаги, окрикнул: «Стой! Пароль?» Отзыва не последовало. На звук шагающего объекта в одно мгновение наблюдатель произвёл короткую очередь. Утром мирные жители кишлака Баймаласы не досчитались «Зорьки» в своём стойле. По мусульманскому обычаю, животному должны были перерезать горло и выпустить кровь, но так как животное пролежало до утра, этого никто не сделал. Дехкане принесли кормилицу на носилках к нам в управление роты и просили выкупить её у них. Мы через переводчика-таджика объяснили, что им самим необходимо было следить за «Зорькой» и не выпускать корову на прогулку в ночное время и что это их проблемы, а не наши заботы. На том и разошлись. Народ поднял носилки с животным и удалился восвояси…

Я подошёл к Арсалану, показал вымазанные в грязи афгани. На лице заместителя командира роты промелькнула едва заметная ухмылка.

—Наверное, бойцы испугались, что их будут шмонать, и избавились от пайсы (афганских денег),—тихим голосом, почти полушёпотом произнёс Арсалан.

—Откуда столько денег у бойцов?—переспросил я.

—Чуть позже всё расскажу и покажу,—ответил он.

—И что нам с этим богатством делать?—недоумевал я.

—Оставь пока себе до приезда ротного, потом решим, на что их использовать.

Такого поворота событий я не ожидал. Мы прошли по тропинке, ведущей к моей заставе, и подняли ещё несколько бумажек разного достоинства. Намётанный взгляд Арсалана увидел в грязи ещё и лепёшки чарса (афганский гашиш)… Нет, я, конечно, слышал, что в Афганистане этого добра хватает, но я не думал, что это всё безнадёжно рядом и что это явление когда-нибудь окажется близко ко мне…

Подойдя к заставе, мы построили личный состав взвода. Опытным взглядом Арсалан осмотрел бойцов и сразу определил, чьих рук это дело.

Арсалан отвёл меня в сторону и показал на командира отделения младшего сержанта Климова, он был родом из Фрунзе.

— Обрати на него внимание, сейчас не предпринимай резких движений, понаблюдай за младшим командиром,— посоветовал замкомроты…

Глава одиннадцатая

Почти все солдаты во взводе были одного призыва. Большинство военнослужащих отслужило не более полугода. Из всех бойцов моего взвода выделялись рядовые Саша Шапран из города Энергодар Запорожской области Украины, Мансур Рябиков из Тобольска, Миша Аспидов из Моздока, Игорь Карпюк из Тулы и Костя Чугуряну из Молдавии. Парни бравые, три месяца перед Афганом проходили службу в учебном полку в Термезе, их готовили для службы в разведке.

Шапран—вылитый Рэмбо, с приятными чертами лица, широкой белозубой улыбкой, косая сажень в плечах, высокий и стройный запорожский казак. Мансур—застенчивый молодой человек, но в боевой работе—зверь. Миша—рубаха-парень, любитель пообщаться на разные темы, серьёзно занимающийся дзюдо. Костя—слегка в себе, немногословный, хозяйственный парень из молдавской деревни. Игорь—интеллектуал и борец за справедливость…

В дальнейшем все пятеро стали моей главной опорой во взводной жизни. Они хоть и самые младшие по призыву, но спуску никому не давали.

Под предлогом проведения комсомольского собрания взвода я собрал подчинённых в столовой. Саша Шапран был взводным комсоргом. Он начал собрание, я, как старший товарищ, выступил со вступительным словом.

Мне было важно вывести своих ребят на откровенный разговор. Я напомнил им, что в любой ситуации необходимо быть со своей совестью в ладу. Я говорил прописные истины: о том, что всех их ждут на родине близкие и родные люди; что для людей не придумали запасных частей; чтобы они поддерживали друг друга в самых трудных ситуациях и были как одна семья. Нам всем нужно было вернуться домой. Вот лейтмотив моего выступления. Кто-то сидел и смотрел стеклянным взглядом сквозь меня, но подавляющее большинство солдат мои слова задели за живое.

После моего вступительного слова комсорг встал во весь свой богатырский рост и стал резать правду-матку. Всё, что было сказано Шапраном, он сделал открыто и честно. Бойцы устали жить и служить под постоянным давлением старослужащих из других взводов, особенно первого. Те часто использовали моих солдат для выполнения «специфических» поручений. Мне и в голову не могло прийти, что в Афганистане была дедовщина. Я, наивный человек, не предполагал, что военнослужащие, объединённые одной большой и важной задачей, которая сопряжена с каждодневным риском для жизни, могут по-свински относиться к младшим призывам. Озлобленный своим униженным положением солдат способен выместить свою обиду в бою.

Речь зашла и о младшем сержанте Сергее Климове. Худощавый, со впалыми щеками, небольшого роста, тщедушный и безобидный на вид, Климов был наркоманом со стажем. Судя по всему, попробовал и пристрастился к этой заразе он ещё на гражданке, в Киргизии. Взводные материальные ценности младший сержант тайком менял в ближайшем кишлаке на тяжёлые наркотики. Сослуживцев тоже не устраивала такая ситуация, поэтому мы вместе приняли решение помочь ему и попытаться избавить его от пагубной привычки, полностью ограничив его контакты с местным населением. Не сразу, но это возымело свои плоды.

Глава двенадцатая

Однажды утром, выйдя из своей канцелярии, я увидел младшего сержанта Климова, лежащего на кровати и корчившегося от боли. Он не находил себе места. Его буквально выворачивало наизнанку. В тот момент я не мог предположить, что у Клима началась ломка. Я просто с этим никогда не сталкивался. Никто из подчинённых также не стал посвящать меня в премудрости и тонкости его состояния…

Я подошёл к командиру отделения и спросил его:
— Сергей, что с тобой?
— Живот сильно болит,—скривив лицо от боли, ответил Климов.
— Собирайся, поедем в полковую медсанчасть. Надо только в управление роты сообщить…

Получив добро от ротного, я собрал сержанта, и мы отправились на БРДМ в отдельный файзабадский мотострелковый полк на приём к хирургу.

Без труда добравшись до полка, мы проследовали к модулю, где располагалась медсанчасть. Я оставил Климова в коридоре на кушетке и зашёл для предварительного разговора с доктором, в звании капитана.

Выслушав меня о симптомах моего подчинённого, капитан понял причину сильных болей в животе, и он попросил меня позвать пациента для осмотра к себе в кабинет. Выйдя в коридор, я не увидел своего сержанта. От злости я готов был разорвать его на части, если б только он попался мне в эту минуту. На крыльце стояли солдаты и громко о чём-то разговаривали. Я спросил у них:
— Бойцы, кто-нибудь видел младшего сержанта, невысокого роста, со светлыми волосами?

Солдаты посоветовали мне пройти за угол. А за углом щитового модуля стояла знакомая фигура младшего сержанта Сергея Климова, излучавшая радость от жизни и её прекрасного и светлого будущего…

— Товарищ младший сержант, ты почему вышел из коридора? — с нескрываемой ненавистью прошипел я.
— Я воздухом подышать захотел, там душно, товарищ старший лейтенант, — выдыхая сигаретный дым и улыбаясь, ответил Климыч.
— Воздухом он дышит, мать твою! Пойдём к врачу, он тебя посмотрит.
— Может быть, не надо к врачу? Уже ничего не болит…
— Как не болит? Ты же несколько минут назад умирал, я уже в мыслях готовил текст скорбного письма твоим родителям.
— Всё прошло, мне уже лучше, ничего не болит.
— Не может быть. Ты же так изнывал от боли — я думал уже, всё, капец Климову…
— Поехали в роту, товарищ старший лейтенант, — растягивая слова, медленно проговорил Климов.

Я схватил сержанта за руку и потащил в кабинет к капитану.

Увидев нас, доктор растёкся в улыбке…
— Ну, как я и предполагал, старлей. Что, сержант, кто-то угостил тебя чарсом, и сразу отпустило? Когда ж ты успел?
— Никак нет, товарищ капитан, — с серьёзным видом, пытаясь соответствовать обстановке, ответил Климов.
— А ну-ка дай мне твои руки.

Климов расстегнул рукава хэбэшки и показал доктору вены на своих руках. Никаких следов от уколов не было.
— Снимай брюки и опускай трусы, — приказал капитан. — Смотри старлей, он у тебя ханкой увлекается.

В районе паха у сержанта образовались стройные дорожки от уколов… Я ужаснулся от увиденного.

Значит, у него есть шприц, возможность и условия для приготовления наркотических инъекций на заставе. И все эти манипуляции происходили на глазах у всех подчинённых и с их молчаливого согласия? От этих предположений мне стало не по себе…

Климов не был физически сильным человеком, способным держать в страхе двадцать с лишним человек. Я предположил, что это — равнодушие и смирение перед сложившейся ситуацией, когда никому ничего не хотелось менять. Но ведь до меня во взводе были другие командиры. Неужели никто не замечал, что есть такой порок? Я и представить себе не мог, с какими сложностями мне придётся столкнуться…
— Понимаешь, сержант, — начал доктор, — Бог с тобой, ты потерянный для общества человек, и как ты будешь жить дальше, меня не интересует. Но ты же подводишь своего взводного. Он у тебя без году неделя в Афгане, толком ничего не знает про это зло и верит каждому твоему слову. А верить наркоманам нельзя. Надо очень жёстко себя вести с такими, как ты. Надо бить по рукам и хлебальнику и привязывать к кровати. Пусть переломает, пусть лучше ты сдохнешь, чем будешь коптить эту землю и плодить себе подобных, а в случае, если выживешь, может, задумаешься, стоит ли ещё раз начинать. Ты понял, старлей?

Я кивнул головой в знак солидарности с врачом…

Капитан говорил эти слова Климову, но в большей степени они были обращены ко мне, потому что для сержанта в том состоянии, в котором он в ту минуту находился, слова доктора пролетали мимо ушей.

От неимоверного стыда за своего подчинённого я сидел и ёрзал на стуле. Мне и правда было невдомёк всё, что связано с наркотиками. В военном училище нас никто не учил подобным проблемам. Я впервые напрямую столкнулся с этим явлением только в Афганистане.
— И ещё, командир, это тебя касается и всех ваших отцов-командиров. Надо создать во взводе, в роте обстановку нетерпимости к наркотикам, чтобы был тотальный контроль за каждым человеком. Загружайте по полной программе свой личный состав, чтобы у них головки не раскачивались в разные стороны. Общайтесь с ними каждый день, напрягайте, чтобы от усталости у них ноги подкашивались и не было других мыслей, кроме одной: как бы поскорее лечь «у койку». Это, пожалуй, главное, а как там у тебя получится, могу только предполагать.

Капитан опустил голову и от безысходности махнул рукой… Легко сказать, тяжело осуществить…

Глава тринадцатая

Что было дальше с младшим сержантом Климовым? А дальше была каждодневная тяжёлая работа, итогом которой стали слова благодарности от Сергея Борисовича Климова, когда он убывал по окончании службы в Афганистане на Родину, в родной Фрунзе.

Во время прощания с дембелями весной 1987 года Сергей со слезами на глазах подошёл ко мне. Мы обнялись и долго стояли в таком положении. Он полушёпотом говорил, что благодаря мне и всем бойцам нашего взвода покончил с этой болезнью. Мне искренне хотелось в это верить…

По его взгляду я видел, что он не хотел уезжать домой. Здесь оставались настоящие друзья, которые в трудную минуту пришли на помощь, здесь оставались настоящие и доверительные отношения, скреплённые выполнением одной общей задачи — остаться живыми и вернуться домой.

Невооружённым взглядом было видно, как изменился Климов. Из суетливого и вечно замусоленного доходяги Климыч преобразился. Главное, изменился цвет кожи на лице, она стала

светло-золотистого оттенка, выпрямилась спина. Он ходил с высоко поднятой головой. Форма стала сидеть, а не висеть на его худенькой фигуре. Мне тоже было приятно наблюдать за этими изменениями и видеть своими глазами результат общей работы.

Мы почти каждый вечер, особенно когда он был дежурным по заставе, разговаривали с ним. Разговоры «за жизнь» заканчивались далеко за полночь. Беседовали на разные темы, больше о семье, о будущей послевоенной жизни. Я видел, с каким интересом он общается со мной. Я понимал, что ему на гражданке не хватало простого человеческого внимания.

Он с ранних лет был предоставлен самому себе. Родители с утра до позднего вечера работали на производстве. Отец сильно выпивал. Кроме Сергея, мать воспитывала двух его братьев и сестру. Двор и улица были главными учителями. В какой-то момент Климыч решил не отставать от своих сверстников и попробовал сначала «травку», потому что ею баловалось всё окружение. Потом подсел на тяжёлые наркотики. Проблем с тем, где достать это зелье, в Киргизии нет. Так юношеское любопытство стало большой головной болью для его родителей. Единственная надежда для родных—армия. Может, она, родимая, поможет что-то изменить в жизни их отпрыска и сделать из него человека. А тут Афган—хрен редьки не слаще…

Я всё время думал, как призывник Сергей Климов перед армией прошёл медицинскую комиссию… Потом вспомнил. Мне ж предлагали продолжить службу в районном военкомате вместо уволенных офицеров. Может быть, кто-то из них оставил на гражданке сынка богатеньких и статусных родителей, а Серёгу Климова, с кучей забот, оправил служить с глаз долой, в Афганистан…

Мы расставались и оба понимали, что, возможно, больше никогда не увидимся, что будущее Сергея Климова зависит только от него самого. За полгода мы стали родными людьми. Где ты, сержант Сергей Борисович Климов???

Глава четырнадцатая

Служба постепенно набирала обороты. За пару недель я познакомился с обстановкой, изучил близлежащую местность. Я каждый день занимался с подчинёнными боевой подготовкой. Тренировал действия личного состава при различных нештатных ситуациях. Сам придумывал новые вводные для своих бойцов, и что-то они подсказывали мне, чтобы улучшить и отшлифовать до автоматизма действия по тревоге.

Большей частью обстрелы происходили в ночное время, и чтобы облегчить наведение пулемётов БТР в цель, в каждом бронетранспортёре в башне стрелка-наводчика пулемёта была приклеена огневая карточка, где были прописаны все его действия.

Во время занятий днём прицельная марка пулемёта была направлена точно на основной ориентир. Остальные ориентиры и возможные точки для обстрела были чётко выверены по количеству оборотов горизонтального и вертикального приводов наведения пулемётов относительно основного ориентира и записаны в огневую карточку. Поэтому, отработав действия по тревоге днём, ночью наводчикам пулемётов было легко выполнять мои команды, даже с закрытыми глазами.

Особое внимание уделялось организации связи и взаимодействию с другими взводами роты и вертолётчиками. Мы старались вести радиообмен, используя закодированные команды. Каждый член экипажа мог спокойно настроить радиостанцию, перейти на запасную частоту.

Ещё одним из главных принципов в боевой учёбе была задача научить главных специалистов взаимозаменяемости. Все члены экипажей бронетранспортёров научились выполнять смежные навыки. Даже простые стрелки, пулемётчики, снайперы и гранатомётчики спокойно могли заменить любого члена экипажа. Этот важный элемент боевой учёбы вызывал повышенный интерес и мотивацию у солдат к овладению новыми воинскими специальностями и навыками и сплачивал коллектив.

Водители бронетранспортёров (БТР-70), а их во взводе было три единицы и одна боевая разведывательная дозорная машина (БРДМ-2), ежедневно занимались обслуживанием машин. Техника стояла в оборудованных окопах, обложенная большими валунами. Один раз в неделю, установив очерёдность, мы выгоняли из капониров БТР и, проезжая около пяти километров, проверяли работу всех систем на ходу. В случае обнаружения неисправности это позволяло своевременно производить ремонтные работы.

Надо сказать, что в марте 1984 года, при вводе батальона в Афганистан, только техника первой роты нашего батальона прошла все испытания, от Хайратона до Файзабада.

При подлёте караванов вертолётов к зоне ответственности нашей роты мы занимали огневые позиции и вели непрерывное наблюдение за окружающей местностью, пока караван не возьмёт обратный курс на Кундуз.

На двух постах наблюдения, которые были у меня во взводе, постоянно велись записи в журналы наблюдения обо всех передвижениях и изменениях в обстановке. Каждый день я проверял ведение этих журналов. Иногда, прочитав строки, которые записывали наблюдатели—выходцы из Средней Азии, можно было упасть от смеха. Вот один из таких перлов:

«17.12.1986 год, 15 чисов 08 минут, из кищлак Баймаласи в кищлак Кури пробурбухала один бурбухайка марки „Индия“. На мащинке и в кабинь биль 25 чилвек…» Перевод: «17.12.1986 года, 15 часов

08 минут, из кишлака Баймаласы, в кишлак Кури проехал грузовой автомобиль марки „Индия“. В автомобиле находилось 25 человек…»

Кроме всего прочего, каждый день мы совершенствовали свои огневые позиции и окопы в инженерном отношении и улучшали состояние своего жилища. Никого не нужно было заставлять выполнять трудную физическую работу. Все прекрасно понимали: всё, что мы делаем,—это во благо каждого в отдельности и для взвода и роты в целом.

Глава пятнадцатая

Незадолго до моего приезда, когда взводом командовал старший лейтенант Арсалан Гомбоев, застава почти полностью сгорела. Тепловая ловушка от вертолёта, выпущенная слишком низко над землёй, не успела полностью сгореть и попала на крышу землянки. Землянка сгорела за считанные минуты. Личный состав успел вынести оружие, носимый боекомплект и личные вещи. Не смогли сохранить оптические прицелы к гранатомётам, снайперским винтовкам и приборы ночного видения… Чудом никто в том пожаре не пострадал, но его отголоски ощущались сполна, потому что всё жилище нужно было оборудовать заново. Строительный материал в Афганистане был в большом дефиците, поэтому для обустройства нашей землянки приходилось различными способами находить каналы поставки всего необходимого.

Совместными усилиями мы привели свое жильё в нормальное состояние. Однажды ко мне подошла группа бойцов и показала «живой» клубок. Вначале я подумал, что это дождевые черви переплелись между собой, образовав клубок, еле умещавшийся на ладони. Но когда я внимательно присмотрелся, то увидел еле заметные язычки, высовывающиеся из маленьких пастей змей. Удивлению не было предела. Этот клубок солдаты раскопали рядом с землянкой, когда делали усиление стен, подсыпая их гравием. Значит, мама-змея нашла самое безопасное место и отложила яйца со своим потомством в непосредственной близости от людей. Я первый раз в жизни так близко увидел змей. Что с ними делать, я не знал. Поразмыслив, мы с бойцами пришли к общему мнению: до сей поры никаких неудобств змеиная семья нам не доставляла, поэтому решили оставить молодняк в покое и положили клубок на прежнее место.

Как показало время, это было правильное решение. Несмотря на то, что в дальнейшем мы иногда видели змей, больших хлопот они нам не принесли. Правда, был один эпизод, связанный со мной, о котором рассказывать на страницах этого дневника не совсем удобно…

В общем, во время отправления естественных надобностей кобра-мама, а может быть, один из её отпрысков, застала меня в интересном положении, расположившись напротив раскрытой двери туалета, аккурат перед моим лицом, на расстоянии трёх метров. Змея раскачивалась в разные стороны и заставила меня оставаться в неподвижном состоянии весьма долгий промежуток времени… Тут уж не до геройства, однако…

Глава шестнадцатая

Серьёзным испытанием для вновь восстановленной землянки стало землетрясение, которое произошло в середине января 1987 года.

Поздно вечером я собрал в канцелярии сержантский состав для подведения итогов прожитого дня и предварительной постановки задач на следующий день. После короткого совещания мы мирно беседовали, а командир отделения сержант Шевченко рассказывал смешную историю из своей довоенной жизни…

Вдруг откуда-то из-под земли послышался сильный гул. Все сидевшие в помещении сержанты переглянулись между собой, мы не понимали, что происходит. Моё тело пронзила нескрываемая дрожь. На лицах бойцов была заметна лёгкая паника. Через пару-тройку секунд я почувствовал, как пол начинает уходить из-под ног. В этот момент со стены с грохотом упала доска с взводной документацией. В распахнувшуюся дверь спального помещения я увидел, как с большой амплитудой раскачиваются двухъярусные кровати и с них кубарем падают мои бойцы. Раздался душераздирающий крик дежурного по взводу:

— Застава, подъём! В ружьё! Землетрясение!!!

Помимо всего прочего, в землянке отключилось освещение. Столпотворения не было. Имея в землянке два выхода, личный состав без паники в считанные секунды покинул помещение. На построении при беглом осмотре выяснилось, что никто из подчинённых не пострадал, все несущие конструкции—стены и крыша—остались на месте. Уже утром следующего дня обнаружились небольшие трещины, которые к обеду бойцы заделали глиняным раствором.

В файзабадском полку последствия были серьёзнее. Там смертельные раны получили два солдата из боевого охранения, находившиеся, как и мы, в землянке. Их придавило перекрытием…

Через два дня в программе «Время», среди прочих новостей, диктор озвучил информацию о землетрясении в Таджикистане силой шесть с половиной баллов. Эпицентр землетрясения находился на территории Афганистана, рядом с городом Файзабад в провинции Бадахшан. Сила толчков в эпицентре составила около девяти баллов по шкале Рихтера. Позднее таких толчков было так много, что я просто перестал обращать на них внимание…

Глава семнадцатая

Спустя неделю после моего прибытия в роту, ночью, во время своего дежурства, я вновь проверял

посты нашей роты. Проходя по позициям первого взвода, я обнаружил, что на посту возле афганской пересылки файзабадского аэродрома два наблюдателя, откинув своё оружие в сторону, спят мертвецким сном. По установленному в таком случае чрезвычайному происшествию, я произвёл в воздух три коротких очереди из автомата. Бойцы на заставе должны были подняться по тревоге и прибыть на боевые позиции. Никакого движения со стороны заставы первого взвода не наблюдалось. Я проследовал в расположение первого взвода, спустился в землянку и увидел сидевшего за столом в полумраке, подсвеченном «летучей мышью», дежурного сержанта, который также спал, опустив свой лоб на стол, положив под него шапку-ушанку. Я разбудил дежурного и попросил поднять взвод по тревоге.

— Застава, в ружьё! — сонным голосом скомандовал сержант.

В ответ была тишина, и лишь кто-то из старослужащих, кого я не видел в темноте, буркнул нечленораздельную фразу:

— Эй, это икто там такой борзий? Сапсем ох…л, что ли?

Признаться честно, я впервые слышал такие слова в свой адрес. От этой наглости внутри всё закипело. Я не стал никого уговаривать:

— Взвод, слушай мою команду: если команда «В ружьё!» не будет выполнена на счёт «три», буду стрелять!

Вновь чьи-то уста выдавили непереводимый текст:

— Старлей, пошёл на…й отсюдава, ты ж ещё зелёный, как…й у крокодила. В Афгане кам-кам (чуть-чуть — фарси) служил. Иди ви свой землянка, пока тебя тут же не пристрелили и не закопали в туа…

Я не дал закончить свою тираду обнаглевшему подонку и короткой очередью над кроватями прервал монолог старослужащего солдата. Народ на кроватях не ожидал такой реакции и слегка напрягся. В ту же секунду из угла землянки выскочила громадная «горилла», которая скачками направилась в мою сторону. Я спокойно успел подняться из землянки на улицу. Встав напротив выхода, я увидел, как внизу показалась голова рядового Иноятова, руки которого нервно сжимали автомат. Выбежав со света в темноту, он не увидел меня. Я воспользовался внезапностью и приставил ствол своего автомата к его лбу.

— Ещё одно движение — и ты труп, — чуть слышно произнёс я. — Ты понял, боец?

Секундное замешательство, он быстро принял правильное решение и опустил оружие.

— Я вэсё поняль, таварищ старший лэйтнант, вэсё, вэсё, таварищ старший лэйтнант, — заблеял рядовой Иноятов.

Что нужно было делать мне в такой ситуации? Спустить всё на тормозах и сделать вид, что ничего не произошло? Уйти восвояси и остаться в глазах солдат и сержантов, хоть и не своего взвода, слабаком? Решения и действия были спонтанными, но, как оказалось в дальнейшем, единственно правильными.

Тогда, в целях воспитания коллективной ответственности, я вместе с первым взводом нашей роты провёл в окопах почти целый день. Солдаты и я принимали пищу в окопах, я проводил с ними душещипательные разговоры «за жизнь» и видел, как меняется их настроение.

Я рассказал о себе, когда и какое училище я закончил, где и сколько времени прослужил до Афганистана. Я рассказал, что у меня есть младший брат, такого же возраста, как большинство из военнослужащих нашей роты. И что все они для меня такие же солдаты, как мой брат. Мне было небезразлично, что они сами думали о сложившейся ситуации. Ведь это не моя личная прихоть — проверить, как осуществляется служба в роте в ночное время, обнаружить, что на одном из постов нерадивые бойцы спят и затем посадить сослуживцев этих негодяев на весь день в окопы в качестве наказания. Они и сами понимали, что последствия такого отношения к несению службы могли быть плачевны — для них самих в первую очередь…

Ближе к концу светового дня, когда все, в том числе и я, продрогли насквозь от сырой и мерзкой погоды, ко мне подошли виновники «прекрасного времяпровождения на лоне природы» во главе с рядовым Иноятовым. В присутствии всего взвода они попросили прощения и заверили, что впредь ничего подобного больше не повторится.

До их дембеля оставалось несколько недель. Никто не хотел проблем перед встречей с родными…

Глава восемнадцатая

Ближе к Новому году из госпиталя вернулись все вылечившиеся офицеры. Я познакомился со своим ротным Сергеем Ефимкиным и командиром первого взвода лейтенантом Артуром Егиазаряном. Сергей был сухим, можно сказать — худощавым, с острым кадыком, двадцатичетырёхлетним молодым человеком, с зычным командирским голосом, заряжающим своей неуёмной энергией. Поначалу я чувствовал его настороженность по отношению ко мне, но через некоторое время он увидел, каким стал мой третий взвод. Он видел моё отношение к службе. Может быть, до него дошла история с дембелями первого взвода.

Большим плюсом было то, что я быстро освоился с окружающей действительностью. В течение нескольких дней я написал пару-тройку текстов и положил их на мелодии известных песен. При случае я исполнил их в нашей офицерской столовой. Незамысловатые, в шутливой форме, тексты песен-переделок создавали неформальную

атмосферу. Это приветствовалось в армейской среде. В дальнейшем я написал цикл таких песен-переделок, стихов и даже поэму… Мы не зацикливались только на службе, у нас была своя, особая армейская жизнь. Общими усилиями мы вместе раскрашивали суровую действительность новыми красками…

Глава девятнадцатая

За неделю до празднования Нового, 1987 года Сергей предложил съездить в Файзабад. Благо в нашем распоряжении были найденные мною афганские деньги, которые я решил сдать ротному, когда тот приехал из госпиталя.

Ранним утром, когда солнце не успело показать свои первые лучи из-за гор, мы вдвоем с ротным и ещё парой солдат, в полном снаряжении, сели по-боевому в БРДМ-2 и поехали в город. Проезжая мимо кишлака Кури, я отчётливо услышал, что в борт БРДМ кинули горсть камней. Как оказалось позже, это была автоматная очередь, которая оставила на броне недвусмысленные следы…

Дорога пролегала вдоль горной речки Кокча. По правую сторону узкой колеи свисала отвесная скала, которая местами едва не задевала за броню. На некоторых участках дороги практически невозможно было разъехаться с впереди идущими гужевыми повозками и уж тем более с «барбухайками» (афганским грузовым автомобильным транспортом).

Мы въехали в Файзабад, по мосту переехали через Кокчу, повернули налево и оказались на главной торговой улице города. Дуканы представляли собой старые деревянные полуразвалившиеся торговые лавки, на дверцах которых и внутри в хаотичном порядке был выложен товар, от изобилия и ярких красок которого разбегались глаза. Солдаты заняли оборону. Мне нужно было закупить для взвода мыльно-пузырные принадлежности, белую ткань для подворотничков и ручки с цветной пастой. Конечно, мне хотелось приобрести что-то и для себя. На прилавке я увидел японские часы разных марок. Мы подошли к дуканщику Ибрагиму, который позиционировал себя как дукандор, у которого есть всё, что необходимо покупателю. Я спросил у него часы с синим циферблатом, на что авторитетный торговец ответил по-русски:

— Уважаемый, в Файзабаде нет.

Сие означало, что если у Ибрагима нет, то и во всём Файзабаде таких часов с синим циферблатом нет… Мы одобрительно переглянулись с Сергеем, услышав такой довод. Я выбрал себе «Ricoh Automatic». Ибрагим оценил мой выбор. Он подкурил сигарету, приставил её огонёк к часам, показывая, что это настоящий хрусталь, а не какой-нибудь пластик, и предложил положить часы под колёса бронемашины, на что получил категорический отказ со стороны ротного.

Возвращаясь обратным маршрутом, на левом берегу реки, в центре Файзабада, Сергей показал на три одиноко стоящих высоких хвойных дерева. Метров десять на стволе дерева не было ни одного сучка и веток. Вся крона располагалась на макушке.

— Надо, чтобы к Новому году одна ёлка была у нас в роте,—вслух поделился своими мыслями ротный.

Сказано—сделано…

Глава двадцатая

Мы тщательно разработали план операции по захвату ёлки и через два дня снова были в Файзабаде. Во время утреннего намаза и омовения, по всем законам военного искусства, выставили группу прикрытия, организовали группы захвата и обеспечения. Самый ловкий и цепкий, Игорь Карпюк, в одно мгновение забрался на макушку дерева, быстро отпилил кончик ёлки высотой около полутора метров, оставив бóльшую часть кроны нетронутой, скинул его вниз. Саня Шапран с Мансуром Рябиковым перевязали ёлку простынёй и поместили зелёную красавицу в люк командирского бронетранспортёра с замазанными номерами. Вся «операция» длилась немногим более двух-трёх минут. Мы спокойно выехали из города и вздохнули полной грудью. У нас в первой роте, одна на весь Бадахшан, была своя настоящая ёлка!!!

Теперь её необходимо было нарядить. Игрушек нет, гирлянд нет, мишуры тем более нет. Как известно, из каждой безвыходной ситуации есть как минимум два выхода…

Из ЗИПа бронетранспортёров мы собрали лампочки, спаяли их последовательно в гирлянду, рассчитав необходимое количество штук. Затем цветной пастой из стержней для авторучек выкрасили их. Мишуру, тонкими полосками серебристого цвета, нарезали из полиэтиленовых пакетов для трупов. Игрушки сделали солдаты из подручных материалов.

К встрече Нового, 1987 года первая рота готова!!!

Глава двадцать первая

Наш старшина, Игорь Богданович Кузив, выходец из Западной Украины, небольшого роста и плотного телосложения, слегка лысоватый прапорщик, тоже готовился к праздничному мероприятию. Имея такого старшину, профессионала с большой буквы, бойцы нашей роты и мы, офицеры, никогда не испытывали проблем с обеспечением всеми видами довольствия. Надо отдать должное пробивной способности Богданыча. У нас частенько в рационе имелись дефицитные продукты питания, которые не всегда были на столе у командира файзабадского отдельного полка. Игорь Богданович встречал вертолётные караваны с грузом из Кундуза и первым узнавал, что сегодня привезли в наш гарнизон. Как-то раз поступила свежемороженая

красная рыба. Практически вся без остатка она оказалась у нас на складе. Богданыч засолил её в дубовом бочонке и на протяжении трёх месяцев кормил нас этим деликатесом по утрам. На всех складах гарнизона служили его земляки, славные представители украинского народа. Имея разветвлённую сеть поставщиков, Игорь Богданыч щедро расплачивался с ними установленной в Афганистане «валютой» — самогоном. А самогон у Богданыча был знатный, после употребления которого не было никаких последствий изменённого сознания, потому что, как он сам выражался: «У меня мэдь…» — так как самогонный аппарат сделан из медных трубок, которые не окисляются. И ещё он использовал активированный уголь для фильтрации произведённой продукции.

Праздник вдали от родных, да ещё в такой непривычной обстановке, в мужском коллективе, — это особый случай. Вечером на построении ротный поздравил всех военнослужащих, приказав всем нам вернуться живыми домой! Силами поваров был приготовлен праздничный ужин, главными деликатесами которого были пельмени и вареники. Фарш для пельменей представлял собой прокрученную через мясорубку тушёнку с обжаренным луком.

Глава двадцать вторая

В каждом взводе солдаты скидывались деньгами и закупали сладости и другие вкусные штучки в местном магазине военторга. В основном это были продукты югославского производства.

Отличительной особенностью праздничных мероприятий было приготовление большого торта на весь взвод, который едва умещался на столе. Покупалось несколько коробок югославского печенья, которое замачивалось в каком-нибудь соке или SiSi (газированный аналог фанты). Часть сухого печенья измельчалась до однородной массы, в него вмешивалось сгущённое молоко. Это был крем для промазки слоёв вымоченного в соке печенья. Затем всё это вкусное безумие соединялось, и последний верхний слой заливался варёной сгущёнкой. Ягодами из компота выкладывалось поздравительное приветствие…

Новый год встречали несколько раз, по числу часовых поясов большой страны, откуда приехали офицеры и прапорщики нашей роты. Первым был Арсалан Гомбоев — он из Читы, потом я из Красноярского края, дальше замполит роты из Новосибирска. По местному времени праздник отмечала вся рота. По московскому времени отмечали все остальные ребята из западной части нашей необъятной Родины…

С боем Кремлёвских курантов небо над аэродромом и горными заставами Бадахшана расцветало от трассирующих пуль, сигнальных и осветительных ракет. Автоматными очередями дембеля выписывали в небе воображаемый «ДЕМБЕЛЬ-1987!!!».

Встретив долгожданный праздник, я, как самый «молодой» в нашей роте в Афганистане взводный, пошёл проверять посты наблюдения, заодно ещё раз поздравить всех, кто находился на службе.

Зайдя на заставу первой роты, я увидел Айдара Иноятова. Он подошёл ко мне, в почтении склонил голову, сложил мои руки в свои и произнёс важные для него и меня слова:

— То, что произошло между нами, послужило для меня хорошим уроком, который я буду помнить всю жизнь. Я уважаю вас как мужика и как офицера. На вашем месте я поступил бы точно так же…

Я молча положил ему руку на плечо и ответил:

— Ягши, ягши (хорошо, хорошо)… Всё будет хорошо…

Глава двадцать третья

Первого января 1987 года, после утреннего развода и разбора ночных праздничных «полётов» (несения ночного дежурства), офицеры и прапорщики роты собрались в офицерской столовой. Иллюминация сверкала огнями, приятная обстановка способствовала лёгкой расслабленности после моего ночного дежурства.

По телевизору шёл репортаж хоккейного матча из Канады. Мы мирно обсуждали перипетии происходящего в хоккейной коробке, как вдруг недалеко от нас раздался взрыв. Наблюдатель забежал в столовую и сбивчивым голосом сказал, что рядом со сбитым несколько лет назад афганским Ан-26 увидел чёрный дым от гранаты…

Все сидевшие в столовой офицеры и прапорщики вышли на улицу и поднялись на землянку продуктового склада, чтобы оценить произошедшее. Тут же прозвучал ещё один взрыв, чёрный дым от которого могли видеть уже и мы.

Сергей, Арсалан и я вскочили на бронетранспортёр и поехали туда, где прогремел взрыв. Подъезжая к предполагаемому месту взрыва, метрах в ста пятидесяти от самолёта увидели толпу офицеров и прапорщиков отдельной вертолётной эскадрильи. Мы остановились у самолёта. Рядом с ним стоял офицер, руки которого были скрыты зимним офицерским бушлатом. На лице лейтенанта красовались сизо-жёлтые разводы и ссадины. Белёсые волосики усов торчали в разные стороны. Внешний облик вертолётчика был несвеж и слегка потрёпан. На вид ему было не больше двадцати трёх лет.

Мы спрыгнули с бронетранспортёра и подошли к виновнику чрезвычайного происшествия. Из толпы вертолётчиков отделились две фигуры: это были заместитель командира 181-го отдельного вертолётного полка подполковник Ильдуз Минибаевич Халитов, который командовал сводным отрядом вертолётчиков в Файзабаде, со своим

заместителем. Наш ротный Сергей Ефимкин жестом, не терпящим возражений, остановил приближающихся офицеров.

— Что случилось? — спросил Сергей у летуна.

В ответ не последовало никаких намёков на диалог.

Вертолётчик стоял, насупившись, закрыв свой рот тонкими губами.

— Родной, давай будем говорить, — терпеливо не унимался ротный.

— Первый, второй, третий, я четвёртый, ахтунг, взлетаем, — указывая пальцем, посчитал нас и себя вертолётчик.

Каждый из нас троих подумал, что эта фраза, озвученная офицером, имеет отношение к пилотскому сленгу и означает одновременный взлёт группы вертолётов… В этот момент кто-то из толпы крикнул, что у него в карманах может быть граната. На обледенелой кромке лужи я заметил кольцо с согнутыми усиками предохранительной чеки и взглядом показал ротному. Такого поворота событий мы явно не ожидали. Судя по тону произнесённой фразы стоящего перед нами человека, вертолётчик намеревался сиюминутно исполнить озвученную им «команду». Нужно было немедленно что-то сделать, чтобы вывести его из оцепенения и предотвратить надвигающуюся угрозу. Счёт шёл на секунды.

— Слышь, брат, как тебя зовут? Меня Арсалан, — вступил в диалог замкомроты.

— Коля, — через затянувшуюся паузу ответил офицер.

— Что случилось, Николай? — спокойным тоном продолжил Арс.

— Да ничего. Сука она… — процедил сквозь зубы Коля.

— Кто сука? — подхватил Серёга.

— Да эта шалава, Верка, — выдавил из себя Николай.

Из несвязного монолога вертолётчика стала проясняться картина произошедшего накануне события. Оказалось, что во время празднования Нового года официантка отдельной вертолётной эскадрильи Вера Носкова явилась яблоком раздора и конфликта среди офицеров.

— Ну и что? Давай сейчас всех разбомбим, и нас всех четверых увезут в цинках на Родину. Маме с папой лучше сделаешь? Они тебя и нас троих живыми ждут домой, а мы тут в цинке нарисовались… — начал партийно-воспитательную работу я.

— Где граната? — перехватил инициативу ротный.

— Здесь… — слезливым взглядом указал на правый карман, на спрятанную от посторонних глаз гранату, летун.

Горе-вертолётчик и сам уже решил закончить своё шоу, поэтому выторговывал у нас привилегию — не причинять ему физическую боль. Мы заверили его в полной неприкосновенности и приступили к изъятию руки с гранатой из кармана.

Арсалан взял Колину руку, вытащил её из кармана бушлата, и мы увидели синий от напряжения кулак, в котором, как в клещах, была зажата граната Ф-1.

— Давай осторожно, по пальчику, по пальчику, разжимай… — тихим голосом произнёс Серёга.

Вертолётчик с помощью ротного начал по очереди разжимать пальцы на гранате. Арсалан стал удерживать рычаг гранаты. А я — разговорами отвлекать Колю…

Наконец граната оказалась в руках у Арсалана. Он отошёл с ней метров десять в сторону и бросил в глубокую траншею. Гулкий взрыв эхом раскатился среди гор… Хотелось тут же вмазать этому сморчку, но обещанная неприкосновенность не позволила выплеснуть накопившуюся злобу…

К нам подбежали командир отряда со своим заместителем и ещё несколькими офицерами эскадрильи. Мы гарантировали Николаю полную неприкосновенность и попросили офицеров не применять к нему репрессивных мер. Несмотря на наши уговоры, вертолётчики скрутили Колины руки и увели в казарму.

Подполковник поблагодарил нас за содействие в нейтрализации лжетеррориста и рассказал предысторию того, что случилось ранним утром. Наши предположения подтвердились.

Во время празднования Нового года Николай проявил к Вере Носковой недвусмысленные знаки внимания. Женщина, ровесница Колиной матери, улыбалась всем присутствующим мужчинам. Молодой «Казанова» под воздействием алкоголя ошибочно предположил, что Верина лучезарная улыбка предназначалась исключительно для него, и предложил женщине уединиться с ним в укромном месте, но у женщины были другие планы и предпочтения на этот новогодний вечер. В конечном счёте, Николай получил от Вериных воздыхателей по полной программе, обиделся и решил выместить свою обиду на сослуживцах, устроив охоту с гранатой на тех, от кого «выхватил» накануне.

Никто точно не подсчитывал, сколько представительниц прекрасной половины человечества приходилось на одну тысячу молодых, здоровых, сильных и отважных мужиков в Афганистане. Думаю, немного. Оттого, в силу различных причин, возникали подобные ситуации в воинских гарнизонах Ограниченного контингента.

Через два дня лейтенанта отправили в Союз. Так бесславно закончилось выполнение интернационального долга в Республике Афганистан для боевого вертолётчика отдельной файзабадской вертолётной эскадрильи…

Глава двадцать четвёртая

После инцидента с горе-возлюбленным вертолётчиком, благодаря подполковнику Халитову и нашему ротному старшему лейтенанту Сергею Ефимкину, между командованиями наших подразделений завязались приятельские отношения.

Каждый день своими глазами мы видели боевую работу вертолётчиков. Это поистине адский труд, сопряжённый с огромным риском для жизни. Прогрев двигателей начинался в пять часов утра. Вертолётчики проходили медицинский осмотр, уточняли и корректировали задачи на день полётов. Затем осуществлялась загрузка необходимых грузов и групп военнослужащих 860-го отдельного мотострелкового полка для доставки на точки всего необходимого для выполнения боевой задачи, начиная от боеприпасов, продовольствия и воды, заканчивая углём и дизельным топливом. Во время боевых операций вертолётчики осуществляли огневую поддержку наземных подразделений.

Запомнился эпизод, когда четыре «вертушки» Ми-24 на наших глазах «обрабатывали» близлежащий кишлак, становясь в так называемую «карусель», по очереди заходя на цель и выпуская на неё огненный шквал из своего вооружения. За день вертолётчики производили до сорока вертолётовылетов. Тяжёлая мужская работа оказывала негативное психологическое и физическое воздействие на организм вертолётчиков, поэтому, в отличие от остальных военнослужащих Ограниченного контингента, они служили по году и заменялись в Союз.

В редкие минуты отдыха вертолётчики приглашали нас на волейбольные баталии и на просмотр кинофильмов на открытой площадке в вечернее время. На территории эскадрильи находился магазин военторга, в который до установления неформальных отношений между командованиями соседствующих подразделений наших солдат старались не пускать. Простые вертолётчики, члены экипажей, ревностно относились к посещениям якобы «своей» торговой точки, думая, что наши солдаты скупят весь магазин.

Двадцать третьего февраля Сергей пригласил командира сводного отряда с заместителем отпраздновать профессиональный праздник — День Советской армии и Военно-морского флота, а заодно и свой день рождения. Кроме вертолётчиков, на праздничные мероприятия приехали заместитель командира 860-го отдельного мотострелкового полка майор Ториханов, командир группы ГРУ в провинции Бадахшан капитан Мамедов Алиджан и другие высокопоставленные ответственные товарищи.

Мы заранее готовились к этому событию. Каждый взвод подготовил свою программу. После праздничного построения рота выдвинулась к футбольному полю, на котором и происходили наши показательные выступления.

Первый взвод подготовил программу одиночной строевой подготовки в составе мотострелкового взвода. Подчинённые Артура Егиазаряна показали приёмы обращения с оружием. Второй взвод показал эвакуацию раненых с поля боя различными способами. Мой третий взвод выполнил базовые комплексы рукопашного боя в составе двадцати человек и показывал приёмы самообороны.

Завершающим аккордом было исполнение нашей ротой строевой песни — «День Победы» Давида Тухманова, которую разложили на два голоса. Единственным негативным моментом была пасмурная, дождливая погода, но и она не омрачила праздник, удавшийся на славу.

Всё мероприятие прошло торжественно и динамично, без каких-либо заминок. Пригашённые гости были в восторге. Особую благодарность высказал майор Ториханов. Он удивился выучке наших солдат и выразил надежду на возможность передачи этого опыта своим подчинённым. Впоследствии мы участвовали в аналогичных мероприятиях на стрельбище отдельного мотострелкового полка, почётными гостями которого были приглашённые офицеры афганской армии.

По завершении наших выступлений Сергей пригласил гостей в здание строящейся бани, которое трансформировалась в столовую, на званый ужин. Такие мероприятия, особенно в непривычной обстановке, сближают людей. Два офицера нашей роты, Арсалан и я, контролировали ситуацию и не позволяли себе лишнего, потому что, несмотря на праздники, в подразделении должны оставаться адекватные командиры, способные принимать правильные решения. Это было непреложным правилом нашей роты.

Спустя час после начала ужина, с разрешения виновника торжества, командир эскадрильи отдал команду своему заму пригласить двух продавщиц магазина и разбавить мужской коллектив женским присутствием. Через полчаса за нашим столом сидели две представительницы прекрасной половины: Галина, выше среднего роста и плотного телосложения женщина, настоящая кубанская казачка, и Надежда, примерно такой же наружности, средних лет женщина. Галя подсела к Ильдусу Минибаевичу, а Надя — к его заместителю. Обе вели себя достойно и были приветливы настолько, насколько позволяла незнакомая компания. С приходом женщин мужская половина преобразилась: было заметно, как в два раза красноречивее стали произноситься тосты и как каждый из присутствующих хотел рассказать более смешной анекдот или историю, чем предыдущий оратор. Все мужики хотели обратить на себя внимание, но приоритеты были расставлены тогда, когда дамы расселись по своим местам, и все попытки каким-либо образом поменять устоявшийся

порядок разбивались о равнодушные взгляды продавщиц. В конце ужина Сергей попросил меня спеть пару песен-переделок под гитару, я с удовольствием сделал это. После выступления, попрощавшись с гостями, со спокойным сердцем я отправился к себе на заставу для подготовки к ночному дежурству.

Глава двадцать пятая

После очередного ночного обхода я отдыхал у себя в комнате, писал письма на Родину, вкладывая в каждый конверт фотокарточку популярной актрисы из Болливуда. В этот раз это была индийская актриса Пунам Дхилон.

Мой замкомвзвода старший сержант Рахмонов готовился отметить свой день рождения. С этой целью он отправился в магазин, чтобы закупить необходимые сладости к праздничному столу. Через полчаса Рахмонов пришёл на заставу с пустыми коробками и запиской от казачки Галины Владимировны в мой адрес. Галя отказалась продавать печенье и соки в больших количествах, а в записке написала: «Товарищ старший лейтенант, не хотели бы вы прийти в магазин и лично попросить у меня за своих подчинённых?» Я понимал, что это был повод для завязывания неких более близких отношений, но в мои планы не входило тесное знакомство с этой женщиной. Она была на несколько лет старше меня, к тому же все знали, что Галя имеет отношения с высокопоставленным руководством.

Под жалостливым взглядом сержанта я нашёл в себе силы и сходил в магазин. При моём появлении Галя расплылась в улыбке. Мы поздоровались. С каменным лицом я попросил Галину Владимировну продать пару коробок печенья и далее по списку, на что продавщица неожиданно заявила моим бойцам:

— А не слабó купить своему командиру кроссовки?

— Не слабó,— ответил Рахмонов.

Он обвёл взглядом прилавок и полки на стене. На прилавке стояли серые кроссовки «Puma» на липучках и ещё какая-то импортная обувь. В ответ на Галино обращение сержант предложил ей выбрать для себя любой подарок. Галина не ожидала такого поворота событий и без паузы указала на пару красных, на высоком каблуке, австрийских туфель… Сержант молча заплатил за обувь. По выражению Галиного лица было видно: она в шоке от широкого жеста сержанта,— и быстро убрала туфли с полки. От кроссовок я отказался, потому что это был перебор…

На обеде в офицерской столовой я рассказал Сергею и Арсалану историю, случившуюся со мной в магазине. Все одобрительно посмеялись и высказали претензию в мой адрес о том, что нельзя упускать благоприятную возможность иметь взаимовыгодные партнёрские отношения с представительницами торговой организации на территории вертолётной эскадрильи. Ротный почти в приказном порядке призвал меня буквально броситься под танки ради возможности беспрепятственно покупать в магазине товары. Зная способности Сергея, я предложил ему самому поступить подобным образом. Серёга ответил, что у него нет шансов, в отличие от меня. Но я-то знал: он лукавил…

Глава двадцать шестая

В конце марта 1987 года к нам в роту прибыл офицер Управления службы войск Генерального штаба ВС Советского Союза с проверкой. Для чего прибыл сей «хрукт», до сих пор не могу понять, хотя…

В новом камуфлированном обмундировании, чисто выбритый, за три метра пахнущий дорогим одеколоном, полковник слегка диссонировал с окружающей действительностью. Тем более что и ростом он тоже не был обижен.

На построении роты он подошёл к каждому офицеру и, кроме всего прочего, спросил:

— Товарищи офицеры, какие училища вы заканчивали?

— Бакинское, Дальневосточное, Омское, Ленинградское, Орджоникидзевское…

Судя по выражению его лица, мы являлись представителями не того училища, которое заканчивал полковник. Поэтому после наших ответов он слегка охладел к нам. В дальнейшем мои предположения оказались правильными. Он был выпускником Московского ВОКУ. А представителей этого учебного заведения в нашей роте в данное время не было…

Появление проверяющего не стало для нас стихийным бедствием, так как к этому моменту рота соответствовала всем требованиям боевой подготовки и являлась сплочённым и обученным подразделением.

Полковник днём проехал на бронетранспортёре все заставы нашей роты и остался доволен, как устроен быт личного состава подразделения. На все поставленные в ходе проверки вопросы он получил грамотные ответы. Также он остался доволен действиями наших бойцов и офицеров при объявлении боевой тревоги.

— Ну что сказать, ротный,— обратился он к старшему лейтенанту Ефимкину,— буду ходатайствовать перед командованием о поощрении твоих подчинённых, можешь составлять список и наградные представления.

Ротный от таких слов смутился и понимал, что это лишь слова, которые ни к чему никого не обязывали, но был горд услышать лестный отзыв в адрес нашей роты. Это был большой совместный труд, который по достоинству и без всяких прикрас оценил вышестоящий проверяющий.

Вечером на совместном ужине в офицерской столовой состоялась непринуждённая, можно сказать, дружеская беседа. Проверяющий рассказывал весёлые армейские байки и новые, привезённые из Союза, анекдоты. Запомнился анекдот про девочку…

«В семье росла маленькая слепая девочка, которой казалось, что её всегда все обижают и обманывают с едой.

Родители пришли к психотерапевту, объяснили ситуацию и попросили о помощи. Врач спросил у родителей:

— Что девочка любит больше всего?

— Пельмени,— ответил отец.

— Тогда навалите ей с горкой, пусть попробует и наестся, сколько ей захочется,— посоветовал доктор.

Родители так и сделали: наварили кастрюлю пельменей, наложили ей с горкой и наблюдают следующую картину…

Подняв голову к потолку, девочка ладонями ощупала полную горку пельменей в тарелке и произнесла:

— Ну, я представляю, сколько вы себе навалили…»

Представив эту картину, мы все от души посмеялись.

Полковник, который был старше любого из нас и годился нам в отцы, попросил обращаться к нему по имени и отчеству, без воинского звания и на «ты». Для всех нас такая ситуация оказалась неожиданной и непривычной. Ведь Устав ещё никто не отменял. Поэтому лично я старался не встревать в разговор, дабы не нарушать узаконенную старшим офицером субординацию. Думаю, и у остальных офицеров и прапорщиков было такое же состояние. По этой причине командиры взводов, быстро поужинав, ушли в свои расположения. Сергей кивком головы показал на гитару. Я без слов понял намёк, и за чашкой чаю состоялся небольшой импровизированный концерт. Прослушав пару песен, полковник одобрительно покачал головой и попросил, чтобы я на память о встрече в Файзабаде записал на кассету свои «произведения», что я сделал в очередной раз.

Мы все немного расслабились, а проверяющий неожиданно решил, как говорится, в деле проверить несение службы нашими бойцами.

— Ну что, «композитор», пойдём на твою заставу, посмотрим, как твои орлы службу несут.

На проверку мы отправились вдвоём с полковником, в сопровождении сержанта из управления роты. Накрапывал мелкий дождь, создавая для нас дополнительные трудности. В кромешной мгле мы шли по тропе, ведущей к моей заставе. Полковник то и дело спотыкался о камни, не произнося ни слова.

Наконец нас встретил окрик дежурного, я ответил установленным отзывом, и мы прошли в землянку. Личный состав, не задействованный в несении службы, отдыхал. В буржуйке потрескивал уголёк, на стене светила лампа дежурного освещения. Было по-домашнему тепло и уютно, за исключением запахов, исходивших от портянок.

Сделав небольшую передышку, мы отправились на посты моего взвода. Моросящий дождь усилился. На скользкой дорожке проверяющий постоянно оступался и едва не падал на землю. Когда прошли метров триста, нас остановил протяжный голос младшего сержанта Лягуши:

— Стой! Пароль?

— «Автомат»,— ответил я.

— «Тула»,— последовал отзыв.

— «Четыре»,— продублировал пароль наблюдатель.

— «Восемь»,— сделав несложные арифметические вычисления, ответил я.

Это означало, что на момент проверки в подразделении установлен пароль «Автомат», отзывом должен быть город на последнюю букву пароля— «Тула». Для дополнительной проверки устанавливалось число. На сегодня это было «двенадцать», то есть в сумме названные наблюдателем и мною числа должны соответствовать этому значению.

Полковник стоял рядом и спокойно наблюдал за происходящим. Затем он подошёл к сержанту и спросил:

— Сынок, не страшно тебе тут посреди ночи стоять?

— Страшно, товарищ полковник,— ответил Володя Лягуша,— но я не один, со мной рядовой Карпюк, вдвоём веселее…

Во время беседы Игорь Карпюк наблюдал за местностью, на которой реально трудно было что-то рассмотреть. Тем не менее бойцы привыкли к такому состоянию.

— Смотрите не расхохочитесь,— прервал благостное состояние я,— а то можно напомнить одну интересную историю…

…Вскоре после Нового, 1987 года рядовой Игорь Карпюк и сержант Лягуша заступили в ночное дежурство на десятый пост недалеко от КПП. Тишина, в паре шагов ничего не видно. И вдруг со стороны КПП послышался шорох. Шорох стал приближаться к посту… Рядовой Карпюк, как учили, прокричал: «Стой! Пароль? Стой, стрелять буду!!!» Тишина… Сержант Лягуша передёрнул затворную раму автомата и приказал Карпюку прикрывать его. Игорь быстро занял огневую позицию за бронетранспортёром. Тёмное пятно неумолимо сокращало расстояние до места, где находились бойцы. И тогда случилось то, отчего у солдат волосы встали дыбом. Лягуша произвёл одиночный выстрел, затем перевёл оружие в автоматический режим и открыл огонь на поражение. Все пули попадали в цель, а трассера отскакивали от «шороха», как от стенки горох… В голову лезли нехорошие мысли. Рядовой Карпюк подумал, что

это «ду́хи», прикрываясь броневым щитом, шли в их сторону, и уже мысленно после отражения нападения представлял себя с медалью на груди. Сержант Лягуша пошёл в яростную атаку… Каково же было всеобщее разочарование, когда они увидели вместо «ду́хов» бездыханное тело осла из соседнего кишлака. Утром на разводе все смеялись над моими бойцами…

…До второго поста необходимо было пройти ещё метров сто, и мы спокойным шагом отправились к нему. Тропинка пролегала рядом с зарослями высокого тростника, и нам необходимо было преодолеть небольшой ручеёк, образовавшийся после продолжительных дождей.

— Как же вы тут каждую ночь ходите? Тут же «ду́хи» могут засаду устроить, как два пальца об асфальт,— недоумевал полковник.

— Привыкли уже, товарищ полковник, для нас это рутинная работа,— шёпотом ответил я.

Полковник шёл за мной след в след. Я, зная каждый сантиметр пути, спокойно преодолел водную преграду, а проверяющий, запутавшись в собственных ногах, как подкошенный рухнул в ручей, выругавшись что есть мочи матом… Сержант, шедший сзади, подхватил неуклюжего офицера и вытащил из грязи…

— Мать твою итить… старлей, разворачивай оглобли, пойдём назад…

Полковник не выдержал напряжения проверкой постов, и мы вернулись в тёплое помещение столовой, где нас уже ждал накрытый стол… Старшина переодел проверяющего в чистое бельё и солдатское обмундирование.

Подняв до краёв заполненный самогоном гранёный стакан, полковник, полный великодушного расположения ко всем военнослужащим нашей роты, произнёс тост:

— Мужики, вы не представляете, в каких условиях вы служите, вас всех надо награждать боевыми наградами! Хочу поднять этот бокал за вас! На таких офицерах и прапорщиках держится армия! Я обязательно сделаю всё, чтобы вас наградили!

Выпив залпом стакан самогона, офицер вышел из столовой и отправился отдыхать.

С утра распогодилось, и к обеду над аэродромом появился караван вертолётов из Кундуза, на котором с нашим «наградным списком» улетел наш проверяющий…

Результат проверки слегка удивил нас. Через несколько месяцев мы узнали, что за эту «командировку» полковника наградили орденом Боевого Красного Знамени. А мы продолжили нести свою службу…

Глава двадцать седьмая

В начале апреля 1987 года к нам прилетели командир батальона капитан Перевозчиков С. Г. с начальником службы артиллерийских вооружений батальона старшим лейтенантом Афониным В. Я узнал, что Сергей Ефимкин и Сергей Геннадьевич Перевозчиков до Афганистана служили в одном батальоне прославленной гвардейской Кантемировской танковой дивизии. Капитан Перевозчиков был ротным, а Сергей — командиром взвода. Потом оба получили повышение по службе. Комбат первым прибыл в Афган, Сергей приехал чуть позже. Бывают в армии и такие совпадения…

В армейской среде есть выражение: «Строевая — два, огневая — два, ужин — хорошо, общая оценка — хорошо». Но к нам это выражение не относилось. У нас действительно не было серьёзных замечаний. Везде были порядок и дисциплина. Начиная от каждого солдата до офицера, все знали свои задачи и чётко их выполняли. Весь ротный механизм работал как часы. За короткий срок мы привели роту «к нормальному бою». Комбат остался доволен нашим подразделением.

Дня через два после отъезда комбата ко мне на заставу около часа ночи пришли командир роты старший лейтенант Ефимкин со своим заместителем старшим лейтенантом Гомбоевым. Их сопровождал солдат-узбек, фамилию, к сожалению, не запомнил. Как нельзя кстати я не спал. Под тусклый свет сорокаваттной лампочки я писал очередной «шедевр»… Дежурный по взводу сержант Шевченко постучал в дверь канцелярии, предупредив меня о гостях. Я вышел на улицу и увидел знакомые силуэты.

— Ну что, Михалыч, пойдём посмотрим, как твои орлы службу служат,— обратился ко мне ротный.

Я вернулся в землянку, взял автомат, и мы проследовали на посты. Мы шли узкой тропинкой, на которой я знал каждый камушек, потому что по нескольку раз за сутки в любое время дня и ночи был на позициях своего взвода.

Мы подошли к посту номер десять. Метров за тридцать один из наблюдателей, рядовой Ершов Андрей, окрикнул установленной командой и назвал пароль — от меня последовал отзыв. Затем наблюдатель назвал число — я озвучил другое число, чтобы их сумма была равна той, которую установил командир роты на вечернем разводе при отдаче боевого приказа…

Ротный и Арсалан подошли к бойцам. Сергей пристальным взглядом оценил состояние моих солдат и задал пару вопросов:

— Ну что, товарищ Ершов, как служится?

— Да вроде ничего,— ответил солдат.

— Как дома? Родные пишут письма из Тулы?

— Конечно, не забывают.

— А ты? Часто пишешь?

— Периодически пишу, когда есть время.

— А что, взводный не даёт времени для написания писем?

— Да нет, даёт, просто иногда бывает не о чём писать. Начинаешь выдумывать.

— Так ты завтра напиши, как тебя ротный с Арсаланом Гомбоевым проверяли, или просто напиши маме: мол, всё у меня хорошо, жив-здоров, — и ей будет спокойнее.
— Ладно, товарищ старший лейтенант, обязательно об этом напишу…

Андрей Ершов призвался из Тулы, был моим «командирским» наводчиком пулемёта. Невысокий худенький парень обладал богатырским здоровьем. Я всегда удивлялся, как такой боец справляется с заряжанием крупнокалиберного пулемёта…

Судя по выражению лиц проверяющих, оба офицера управления роты, в том числе и я, остались довольны увиденным.
— Юра, давай с нами, прогуляемся в лунную апрельскую ночь, воздухом свежим подышим, — закончив проверку моего взвода, предложил Сергей.
— Без проблем, командир. Пойдём в первый взвод? — ответил вопросом на предложение ротного я.
— Да, проверим бойцов ни разу не краснознамённого первого взвода подпоручика Ален-Делона Борисовича Егиазаряна.

Мы вышли на взлётно-посадочную полосу, смонтированную из специальных металлических щитов, скреплённых между собой. Время в пути было недолгим. Мы подошли к афганской пересылке, рядом с которой располагался один из постов первого взвода нашей роты, и увидели следующую картину.

На посту находился один наблюдатель (второго почему-то не было). Прислонив свой ручной пулемёт к стенке из саманного кирпича, он спал так, что своим храпом мог разбудить всю округу. Нашему возмущению не было предела. Сергей указательным пальцем прикрыл свой рот, показывая всем нам, что надо тихо «снять» наблюдателя и скрутить его. Мы одобрительно кивнули головами. Арсалан нашёл поблизости брошенный старый мешок, ни слова не говоря на русском языке, накинул его на бойца. Солдат-узбек взял пулемёт. Мы скрутили и связали горе-наблюдателя и потащили в сторону афганской пересылки. Сопровождавший нас солдат стал говорить что-то на узбекском, давая понять заснувшему наблюдателю, что его тащат «ду́хи». Боец не сопротивлялся, его тело обмякло и покорно повиновалось нашим манипуляциям. Он даже слегка помогал своими ногами, перебирая ими по пыльной земле…
— Дяденьки, только не бейте, пожалуйста, только не бейте, дяденьки! — завопил солдат. — Я расскажу вам, где спят офицеры и прапорщики роты…

Услышав последнюю фразу, ротный пинком приложился к мягкому месту солдата… Мы дружно взяли его за руки и за ноги и молча пронесли метров десять. Узбек продолжал что-то кричать на своём языке, и когда мы увидели, что между ног у переносимого нами солдата образовалось мокрое пятно, отпустили…

Арсалан развязал мешок и освободил «пленника». Надо было видеть глаза этого маленького, тщедушного русского солдатика. Что творилось у него в голове — одному Богу известно. Он не мог произнести ни слова и понять, что с ним случилось. Из глаз текли слёзы, адекватные мысли были далеки от тела. Ещё неизвестно, что могло бы быть для него лучше: оказаться у «ду́хов» в плену или быть «освобождённым» своими родными офицерами, особенно после слов об оказании помощи душманам, рассказав о том, где они находятся…

Арсалан произвёл из РПК (ручной пулемёт Калашникова) горе-наблюдателя три коротких очереди. Через пару минут личный состав первого взвода был на боевых позициях. Остатки ночи подчинённые лейтенанта Егиазаряна провели в окопах. Только с помощью коллективной ответственности достигается слаженность воинского коллектива. А ведь всё могло закончиться для всех нас весьма плачевно, о чём на утреннем построении роты рассказал командир…

Через полторы недели после случившегося Сергея перевели в Кундуз, во вторую роту, на аналогичную должность, как нам сказали, с перспективой повышения на должность начальника штаба нашего батальона, а мы остались в ожидании приезда нового командира роты…

Глава двадцать восьмая

Без Серёги стало грустно и тоскливо. Мы привыкли к его шуткам и острым, порой жёстким выражениям. Он был мозгом и мотором нашей роты. С его уходом я стал реже приходить в управление роты. Не с кем было поговорить. Разве что с Арсаланом, он парень свой, пехотный офицер, к тому же уссурийский кадет…

Замполит — качок, сам себе на уме. Вроде и мужик нормальный, но, как все качки́, занимался самолюбованием. У него была одна, как теперь говорят, фишка. При случае, когда хотел показать себя в выгодном свете, он оголял свой торс, напрягал грудную мышцу так, что мог спокойно поставить на неё кружку с водой. Мы и сами иногда просили его показать этот трюк.

Однажды у меня с ним произошла неприятная история. Он пришёл на мою заставу во время ночной проверки. Ему не понравилось, как его встретил наблюдатель на посту. Замполит зашёл в землянку, не объясняя причин и не замечая меня, поднял взвод по тревоге и в «наказание» заставил бойцов выйти на боевые позиции и продолжать нести службу в окопах.
— Что случилось? Кто-то спал на посту? — спросил я замполита.
— Идите, товарищ старший лейтенант, разбирайтесь со своими подчинёнными, — сквозь зубы,

не объясняя причин, ответил лейтенант Канушин и покинул заставу.

Вместе с бойцами я расположился на боевых позициях, попутно стал расспрашивать подчинённых: что же произошло во время ночной проверки?..

Я выяснил, что при приближении замполита к посту наблюдатель десятого поста окрикнул его установленной командой, назвав соответствующий пароль. В ответ лейтенант произнёс неправильный отзыв. В кромешной темноте наблюдатель ещё раз произнёс пароль, на что снова прозвучал неправильный отзыв. Тогда солдат предупредил замполита: «Стой, стрелять буду!» Лейтенант Канушин разразился нецензурной бранью: «Якупов, твою мать, это я, твой замполит роты, лейтенант Канушин… Ты что, меня не узнал?» — «Стой, стрелять буду!» — вновь не услышав правильный отзыв, передёрнул затворную раму автомата рядовой Якупов. Осерчавший на солдата Канушин проследовал на заставу моего взвода…

Выяснив все обстоятельства инцидента, я отвёл вернувшегося к завтраку на боевые позиции замполита в сторону от подчинённых и спокойным голосом посоветовал ему сходить на три известные всем буквы и впредь употреблять в пищу недостающие микроэлементы, способствующие восстановлению памяти, а взводу скомандовал покинуть окопы и убыть в землянку…

Лейтенант обиделся и молча удалился в управление роты, а ближе к ужину прислал записку, в которой вызывал меня, ни много ни мало, на дуэль… Дуэль — как много в этом звуке!!! Почти как у Куприна…

Необходимо было обязательно реагировать на вызов, иначе можно было потерять не только свой авторитет, но и лицо… Примерно так я рассуждал в то время…

Вечером я пришёл в управление роты на ужин и застал лейтенанта в плачевном состоянии, он сидел в полумраке офицерской столовой. На столе стояла почти пустая бутылка сорокаградусного напитка. Увидев меня, не вставая, он буркнул, чтобы я выбирал оружие, из которого предстояло стреляться. Особой альтернативы в выборе оружия для дуэли не было: автомат Калашникова или пистолет Макарова. Из автомата стреляться как-то не с руки. Пистолет в роте был только у замполита, остальные офицеры и прапорщики предпочитали нормальное оружие в боевых условиях. Решили стреляться по очереди из его пистолета. По жребию первым должен был стрелять лейтенант Канушин. Единственным моим условием было написание замполитом «предсмертной записки», обращённой к своим родным и близким. Дрожащей рукой замполит стал писать текст под мою диктовку. Он написал, что в своей смерти никого, в частности меня, не винит. По окончании написания я положил записку к себе в карман.

Мы вышли на улицу в полной темноте, выдвинулись от столовой метров на сто в сторону полка и отсчитали расстояние в двадцать пять шагов друг от друга. Я специально встал со стороны расположения полка, который в ночи светился ярким светом. Мы оба замерли. Сердце клокотало. Неужели выстрелит? Я видел, что замполит с трудом мог разглядеть меня в лучах света, от тяжести момента его рука болталась в разные стороны. Неожиданно прозвучал выстрел.

«Надо же, выстрелил, сучонок», — подумал я…

Я стоял не шелохнувшись. Расчет оказался оправданным. Слава Богу, я жив!!! Мало ли что могло произойти…

После непродолжительной паузы я подошёл к замполиту, взял пистолет, проверил наличие патрона в патроннике. Проследовал на своё место, поднял ПМ на вытянутой руке. Замполит заорал:

— Ну, стреляй же, стреляй быстрее!!!

Выдержав паузу, я произвёл выстрел. Да, я намеренно выстрелил мимо, не собираясь убивать замполита, но честь — офицерская честь — превыше всего.

Я подошёл к Владимиру, похлопал его по плечу, обнял и повёл в столовую. Попросив у Богданыча бутылку самогона, в знак примирения, за рюмкой горькой, мы высказали друг другу свои «обиды».

По прошествии лет понимаю, что зря поддался на этот эмоциональный порыв. Не стоила эта история такого развития событий. Всё для нас обоих могло закончиться плачевно. Зачем, когда и так каждый день жизнь любого из нас висела на волоске от смерти, испытывать себя подобным образом, ради чего? Даже сейчас, спустя тридцать с лишним лет, грустно от той истории, которая до сих пор занозой сидит в моём сердце…

Глава двадцать девятая

Володя Кравцов, техник роты, готовился к замене и ждал, когда же прилетит его замена… Он первым выходил из своего жилища, когда слышал приближающийся звук каравана «вертушек», вставал на землянку продовольственного склада и молил Всевышнего о том, чтобы наконец-то прилетел его заменщик. Глядя на эту сцену, у меня родился текст к песне про заменщика на музыку Владимира Кузьмина «Мячик»:

Я ещё вчера гулял в гражданке
И с подругой шёл кино смотреть,
А теперь сижу в сырой землянке,
Мне осталось только лишь поте-е-еть.

Слава Богу, я теперь не буду
Ночью по постам ходить пешком,
Я скорее всё это забуду,
Спасть с женою стану нагишо-о-ом.

Припев:

Где же ты, заменщик дорогой?
Где же ты, заменщик дорогой?
Приготовил я тебе бакши-и-иш,
Вот и вышел срок, пора домой,
Вот и вышел срок, пора домой,
Ну а ты, зараза, не летишь,
Ну а ты, зараза, не лети-и-ишь…

Кончились обстрелы и разводы,
Лишь во сне я буду вспоминать
Фанту-шурави и пепси-колу,
От кошмаров в ужасе встава-а-ать,

Припев.

Однажды, при обстреле «взлётки» реактивными снарядами, техник выбежал из своей комнаты, прихватив большой чемодан с подарками для родных и магнитофон в коробке. Положив на дно старой воронки весь свой нехитрый скарб, он накрыл его своим телом. Вся эта комичная картина в дальнейшем служила поводом для шуток и приколов в его адрес.

Лишь в начале мая 1987 года прилетел заменщик технику, старший прапорщик Алексей Разарёнов, с которым в Файзабаде у нас сложились тёплые и дружеские отношения. Жаль, что мало пришлось прослужить вместе.

Игорь Богданыч Кузив, наш старшина, представлялся нам в то время древним стариком, хотя ему было немногим за сорок. Мы были с ним людьми разных поколений, и наши взаимоотношения носили характер общения отцов и детей. Он жил своей жизнью, но заботами подразделения. Старшина—единственный из офицеров и прапорщиков роты, кто для проведения ночной проверки постов надевал каску и два бронежилета, брал с собой переносную радиостанцию, сигнальные и осветительные ракеты. Мы с пониманием относились к его причудам, и никто никогда за это его не подкалывал. Благодаря стараниям старшины у нас в роте появился свой огород, на котором выращивали свежие овощи. Семена присылали родные вместе с письмами в конвертах, а воду для полива привозили из Кокчи-реки…

Глава тридцатая

Спустя неделю после отъезда Сергея к нам в роту прибыл новый командир роты, лейтенант Паша Сосенков, до назначения служивший в третьей роте нашего батальона взводным. Кстати, и замполит был тоже из третьей роты. В общем, собиралась компания выходцев из третьей роты. Мы с Арсаланом были явно не в восторге от этих перестановок. Одним словом, армия…

Весна раскрасила бурным цветом, яркими мазками окружающую природу. Редкие проливные дожди сменились выжигающим солнцем. После обеда на улице не было ни души. Казалось, что и дышать было невозможно. Спасала только Кокча, горная река, главным источником водоснабжения которой были склоновые талые воды снежных вершин. В пятидесятиградусную жару я окунался в ледяную воду этой реки на несколько секунд и пулей выпрыгивал из горного потока. Затем полчаса сидел под палящими солнечными лучами на берегу и не мог согреться.

В один из таких дней мы с Арсом увидели прибитый к берегу труп паренька, лет шестнадцати. На нём не было одежды. Во лбу зияло чёрное едва заметное отверстие от пули… Чтобы никто не задавал лишних вопросов, мы оттолкнули тело от берега, и оно поплыло дальше по течению… Позднее мы узнали, что парня убили «ду́хи» в верховьях реки Кокчи, потому что его семья не хотела отдавать сына в банду инженера Басира.

В середине мая, после обеда, я возвращался к себе на заставу. Проходя мимо склада ГСМ роты аэродромного обеспечения сводного вертолётного отряда, я увидел перед собой фонтанчик пыли, через несколько секунд услышал звук от выстрела снайперской винтовки. Затем услышал ещё один выстрел, раскатившийся эхом в горах. В первое мгновение не придал этому значения, затем понял последствия происходящих событий. Я присел, огляделся по сторонам. Естественно, никого, кто бы мог стрелять в меня, невозможно было разглядеть. Расстояние от стрелявшего до меня было предельным. Возможно, это было чьё-то предупреждение в мой адрес. Я догадывался о причине этого предупреждения, а пока постарался как можно быстрее оказаться на своей заставе.

Глава тридцать первая

Лейтенант Артур Борисович Егиазарян, командир первого взвода, закончил Бакинское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета Азербайджанской ССР, до Афганистана служил в Забайкальском округе, в Монголии. С ним было весело, это человек-праздник, и у него всегда был позитивный настрой. Казалось, что он никогда не унывал.

Мы могли общаться с ним на разные темы, но наши заставы были на удалении друг от друга, поэтому не всегда удавалось найти возможность для разговоров.

Однажды, когда у нас в офицерской столовой сломался телевизор, мы вместе поехали в отдельный мотострелковый полк, к его другу-однокашнику по училищу—лейтенанту Гамидову Набику. Артур сказал, что его товарищ может оказать содействие в ремонте телевизора.

Полковые подразделения готовились к боевому выходу. Рядом с палатками проходил смотр готовности к «боевым». В толпе солдат и офицеров мы увидели лейтенанта Гамидова. Артур по-братски

обнялся с другом, и было видно, что они дорожат своими отношениями. Набик с ходу стал рассказывать нам о своём выходе на «боевые»…

— Артур, брат, тут такая плотная война намечается…— растягивая слова и закатывая глаза, с колоритным, присущим только бакинцам акцентом, начал офицер.— Ара, нам прививки перед выходом уколом поставили, чтобы какая-нибудь зараза не цапанула…— показывая указательным пальцем на вену, усмехнулся лейтенант.

Артур перехватил инициативу:

— Набик, у нас в роте проблема — сломался телевизор, и для его ремонта нам нужен транзистор.

— Брат, транзистор — это такой чёрный, с антенной, когда на кнопку нажимаешь, из него музыка играет, да? — попытался уточнить лейтенант Гамидов.

— Нет, Набик, это такой маленький, чёрненький, с тремя усиками, который вставляешь в телевизор, припаиваешь к плате, и он начинает показывать, КТ807Б называется,— пояснил Артур.

— Ара, понял, брат: маленький, чёрненький, с тремя усиками, который вставляешь в телевизор, и он начинает показывать? Так бы сразу и сказал,— недоумевал Набик.— Ара, давай, записываю: ка тэ восемьсот семь бэ.

Лейтенант достал из бокового кармана полевой формы ручку с гелевыми чернилами и, чтобы не забыть и не смыть надпись, записал название транзистора между пальцев, на всякий случай…

Я смотрел на лейтенанта и не мог понять, почему он такой заторможенный. Неужели предстоящий боевой выход мог ввести человека, офицера, наконец, в такое состояние? А может, причина в другом? Как он будет командовать людьми, которые находятся у него в подчинении? На него рассчитывает командование роты, батальона, полка. Всё было намного проще и намного сложнее одновременно…

Набик провёл нас в роту связи. На наше счастье, у связистов был в наличии искомый транзистор. Мы отблагодарили наших спасителей бутылкой самогона, которую передал Игорь Богданыч.

В следующий раз лейтенанта Гамидова мы увидели на «взлётке», во время выгрузки личного состава из вертолёта после боевого выхода. На лице офицера была чёрная борода, он еле стоял на ногах и едва шевелил губами, а когда увидел Артура и меня, не смог скрыть едва катившуюся по щеке слезу.

— Артурчик, братишка, я живой, брат!..— не мог сдержать эмоций Набик.

Он рассказал нам, как «ду́хи» внезапно атаковали его взвод, как в одно мгновение он набросал вокруг себя огромные булыжники, которые после боя не смог передвинуть даже на сантиметр, как «дух» закинул гранату за его бруствер, а он взял её в руки и кинул обратно в его сторону. Где была правда, а где вымысел, останется на его совести. Всё могло быть в этой жизни, в этой стране, в той обстановке. А мы, рассказывая на десять рядов о встрече с Набиком, в десятый раз смеялись над тем, как ему поставили укол, чтобы какая-нибудь зараза не цапанула, и как он швырял «духовскую» гранату обратно…

Глава тридцать вторая

В конце апреля 1987 года меня отправили в батальон за новым старшиной роты. Прилетев в Кундуз днём, вечером я уже находился с прапорщиком Романом Бендасюком на аэродроме. Офицер кундузской пересылки назвал номер вертолёта, в котором мы должны были лететь на Файзабад, и записал наши фамилии в журнал вылетов. Вертолёты стояли в готовности и запускали двигатели. В очередной раз я с трудом нашёл «свой» борт, в котором предстояло совершить незабываемое путешествие, но оказалось, что в нём не было парашютов. В поисках средств десантирования мы с прапорщиком обежали почти все вертолёты, пока, наконец, в крайнем Ми-8 не оказалось два заветных парашюта.

С помощью борттехника мы надели парашюты. Для меня эта процедура была не впервой, а вот со старшиной пришлось повозиться. Вертолётчик ловкими заученными манипуляциями рук и с помощью «какой-то матери» водрузил на прапорщика подвесную систему с запасным парашютом и проинструктировал, как необходимо действовать в случае экстремальных обстоятельств, показав вытяжное кольцо, за которое нужно дёрнуть после покидания борта вертолёта. Инструктаж проходил при работающих двигателях, поэтому прапорщик с трудом слышал и понимал, что от него требуется. По выражению его лица было видно, что это был его первый полёт на вертолёте. У меня в своё время тоже было такое же лицо, которое без слов выражало страх и ужас перед неизведанным…

Наконец в салоне выключили свет, иллюминаторы были закрыты светонепроницаемыми шторками, мы почувствовали движение вертолёта, он на несколько секунд оторвался от поверхности, немного завис в воздухе и через мгновение, совершив разгон, помчал нас к конечному пункту нашего назначения.

Полёты транспортной авиации в Афганистане осуществлялись в ночное время, поэтому особых эмоций от наблюдения пейзажа под винтокрылыми машинами никто из нас не испытывал. Нормальное общение не представлялось возможным по причине шума вертолётных двигателей, поэтому мы сидели молча, друг напротив друга, и каждый находился наедине с собственными мыслями.

Тем временем полёт приближался к своему завершению, и наш вертолётный караван приступил

к снижению. Приоткрыв шторку, я посмотрел в иллюминатор. Внизу, среди гор, была настоящая война: разрывы от крупнокалиберных снарядов и очереди трассирующих пуль в разных направлениях. Подойдя к прапорщику, я отодвинул шторку, и старшина увидел сюрреалистическую картину «апокалипсиса наших дней». В темноте я не видел эмоций прапора, мне хватало своих. Быстрее бы коснуться твёрдой поверхности и оказаться у себя в землянке на своей заставе. Тем более при таких обстоятельствах, в горах, ночью, даже если ты суперопытный десантник, никакой парашют не спасёт. Об этом неоднократно говорили вертолётчики. Я и сам подозревал о возможных последствиях экстренного выхода за борт вертолёта в горах, к тому же ещё и в ночное время…

С первым касанием шасси в салоне вертолёта включился свет, и тут же я увидел, что у прапорщика «распорот живот», и он в спешном порядке неуклюжими движениями пытался собрать оранжевые «кишки» обратно. Но ничего путного у него не получалось, «кишки» с большей силой выворачивались из-под ладоней и вновь устремлялись на пол вертолёта. Открылась дверка кабины пилотов, и из неё вышел борттехник…

— Ё…я пехота!!!!!! Сколько можно? Опять после вас парашют собирать! Дал бы по твоему «чайнику», прапорщик,— замахнувшись, борттехник чуть не вмазал Бендасюку по затылку.

Я готов был упасть под лавку от смеха. Такого ржачного хохота я не испытывал давно.

После того как я показал в иллюминаторе «войну», прапорщик с перепугу заранее рванул вытяжное кольцо, и оранжевый запасной парашют, находящийся спереди, в одно мгновение раскрылся…

Новый старшина оказался полнейшей противоположностью нашему славному старшине Игорю Богдановичу Кузиву. Есть такая категория военнослужащих, от которых хотят срочно избавиться. Командир в Союзе отправил нерадивого прапорщика с глаз подальше, чтобы провинившийся «кровью», так сказать, искупил свою вину. Но такой прощелыга, как Бендасюк, и в Афганистане нашёл себе «тёплое» место. Наша рота находилась на удалённом расстоянии от штаба батальона. Попасть к нам можно было раз в год, во время армейской операции или в составе вертолётного каравана. Командование батальона не часто прилетало с проверками, поэтому прапорщик пользовался этим моментом.

Однажды прапорщик поехал на ГАЗ-66 в отдельный мотострелковый полк за продуктами и «пропал». Бойцы вместе с офицерами роты неделю питались «подножным» кормом, израсходовав все запасы продовольствия. На поиски старшины отправили техника роты старшего прапорщика Алексея Разарёнова. С большим трудом он нашёл его на каком-то складе, пьяного и без продуктов. Такого безобразия в нашей роте не было никогда. Пришлось экстренно предпринимать соответствующие репрессивные и воспитательные меры воздействия на прапорщика.

Глава тридцать третья

В начале июня 1987 года из Файзабада меня неожиданно перевели во вторую роту, в Кундуз. О причине своего перевода могу только догадываться…

В Кундузе я вновь стал служить под командованием Сергея Ефимкина. За короткий срок службы в Файзабаде между мной и Сергеем установились не только служебные, но и тёплые дружеские, можно сказать — доверительные, отношения. У нас во многом были общие взгляды на службу, на жизнь и на взаимоотношения между людьми. Мы дополняли друг друга. Сергей по характеру — прямой и резкий в поступках человек, не терпящий компромиссов и уверенный в своей правоте командир. Я — спокойный и уравновешенный человек. Иногда мог словом остановить от опрометчивых поступков. Мы доверяли друг другу…

«Я обычно сначала голову рублю, а потом фамилию спрашиваю»,— любил повторять Сергей Ефимкин. Иногда такие действия приносили командиру роты дополнительные проблемы, но он неумолимо шёл к своей цели, потому что всегда знал, чего хочет.

Мы общались с ним на разные темы. Он очень начитанный и эрудированный молодой человек, с хорошим чувством юмора, который был жизненно необходим в Афганистане. Сергей родился в семье военного, когда отец проходил службу в Венгрии. С родителями он сменил не один военный гарнизон, и судьба не могла распорядиться иначе — он продолжил славную офицерскую династию.

С Сергеем мы одногодки, закончили военные училища в 1983 году: он — Орджоникидзевское ВОКУ, я — Омское ВОКУ. Оба наших учебных заведения готовили не паркетных офицеров, а настоящих профессионалов своего дела. До службы в Афганистане мы прошли хорошую школу и получили богатый опыт в прославленных соединениях Советской армии. Сергей три года был командиром взвода и роты в гвардейской Кантемировской танковой дивизии Московского военного округа, я три года командовал мотострелковым взводом в гвардейской Иркутско-Пинской мотострелковой дивизии Центральной группы войск, дислоцированной в Чехословакии. Поэтому без труда и раскачки мы сполна использовали навыки и умения, полученные до назначения в Афганистан.

Я принял первый взвод второй роты. Спустя пару месяцев после моего приезда в Кундуз меня назначили заместителем командира второй роты. Я заменил старшего лейтенанта Акмышева Тойбека Жакиниязовича, выпускника Алма-Атинского

высшего общевойскового командного училища 1979 года выпуска, убывшего в Союз по замене. Между собой мы звали его Толиком…

На моё место, командиром первого взвода второй роты, из Среднеазиатского военного округа прибыл лейтенант Мамедов Габиль Сабирович, выпускник Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознамённого училища имени М. В. Фрунзе. Несмотря на то, что в Азербайджане располагалось общевойсковое командное училище, он поехал поступать в Киев. Мечта стать кадровым военным зародилась у него в раннем детстве, поэтому Габиль поступил в Бакинскую специализированную школу имени Джамшида Нахичеванского и, уже после её окончания, продолжил учёбу в военном училище в Киеве.

Габиль — невысокого роста, худощавый и крепкий парень, очень хорошо говоривший по-русски, но с небольшим бакинским акцентом. Мне вообще везло на выходцев из Баку. Бакинцы — особый народ, со своим колоритом и пониманием жизни. Первые три года офицерской службы в ЦГВ меня опекали два выпускника этого училища. Это гвардии старшие лейтенанты Артур Балаев и Женя Вожов. Я быстро нашёл с ними общий язык, потому что всегда был с ними на одной волне.

Теперь пришло время самому отдавать долги. Я опекал молодого офицера, лейтенанта Мамедова, и вводил его в курс событий, для того чтобы он как можно быстрее освоился в новой обстановке. Несмотря на мои наставления о том, что здесь особые условия службы и что все без исключения военнослужащие должны соблюдать определённые правила поведения в условиях ежеминутной опасности, Габиль, как славный представитель Кавказа, старался быть самостоятельным в принятии решений, что могло привести к непредсказуемым последствиям.

В первую неделю пребывания на заставе Габиль решил познакомиться с одним из солдат своего взвода, который был прикомандирован в миномётную батарею нашего батальона.

Ближе к вечеру, никого не предупредив, вдвоём с водителем бронетранспортёра рядовым Помазковым, он всё же уехал к миномётчикам. На ужине я заметил, что взводного нет в расположении заставы. Замкомвзвода доложил, что молодой лейтенант уехал в неизвестном направлении. Признаться честно, моему негодованию не было предела. По возвращении лейтенанта Мамедова в расположение роты у меня с ним состоялся серьёзный мужской разговор. Спустя час после проведённой политико-воспитательной командирской работы я почувствовал, что мои слова начинают доходить до сознания лейтенанта Мамедова…

Через два дня, в пятницу, на совещании офицеров и прапорщиков в управлении батальона начальник штаба доводил до личного состава приказы командующего 40-й армии. Одним из первых был приказ о наказании молодого, вновь прибывшего из Союза лейтенанта, который самостоятельно в вечернее время покинул расположение части, чтобы познакомиться с личным составом взвода, расположенного на удалённой заставе.

По выражению лица лейтенанта Мамедова было видно, что он не на шутку напрягся и готов был понести суровое наказание за опрометчивый поступок…

Я тоже было подумал: неужели кто-то быстро сработал и доложил о случившемся аж на самый верх? Я, как и Габиль, приготовился к самому худшему…

Однако когда в приказе зачитали другой номер части, всё встало на свои места. Тот случай в приказе один в один повторял события, которые произошли у нас в роте двумя днями ранее. Что самое интересное, фамилия и воинское звание офицера, прозвучавшие в приказе, совпадали с нашим «орлом»…

Только последствия происшествия, которое послужило поводом для приказа, были плачевны. Бронетранспортёр с лейтенантом попал в засаду, и офицер с одним из его подчинённых были отправлены в цинковых гробах домой, третий солдат был тяжело ранен…

Для Габиля и меня это был урок, который мы оба запомнили на всю жизнь…

Глава тридцать четвёртая

В конце июля 1987 года подходила к завершению служба в Афганистане командира нашего батальона капитана Перевозчикова С. Г. Ему на замену прибыл новый комбат — майор Чуваев Сергей Александрович из Забайкальского военного округа.

Двадцать седьмого июля я пригласил обоих комбатов и пару офицеров управления батальона к себе на день рождения. Мы славно отметили мои четверть века, и буквально через пару дней «старый» комбат попросил Сергея Ефимкина и меня сопроводить его со спутниками до Кундуза. Целью нашего сопровождения было посещение дукана, в котором можно было приобрести подарки для себя и своих родных перед отправкой на Родину.

За полгода до описываемых событий в Ишантопской степи произошло происшествие, которое в дальнейшем послужило поводом для нашей поездки в дуканы в расширенном составе. Дело в том, что известный в узких кругах кундузский дукандор Ибрагим попал в душманскую засаду, аккурат в зоне ответственности нашего батальона. Бойцы батальона под командованием капитана Перевозчикова С. Г. не только предотвратили убийство Ибрагима и ограбление машины с товаром, но и сопроводили дуканщика к месту назначения,

в Кундуз. В свою очередь, Ибрагим предложил свои услуги комбату в покупке любого товара в своей лавке, когда тому пожелается.

И вот этот день наступил. Мы благополучно доехали до знаменитого Кундузского кольца, на котором располагался дукан Ибрагима. Организовав круговое наблюдение, мы оставили бойцов на броне для охраны, а сами направились к торговой точке. Перед входом в лавку нас с распростёртыми руками встречал сам хозяин дукана. На вид ему было не больше тридцати пяти лет, невысокого роста, смуглое точёное лицо с широкой белозубой улыбкой, которая не сходила с его лица.

— Салам алейкум, командоры!!! — Ибрагим раскинул руки в широких объятиях.

— Салам, Ибрагим, — комбат приветствовал дуканщика и его помощников рукопожатием.

Все вошедшие в помещение гости по очереди поздоровались с дукандором по мусульманскому обычаю. Он каждого приветствовал троекратным прикосновением щеки к щеке, протягивая свои руки к нашим.

— Как дела, командор? — обратился Ибрагим к комбату.

— Всё в порядке, вот решили заехать к тебе в гости, — с участием ответил капитан Перевозчиков.

— Может, чай? Что хочешь, командор, для тебя всё есть!

— Ташакор («спасибо» по-афгански), Ибрагим, сейчас выберу подарки, потом решим, — продолжил комбат.

— Давай смотри, есть много хороших вещей, только вчера из Пакистана приехал.

После советского тотального дефицита от изобилия и разнообразия товара глаза у присутствующих разбегались в разные стороны. Недаром в одной из «афганских» песен про «день такой отличный» поётся:

> В дуканах можно всё приобрести:
> От жвачки и до пулемёта,
> Мумиё, скафандр, кольчугу и шлем,
> Ятаган, мотор от вертолёта…

Так и у Ибрагима был весьма солидный выбор всевозможных вещей. Афганцы — прирождённые торговцы, сами любят торговаться и уважают тех, кто с ними вступает в торговый поединок. Поэтому, зная такую национальную, я бы сказал — восточную, особенность, мы приступили к процессу. Первым торговцем с нашей стороны, естественно, был капитан Перевозчиков. По большому счёту, я сам во второй раз был в дукане и в большей степени смотрел за окружающей обстановкой и как торгуются другие.

Комбат без примерки выбрал костюм «Командо» и показал его Ибрагиму.

— Три тысячи афгани (афгани — денежная единица Афганистана), — озвучил цену дуканщик.

— Две с половиной, — с улыбкой посмотрел в сторону Ибрагима командир.

— Хоп, — склонил голову дукандор, записывая карандашом на бумажке сумму костюма.

— Кофейный сервиз с мелодией, — Сергей Геннадьевич кивнул головой на синюю коробку с сервизом.

— Три с половиной тысячи, — чуть было не приступил к записи дуканщик.

— Две с половиной, — твёрдо отрезал капитан.

— Тогда, может, и чайный сервиз в придачу? Два сервиза отдам за четыре с половиной тысячи афгани…

— Хорошо, но только за четыре тысячи афгани, — комбат был непреклонен.

Затем были кроссовки, джинсы, покрывало и ещё очень большое количество всего, что было в списке у комбата…

На весь товар Сергей Геннадьевич просил скидку и получал утвердительный жест дуканщика.

Надо сказать, что Сергей Геннадьевич долгое время прожил в Узбекистане и окончил Ташкентское общевойсковое командное училище. Он хорошо знал тонкости базарного этикета и психологию торговцев, поэтому уверенно гнул свою линию, играя на тонких струнах восточного человека.

В конце комбат попросил Ибрагима озвучить всю сумму за приобретённый товар.

— Пятьдесят две тысячи афгани, — вытирая пот со лба, выдавил Ибрагим.

— Сорок тысяч, и ни афушкой (производная от афгани) больше. Я думаю, торг здесь неуместен, — улыбаясь, процитировал знаменитую фразу Остапа Бендера из «Двенадцати стульев» комбат…

— Хорошо, командор, сорок тысяч — и по рукам. Я всегда буду помнить, как ты меня спас. Пусть ты и твои друзья примут мои угощения.

Вдруг, как из сказочного ларца, у каждого из нас в руках появилось по палочке горячего шашлыка из молодого барашка и по баночке немецкого пенного напитка.

Мы мирно беседовали с дуканщиком, попутно для себя я тоже присмотрел кое-какой товар. Но самым главным приобретением для меня стал радиомикрофон. Этот микрофон можно было вручную настроить на FM-частоту любого импортного магнитофона с тюнером и через него вещать окружающему миру свои голосовые изречения. В тот момент я толком не представлял, как я смогу использовать его возможности, но на подсознательном уровне я чувствовал, что иметь в то время такой микрофон — это очень круто…

Уже вечером я опробовал микрофон в действии. У Сергея Ефимкина в комнате стоял японский «Sharp-777». Совместными усилиями, мы с ротным настроили микрофон на FM-частоту радиоприёмника, и через динамики зазвучал мой голос. Я по достоинству оценил звучание микрофона,

тем более что с помощью встроенного эквалайзера можно было регулировать воспроизводимые частоты. Сергей тоже пару раз попробовал, как звучит его голос, и остался доволен моей покупкой, сожалея о том, что не купил себе такую же игрушку.

Глава тридцать пятая

На следующий день, во время хозяйственных работ на заставе, мы с ротным поставили магнитофон в раскрытое окно сержантского класса, находящегося в помещении управления роты. Из магнитофона доносились «мелодии и ритмы зарубежной эстрады», а бойцы под зажигательные аккорды известных исполнителей месили глину для забора, который возводился по периметру всего комплекса помещений управления роты. После одной из песен я незаметно переключил магнитофон в режим радиотрансляции, и после небольшой паузы из динамиков отчётливо стали доноситься слова известного, всенародно любимого диктора. Растягивая рубленые фразы, из колонок прозвучал низкий бас:

«От Советского Информбюро! Слушайте информационное сообщение!

Сегодня, двадцать девятого июля тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года, в провинции Куднуз Республики Афганистан, в расположении тысяча трёхсот шестидесятого отдельного батальона охраны, силами бойцов первого взвода второй роты производятся работы по инженерному оборудованию заставы. Несмотря на пятидесятиградусную жару, солдаты и сержанты подразделения старшего лейтенанта Ефимкина Сергея Геннадьевича достойно выполняют поставленную перед ними задачу. Особой благодарности заслуживают рядовые Хайдаров Нурмамат Маматрахимович, Саидов Файзали Муратович, Суранчиев Досым Турганович, Казанцев Алексей Леонидович и другие.

Двумя днями ранее, в ночное дежурство, на выносном посту первого взвода уснул рядовой Балбекин Николай Евгеньевич. Командиром роты старшим лейтенантом Ефимкиным принято решение о направлении письма на родину рядового Балбекина, чтобы родители Николая знали, как на самом деле несёт службу их сын в Республике Афганистан.

А сейчас по заявкам „тружеников армейских полей" прозвучит полюбившаяся в подразделении песня в исполнении английского вокально-инструментального ансамбля „Статус Кво"—„You're in the Army Now" („Теперь ты в армии")...»

Во время «радиотрансляции» весь личный состав взвода стоял и не мог пошевелиться. Все буквально оцепенели, особенно те, чьи фамилии прозвучали в «прямом эфире». До них никак не могло дойти то, что это я сидел в соседнем помещении и по бумажке зачитывал текст «информационного сообщения»... В нужный момент я переключил тумблер воспроизведения кассеты, а из колонок зазвучало знакомое вступление...

A vacation in a foreign land,
Uncle Sam does the best he can,
You're in the army now,
Oh, oh, you're in the army now...

Ещё минут пять, пока играла песня, никто из присутствующих не мог прийти в себя. Коля Балбекин стоял с опущенной головой, предвкушая ненужные в такой ситуации расспросы своих родственников. Солдаты, чьи фамилии были озвучены в качестве «тружеников армейских полей», стояли с высоко поднятой головой и с открытым ртом, слушали полюбившуюся композицию. Все без исключения были в полной уверенности, что это настоящая радиотрансляция, и ждали продолжения информационного сообщения...

Только мы с Сергеем Ефимкиным и командиром взвода лейтенантом Мамедовым едва сдерживали слёзы от смеха...

Глава тридцать шестая

В середине августа из штаба батальона поступило распоряжение о подготовке сводной роты нашего батальона к участию в армейской операции по сопровождению автомобильной колонны с грузами для 860-го отдельного мотострелкового полка по маршруту Кундуз—Талукан—Файзабад. Мне предстояло командовать этим подразделением в составе шестидесяти человек личного состава и шести единиц бронетехники—БТР-70, с задачей обеспечить беспрепятственное прохождение колонны техники на выделенном для нашей сводной роты участке дороги. Личный состав и техника были привлечены из состава второй, третьей рот и управления батальона.

В назначенный день и час наша сводная рота, под общим командованием вновь прибывшего по замене командира батальона майора Чуваева Сергея Александровича, выдвинулась из расположения батальона в направлении Кундуза. Мы проезжали по дороге, которую и дорогой назвать было сложно. Через каждые десять-пятнадцать метров—воронки от разрывов крупнокалиберных снарядов. Мучная пыль от идущей впереди техники добавляла неудобств. Вдоль дороги—заросли растительности и глинобитные дувалы (заборы), каждый из которых таил в себе опасность. Солдаты, находящиеся на броне БТР, сканировали пространство в своих секторах обзора, пристально вглядываясь в каждый подозрительный уголок глиняных строений.

Наша небольшая колонна въехала в Кундуз. Город встречал недружелюбно. Мужчины в чалмах и тюбетейках с ненавистью смотрели на нас. После восьмилетней войны, постоянных лишений

и невзгод невозможно было по мановению волшебной палочки изменить сознание местных жителей. Люди были озлоблены и ненавидели пришельцев из-за речки. Бачата (афганские пацаны) бежали за техникой, показывали указательный палец и громко выкрикивали:

— Чарс, командор, чарс, командор! — предлагая афганский гашиш в виде скатанных в карандаш тёмно-зелёных «сигареток» или лепёшек.

— Командор, давай бакшиш (подарок)! — неистово кричали бачата.

Когда проехали немногим более километра по окраинам Кундуза, каким-то неуловимым и непостижимым образом под колёсами одного из бронетранспортёров оказалась маленькая девочка лет четырёх… Колонна остановилась. Комбат дал команду занять круговую оборону. Ужас, страх и оцепенение охватили нас. В первые мгновения случившегося мы не знали, что произошло и что нам делать. Крики и истерика афганцев всех возрастов, набежавших со всей округи, усугубляли ситуацию. Спустя несколько минут к нашей машине подошёл одетый в разодранное тряпьё седовласый старик, на вид лет шестидесяти, и стал что-то говорить сбивчивым голосом. Через переводчика рядового Саидова Файзули я понял, что эта девочка, лежащая на обочине, — его младшая дочь. Саид перевёл, что у него в семье ещё девять человек, что он гарип (бедный), что ему нечем кормить семью… Народ обступил девочку, отец поднял её с земли, прижал к себе, затем обратил её на вытянутых руках к небу и стал молиться Всевышнему…

Не знаю, сколько бы это безумие продолжалось, если бы кто-то из бойцов, выходцев из среднеазиатских республик, не предложил откупиться тем, что было у нас в бронетранспортёрах. Я дал команду своим солдатам отдать старику несколько пар старых солдатских ботинок и х/б, полмешка риса, перловки и макарон, пол-ящика тушёнки и сгущёнки, растительного жира, ещё какой-то снеди, которую мы брали с собой на блокпост… Наступила минутная пауза, мы переваривали случившееся и наблюдали за афганцами. Вдруг отец девочки подошёл к моему БТР и стал что-то говорить. Он прикоснулся своими руками к моим ногам. Старик то и дело взывал к Аллаху и благодарил меня за подарки. Саид перевёл, что этих подарков хватит семье на несколько месяцев. А девочка? Девочка всё равно ушла бы из семьи. С ней надо было отдавать приданое, которого у него нет и не будет, а это одни убытки… Он благодарил Аллаха за то, что мы избавили его от больших проблем и забот. У меня не укладывалось в голове то, что произошло минутами ранее… Жизнь маленького родного человека ничего не стоила для этого отца. Что говорить о жизни людей, которые пришли в его страну непонятно для каких целей? В те мгновения я не думал об этом. Осознание произошедшего события пришло гораздо позже…

Глава тридцать седьмая

Колонна бронетехники сводной роты продолжила движение по заданному маршруту и вскоре прибыла в назначенный район, который располагался в «зелёной зоне», в двух километрах напротив заставы второго взвода третьей роты нашего батальона. Комбат расположил бронетранспортёры вдоль дороги, которая изгибом напоминала тупой угол треугольника. В середине этого треугольника расположился мой блокпост, служивший одновременно командным пунктом нашей роты. По левую сторону от меня расположился взвод третьей роты под командованием недавно прибывшего из Союза великовозрастного старшего лейтенанта Виолора Колибана, справа, в километре, находился взвод лейтенанта Александра Екимовского. Сергей Александрович уточнил задачи и определил каждой «коробочке» свой сектор для наблюдения и стрельбы в случае внезапного нападения «ду́хов» на колонну. Уже вечерело, командир пожелал нам удачи и убыл в расположение батальона.

Бойцы проверили местность на наличие мин и приступили к обустройству окопов для себя и техники. Командиры взводов организовали ночное дежурство на блокпостах. Я ещё раз проехал по дороге по всем блокпостам, составил на рабочей карте командира схему расположения подразделения, указал на ней сектора обстрелов для каждой «коробочки», уточнил с командирами взводов ориентиры, напомнил сигналы оповещения и порядок взаимодействия в случае обстрела со стороны «ду́хов». Вокруг каждого блокпоста в ночное время на расстоянии тридцати-сорока метров были установлены сигнальные мины. Солдаты отрыли в земле так называемые щели, выложили на дно сухой тростник и перекрыли щели плащ-палатками. Рядом с нами протекал арык, воду из которого пить было нельзя, чтобы, не дай Бог, не подхватить какую-нибудь заразу.

Жаркий и тяжёлый во всех смыслах день сменился непроглядной ночью. Дежурство на блокпосту было установлено попарным. Хотелось спать. Глаза слипались от нервного напряжения, но ответственность за порученное дело не давала возможности оказаться в сонном царстве. То и дело раздавались одиночные автоматные выстрелы и разрывы от подствольного гранатомёта, которые не давали заснуть и мне. Так бойцы, находящиеся в боевом охранении, обстреливали сомнительные участки местности, из которых могла поступить угроза. Через каждый час я заслушивал по связи доклады от всех блокпостов об обстановке.

Неожиданно с левого фланга расположения нашей роты ночную тишину пронзили автоматные очереди, а затем и выстрелы из крупнокалиберного

пулемёта, установленного на бронетранспортёре. Я наблюдал, как ответным огнём кто-то пытается подавить огневые точки «противника»… Выйдя на связь с командирами взводов, я приказал прекратить стрельбу. Через несколько мгновений воцарилась тишина. Оценив обстановку и заслушав доклады командиров, я понял, что стрельбу спровоцировал одиночный шальной сонный выстрел из расположения старшего лейтенанта Колибана в сторону взвода лейтенанта Екимовского. Затем началась прицельная стрельба в направлении друг друга. Как в такой обстановке подчинённые не перестреляли друг друга, остаётся только догадываться… Я передал по связи, чтобы все успокоились и продолжали наблюдение.

Утром всех ждал «разбор полётов». Жалкое зрелище представляли лица командиров, а их доклады о случившемся не поддавались никакой критике. Каждый из командиров не мог адекватно оценить свои действия и признать ошибки, которые могли привести к непредсказуемым последствиям. Возможно, сказалось огромное напряжение от увиденного днём на окраине Кундуза…

Вся ночь прошла в тревоге. С бойцами моего блокпоста я позавтракал вкуснейшим и «изысканным» блюдом в виде приготовленной на костре гречневой каши с тушёнкой и горячим крепким чаем. Я решил немного подремать. Ещё в училище я привык использовать каждую предоставленную минуту для сна и отдыха, мгновенно отключаясь от происходящего вокруг. И здесь, в экстремальных условиях, оставив за себя на блокпосту старшего сержанта Хуршеда Уракова, я в течение нескольких секунд провалился в безмятежность…

Однако сон продолжался недолго. Я проснулся от визга сигнальной мины и душераздирающего пронзительного крика. Вскочив, я увидел картину, которую смело можно было включить в сценарий комедийного фильма. Рядом с нашим блокпостом, через арык, располагалось рисовое поле, по небольшим канальчикам которого текла вода из арыка. Утром местные жители как ни в чём не бывало вышли на сельскохозяйственные работы — обрабатывать рис, как вдруг один из них наткнулся на растяжку сигнальной мины. В ужасе дехканин повалился в грязную водяную жижу и заорал что есть мочи. Оказалось, что с наступлением утра мои бойцы забыли снять одну из установленных растяжек. Мне и моему переводчику Саидову пришлось долго успокаивать правоверных мусульман, принося им свои извинения…

Глава тридцать восьмая

Не прошло и трёх часов после сцены с сигнальной миной, как к моему блокпосту приблизилась делегация из старейшин расположенного поблизости кишлака. Саид перевёл мне о желании старейшин оказать честь уважаемым людям в моём лице — отведать с ними плов и принесённые фрукты. Я поблагодарил за оказанное доверие и пригласил группу из семи человек за свой быстро сооружённый дастархан. Старейшины выложили из казана в большое, расписанное разноцветными восточными красками блюдо плов, разложили виноград, груши, персики и нарезали особым способом огромного размера ароматную дыню. Высказав друг другу уважение и почтение, мы говорили о жизни и о том, что каждый из нас должен быть благороден и благоразумен в своих помыслах и поступках. Мною были произнесены слова благодарности за оказанное доверие и уважения к седым головам достопочтимых людей. Мы договорились, что в период проведения армейской операции никто из противоборствующих сторон не предпримет попыток каким-либо образом нарушить хрупкий мир и тишину в близлежащей местности.

Я и мои подчинённые, свободные от несения службы, втайне не решались вкушать принесённые дары, памятуя о коварных душманах, которые с улыбкой на устах могли воткнуть нож в спину или отравить приготовленное блюдо и фрукты…

Мы сидели и не прикасались к еде. Видя наши сомнения, один из присутствующих старейшин взял в сложенную пятерню плов и большим пальцем ловко отправил его в рот, закусив это кусочком отрезанной дыни. Мы расслабились и принялись за трапезу. Завершающим аккордом были приготовленные нашей делегацией вкусный крепкий индийский чай, сгущённое молоко и купленное в военторговском магазине югославское печенье и пряники. Завершив достигнутые договорённости, скреплённые званым обедом, мы распрощались, обнявшись по мусульманскому обычаю, троекратно прижавшись друг к другу щеками…

Впереди нас ждали новый день и новые события.

Глава тридцать девятая

На следующее утро началась армейская операция по доставке грузов в северо-восточную провинцию Афганистана — в Бадахшан.

На предельно низкой высоте вдоль дороги барражировали вертолёты огневой поддержки Ми-24. Первым на большой скорости проследовал боевой дозор десантников в составе трёх бронетранспортёров с личным составом на броне и танка т-62 с минным тралом. Затем на приличной скорости, соответствующей дорожной обстановке, начали движение автомобили с грузом и боевая техника. Мимо меня мелькали загорелые и запылённые лица солдат и офицеров, сидевших на броне. По выражению лиц было видно, что это будничное и привычное для них дело. Многие из участников операции не раз и не два проходили этот нелёгкий путь. Иногда в колонне образовывались разрывы между боевой техникой и транспортом, в которые

вклинивались одиночные афганские «барбухайки», доверху забитые различным товаром.

В конце дня мимо нашего блокпоста ехала «барбухайка», гружённая большими, продолговатой формы, арбузами и здоровенными жёлтыми дынями. Бронетранспортёр с десантниками поравнялся с афганским автомобилем. Ловкий боец в тельняшке перемахнул на «балкон», установленный над кабиной «барбухайки», огороженный деревянным штакетником, и на полном ходу стал перекидывать бахчевые своим сослуживцам. Видя такое форменное безобразие, водитель, высунувшись из кабины, попытался возмутиться, махая руками и выкрикивая что-то нечленораздельное в адрес десантников, как тут же над его головой раздалась длинная очередь из автомата. Афганец от неожиданности завалился на своё место и резко нажал на педаль тормоза. «Барбухайка» встала как вкопанная, что дало возможность «десантуре» спокойно завершить начатое ранее дело…

Ближе к вечеру, когда начало темнеть, движение техники завершилось, а наша работа продолжалась непрерывно: солдаты осуществляли наблюдение за местностью, в установленное время я получал доклады от всех блокпостов, сам выходил на связь с командованием батальона, пару раз проехал по дороге в зоне нашей ответственности.

Очередная ночь прошла спокойно. Утром, до начала движения колонны, я решил немного вздремнуть. Не успел я посмотреть ни одного сна, как меня разбудил Хуршед Ураков и сказал, что к нашему блокпосту подъехал БТР, на броне которого сидел какой-то подполковник с сопровождающими бойцами.

Намочив лицо водой, слегка приведя себя в порядок, я подошёл к бронетранспортёру. Подполковник в новеньком, ещё не выцветшем обмундировании и бронежилете, с бледным и потным лицом, в позе Наполеона сидел на башне БТР. Не спрыгивая с брони, не представившись и не дослушав мой доклад, он приступил к экзекуции…

— Почему ты спишь с утра пораньше? Почему не в бронежилете, и где твоя каска? Как на блокпосту организована политико-воспитательная работа? Где боевые листки?

Я не терплю, когда какой-нибудь «начальник» начинает «тыкать». И вообще, откуда такое чванство в людях? Мне стало понятно, что это за птица. Несмотря на звания и должности, таких вновь прибывших в Афганистан военнослужащих называли: «зелёный, как хрен у крокодила, кинь в траву — не сразу и найдёшь». Я не стал при личном составе уточнять новую для него данность. Было ясно, что это политработник, который прибыл в Афган накануне операции.

Для начала я посоветовал подполковнику спрыгнуть с башни бронетранспортёра, так как его нахождение на ней могло послужить преждевременным возвращением в родные края, уж больно хорошая мишень для снайпера получалась, но он упорно сидел и не хотел прислушаться к голосу разума…

Мне пришлось объяснить, что в боевых условиях нет необходимости выпускать боевые листки. Этим займётся замполит роты после прибытия подразделения к месту постоянной дислокации. Бронежилет я принципиально не носил; собственно, у меня его никогда и не было. Солдаты в обязательном порядке были в бронежилетах и касках. Почему сонный? Потому что всю ночь не спал, но этого я не стал говорить, так как этому гусю бесполезно было что-то доказывать. У меня было одно желание: чтобы он быстрее закончил самолюбование в глазах сидевших на броне подчинённых и уехал из моего расположения. Подполковник что-то ещё продолжал говорить, переходя на крик, но для меня его слова не означали ровным счётом ничего. Я стойко выслушал тираду подполковника, развернулся на сто восемьдесят градусов и ушёл прочь. Он кричал вслед, что примет необходимые меры, что я получу строжайшее взыскание…

«Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона!!!»

Глава сороковая

Об отдыхе не могло быть и речи. Мои бойцы видели и слышали, что происходило на обочине дороги. Мы молча сидели в большой воронке рядом с арыком, заросшей травой, и каждый из нас «переваривал» произошедшее в своих мыслях. Таких случаев за почти два года службы в Афганистане было немного, но они, к сожалению, были.

С началом нового дня колонна до Файзабада вновь продолжила своё движение. В установленное время на связь вышел начальник штаба батальона мотострелкового полка, которому мы были приданы, и озвучил информацию о мотоциклисте, который курсирует по дороге, обгоняя идущую параллельно технику, то в одну, то в другую сторону. Я и сам видел, как на большой скорости несколько раз проехал мотоцикл.

Вместе с двумя бойцами, одним из которых был мой переводчик рядовой Саидов, я вышел на дорогу. Через несколько минут из-за поворота на полной скорости мимо нас промчался мотоцикл с двумя «наездниками». Странно было видеть в Афганистане современный кроссовый мотоцикл. Мотоциклист с напарником, не останавливаясь, проехали мимо. Через некоторое время мы вновь увидели знакомый силуэт, который ехал в обратном направлении, но уже без попутчика. Чтобы не дать возможности снова беспрепятственно проехать мимо нас, мы вышли на дорогу и выставили в его направлении оружие. Жестом, не терпящим возражений, я остановил мотоциклиста. Это был молодой человек, лет тридцати, с чёрными, как смола, длинными волосами, без головного убора,

с чисто выбритым подбородком, в чёрной афганской одежде. На ногах были тапочки на босу ногу. Новый кроссовый мотоцикл блестел никелем, на чёрном бензобаке красовалась надпись «Honda»…

«Наездник» не вписывался в местный пейзаж, и что-то подсказывало мне, что это не простой афганец, праздно разъезжающий по дороге во время армейской операции. Через переводчика я попросил его отойти от мотоцикла и поднять руки для проведения досмотра. Афганец, жестикулируя руками, стал размахивать и громко орать. Саидов подошел сзади, своей коленкой подбил афганца в подколенную ямку, выведя из равновесия задержанного, уронил в пыльную землю, приставив ствол автомата к его затылку. Второй боец осмотрел афганца и мотоцикл. Ничего подозрительного мы не нашли. Тем не менее я вышел на связь с начальником штаба батальона, которому была придана наша сводная рота на время проведения операции, и доложил о задержании мотоциклиста. Начальник штаба незамедлительно прибыл на мой блокпост. Не разбираясь, с помощью своих бойцов он связал мотоциклиста, «загрузил» его в БМП и на мотоцикле самостоятельно проследовал на свой командный пункт. Позже, после завершения операции, я узнал, что мы задержали «духа». Подробности остались мне неизвестны…

Вероятность мести после инцидента с мотоциклистом со стороны его соратников была высока, поэтому я попросил командиров и бойцов усилить бдительность на блокпостах, особенно в ночное время. Я осознавал, что «ду́хи» могут организовать провокацию или выкрасть кого-то из моих солдат для обмена на своего. Оставшиеся до окончания операции дни мы фактически не спали, даже днём…

Узнав о произошедшем случае, командование нашего батальона прислало на усиление ещё пятнадцать человек. Вместо старшего лейтенанта Колибана из третьей роты приехал лейтенант Алексей Корнилов. Я равномерно распределил личный состав на каждый блокпост, что позволило немного снять напряжение.

Между тем мы заметили, что колонна налегке стала возвращаться в обратном направлении. По уставшим глазам водителей было видно, насколько тяжёлыми были километры дорог и горных серпантинов, проведённые за рулём своих автомобилей.

Всё когда-нибудь заканчивается, подошла к завершению и эта армейская операция по сопровождению колонны до Файзабада и обратно, в которой нашему подразделению была отведена небольшая её часть. В общей сложности мы находились на блокпостах около десяти дней, а ощущение такое, что нас не было в батальоне целый месяц. Столько событий, переживаний и самых разных впечатлений осталось на этой дороге… Недаром срок выслуги для военнослужащих в Афганистане исчислялся из расчёта один день за три…

Окончание следует

Д*и*Н ревю

Эльдар Ахадов

Доброе слово о Крайнем Севере

Салехард: ГУ «Северное издательство», 2019

Книга «Доброе слово о Крайнем Севере» будет интересна не только жителям ЯНАО, но и многочисленным читателям России, которые давно ожидают документального и художественного знакомства с Севером и северянами. Это сборник историй из жизни людей и портретных зарисовок героев, живущих на Ямале.

Кто такие северяне? По мнению автора, люди Севера—это характер, это особое мировоззрение. Трудовая и бытовая стороны их жизни протекают в условиях, когда грань между героическими и обыденными поступками становится незаметной.

Александр Образцов

Империя во мне

Утро

Природа ласкова. Её не надо злить.
Сварог соединён с ядром, Перун с громами.
И Макошь, что с Большой Медведицей домами
Всю ночь общалась, разрешила быть.

Дозволено мне сбить росу ногами.
Рукой крыльца коснуться. Взглядом — роз.
И быть внимательным к перемещенью ос.
Я равен им. Но вечность между нами.

● ● ●

Когда уйдут последние знакомые,
Заметишь, что за окнами — бело.
Там снег парил, пока кричали в комнате
И мыслями скрипели тяжело.
Там падал снег, так тихо падал, бережно
На голый тротуар и фонари,
Что не узнать ни улицы теперешней,
Ни воздуха, где этот снег пари́л.
Когда уйдут последние знакомые,
Вздохнёт дорога, заровняет след.
И медленные кавалькады конные
Гравёр введёт в серебряный браслет.

Империя во мне

Слепая мышь — глухая ночь — слепая мышь.
Она скребёт, она шуршит. Ты — говоришь.
Она ползёт, она бежит, она везде.
Ты не поёшь, ты не кричишь, и быть беде!

Империя мышей — страна жулья.
На страже рубежей судьба моя.
Империя побед — Нева в огне.
Империя во мне.

Слепая ночь — глухая мышь — слепая ночь.
Рассвет скребёт, рассвет шуршит. Тебе невмочь.
Но он ползёт, но он бежит, он будет здесь.
И ты хрипишь, ещё во сне, распластан весь.

Империя ночей — страна моя.
Я помню этот бред, где жил и я.
Империя побед. Нева в огне.
Империя во мне.

● ● ●

Один человек живёт в комнате.
Другой живёт в космосе.

Им встречаться совсем не обязательно.
Оба проявляют обаяние.

Оба неизменно жизнелюбые.
В семьях, правда, невозможно грубые.

Оба ходят в ад на совещания.
И расшатывают наше мироздание.

Да и как же его не расшатывать —
Комнату из космоса упрятывать?

Космосом за плинтусом проскальзывать.
И считать свою работу базовой.

Два нормальных типчика из Купчина,
Из трамвая сорок третьего кипучего.

● ● ●

Современник, оставь затянуться
Героической жизнью твоей.
От удушья бы мне не загнуться —
Нет сигары вонючей и злей.

Значит, впрямь твоя жизнь героична.
Да и сам ты железный какой:
Как в обойму ты входишь отлично.
Подвигайся к бойку головой.

● ● ●

Соловьиные деревья.
Одинокие огни.
На реке, пустой и древней,
Вой и щебет мелкотни.
Человек большой не нужен.
Он горюет на камнях
У воды тугой и дружной,
Весь в рыданьях и соплях.
От желаний неподвижен,
Злой и добрый ко всему,
Бьёт, Хозяином обижен,
Комаров по одному.

Воспоминание

Звякнул колокол. Отвечая,
Прогудел паровоз. И привет
Мне послали трава луговая,
Запах пива и дальний буфет.

И когда вдалеке домишки
Убежали и дыма след
Начал таять, вдруг кто-то вышел
Из меня за тем дымом вслед.

• • •

Рядом нет никого, даже эха.
Даже эха, едрит твою мать.
Эх, не выехать тут и не въехать.
Надо пальцы беззвучно ломать.

Хорошо как. Собой заполняю
Горизонты, миры и вовне.
Хороша моя жизнь неземная!
И медуза крадётся ко мне.

Заходи, дорогая соседка!
Помолчим и неслышно споём.
Мы с тобою встречаемся редко:
Я в морях не бываю. Приём.

Мендельсон

Посвящается Когану

Объявили Мендельсона.
Краем уха скрипку пью.
Телевизора корону
Приравнял давно к репью.
Я в себе копаюсь. Лажу
В проводах. Настройки жду.
Что-то нынче здесь не кажут…
Как же нынче плохо тут…
Кто-то тычет в схему пальцем.
Кто-то дышит в унисон.
Постепенно… в ритме вальса…
Здравствуй, дядя Мендельсон!..

• • •

Родные, злые, удалые—
Отцы как дети. Их снесло.
И рубит шеи трудовые
Эпохи новое число.

Их жизни длились так недолго,
И на поверхности Земли
Они не рассказали толком,
Какое поле перешли.

Они отстали. Тонут, тонут!
Полны отчаянья глаза.
Уж не догонят, не догонят.
И ветер гасит голоса.

• • •

Сцепи, будто пальцы, две местности, близких тебе,—
И ты убедишься: о да—существуют пространства,
Чьи дали ногам и глазам не дадут ослабеть,
Как рифма стиху, где не надо иного убранства.
Широкое тело травы ненасытно в любви
К равнинам, холмам, обнимая их в каждом захвате.
Вот так бы и мне уцепиться за чёрную землю равнин.
Вот так бы и мне наливаться и зреть от объятий.
Какие слова говорит ей репейник сухой?
Каким шепотком, придыханьем волнуется мята?
И в речи полыни зачем столько горечи злой?
И чем так напуган всегда подорожник распятый?
Я нем, как валун, в этом многоголосье и тьме,
Я вижу рожденье и тлен, так отчётливо вижу,
Что кажется жизнь сновиденьем в воздушной тюрьме.
Но я возвращусь. И тогда я траву не обижу.

История средних веков

На полстраницы царство затянулось,
Для герцогства—три жалкие строки.
И нет нигде—она в слезах проснулась,
И снова нет—не подала руки.
Нигде, нигде—твой взгляд угрюм и светел.
Ты мне и не звони, и не пиши.
Тебя в Месопотамии заметил
Наложницей какого-то паши.
Твой взгляд угрюм и светел. Запылили
Полмира низкорослые коньки.
Гора голов. Мозг ноет от усилий
Понять, простить. Не подала руки.
Так вот зачем сползают государства
По оползням сферической Земли.
Верней, вернее направляй удар свой
И у меня пощады не моли.

Родные

Часы шумят, как наводненье,
И топят, топят мой народ.
И я, в последнем поколенье,
Надёжный, мол, волноотвод.

За мною двое-трое сирых
Доверившихся мне ребят.
Часы шумят, теряя силу.
И шага вспять мне не простят.

Мне не простят ни лжи, ни злобы.
И двое-трое сирых тех
Так преданно взирают, в оба,
И так их беззаботен смех,

И так тоска их пробирает,
Чуть отвернись, не догляди,
Что помнить буду, умирая,
Лишь их, у сердца, у груди.

Новая Ладога

Меня ветер преследует, как чужеземца,
В этой плоской стране под названием Русь.
Что за холод собачий гуляет у сердца!
Так знобит, что до Азии не доберусь.
Лишь сегодня я понял, что жил эмигрантом
В окаянной и злой европейской стране.
И в чужое окно с бесполётным талантом
Я пытался проникнуть. И врезали мне.
Что за глаз безошибочный, слух родовитый!
Или Калка привиделась? Топот возник?
В табунах Керулена, в халате расшитом,
Не влетел на скаку я в ленивый язык.
И рожденью на самом краю континента
Не ищу оправданья. Я сам. Я большой.
И живу, как народ, в ожиданье момента
Равноправья с моей азиатской душой.

• • •

Энергия коленчатого вала!
Стон ротора! Восторги шатуна!
Как будто из бездонного провала
Выносит механизмов имена.
Выносит в масле и объединённо
Для действия, которому предел
Не установлен. Ширится колонна,
Орда ли, лава? Совершенство тел.
Не потесниться. Разве только сжиться.
Принять, как птиц, оленей и траву,
Триодов тьму, ракетные столицы.
Согреть душой, как мёртвую Неву,
Как мёртвые мосты, закаты, грозы,
Как клеточки древесного листа.
Согреть душою все метаморфозы,
Хоть в них никто не смыслит ни черта.

Рассвет

Люди спят как птицы,
Спрятав голову в крыло.
От судьбы упрятав лица.
Бедные, о, как вам спится?
Ведь за окнами светло.

Так светло, и так туманно,
И безлюдно страшно так,
Будто метит окаянный
Век отчаянных рубак.

Закрывайте плотно шторы,
Чтобы было так темно,
Как бывает в разговоре,
Опускающем на дно.

Чтоб не смел рассвет безносый,
Чтоб не смел он, чтоб не смел!..
В пене к Господу выносит
Лица, белые как мел.

• • •

Воспитательной силой примера
Увлекались в иные века
Даже звери. И мама-пантера
Есть живое учила сынка.
От усталости нет исцеленья.
Санитары природы — везде.
Хищный знак твоего избавленья
Уж проснулся в каком-то гнезде.
Приласкать эту землю по шерсти —
Замурлыкает, спрячет клыки.
Врежь же ядом наполненный перстень
Ей в загривок с обратной руки!
По проторенным кем-то дорожкам
Бродит совесть, слепая сестра.
Что ты стонешь, глухая зубрёжка?
Ночь на свете. Не видно утра.

• • •

Птица крикнет: «Спать пора!»
Не шути со мною, птица.
От заката до утра
Может всякое случиться.
От русалочьих волос,
Бёдер тускло-серебристых
Закипит туманный плёс,
Как садок иллюзиониста.
Скажет старшая сестра
Рыжей, русой, чёрной стаи:
«Всё игра, князь, всё игра
В тех, кого мы выбираем!»
Будет младшая тиха,
Будут средние лукавы…
У полночного стиха
Шаг от страсти до забавы.

Ветер

Ветер марлю отдувает,
Нападает широко.
Это — песенка прямая,
Вкус и цвет — как молоко.

Ветер глухо завывает
И в распадках лес вали́т.
Это — песенка кривая,
Вкуса соли и обид.

Наступают волны ветра.
Я как выщербленный весь
От его тугих пометок.
Всюду мы: то там, то здесь —

Мы сшибаемся с упорством
По горам, полям, лесам!
Нет конца противоборству,
Нашим с ветром голосам.

Прощание с Дальним Востоком

Пора прощаться. Навсегда. Навеки.
Зверёныш неприрученный—тайга!
Провой мне песню, ту, что воют реки.
Проголоси, как голосят снега.
Я не вернусь, хоть по живому режу.
Я не вернусь. Никто меня не ждёт.
На пепелище памяти повешусь.
Мне нечем жить. Мне плохо месяц. Год.
Столетье плохо мне! Не докричишься
До детства и до матери в земле,
И безнадёжна, как любовь мальчишья,
Тоска по прежней и чужой семье.
Но ты, Восток! Хребты твои литые,
Багул и мари, сопки и ключи,
Твои дома, до брёвнышка святые,
Глухих посёлков огоньки простые,—
Да свя́тятся и светят мне в ночи!

● ● ●

Наклони мне вишнёвую ветку,
Или сердце моё упадёт.
Станет деревом в этом саду,
Самым тихим, совсем незаметным.
И тогда-то я вдоволь наплачусь,
И себя, и тебя полюблю.
Наклони мне вишнёвую ветку,
Лишь об этом, рыдая, молю.

● ● ●

Свеча горит необъяснимо—
То вспыхнет, то едва-едва.
Едва-едва и мимо-мимо
Кружатся вялые слова.
Терпенья тихая отвага
Отмоет слово дочиста.
И жизни белая бумага
Заговорит уста в уста.

Июньская ночь

Ночной асфальт—светящаяся повесть
Твоих шагов. Стезёю мостовых
Ты появляешься, в тенях лиловых кроясь,
И исчезаешь в двориках сквозных.
Шумят деревья. Как шумят деревья!
Я—дерево, шумящее в ночи.
И медленно войду в его напев я
Себе навстречу, в шорох слов ничьих.
Я знаю, что в ночных прекрасных лицах
Есть страсть и жажда—крепче мир обнять,
Всего коснуться, и во всех влюбиться,
И с болью, сладко снова потерять.

● ● ●

В ожидании тёплой погоды
И в предчувствии рук дорогих
Мы сидим, как чужие народы,
И дрожим на насестах своих.
Ястреб-выбор и Коршун-случайность,
Цап-царапыч и Лис-берегись…
Как в курятнике нашем печально.
Смотрим вниз, смотрим вниз, смотрим вниз.
Наше мясо стареет, а перья
При ходьбе начинают мешать.
Азиатскую суперимперию
Никому не дадим обижать.

После боя

Хорошо они роют окопы.
И сидел бы на дне. И сидел.
Ни руки не поднять мне, ни жопы.
Всё бы в полосу неба глядел.

От работы такой кони дохнут.
Закурить бы… Эй, дай закурить…
Да, я видел, как ты его грохнул…
Ты поблюй… Только дай закурить.

Марина Саввиных

Продолжение следует

1.

В декабре минувшего года исполнилось девяносто пять лет со дня рождения одного из крупнейших сибирских писателей второй половины двадцатого века Анатолия Ивановича Чмыхало. И вот уже почти семь лет, как покинул писатель сей грешный мир для миров лучших — надеюсь, добрейших и справедливейших.

Лицом к лицу, сказал поэт, лица не увидать. Мне довелось знать Анатолия Ивановича достаточно близко, и хотя я всегда отдавала себе отчёт в масштабе его действительно крупной личности, только теперь, может быть, сознаю до конца, кем он был и что сделал в жизни, в литературе, в этом городе, в этой стране.

Чтобы найти отправную точку воспоминаний, нужно перенестись в 1974 год, когда на вступительных экзаменах в Красноярский педагогический институт я познакомилась с младшей дочерью Анатолия Ивановича — Олей. Думаю, непросто будет вести рассказ о писателе Чмыхало, не уклоняясь без конца в историю нашей с ней дружбы, но я постараюсь. По странному стечению обстоятельств мы попали с Ольгой в одну группу и уже в сентябре отбыли вместе со всем «потоком» на сельхозработы в Назаровский район.

Месяц в деревне… Жили в «общаге» — в помещении старого интерната, кое-как приспособленном для человеческого проживания. По ночам в нашей казарме гуляли сквозняки и крысы, а с утра пораньше, после очень лёгкого завтрака, мы отправлялись на поля — «дёргать турнепс». В тот год сентябрь выдался по-сибирски суровый: уже в первых числах на полях лежал снег, мокрый, быстро тающий, но самый настоящий. Особенный осенний промозглый холод мало способствовал темпам уборки, и наше пребывание «на селе» всё длилось и длилось, и казалось, ему не будет конца. Девчонки в нашей группе были в основном деревенские (для выпускников сельских школ существовали в ту пору квоты при поступлении в вуз), им к такой «спарте» было не привыкать. Но для нас с Ольгой, городских домашних девочек, это стало, может быть, первым в жизни испытанием на прочность. Думаю, именно атмосфера колхозного уборочного аврала — с её чисто физическим напряжением и неудобствами, к которым мы обе не были готовы, с непрерывным круглосуточным погружением в нравы простые, грубые и диковатые, — толкнула нас друг к другу, иначе мы, наверное, не справились бы. Оля, впрочем, в конце концов «свалилась»-таки: примерно за неделю до возвращения студенческого «десанта» в город она расхворалась не на шутку, и родители забрали её домой. Но за три недели, что мы прожили бок о бок в деревне Ильинке, я многое узнала о ней и о её семье. Во-первых, отец Ольги — Анатолий Иванович — был тогда уже известным писателем, возглавлял Красноярское отделение Союза писателей СССР и редакцию альманаха «Енисей», то есть, по тогдашним меркам, Оля была не меньше чем «генеральская дочь», это все в группе знали, что порождало в однокашницах (парней на филфаке, понятно, было раз-два и обчёлся) чувства самые разнообразные — от восторженного любопытства до зависти и злобной подозрительности. Я ничего подобного не испытывала по причине своей тогдашней избыточной мечтательности и, как сейчас сказали бы, принципиального эскапизма. Бродя по раскисшим от мокрого снега полям в резиновых сапогах, еле державшихся на ногах от налипших на подошвы комков тяжеленного назаровского суглинка, я витала в своих облаках, и Ольге, видимо, просто нравилось держать меня за руку, чтобы я окончательно не улетела куда-то вдаль — без возврата. Моя благодарность была чиста от каких-либо социально обусловленных примесей, и это нас тоже сближало. Да, я быстро поняла, что папа, если бы захотел, мог бы запросто «отмазать» любимую дочь от «испытания Ильинкой». Никто даже слова не сказал бы в упрёк. Тем более что и здоровья, соразмерного «испытанию», у Ольги и тогда не было, и всю жизнь потом с этим то и дело возникали проблемы. Но. Дочь советского писателя не должна была отрываться от коллектива. Только так. И точка. Впрочем, не в «советскости» даже дело. Анатолий Иванович, сам прошедший тяжелейшую школу жизни, понимал, конечно, что детям негоже уклоняться от ухабов и слякоти житейских дорог, какими бы незначительными они поначалу ни казались.

Я стала бывать у Чмыхало практически ежедневно. Они жили в самом центре города, на проспекте Мира, в двух шагах от главного корпуса пединститута, где мы учились. Удивительная это была семья. С одной стороны, крайне патриархальная. Весь быт сосредоточен вокруг труда Анатолия Ивановича. Отец — и царь, и бог, и краеугольный камень, и камень преткновения. С другой же стороны, в семье царил дух вольнодумства — совершенно неслыханный по тем временам. Честно говоря, я иной раз даже опасалась: нет ли, не дай Бог, где-нибудь в комнате хитрого встроенного «жучка»? А вдруг? Основное убранство в этой, как я сейчас понимаю, достаточно скромной (хотя тогда мне казалось — роскошной!) квартире составляли книги. Да и сам Анатолий Иванович — «ходячая энциклопедия». Тягу к универсализму, к широким познаниям в разных сферах науки и искусства он сумел передать детям: и Борис, старший, и Ольга с юности обладали прекрасной памятью и редкой даже для тех просвещённых времён начитанностью. Так что я с самого начала чувствовала в этих людях какую-то особую избранность, что ли… И в то же время — простоту обихода, коей не ощущала и по сей день не ощущаю в себе.

Сейчас я думаю: эта, почти стихийная, образованность, удивлявшая собеседников широтой и подробностью, вообще была свойственна советским интеллигентам первого поколения, совершившим небывалый духовный рывок в двадцатом веке. Эта генерация, увы, стремительно уходит, а ведь в ней редчайшим, удивительнейшим образом переплелись генетические коды старинных крестьянских родов и усвоенная с азартом неофитов сокровищница мировой культуры. Эти люди с детства знали, что такое голод, холод, унижения, простой деревенский быт, тяжёлый физический труд, но их судьба сложилась так, что лучшие книги, лучшая музыка, лучшие произведения искусства прошлого стали им доступны, и именно они этот шанс не упустили, хотя эпоха вместе с возможностями создавала и все предпосылки для того, чтобы упустить. Тут уже всё зависело от личных качеств — ума, настойчивости, таланта. У Анатолия Чмыхало, потомка славного украинского кобзаря, хватило и того, и другого, и третьего.

В том же семьдесят четвёртом, в декабре, я впервые была на юбилейном вечере писателя Чмыхало. Позже я, кажется, не пропустила у Анатолия Ивановича ни одного юбилея. Но тот — пятидесятилетний — был поистине триумфальным. Уже были написаны «Половодье», «Нужно верить», «Три весны». И, наверное, не было ни одной более или менее культурной семьи в Красноярске, где не хранили бы «Половодье» на видном месте, на почётной книжной полке. У нас такая тоже была. На обложке — казацкий палаш, торчащий то ли из озерца, то ли из кровавой лужи. Не скажу, чтобы я ещё в школе прочла её с пониманием предмета, но знать — знала. И вот теперь — на правах гостьи автора этой книги — я сама за столом с выдающимися людьми своего времени! Надо ли говорить, как я была польщена и горда…

И откуда мне было знать, что именно в те годы Анатолий Иванович переживал, может быть, самые трагические, самые тяжёлые события своей биографии? В ретроспективе этих событий не самым красивым образом всплывают известные имена, которые не стану я здесь тревожить, ибо… иных уж нет, а те далече. Писательская среда, как показал теперь уже мой собственный опыт, — в моральном плане едва ли не самая коварная и безжалостная. Особенно в отношении собратьев по перу. Дело прошлое, но оно изрядно подточило здоровье Анатолия Ивановича, что к годам преклонным возымело катастрофические последствия. Однако тот юбилей, в семьдесят четвёртом показывал и значимость уже сделанного писателем, и его огромный творческий потенциал.

А дальше — от юбилея к юбилею — заслуг и достижений становилось всё больше, но больше и грусти. Настал момент, когда уже и верной спутницы, Валентины Никифоровны, не стало рядом. Помню Анатолия Ивановича в 2009-м. Исхудавшего. С огромными тёмными глазами на странно помолодевшем лице…и такая от него исходила энергия полноты жизни… не верилось, что время его уже на излёте.

Я писала тогда о нём:

«Говорят, злого человека годы уродуют, доброго и мудрого — красят: всё отчётливее и ярче проступают черты прекрасные, а случайное, несущественное отступает на задний план.

Вот фотография в альбоме — молодой красавец-актёр Чмыхало-Брасс: бледное выразительное лицо с тонкими чертами, огненными глазами, чёрными бровями, густой шевелюрой… Залюбуешься! А я ведь не знала его таким… Эти глаза я запомнила глубокими и печальными, с легко набегающей слезой, — глаза много страдавшего и много знающего человека. Прекрасные глаза на прекрасном крупном лице… Сам Чмыхало, правда, шутит, что дожил „до бульдожьих лет“, но именно таким, будто уже давно превысившим какие-то условные мерки, при помощи которых люди оценивают внешность друг друга, он кажется мне особенно красивым! Словно время над ним не властно.

Возможно, род занятий Анатолия Ивановича — тому причина. Писатель напрямую причастен к бессмертию: он воскрешает мир прошлого, наделяя его живыми чертами, воссоздать которые можно только чудом! Это и есть дар, талант, Богом отмеренный настолько, насколько способен человек поднять эту непомерную ношу. Писатель

всю свою жизнь испытывается на соответствие собственному таланту. А это и есть — судьба.

Судьба Анатолия Чмыхало в разные годы то гнобила его, пригибала к земле, то подхватывала на крылья, приподымала над землёй, то с беспощадностью раненой птицы швыряла на камни, но писатель не умолк, не перестал исполнять свой долг перед ушедшими, но заслуживающими нашей памяти людьми. Хотя были, конечно, и времена мучительного молчания, забвения публикой, пренебрежения со стороны, так сказать, лидеров общественного мнения. Однако — и тут проявилась особая сила характера писателя — в эти времена, как никогда прежде, аккумулировалась творческая энергия, выплеснувшаяся в произведениях Чмыхало последних лет.

Его стезя — историческая проза. Герой — всегда на мучительном перепутье, как бы „зависший" между мирами, попавший в водоворот социальной катастрофы, поставленный в ситуацию выбора, когда выбор невозможен. Наверное, это странный для Анатолия Ивановича вывод, но я убеждена, что лирический герой его последних романов сконцентрировал в себе черты и Романа Завгороднего из „Половодья", и Ивана Соловьёва из „Отложенного выстрела", и других персонажей его предыдущих книг. А может, всё как раз наоборот: до поры до времени таимый (лишь точечно, спонтанно обнаруживающий себя в стихах) лирический герой разными гранями воплощался в художественных образах, так или иначе связанных с заветными мыслями автора. Я фантазирую иногда: так, наверное, Данте обнаруживал в аду своих героев и оживлял флюидами собственной души не меньше, чем мастерством художника! Чтобы прошлое не погасло, чтобы — учило своей непреложностью, показывало правду упорствующим в заблуждении и неверии. А правда никогда сама собой не падает сверху, как яблоко на голову Ньютона, — её вырабатывают человеческие сердца, любя и страдая. Думаю, в этом и заключается нравственный пафос книг Чмыхало, их трагический и возвышенный оптимизм».

2.

Стихи Анатолия Чмыхало — совсем особая песня. Бывает проза поэта. Бывает ли поэзия прозаика? Литературная деятельность Анатолия Ивановича, как это чаще всего и бывает, началась стихами. Первая книжка его — «Земляки» — состоит из стихов уже вполне зрелых, но как бы стоящих «в ряду», не «цепляющих» ценителей поэзии ни смелостью авторского подхода к материалу, ни изысканностью формы. Позже писатель полностью посвятит силы и время такому сложному и трудоёмкому делу, как историческая проза. Стихи, конечно, приходили и тогда, но, видимо, Чмыхало не относился к ним всерьёз, что в конце концов и стало причиной возникновения «самородков» — совершенно оригинальных стихотворных миниатюр, в которых проявился не столько талант прозаика, пишущего стихи, сколько так до конца и не востребованный при жизни писателя дар драматурга. Каждая такая миниатюра — словно пьеса-перевёртыш из народного театра Петрушки. Если первые две строчки — патетика, следующие — обязательно сарказм. И наоборот. Весёлая, порой даже ёрническая игра, предназначенная для самых близких и потому свободная от какой бы то ни было внешней заданности. Вряд ли Анатолий Иванович думал их публиковать; книжки стихов, изданные в последние годы жизни писателя, появились на свет благодаря усилиям его друзей и родных. Перелистывая сегодня эти страницы, понимаешь: да, вовремя; хорошо, что Чмыхало смог ещё подержать в руках и «Самородки», и «Россыпи». Теперь, спустя годы, каждое слово этих коротких и вроде бы очень простых стихотворений озаряется особым светом: предчувствия сбылись, намёки прояснились и стали очевидными, горькая усмешка стала пророчески глубока, а надежды на лучшее обрели зримые очертания. Земной путь человека Анатолия Ивановича Чмыхало завершился в 2013 году, путь же писателя Чмыхало продолжается и не прервётся, пока живы читатели его книг. А они живы, значит — продолжение следует!

Анатолий Чмыхало

Всех люблю вас, люди мои!

Богач

Я богат, даже очень богат
Изумрудами утренней просини,
Даже капли росы—это мой бриллиант
В золотистом уборе осени.

В гости

С книжной полки бережно снимаю
И кладу тяжёлый том на стол.
Извини, подружка дорогая!
Не сердись! Я к Пушкину пошёл.

Родина

Сколько раз ты меня обижала!
Сколько раз ты меня прогибала!
Сколько раз пыталась сломать,
Моя милая Родина-мать!
Но не ты ли меня сохранила?
Но не ты ли меня закалила
В неизбывной моей борьбе?
И за это спасибо тебе!

Дар

Любовь—это дар, который
Даётся нам на двоих.
Мы можем подвинуть горы
И можем обрушить их.

Звезда

Мне подмигивает звезда:
Дескать, ты не умрёшь никогда,
Но ночами не спи—пиши
Не для славы, а для души.
Я уверен: бессмертья нет.
С ходу падаю на кровать.
Мне прожить бы хоть пару лет.
А для этого нужно спать.

Мудрость

Я мудрость в сердце сберёг,
Исчерпав её до дна:
К неправде ведёт сто дорог,
А к правде—всего одна.

Старость

Поэту силы придаёт
Не шумная поддержка нации,
А скромный Пенсионный фонд
Российской Федерации.

Енисей

Обороты катер набирает,
И под нами палуба играет,
И стучится в днище без конца
Енисей, отлитый из свинца.

Труд

Писатели понимают,
Как трудно письмо даётся.
Но сказанное умирает.
Написанное остаётся.

Роман

Призванье моё непростое.
Роман—это тот же дом.
Я строил его и построил.
Входите, живите в нём.

Не в моде

Идёт естественный отбор
В природе:
Ведь всё, что было до сих пор,—
Не в моде.
Не в моде Родина и честь,
Не в моде
И то хорошее, что есть
В народе.

Детство

По селу мела пурга,
Стыли слёзы.
Круче не было врага,
Чем морозы.
Нараспашку кожушок.
Снегоходы.
Как мне было хорошо
В эти годы!

Печаль

Бывают в жизни трудные моменты,
Когда тебе общенье суждено,
И вдруг не отвечают абоненты,
А адресаты вымерли давно.

Перемены

Со своей судьбой уже не спорю,
Только так сложилось на веку,
Что вчера меня тянуло к морю,
А сегодня тянет к ручейку.

Одиночество

Одиночество душу терзает,
Одиночество нас убивает.
Лишь тогда одиночество благо,
Когда есть под рукою бумага.

Богу

Когда меня кондрашка хватит
И я умру, о Боже мой,
Ты прикажи небесной рати,
Чтоб ласковей была со мной.
И сам не будь таким уж строгим.
Не хочешь—в рай не отправляй.
И то сказать, дойдут ли ноги,
Коль далека дорога в рай?
Они ещё тогда устали,
Когда к Берлину я шагал,
Не раз их сам товарищ Сталин
В своих приказах отмечал.
Ты будто недоволен этим?
Потолковать бы нам вдвоём!
Ведь мы с тобой уже не дети:
Друг друга как-нибудь поймём.

Порода

И уже ни для кого не диво,
Что скудеет русская порода:
Девочка мечтает жить красиво
И выходит замуж на урода.

Без проблем

У меня проблемы нет—
Снисхождений не прошу.
Я покину белый свет,
Только книгу допишу.

Пусть

Пусть ветер развеет мой прах,
Пусть имя моё умрёт.
Я не был звеном в цепях,
Опутавших мой народ…

Люблю

Как уставшая старая лошадь,
Жизнью выбитая из колеи,
Я люблю вас, плохих и хороших,—
Всех люблю вас, люди мои!

Гармонь

Играла гармонь на привале,
Играла про быль и про небыль:
Про ясные-ясные дали,
Про чистое-чистое небо.
То радовалась, то грустила—
Знать, был гармонист не промах.
На крыльях она уносила
В медовую кипень черёмух.
Летела к весёлым осинам,
К берёзам, одетым богато,
Где плавала в алом и синем
Янтарная краска заката.
Выделывал парень такое,
Что дважды бывает едва ли.
Играл гармонист перед боем.
А люди не слышали—спали.

Не вернусь!

Такое случалось нередко
Со мной наяву и во сне,
Что тени потерянных предков
Не раз приходили ко мне.
И звали к левадам и хатам
В вишнёвую благодать:
—Там станут тебе девчата
Казацкие песни спивать.
Ты будешь и в холе, и в мире.
Взовьёшься в небесную высь!
Вернись из холодной Сибири,
На ридну Вкраину вернись!
Вернись в приднепровские дали,
В казацкую древнюю Русь,
Где предки твои пировали!..
А я отвечал:—Не вернусь!

Правнук

Маленькие ручки,
Тоненькие ножки,
Словно солнца лучики
На моей дорожке.

Талант

Таланту крылья даёт
Бесстрашие дара.
Талант—это полёт,
Как у Икара.

Геннадий Васильев

Поэма в слезах

Конспект чужой биографии

Пролог

Не назначая ни причин, ни адресата,
приходят звуки—и рождается глагол.
Как будто грома затаённые раскаты,
как будто колокола отдалённый гул.

Ещё неясный, словно шелест вдохновенья.
Ещё случайный, как сквозняк по вечерам.
Глагол рождается, и в этом нет сомненья,
и за собой ведёт.
Так вводят в храм

слепых и немощных, страдания бегущих,
бредущих с посохом на клик, на Божий глас.
…Поэт—слуга глаголу. Что ему присуще?
Перо макать в живое—и писать для вас.

● ● ●

Когда нахлынет—сколько ни скули,
как ни пытайся убежать от темы,
Пегас заставит разложить тетрадь,
копытом выбьет первый стих поэмы.

Сюжет горчит, как недозрелый плод,
и не спешит себе повиноваться.
Но прост сюжет. Прозрачен, как стекло.
Любили двое. Им пришлось расстаться.

Они любили, но любовь была
молниеносной. Или скороспелой.
Они расстались. Порознь жизнь пошла.
Сюжет банален? Да. Ну что же делать…

Жизнь не стремится свиться в креатив.
Прочтите вслух—и, может, на минуту
вам уловить удастся сквозь дремоту:
глагол рождён! Рождается мотив.
Они друг с другом—об руку, рядком.
И я—за ними, темою влеком.

1.

«Условимся: начало нашей встречи
не будет окончанию равно».
Шел мокрый снег. Кончался стылый вечер.
Кончался год.
Всё было решено.

«Жизнь удалась, но скука неслучайна.
Я уезжаю. Собран чемодан».
Под фонарём кривая тень качалась.
Кончался год.
Сходились поезда.

Она молчала. Смешивались тени.
Он закурил. Раскачивался дым.
«На всём—печать усталости и лени,—
подумал он.—И времени следы…»

Вдали вокзал чернел, мешая звуки.
Он подхватил тяжёлый чемодан:
«Ну всё, прощай».
В карманы спрятав руки,
она пошла. Холодная звезда

её вела.
Входила ночь без спроса.
В тени домов не видно было слёз.
Год уходил.
В бордюр уткнул колёса
автомобиль: «Подбросить? Я б подвёз.

Без денег, так. Нам по пути, похоже?»
Она вздохнула: «Вот моё окно.
Я здесь живу».
Он протянул: «Ну что же…
Спокойной ночи. И хороших снов!»—

и укатил, сердясь.
Она устало
на циферблат взглянула: «Час—как год…
Но надо жить!» Ей к дому пять кварталов
ещё идти.
Ну, пусть себе идёт.

2.

На большом перегоне
ровен поезда бег.
А в купейном вагоне
говорят о судьбе.

О злодейке и стерве,
о своей и чужой.
Неумело консервы
открывают ножом.

— Мне в Тайге пересадка
и до Томска — часы…
— Я по мужу — Горбатко,
а по знаку — Весы.

— В Томске — дочка и внучек.
Зять их бросил, мизгирь.
— Муж уехал, соскучив.
Надоела Сибирь.

— Жили — радостно глазу.
Внучек рос женихом.
— Сам-то родом с Кавказу,
несмотря что хохол.

— Мы считали: к молодке, —
нет, живёт бобылём.
— Как уехал — ни фотки
никогда не пошлёт…

— Внук ступил на кривую,
вот и еду на суд.
Пусть мою трудовую
в протокол занесут.

— И живу как солдатка:
жив ли, то ли пропал?
Потому мне несладко,
что с собой не позвал.

Помолчали. Консервы
пожевали, устав.
Шёл по ночи, по нервам
пассажирский состав.

3.
Он спрыгнул с полки.
Две его попутчицы
жевали сайру, судьбы теребя.
— Садитесь с нами!
«С вами не получится!» —
хотел сказать. Но удержал себя.

— Да нет, спасибо, я отвык от ужина.
Я покурю. — Он вышел покурить.
Мотало тамбур.
«Чувства их — обужены
и примитивны. Не с кем говорить».

Мотало тамбур. «Всё давно изучено.
Ты видишь чащу — думаешь: сады.
Стремишься к стрежню — увлечёт излучина…»
Он затянулся. Закачался дым.

Он усмехнулся. «Как в момент прощания,
когда фонарь послушно тень качал…
На всём — следы усталости от тщания, —
подумал он. — И времени печать.

Где мой причал? Не проплыву ли мимо я?
Оставил всё. Что обрету? И как?»
Он шёл в купе. Над ним плыла, незримая,
тоска такая… странная тоска.

4.
В дверь позвонили.
— Кто там?
— Новый год.
— Ну как же можно без предупрежденья?!
Я не одета, в доме кавардак,
и ничего не собрано на ужин!
Сейчас, минутку… Боже, что несу?!
Как может год ждать целую минуту?!..

Она проснулась. Сон катился вслед.
Звонили в дверь. Накинула халатик,
спросила:
— Кто?
— Вам телеграмма.
— Что?!
— Вам телеграмма!
— Что за телеграмма?
— Прочесть?
— Прочтите.
— Что ж, сейчас прочту:
«Жизнь удалась, но скука неслучайна…»

Она проснулась. Влажною рукой
отёрла лоб.
Звонили в дверь.
«О Боже!
Теперь не сон, надеюсь!» Пел звонок.
Курьер стоял, держа в объятьях ёлку,
спелёнатую плёнкой. Проворчал:
— Звоню-звоню — как умерли, ей-Богу!
Я ж говорил: с утра — сначала к вам,
потом — к другим. Теряю с вами время!
Вот, распишитесь. Нет, не тут — вот здесь! —
И улыбнулся: — Ёлочка — что надо!
Ещё вчера в лесу она росла!
Она черкнула, протянула руки —
пропал курьер, и ёлка в лес сбежала!

Она проснулась.
Свет не бил в окно.
Стояла ночь. Звонок молчал над дверью.
И Новый год ещё не подошёл
так близко, чтоб о нём хотелось помнить.

5.
Ёлку наряжала — и пела.
На стволе смола слезой кипела.

Песня

Влажный блеск зелёной чешуи,
лампочек оранжевые нимбы.
Ёлка, словно пойманная рыба,
тихо плавниками шевелит.
Так и ты: запуталась в сети —
не уплыть, не скрыться, не уйти.

Пихта на тебя глядит с укором:
«Что ж ты плачешь в Новый год одна?
Всё грустишь о призраке, который
не связал тебя, но спеленал?
Нацеди вина в литой хрусталь.
Что грустить о том, чему не стать?

Ветер белый снег взбивает в пену.
Пляшет новогодний снеговей
и трубит о скорых переменах.
Ты послушай. Ты ему поверь.
Боль, что пастухом твоим была,
он смахнёт, как крошки со стола.

Новый год, и цитрусовый запах,
мандаринов детские бока.
Пихта держит шар в зелёных лапах.
Дотянись, придвинь к нему бокал.
Отраженье плавится в стекле.
Это твой полночный сомелье.

Всё прошло, чему должно проститься.
Всё ушло, чему дано — не быть.
Я листаю новые страницы —
те, что не успел досочинить.
Белый снег летит во все века.
Снеговик! Намнём ему бока!

6.

Пуржило чуть. Труба пускала дым.
Топилась печь в избе. Сидели двое.
Один, конечно, был моим героем.
Кем был второй? Да Бог с ним, со вторым.
Мы о моём герое говорим.

Что занесло его в тайгу и в снегопад,
где по проторенной лыжне гуляет вьюга?
Судьбе не рад (и сам себе не рад),
он попытать её решил.
Случайным другом
ему охотник стал. В буфете на вокзале
они по сто перцовой заказали.

— Вы не охотник?
Он пожал плечами.
— А не хотите испытать судьбу?
Напарник мой не вовремя отчалил.
— А что же делать?
— Да… топить избу.
Он засмеялся:
— Ну изгиб судьбы!
Пойду, чтоб вам не выстудить избы!

7.

— Последняя выпивка в этом году…
— Какую, старик, ты несёшь ерунду!
«Последняя выпивка» — это ль не бред?!
— Не видел её уже тысячу лет…
Простились. Ушла она, снегом шурша…
И рвётся, и плачет душа.
Не месяц, не год, а столетья бегут.
Я вмёрз, я увяз в том декабрьском снегу.
— Старик, ты в унынье приводишь меня.
Плесни по одной. И подбрось-ка огня.
— Морозом исколот, ветрами избит…
Скорбит моё сердце. Скорбит.

Они замолчали, понурясь, вдвоём.
Охотничий домик. Тайги окоём.
— Гитары-то нет?
— Ты меня не смеши.
Откуда гитара в таёжной глуши?
— Я спел бы…
— Так пой же! Давай, не тяни!
— Спою. Только раньше плесни.

И он запел негромко а капелла.
Топилась печка. В котелке кипело.

Песня

Что-то ищет человек под фонарём,
а фонарный свет расходится по кругу.
Зажигалку потерял или подругу?
Сам не знает. Сам никак не разберёт.

Пальцы бледные встречаются с травой.
Изумрудная трава блестит от света.
«Где-то здесь она… а может, здесь вот где-то…» —
и бормочет, и качает головой.

…Скоро осень. С веток свалится листва,
пятна ржавые сырой асфальт пометят.
Он искать не перестанет. Не заметит,
что сгорела, стала жухлою трава.

И помочь ему… а чем же? Вот беда!
Был бы пьяницей — я б спас его от жажды.
Мы теряем что-то главное однажды
и найти потом не можем. Никогда.

— Какие ты странные песни поёшь…
— Кусает змея, и щетинится ёж.
— О чём ты?
— Да так. Наливай, не тяни.
Бессонные ночи. Бессрочные дни.
Другую не спеть ли? Я в форме сейчас.
— Давай. Только чтоб не погасла свеча.
— Ты не был в степи никогда?
— Не попал.
— А я у калмыков курганы копал.
Я мог бы о том написать целый том.
Но песня… она не о том.

И он запел негромко а капелла.
Тянулась ночь. А в котелке кипело.

Песня

За горизонт уползает дорога.
Степь, и ковыль, и тоска.
В русском пейзаже, простом и убогом,
трудно себя отыскать.

Трудно найти своё время и место.
Ветер и серая пыль.
Largo и largo. А хочется—presto.
Степь, и тоска, и ковыль.

Сердце скулит, словно пёс беспородный,
стынет, как старый бобыль.
Нет ни свечи, ни звезды путеводной.
Степь, и тоска, и ковыль.

Пыль разнесёт, ветер врежется в темя,
щёки затеет лупить.
Не отыскать нам ни место, ни время
в этой бескрайней степи.

Что впереди? Мне дорога—невеста.
Ветер скулит у виска.
Largo и largo. А хочется—presto.
Степь, и ковыль, и тоска.

—Свеча не погасла. Могла б от тоски…
Ты хочешь мне сердце порвать на куски?
Откуда про степь? Ты—в тайге, как в плену.
Не можешь другую—про жизнь, про весну?
Он молча курил. Слушал пламени гул.
—Другую, прости, не могу.

8. Разговор с тенью

Он поздно встал. День перешёл зенит.
Ложились тени на пустые стены.
Он загляделся на одну из них—
и усмехнулся: «Чем не собеседник?»
—Уж календарь пойдёт на третий круг
с тех пор, как волен я. Уйдя от мира,
я до сих пор покоя не обрёл.
Что есть покой? Отсутствие надежд
и невозможность поиска событий.
А я остановиться не могу:
и не ищу—так нахожу случайно.
То в степь меня забросит, то в тайгу.
То я один—то обретаю друга,
которого и видеть не хочу—
и не могу избавиться от дружбы.

Что ж—волен я?
Осенние листы,
себя воображая вольной стаей,
по осени так к югу улетают:
побуйствуют, попляшут на ветру—
потом, смирясь, похолодеют кожей,
покорно лягут под ноги прохожим.

То Бог, то чёртик крутят колесо.
То тёплый дождь надует ветер с юга,
то белый снег падёт из чёрных туч.

…Я не могу забыть, как падал снег,
как пел фонарь, отчаянно фальшивя,
и дым всходил от сигареты прочь.
Сказал, простясь: «Храни тебя Господь!»—
и верю: Он хранит её.

И боле
нет ничего—ни торжества, ни боли.
Ни радости, ни боли торжества.

На третий круг заходит календарь.
Прозрачна осень. Лист покорен палый.
Лежит—и ждёт, когда его сметут.
Грядёт октябрь. Покатятся дожди,
потом—снегá… И годовые кольца
умножатся ещё одним кольцом.
Накроет новый лист календаря
и хруст ключа в замке, и сердца трепет.
Не поколеблют равновесье мира
мой волчий вой и твой тяжёлый смех.
Диван иль, в крайнем случае, квартира—
масштабы катастрофы таковы.
А то и облысевшей головы
окружность—вот и все её масштабы.

Он помолчал.
Переместилась тень.
Кончался день. В квартире потемнело.
Он думал вслух, и мысль его была
рассеянна.
И он взглянул на тень—
она дрожала, отдалясь от света.
Он вздрогнул.
—Тень? Иль призрак прежних дней?
Тень усмехнулась, подошла вплотную:
—Ни то, ни то. Ты жизнь переменил.
Жизнь—удалась.
Но скука-то—откуда?

Он вышел в вечер.
Стыли фонари.
Стояла осень.
Глухо билось сердце.

9.

Как всё сложилось у неё? Я буду краток.
Она грустила месяц или два.
До слёз, до боли, до сердечных схваток.
Потом опомнилась: «Миг жизни сладок,
но слишком короток. И дважды два—
всегда четыре, уж таков порядок.
И надо жить. Идея не нова».
И стала жить.
Она была швеёй.
Сперва обычной. Но её покрои
попали раз однажды на глаза
одной жене вельможного туза.
Жена была не просто так—жена.
Она пришла. Они поговорили…
Через полгода стало «Ателье
шикарных мод и современных линий»
ведущим брендом в регионе Е.
А конкурентов скоро задавили.

Она вошла в высокие круги—
ей эти сферы были недоступны—
и научилась пить «на ход ноги»,
курить кальян. Но замыслов преступных
не нажила. Душа осталась—той.
Не то чтоб вся блистала чистотой,
но—видит Бог!—хоть дамой света стала,
не научилась лгать. Не перестала
любить былое, главным дорожа.
Она жила, призванию служа.

10.

—Красавица—ну что там говорить!
И львица, и известная шалунья…
И тайна есть!—
так говорил один
и улыбался, облако пуская.
(Курил сигару? Нет! Держал в руках
чудесный электронный испаритель.)
—И я, старик, не скрою,—продолжал,—
подъехать к ней готов на чём угодно—
хоть «Мерса» взять, да хоть «Москвич»,
ей-Богу!—
он засмеялся, облако пустил.
Тут светофор, сменивший гнев на милость,
позеленел—и он сменил педаль,
нажал на газ—и диалог прервался.

11.

На большом перегоне
ровен поезда бег.
А в плацкартном вагоне—
ни к себе, ни к тебе.

Зябнут ноги в проходе.
Свет полночный дрожит.
Он не спит. Он выводит
на стекле—миражи.

Мираж один. Ну, вот они вдвоём.
С ней. С той. Изба. И леса окоём.
Они вдвоём—и никого вокруг!..
Он встрепенулся: «Ну, увлёкся, друг…»

Замирает плацкартный,
замедляется жизнь.
Он рисует, как карту,
на стекле—миражи.

Мираж второй. Фонарь и белый снег.
Вблизи—вокзал, и поезда побег.
И сигареты тусклая звезда.
«Я уезжаю. Собран чемодан…»

Он встряхнулся: «На кой же
ты мусолишь года?
Это было, но больше
не бывать никогда.

Что ж поделать… Такая
сочинилась судьба».
Бьют колёса. Толкают
от столба до столба.

12.

Я мог бы дальше вытянуть сюжет,
и хэппи-энд придумать, и развязку…
Нечасто жизнь напоминает сказку.
Развязки нет. И хэппи-энда—нет.

Она ушла, укачивая боль,
со щёк стирая влажный след разлуки.
Он укатил, чтоб властвовать собой,
спасти себя от неслучайной скуки.

На шумном бале, посреди огней,
где так ревёт оркестр, что слов не слышно,
он не был.
И она к нему не вышла.
Он не склонил колени перед ней.

Загадки нет. Судьба их развела.
Она и правда стала светской львицей.
А он в конце концов словил синицу:
жена, работа, прочие дела.

Но иногда, в тоске необычайной,
она—с вином, окурками соря,
ладонью гонит тень от фонаря.
«Жизнь удалась. Но скука—неслучайна».

И он порой, от седины белёс,
сидит один, не зажигая света.
И всё твердит услышанное где-то:
«Жизнь удалась…»
И не скрывает слёз.

Александр Орлов

Диво

● ● ●

Смоленщина, я—внук артиллериста
И не застал немецкий артобстрел,
Но помню, говорили: смерть когтиста.
И от обиды я тогда взревел.

Взревел я оттого, что было стыдно,
Что не упасть в заснеженный окоп,
Что жизнь моя сыта, не инвалидна,
И ранит сердце пустомелей трёп.

И пусть я не замковый, не наводчик,
Но есть друзья, и это мой расчёт,
Который никогда не подведёт
В кольце интриг, кредитов и рассрочек.

Смотрю назад, и выглядит холмисто
Дорога предков за моим плечом,
И надо мной, под облачным крестом,
Не солнце, а лицо Евангелиста.

Студенец

Не плачь, курносая голуба,
Не стоит слёз твоих ведро,
И я с улыбкой водолюба
Верну пропавшее добро.

Оно лежит на дне колодца.
Помилуй, Фёдор Стратилат,
На глубину мне лезть придётся,
Подземный мир холодноват.

Читай, молельщица, прокимен—
Я ухожу в студёный свод,
Пусть будет он гостеприимен,
Ведро без грубости вернёт.

Колодец выложен по-русски:
Надёжен, гладок и дощат,
И от испуга в скользком спуске
Молитвы скрыли перемат.

Во тьме воды менялись лица,
Я слышал крики, имена,
И думал я, что будут сниться
Мне раскулачка и война.

Окруженец

Весенний лес был полон соловьями,
Взвивался к солнцу звучный перелив,
А он сказал: «Под нашими ногами
Лежат друзья, а я остался жив.

Мы пили воду из дорожной лужи,
Мы яблочную доедали прель,
Но знали, что бывает и похуже,
И хуже стало после двух недель.

Мы обошли угрюмую пустошку,
И с голодухи нас прельстила вонь,
И мы копали сгнившую картошку,
И пулемётный в спины лил огонь,

И в поле я лежал между телами,
И мягок был под Вязьмой чернозём,
И небо омывало нас дождями,
И я простился с пленным октябрём».

● ● ●

Николаю Ивановичу Рыленкову

От московской незваной гордыни
Становлюсь я нередко свиреп
И спешу на тот берег Смядыни,
Где заколот был юноша Глеб,

Где молитве, как старенькой няне,
Каждый пришлый подвластен вовек,
Где защиту находят смоляне
В теплоте страстотерпца опек,

Где в года мировых пятилеток,
Не подвластный безбожным властям,
Проезжал мой расстрелянный предок
По дорогам из кочек и ям,

Где округа извечно смолиста,
Где все жили во имя труда,
Где встречали с войны гармониста
Божий крест и победы звезда.

Висельник

Василию Михайловичу Серкову

То время было горько-вязкое,
Дома от взглядов скрыла ночь.
Он шёл с оглядкой в Новоспасское—
Хотел увидеть сына, дочь…

За ним леса, поля ржаные,
Деревни край и в ряд снопы.
Придёт он скоро к Евдокии—
Вот изгородь, вот край избы.

Её он сам воздвиг когда-то,
Вот первое окно с резьбой.
Убрал он руку с автомата—
Вот-вот он встретится с женой.

Но не судьба, и как-то быстро
Произошёл его захват:
Соседа взгляд, крик бургомистра,
Десятки вермахта солдат.

Наутро к месту подлой казни
Он шёл по сродников земле
И горделиво, без боязни
Взглянул на солнышко в петле.

Повешен был он в Новоспасском
Под русский плач, тюрингский смех.
А с неба дождик бил по каскам,
Как будто мстил один за всех.

Канониця

Время неслышно в неведомость тронется,
Жизни земной неизвестен нам срок.
Ты убрала свои пряди в платок.
Что тебе снится, родная канонице?
Где твой избранник израненный слёг?

Видишь ли ты неприглядные яви?
Слышишь, как вой орудийный затих?
Где же погиб твой весёлый жених?
В поле под Рославлем или в Варшаве?
Кто в той атаке остался в живых?

Долгие годы жила ты в затворе.
Кто-то, как раньше, окликнет: «Сестра!»
Ты, как на фронте, спокойна, быстра,
Только не выплакать девичье горе,
Не воскресить рядового Петра.

Всех подступавших мольбами жалея,
Вечно ты ликом была весела.
Множество бед ты в себя вобрала.
Как ты любила всех, мать Пелагея!
Ты—словно Бога земная хвала.

Как же мила ты, слепая солдатка!
Ты—приходящих молитвенный тыл.
Вечер пасхальный кресты осенил,
И среди всех монастырских могил
Мне у твоей одиноко и сладко.

Диво

«Помоги мне, внучек, помоги же!»—
Восклицала бабка у ларька.
Шаг, другой—я становился ближе,
Мы стояли в первомайской жиже,
Вот меня взяла её рука.

Платьице старинное в горошек
И послевоенный макинтош.
Говорит: «Ну, может быть, возьмёшь
Хоть одну из четырёх матрёшек?
Мой товар намоленный хорош!»

Плечи макинтоша все в помёте,
С образом угодницы платок.
Говорит: «Родименький внучок,
Господин, товарищ, ну, возьмёте?»—
Поправляя Божий образок.

«Ты не думай, я не побирушка!
Отнесись с доверием к вещам,
Посмотри—и убедишься сам:
Это ведь счастливая игрушка.
Я тебе задёшево продам.

Дед мой хоть без ног, но ещё ловок,
Правда, выпивает и охрип.
У него из самых мягких лип
Сушатся десятки заготовок,
Только третий день замучил грипп.

Мастерит он множество фигурок,
Мне бы прикупить ему гуашь.
Вот отправил и сказал: „Продашь!“
Раздавил протезами окурок,
Он же офицер, а не торгаш.

Да, ругнёт, бывает, меня матом
И сидит, нахмурившись, один;
Вспоминает Вязьму и Берлин—
Мы же повстречались в сорок пятом,
В день его небесных именин.

На себе тогда его тащила,
Был тяжёл израненный мужик.
Я не помню отрешённый крик:
Всё звала святого Михаила—
Вот и выжил милый фронтовик.

Года два за ним носила утку,
Он ходить тогда ещё не мог.
Знаешь, дорогой ты мой внучок,
Жизнь сыграла с нами злую шутку.
Сколько я молилась—знает Бог».

Словно нимб, вокруг летали мошки
Над её покрытой головой.
Я был между миром и войной.
А в портфеле нежные матрёшки
О любви шептались фронтовой.

Станислав Федотов

Подарите мне день

● ● ●

Под каким я стимулом живу?
По какой безжалостной науке?
Как давно не падал я в траву,
На спину, легко раскинув руки!

Как давно я в небо не глядел,
Просто так, следя за облаками…
Говорят, что главный мой удел—
Видеть только то, что под ногами.

Говорят упорно и давно.
И не только мне—всему народу…
Может, тем, кто говорит, дано
Человечью изменять природу?

Нет, вернее, не дано—они
Взяли самовольно Божье право,
Возмечтав, что Демиурга слава
Осенит чело их в оны дни.

Только, в землю глядя, наш народ
Не взлетит—в прямом и переносном,
Он, наперекор листам опросным,
В мир иной до срока перейдёт.

Может быть, безмолвствуя, как те
Стадные животные Панурга,
Что уходят тупо и понуро
За бараном в бездну, в тесноте.

Слабо, но мне верится: дурман
Слов, что надо жить кормушки ради,
Мы развеем и очнёмся, глядя
В небеса, в безбрежный океан.

● ● ●

Подарите мне день,
да такой,
чтобы солнца—в полнеба!
Час любви подарите,
короткий—как сердца удар.
Подарите мне миг,
полный запаха свежего хлеба…
А без них даже вечность—
пустой и бессмысленный дар.

Ангел-хранитель

Наверно, в любой человечьей судьбе
Защитника роль почётна…
Мой ангел-хранитель, спасибо тебе—
Спасал ты меня бессчётно.

В УАЗе ли я кувыркался в снегу,
Лежал ли в больнице, как овощ,
Ты не предлагал мне:
                «Давай помогу»,—
Ты просто являлся на помощь.

Когда на крыле самолёта повис
Шар огненный молнии (смерти каприз),
Ты сбил его лёгким движением пальца,
Отправив шутницу безносую вниз.

Посадка была с аварийным шасси,
И падал с лесов я, строитель.
Шепнуть не успел бы:
                «Господь, пронеси!»—
Когда бы не ты, мой хранитель.

Я думаю часто: за что мне дана
Такая охрана авансом?
Что должен я сделать?
                Какая цена
Всем этим смертельным нюансам?

И—кто вы, защитники?
                Ангелов рать,
Что призвана Богом на службу?
Когда ж нам наступит пора умирать,
Кому вы предложите дружбу?

Мы правилам общим должны быть верны.
Я тоже защитник—
                детей и жены.
Конечно, у них свои ангелы есть,
Но быть им помощником—
                долг мой и честь!

На этом и будущем свете
За них я
        по жизни
                в ответе.

● ● ●

Мне любимая сказала,
Что стихов пишу я мало
Про насущные проблемы,
Актуальные дела,
Что в эпоху ускоренья
У меня нехватка рвенья
В освещенье этой темы…

И она права была!

Обнимая, говорила,
Что впустую трачу силы,
Что немедля браться надо,
Засучивши рукава,—
Как нас учит наша пресса—
Заклеймить врагов прогресса
И любителей парада…

И она была права!

Повторяла мне, целуя,
Что заводу и селу я
Послужить пером обязан,
Осознав свой долг сполна,
Беспощадно зло бичуя,
Недостатки сердцем чуя,
Подмечая острым глазом…

Как была права она!

Это так…
Но всё ж пишу я
Про любовь.
Её, большую,
Я на щит недаром поднял
И хочу сказать всерьёз:
Нет любви—слова без веса,
Колесо скрипит прогресса,
И вопрос любви сегодня—
Государственный вопрос.

● ● ●

Вел я счёт годам, гадая,
Где закончу свой заезд…
Ты пришла ко мне, когда я
На себе поставил крест.

На себе, на самой сути:
На поэте и на том,
Кто описан в «Камасутре»
(Не в начале, а потом).

Не скажу, что беспорочно
Жил, и сам был не кристалл—
Так что крест поставил прочно,
Как вождя на пьедестал.

Думал: кончен бал, осталось
«Клён опавший» запевать
И кусок заклёклый—старость—
Горькой рюмкой запивать.

Но судьба, видать, смекнула,
Как бы впрямь я пить не стал…

Ты пришла и всё смахнула—
Рюмку, крест и пьедестал.

И внезапно оказалось:
Бал—он только начался,
И к себе пропала жалость,
И душа воспряла—вся!

…На запястье—три «браслета»:
Хиромантии привет.
Думал я: враньё всё это,
А теперь выходит—нет!

Девяносто лет судьбою
Мне отпущено: живи!

Дорогая, нам с тобою
Хватит столько для любви?

Николай Ерёмин

Сибирские сонеты

Новогодний сонет

Эльвире Частиковой

Я Новый год встречаю каждый день…
Проснулся: ах!—и мысли набекрень…
И новые возвышенные чувства,
Вне всяких там Минфина и Минюста,
Минздрава и Минобра, наконец…

И счастлив, как зелёный огурец,
Нет, кабачок, нет, красный помидор,
Созревший вдруг,—я с некоторых пор,
Как все, желаю, чтобы нас собрали…
И спели в огороде: «Трали-вали…
Какой богатый нынче урожай!»—

О Муза, подпевай, не возражай
Крутым подругам, милая моя,
И вновь перезимуем—ты и я…

Сорокаградусный сонет

Я шёл в сорокаградусный мороз…
Я шёл, чтоб не замёрзнуть, на край света…
Кружилась голова, я шёл, тверёз,
Пройти мечтая испытанье это…

Хотелось лечь в сугроб, обнять, заснуть—
И продолжать во сне обратный путь
К рожденью… воз-рожденью… неспроста
Я сравнивал свой путь и путь Христа…

И неспроста, как нежная подруга,
Меня в ночи сопровождала вьюга…
И пела мне о том, что мы вдвоём
Согреемся и до утра дойдём

Туда, где любят нас и очень ждут,
Хотя мороз был жгуч и очень крут…

Приморский сонет

В море нежности, лазури,
И покоя, и мечты
Не хочу безумной бури,
Муза, если рядом—ты…

Щепки кораблекрушений,
Радуг, согнутых в дугу,
Неоправданных решений…
Сколько их на берегу!

Пусть—почти что без движений,
В нас безумно влюблена,
В тихой бухте утешений
Плещет нежная волна…

И—дугою в небосвод—
Снова радуга встаёт…

Предзимний сонет

Совсем один—эхма!
Где вы, поэты-братья?
Увы, зовёт Зима
Меня в свои объятья…

Приветливо-хитры,
Звонят, зовут негромко
Ночами три сестры—
Метель, пурга, позёмка…

И мне, рабу надежд,
Придётся, может статься,
Смирив души мятеж,
Одной из них отдаться…

Чтоб вместе видеть сны
До будущей весны…

Фотосонет

На снимках юности—не я,
А кто-то глупый и наивный…
Склонённый над бутылкой винной
С улыбкой инобытия…
И Ангел—грешный, неземной,
В меня влюблённый и хмельной,
Стоящий с крыльями за мной…
Готовый, помнится, вот-вот
Со мной отправиться в полёт
Сюда, откуда я смотрю,
И ничего не говорю,
И сам себя не узнаю…
Седой, непьющий и бескрылый…
…Где ты сейчас, мой Ангел милый?

Сонет про литконсультанта

Литературный консультант
Пропил в журнале свой талант
Среди тщеславных графоманов
И одноразовых стаканов…

Увы, умевший объяснять,
О чём писать и как писать,
Не написал он ничего,
Не напечатал никого…

Зато, знаток журнальных дел,
Всех звал с собою в ЦДЛ…
И там, бесспорно, счастлив был,
Когда всех громче пел и пил…

И было видно по всему,
Что все завидуют ему…

Сонет

Младенец и старик,
Вникал я понемногу
И понял в некий миг,
Что в прозе мало проку…
На Севере—хорей
Царит… На Юге—ямб…
То гений, то злодей,
То господин, то раб…
На Западе—верлибр…
А на Востоке—хокку…
Язык равновелик
И Дьяволу, и Богу…
Поэзия—повсюду,
С ней мир подобен чуду…

Зимний сонет

—Что за время суток?
Плачу… Хохочу…
Потерял рассудок—
Отыскать хочу…
Необыкновенны
Небо, лес, вода…
Жизнь летит мгновенной
Тенью—сквозь года…
Прошлое исчезло…
Будущего нет…

—Ну скажи мне честно:
Что с тобой, поэт?

—На исходе лет
В мире места нет!

Сергей Востриков

Мой мим

● ● ●

В глухой полночный час начну сухой отсчёт,
И стрелка поплывёт, съедая круг за кругом,
А время мимо нас с ухмылкой потечёт,
Закрутится в спираль в движении упругом.

Четыреста кругов мятущейся души
В гнетущей тишине взбесившегося мира…
А маятник Фуко по-прежнему блажит,
Что вертится Земля и не умолкла лира.

Четыреста кругов. И ночи ломкий диск,
Пунктиром фонарей раскроенный на части,
Раскрошится легко. Пусть не оправдан риск,
Дыхание быстрей, и сердце бьётся часто.

Холодное лето

Холодное лето при смене эпох.
Что мне принесёт твоя зябкая вата?
Я прячусь от ветра в полуденный стог
И с ним же сгораю в пожаре заката.

Холодное лето водой дождевой
Размоет следы на ночном пепелище.
В час волчий в тумане пронзительный вой—
То северный ветер всё рыщет и свищет.

Холодное лето. Куда ты? Куда?
Какими краями ты гонишь столетья?
А небо с землёю сшивает вода
И хлещет по спинам хозяйскою плетью.

Ямщик

Постой, ямщик, попридержи лошадок.
Разгонных нам уже не подадут.
Беспечный миг свободы в жизни краток.
Не торопись, постой немного тут.

Четвёртый ям остался за спиною,
Маячит пятый где-то, погляди.
Потерян счёт друзьям, что не со мною.
А сколько потеряю впереди?

Конечный пункт не вписан в подорожной,
И подорожной нет как таковой.
И по пути всё думаю тревожно:
«Кому сказать спасибо, что живой?»

Таволга

Телефонные звонки нас тянут за руки,
Не дают минуту вместе помолчать
Наши мысли о себе в формате «гариков»,
За цинизмом—одиночества печать.

Никому мы не должны, хоть всем обещаны.
Отношений странных смазанный офорт.
Разбежались по лицу издёвок трещины,
И упрямство вызывает дискомфорт.

Добрым словом мир спасать уже не принято.
Разговоры о хорошем не с руки.
А на небе молоко как будто вылито,
На ветвях опушки снежные легки.

Затеряться б в этой сказке хоть нена́долго,
Позабыть про телефонные звонки.
За окошком спит под снегом кустик таволги,
И возможно всё сомненьям вопреки.

● ● ●

Будет день не такой, как все,
Будет самый счастливый день.
Солнце белкою в колесе
Разгонять будет тень и лень,

Постучится в окно лучом,
Заведёт долгий разговор,
И совсем вроде ни о чём—
Каждодневный обычный спор:

О судьбе, о добре и зле,
О красе бытовых забот,
О земле, о печной золе
И о счастье бегущих вод.

А потом за окном моим
Заиграет заката медь,
Будет небо вплетаться в дым,
Будут листьев костры гореть.

Я над городом закружу,
Стану тоже вплетаться в дым…
А потом сам себя спрошу:
«Не устал ли быть молодым?»

* * *

Ощущенье весла в заскорузлой сведённой руке
Да предчувствие света вдали—вот и вся недолга.
Я на жалкой лодчонке сную по великой реке,
Как стежками сшивая разорванные берега.

Ощущенье того, что живу эту жизнь не с нуля.
Вот и искорки света на волнах привычно рябят.
Это было уже: приходилась мне домом Земля.
И тогда, и теперь изменить можно только себя.

Изменить можно только себе, и иначе—никак.
Остальное—лишь следствие внутренних дрязг и тревог.
Я мечусь по реке, ошалевший от света чудак,
И с улыбкой за мной наблюдает неведомый Бог.

Мой мим

Мой грустный мим с задумчивым лицом,
Исхлёстанным дождями и тревогой,
Надеждами земными и дорогой,
В которой безопасней быть глупцом.

Мой грустный мим, как много мимо нас
Промчалось лиц, сомнений и забвений,
Которые, как смена поколений,
Пребольно бьют, да в сердце, а не в глаз.

Мой грустный мим. Всё реже через грим
Мы выдаём естественность реакций,
Как поиск ежечасных сатисфакций
За мир души, растоптанный, как Рим.

Мой грустный мим. Храни себя, храни
Сквозь практицизм понятий и теорий,
Сквозь абсолютность жёстких категорий.
Мой грустный мим. Храни себя, храни.

Дорожная зарисовка

Серое разлито молоко.
Звуки глуше, запахи острее.
Не понять: в каком ты из веков?
Чья орда—Мамая иль Гирея?

Чьи копыта рвут вдали поля,
Укрываясь пологом тумана?
Приглядишься—гривы ковыля
Стелются полосками обмана.

Конский топот и гортанный грай
В ста шагах от федеральной трассы.
Век любой навскидку выбирай—
И айда туда, вперёд, под насыпь.

Грудью в грудь, не посрамим, как встарь…
И плевать, что голова в дурмане…

М4 «Дон». Туман. Февраль.
Ну какие, к чёрту, басурмане?..

* * *

Разъезжен снег, разбита колея,
И в этой каше вязнут все потуги.
То нет седла, то не сыскать подпруги,
То норовит под хвост попасть шлея.

То память коротка, то долог путь
Тяжёлых мыслей о своих утратах.
То правых нет, то нету виноватых.
То не хватает мне совсем чуть-чуть.

Сугробы, в цвет несвежего белья,
Не позволяют жить самообманом.
В душе раздрай, и мелочь по карманам.
Разъезжен снег, разбита колея.

* * *

Сто первый день, сто первый километр.
Обыденность, обмыленность, кромешность,
Из всех щелей сквозящая неспешность
Да прошлой жизни потускневший фетр.

Растрачено, средь серого сукна,
Шальное серебро на ложки-вилки.
И кошка рыжая подобием копилки
Застыла, отвернувшись от окна.

Копанище

По дороге в село Копанище,
Всей душой захотев тишины,
Вдруг поймёшь, что не то в жизни ищешь
И что вещи другие важны.

Из уютного чрева машины
Выйдешь в смежную снежную даль.
В той дали глаз отыщет вершины,
На которые время не жаль.

Постоишь на ветру, на морозце,
Поглядишь на красу Дивных гор.
Там за тучкою прячется солнце,
В мыслях с ним заведёшь разговор.

Всё расскажешь о внутренней смуте
И о мире, что сходит с ума,
Как бездарно уходят минуты
И о том, что на сердце зима.

Солнце лучик покажет из тучи,
Напророчит душевный покой
И счастливый немыслимый случай
И одарит тебя тишиной.

Тишину распихав по карманам,
Снова сядешь за руль. И вперёд—
Снова тешиться самообманом,
Что всё так, всё нормально идёт.

Сергей Кузнечихин

Товарищи по несчастью

Нечаев

Любители прошвырнуться по красноярскому «Броду» начала семидесятых запомнили его надолго. Живописный мужчина. Он казался огромным, хотя роста был чуть выше среднего, но широкие плечи, выпирающий живот, крупная голова с кудрявой шевелюрой и мощная рыжая бородища добавляли внушительности. Кстати, бородатые в те годы встречались довольно-таки редко.

Расстояние от Дома художника до кафе «Мороженое» (в народе «Сосулька»)—около километра, там его можно было встретить чаще всего. Шествовал в окружении свиты и что-то рассказывал—скорее всего, нечто интересное, потому что слушали внимательно.

Второе обиталище—беседка в городском саду, там он играл в шахматы. Обязательно на деньги. Впрочем, прогулки по «Броду» тоже были поиском денег, вернее, людей, которые могли бы их дать или купить бутылку, а свита подбиралась для расширения зоны охвата: не один, так другой мог встретить полезного знакомого. Если случайным прохожим запоминалась всего лишь колоритная внешность незнакомца, то завсегдатаи шахматной веранды знали, что зовут его Николай, что он зять поэта Рождественского (некоторые так и звали его—Рождественским), и работает он то ли в газете, то ли в театре, то ли писателем. В шахматы играл он средненько, но темпераментно, в спорной ситуации мог и доской по голове ударить.

Ещё до знакомства я был наслышан о его питерских и московских похождениях, дурманящих наши провинциальные мозги звучными именами: Володя Высота, Маринка Влади, Юлик Семёнов… Влади, по его словам, единственная женщина, которая умела красиво пить водку, без резких движений и громких выдохов выпивала рюмку, потом отламывала кусочек чёрного хлеба, посыпала солью и невозмутимо заедала. Семёнов, сын репрессированного в тридцать седьмом еврея, набил морду какому-то партийному чиновнику за то, что дурно отозвался о его отце. Мог получить срок, но с помощью влиятельного родственника устроился в МУР, после чего появилась «Петровка, 38», а начинал лирическими рассказами в стиле Юрия Казакова. Может, даже и не уступая ему. Не знаю, существовал ли избитый партийный чиновник; спустя много лет я прочитал, что знаменитый автор политических детективов действительно был осуждён в молодости за случайное убийство на охоте. Когда я слушал нечаевские истории из вторых (если не пятых) уст, я не очень-то верил в них, но, послушав самого Нечаева, понял, из чего растут сомнения. Естественно, что для глубокого провинциала сама возможность близкого общения с обитателями Олимпа казалась невероятной. Но загадка пряталась в другом. Всем чужим пересказам мешало отсутствие природной силы убеждения, в которой играючи купался Нечаев. Его напористость подавляла слушателя, лишала способности к сопротивлению. Не сомневаюсь, что у него был гипнотический дар. Он не просил, он требовал. Подходил, говорил: «Дай три рубля»,—и ему не отказывали, отдавали, зная, что никогда не вернёт. Говорил женщине: «Приходи». Оскорблённая наглой бесцеремонностью, она возмущалась. А потом всё-таки приходила.

Одна интеллигентная дама рассказывала. К ней приехала однокурсница откуда-то из-за Урала. Случайно встретились на улице с Нечаевым, разговорились. Она заметила, что патентованный бабник распускает хвост, и предупредила подругу, что с ним надо быть осторожной. Подруга рассмеялась и успокоила: дескать, этот пузатый, неопрятно одетый мужлан абсолютно не в её вкусе, ей и стоять-то с ним неприятно, каким бы интеллектуалом он ни был. Поговорили и разошлись. А потом подруга потерялась почти на неделю. А когда нашлась, поведала, что Нечаев уболтал-таки её заглянуть в гости к знакомому актёру, у которого есть книга Цветаевой, знаменитый том, выпущенный в «Большой библиотеке поэта». Квартира оказалась пустой. Цветаевой на полке не было. Нечаев убеждал, что друг явится с минуты на минуту, а книга, по всей вероятности, лежит в укромном месте, чтобы не искушать гостей. Когда она, не дождавшись, собралась уходить, он выкинул в окно её сарафан. Потом, оправдывая подругу, дама, кокетливо усмехнувшись, пояснила: «Не дефилировать же голой по городу?!» Одёжку, чтобы выпустить пленницу, он без малейшего колебания позаимствовал в гардеробе хозяев квартиры. Хорошо, что пленение выпало на лето:

выбрасывать пальто или шубу он бы, пожалуй, не рискнул. А впрочем, как знать?

В поисках опохмелки он забрёл ко мне в общежитие. Потом вахтёрша жаловалась: «Я его спрашиваю: к кому? А он зыркнул на меня: твоё какое дело? к кому надо, к тому и иду!—и даже не остановился. Страшный, как бандит, но выходка, как у большого начальника,—жалуется, и непонятно, чего больше в голосе—возмущения или восхищения.—Надо бы остановить его, а я, окаменевшая, молчу. Так он бандит или начальник?» На всякий случай сказал, что приходил артист. И она меня зауважала, артистов в нашей «кошаре» ещё не было.

Пока работал завлитом в тюзе, взялся инсценировать астафьевскую «Кражу». Сдачу спектакля жестоко тормозили. В общем-то ординарная по тем временам ситуация, когда начальникам культуры в каждой реплике мнится подвох, требуют изменений, а внятно выразить претензии не могут. Наше классическое «иди туда—не знаю куда, принеси то—не знаю что». Бесконечные придирки, они и трезвенника вышибут из колеи. Нечаев, естественно, запил. Когда премьеру всё-таки разрешили, он вышел на сцену пьяный, в мятых штанах с расстёгнутой ширинкой и вроде как с перьями в бороде. Кто-то передал ему, что пьеса Астафьеву не понравилась, что, в общем-то, вполне естественно, авторам редко нравятся чужие инсценировки, но Нечаева это возмутило. Ему, мнящему себя воспитанником питерской культуры, автор повести, напечатанной в «Сибирских огнях», казался рядовым провинциальным писателишкой, и успех пьесы он приписывал только себе. Дошло ли это до Астафьева—не знаю. Скорее всего, не донесли, иначе вряд ли назвал бы классик в примечаниях ко второму тому собрания сочинений постановку в Красноярском тюзе наиболее интересной.

Встречались мы нечасто. Моя работа не давала засиживаться в городе. И вот возвращаюсь я после двухмесячного пребывания на гостеприимном дальневосточном руднике. Почта мне приходила «до востребования». Иду в надежде получить гонорар. Выясняю, что его присылали, он пролежал месяц и отправился назад. Газетный, копеечный. А всё равно обидно. Вышел на улицу, курю. Слышу, кто-то окликает. Оглядываюсь и вижу Нечаева.

— А не выпить ли нам по случаю мерзкой погоды?—говорит он.

Настроение у меня испорченное, и я в сердцах заявляю:

— Неэтично предлагать выпить, если у тебя нет денег.

Но на этот раз они у него почему-то были. Целых пять рублей. И он хищно помахал бумажкой у меня перед глазами.

— У меня тоже есть червонец.

— Тогда пошли в «Север».

«Север»—ближайший ресторан к почте, но выбор его диктовало другое: вынужденный выпивать в подворотнях, Нечаев любил продемонстрировать окружающим бывшую привычку к шикарной жизни, хотя в «Севере» на пятнадцать рублей не разгуляешься. Однако в солидное заведение нас не пустили, якобы не было мест. Нечаев нахмурился и барственно, отеческим голосом, потребовал:

— А позови-ка, братец, метрдотеля.

— Кого? Может, тебе самого Федирку позвать? Он сегодня здесь отдыхает.

Ушлый швейцар, конечно, врал. Крайкомовского вождя в заведении не было. Просто показывал, что его на арапа не возьмёшь.

Советские халдеи знали себе цену и умели разбираться в клиентах. Можно было сунуть ему в лапу, только лишней трёшки у нас не имелось. Но дело даже не в деньгах. Проверенный трюк не получился, и Нечаев почувствовал себя уязвлённым. Проигрывать при свидетелях он не любил и разразился тирадой против советской власти, которая сделала тупых холуёв хозяевами жизни.

Пришлось идти в «Сибирь», ресторан, который в народе назывался «Рыло». Возле железнодорожных касс догнали мужичонку с большим облезлым чемоданом.

— А ну-ка подожди!—властно окликает Нечаев.

Мужичонка останавливается, опускает чемодан на тротуар и пугливо оглядывается.

— Куда направление держишь?

— Домой

— Адрес?

— На Калинина живу.

— Номер дома? Квартира?

— Общага там.

— «Угол» чем набит?—включает «феню» явно для куража и острастки.

— Бельё из прачечной.

Нечаев пинает чемодан, из него раздаётся бутылочный перезвон.

— «Пушнина»?

Перепуганный мужичонка, явный бич, мычит что-то нечленораздельное.

— Ты бы хоть врать научился. Пора бы уже при твоём образе жизни. В общагах бельё меняют кастелянши.

— Да я опоздал…

Нечаев поворачивается ко мне и говорит якобы официальным тоном:

— Товарищ лейтенант, отойдите, пожалуйста, мне тут с гражданином посекретничать надо.

Я перехожу на другую сторону тротуара. Наблюдаю. Нечаев сменил напористость на заговорщицкий полушёпот. Жертва молчит, соглашаясь, кивает головой и лишь изредка повторяет:

— Ага. Понял.

Внушение тянулось минут пять, но на морозе показалось значительно дольше. Потом он

рассмеялся и позвал меня, но продолжал обращаться к бичу:
— Надеюсь, не подведёшь?
— Да что вы, как можно?..
— Вот и хорошо, по этому случаю и выпить не грех.
— А у вас есть?
— Пока нет, но найдём.
— Может, аптечного спирта? Я знаю, где можно взять. Тут недалеко, возле бани,— воспрянул бич, осознавая свою полезность.
— Как не стыдно?! Мы же серьёзные люди.

Принять двух бородатых мужиков за сотрудников силовых органов можно было только с большого перепугу, но Нечаев сумел внушить не только страх, но и уважение.
— А можно, я буду тебя профессором звать?
— Можно, если не злоупотреблять. Ориентируйся по обстановке.

Мы подошли к ресторану. Бич замешкался.
— А с чемоданом пустят?
— Нет, конечно, с таким облезлым.
— Куда его?
— Неси на вокзал в камеру хранения.
— Это же далеко, пока бегаю, вы уйдёте.
— Да выбрось ты этот несчастный «угол». Кому он нужен?!
— Пойду во дворе посмотрю, где затырить, может, ещё сгодится. Только вы не линяйте, я расторопно.
— И зачем он тебе?— спросил я, когда остались одни.
— Рассказ о нём напишу. Кстати, утром закончил довольно-таки остренькую вещицу. Если сумею напечатать, получится бомба, но сначала надо отшлифовать. А этого кадра я в осведомители завербовал. И он не побрезговал стать стукачом, но сразу поинтересовался гонораром. Получается, что не только интеллигенция у нас прогнила.

Мы не успели докурить, а бич уже вернулся.
— Я его возле мусорного бака пристроил. До утра туда никто не пойдёт.
— Кого пристроил?
— Чемодан.
— Господи! Сколько можно? Чтобы я о нём больше не слышал.

Вечер был будничный, треть столиков пустовала, и, уж совсем на удивление, официантка в открытую разносила пиво. По тем временам для Красноярска это считалось большим везением. Нечаев предложил начать с пивка. Ресторанишко был весьма обшарпанный, но для продрогшего бича и это казалось роскошью.
— Хорошо здесь, тепло.
— Ты только лишнего не болтай, больше прислушивайся. Здесь, в «Рыле», по вечерам вся воровская верхушка собирается. Приходи и запоминай.
— Обязательно. У меня память хорошая.
— Ясное дело, марксистко-ленинской философией не перегружена. Свободного места много.

В том, что бич вряд ли когда окажется в этом ресторане ещё раз, были уверены и тот, и другой, но Нечаев продолжал наставления, а бич терпеливо слушал и поддакивал, украдкой поглядывая на стакан в ожидании очередной добавки, но «профессор» держал паузы, рассчитывая досидеть до закрытия.

Когда вводный инструктаж закончился, разомлевший от пива бич послушно молчал, но оказалось, что и нам не о чем говорить. Не пускаться же при нём в литературные разговоры? Тишина за столом быстро надоела, и Нечаев спросил:
— А ты в шахматы умеешь играть?
— Конечно, умею. Я десять классов закончил,— обиделся бич.— У нас в школе каждый год турниры проводились, таблица на стене висела. Один раз я четвёртое место занял, пол-очка не хватило до третьего. Не верите?
— Верю.
— Нет, в натуре...
— Да верю, верю. Давай сыграем.
— А шахматы где взять? Может, у официантки?
— Зачем? Будем играть по памяти.
— Как это?
— Элементарно. Я делаю ход пешкой: Е-два — Е-четыре. Теперь ты ходи.
— Так шахмат-то нет...
— Я же сказал: по памяти. Запомнил мой ход?
— Запомнил: Е-два — Е-четыре. А дальше как?
— Как хочешь. Делай ответный ход.
— А чем?
— Любой фигурой, можешь даже конём сходить, буквой «Г».

Бич испуганно втянул голову в плечи, а рука машинально потянулась к пустому стакану.
— Ладно, выпей для смелости,— Нечаев плеснул ему пива,— и делай свой ход.
— Так доски-то нет. Куда я пойду?
— А ты её вообрази, представь, что она перед тобой на столе.
— Бутылки мешают.
— Не смотри на них.
— Как на них не смотреть?!
— Нет, братец, чувствую, что игры у нас не получится, выпей на посошок и канай в свою берлогу, а нам с лейтенантом надо кое-какие детали обсудить.

Бич тоскливо посмотрел на последнюю, ещё не открытую, бутылку. Нечаев перехватил его взгляд и сердитым приказным тоном поторопил:
— Ступай, ступай себе с Богом,— а когда тот поднялся и понуро отошёл от стола, Нечаев окликнул его и, не поворачиваясь, протянул бутылку:— Вот тебе аванс, и помни наш уговор: теперь тебе надо внимательно слушать и хорошо запоминать. Каждую пятницу приходи сюда в семь вечера, будешь рассказывать.
— А если меня не пустят сюда?
— Жди у парадного.

Уходил он торопливо и с явным облегчением.
— Утомил. Теперь можно и водочки принять.

Ресурса у нас хватило на триста грамм. Пока ждали, он вкратце пересказал сюжет написанного ночью рассказа. История произошла в городском парке в День Победы, в начале семидесятых. Подвыпивший ветеран с иконостасом юбилейных медалей придрался к девчонке в короткой юбке. Девчонка была с парнем, и тот, естественно, вступился за неё. Одёрнул мужика, тем более что ветеран выглядел моложаво. Слово за слово… Но первым ударил ветеран. Милиции по случаю праздника и солнечного дня было много. Драке разгуляться не дали. Парня быстро скрутили. Девчонка бежала за ним до машины, потом вернулась к доблестному ветерану и стала упрашивать забрать заявление. Мужик согласился с условием: если она ему даст. И девчонка пошла с ним в кусты, потому что в квартиру вести он не мог, там была жена. Заканчивался рассказ сценой около милиции. Ветеран смотрит, как девушка прижимается к спасённому парню, и советует ему держаться за такую надёжную подругу обеими руками. Закончив пересказ, Нечаев уточнил, что в первом варианте ветеран после долгих колебаний открывает парню, какой ценой досталось ему освобождение. Этот вариант пока ещё не вычеркнут, но теперь, пока мне излагал, понял, что слишком закрутил, нельзя сгущать краски. Придёт домой и сразу вычеркнет.

Подобные тексты в те годы писались только «в стол». Хотя многие спекулировали на военной теме, но такое не взял бы ни один советский журнал. Нечаев для того и озвучил его, чтобы показать полное неприятие конъюнктуры. Пересказал, но, спохватившись, стал вспоминать упущенные детали, заверял, что обязательно доведёт его до блеска. Говорил страстно и убедительно. Было видно, что и самому рассказ очень нравится.

Потом я ни разу не слышал об этом рассказе, и сомневаюсь, был ли он вообще перенесён на бумагу.

Когда официантка наконец-то принесла наши триста грамм, он налил две рюмки и пошёл с ними к соседнему столу. Высмотрел знакомого. Присел на свободный стул и вроде как забыл обо мне. Сижу, наблюдаю. У них там оживлённый разговор, Нечаев поднялся и сказал тост. Мужики смеются. Я подошёл и сказал, что ухожу. Нечаева отпускать не хотели, велели нести стул и присоединяться к ним. Я взял свой жалкий графинчик и переселился за стол с обильной закуской и выпивкой.

В то время он жил с Ольгой, актрисой кукольного театра, худенькой, некрасивой, но умеющей терпеть, потому и сожительство их затянулось на год. Если не дольше. Из Красноярска они перебрались в Улан-Удэ. Можно сказать, сбежали от собутыльников, от устоявшейся репутации, и там, по словам Ольги, сложилось всё хорошо. Нечаев устроился в молодёжную газету, не пил и, учитывая его квалификацию, стал в редакции лучшим пером. Успех, даже небольшой, прибавляет уверенности в себе. В его случае имеется в виду не профессия, здесь он всегда был уверен, даже более того. В Улан-Удэ он поверил, что может держать себя в руках, и оценил несомненные удобства трезвой жизни. Только натура его и амбиции не умещались в интересы заштатной молодёжной газетки. Окреп, и захотелось большего — центральных газет, солидных журналов. А в Ленинграде жила мать. Было где остановиться на первое время, остались полезные знакомые, которые могли помочь с работой. И помогли. Не пришлось ничего доказывать, без лишней проволо́чки начал печататься. А в те годы оплачивалось каждое напечатанное слово. Но случайные заработки коварны. Они провоцируют их обмыть… И трезвой паузы словно не бывало. Да и жить с матерью взрослому человеку, привыкшему к вольнице, очень не просто. Ольга не выдержала и уехала в Красноярск. Потом возвратился и он. Однако жили уже порознь. Женщина устала, разуверилась. Пришлось ему искать другой приют. Знакомые передавали, что нашёл, хотя больному и пьющему это непросто.

Умер он в больнице от цирроза печени. После возвращения из Ленинграда мы не встречались. Видел его один раз издалека, но шёл я с молодой женой, испугался, что он ударится в воспоминания, которые ей противопоказаны, и трусливо свернул в переулок.

Когда кто-нибудь из местных сочинителей попадал в «Литературную газету», новость разлеталась по городу в два-три дня. Кто-то из друзей позвонил и сказал, что там появился очерк Зория Яхнина о бичах. Я очень удивился и спросил: что может знать о них городской интеллигентный поэт? Вот Коля Нечаев смог бы написать о бичах. И тут меня огорошили, доложили, что именно Нечаев и является главным героем этого очерка. Не знаю, чья была инициатива, скорее всего, газета попросила что-нибудь из сибирской экзотики, а Яхнин за неимением материала воспользовался тем, что перед глазами. Естественно, нашлись возмущённые: дескать, опозорил человека. Хотя лично я ничего оскорбительного в этом не вижу. У нас в пусконаладочном управлении даже ведущие инженеры называли себя «бичами», а своё общежитие — «кошарой». Смещение статуса я воспринял без малейшего внутреннего протеста. А вот родственников очерк не просто обидел — оскорбил. Его сын Антон, будучи уже взрослым человеком, поэтом и лауреатом премии, так и не мог простить Яхнина за то, что в школе кто-то обозвал его сыном бича. Хотя отца практически не знал, в лучшем случае видел несколько раз в детсадовском возрасте, однако сумел унаследовать сложный характер. Незаживающую обиду носила

в себе и последняя жена Ольга. Уже после смерти самого Яхнина она призналась, что все годы выжидала случая сотворить ему какую-нибудь подлянку. А следом сказала, что после Николая у неё остался чемодан рукописей, которые просило у неё издательство, а она послала их далеко-далеко. Издательский звонок, разумеется, очень вольная фантазия любящей женщины, не знающей редакционных нравов. Тогдашние издатели были обеспокоены не поиском рукописей неизвестных авторов, а избавлением от них. И в самом наличии архива я глубоко сомневаюсь. Сколько этих мифических чемоданов потерялось, сгорело или, в лучшем случае, уместилось в тоненькую книжицу.

В случае с Нечаевым боюсь, что не осталось даже тетрадки, потому что и для неё прозаику нужны письменный стол и трезвая пауза. Ни того, ни другого у него не было. Всё сочинённое им осталось в блестящих устных импровизациях, а силы и время потрачены на дежурные газетные заметки и поиски денег на опохмелку.

Медаль

Заглянул в книжный магазин и увидел на прилавке сборник Николая Клюева, а денег с собой не было. До работы ехать далеко, до дома—ещё дальше. Просить, чтобы оставили на денёк, очень рискованно. Клюева не издавали с тридцатых годов. Если бы продавщица знала, кто он такой, сразу бы определила под прилавок. Надо было срочно выкупать. Вспомнил, что через улицу работает знакомый. Повезло. Оказался на месте. При деньгах. И книга дождалась.

На другой день с утра явился на работу, сдал отчёт по командировке, получил зарплату и поехал отдавать долг. Кредитор был не из близких друзей, довольно-таки щепетильный, если не сказать—занудный, так что злоупотреблять доверием было нежелательно. Расплатился и с лёгким сердцем решил попить пивка. Полтора месяца проторчал в командировке, где пива не было и было не до пива. К такому празднику и рыбки из дома прихватил.

В центре города я знал три относительно надёжные пивные точки: буфет Дома офицеров, буфет «Крайпотребсоюза» и, как ни странно, буфет Дома учителя. Стояли они в кучке, так что вероятность прямого попадания возрастала втрое. Начал с Дома офицеров. Увидел на крыльце курящих мужиков и понял, что не промахнулся. Взял для начала четыре бутылки. Пивко оказалось свежим. Сижу, размышляю о парадоксах жизни, почему прохладное пиво греет душу приятнее, нежели тёплое, и заодно похваливаю себя за удачно завершённую работу на сложном объекте и за то, что утром догадался прихватить рыбки. Есть, конечно, некоторый садизм, когда на твоём столике лежит вяленый волжский синец, а за соседними столиками интеллигенция макает пальцы в солонки и посматривает на тебя завистливыми глазами. Интеллигенции завидовать не привыкать, это у них вроде профессиональной болезни. Кстати, волжская вяленая рыба намного лучше сибирской. В Сибири её вялят потрошёной, и она быстро пересыхает. Мне, конечно, можно возразить и напомнить о туруханке или корюшке, но их чаще всего коптят, они слишком жирные, чтобы вялить. А если честно, сам я предпочитаю малосольного тугуна. В общем, об этом я могу долго разговаривать.

Выпил пару бутылок, и подсаживается ко мне журналист Володя Леонтьев. Личность достаточно легендарная.

Попал он в уникальную историю. Шёл поддатый, мимо проезжал патрульный «луноход» и подобрал болезного. Но смена у стражей правопорядка только началась, и он оказался первым пассажиром. Пока разъезжали по городу, собирая «урожай», Володя пришёл в себя, а когда подъехали к вытрезвителю, выскочил первый из машины и стал выводить других алкашей. Вывел, демонстративно пересчитал, доложил, что доставлены без потерь, и бочком-бочком мимо машины и мимо двери. Приняли за дружинника, тем более что внешность у него была весьма представительная, даже за партийного работника среднего звена можно было принять. Историю эту слышал от многих общих знакомых, но герой пересказал специально для меня. Другое вытрезвительное приключение Леонтьева случилось в Дивногорске. Там проводилось совещание молодых литераторов. Ещё на пристани Володю перехватил вечно опальный поэт Рябеченков. Леонтьев, как ни странно, оказался при деньгах, и встреча закончилась вытрезвителем. Взяли красавцев на подступах к гостинице. Кто-то из участников семинара подглядел, как их грузили, прибежал и ударил в набат. Принято считать, что поэты не любят друг друга, но это сказано о маститых, а начинающие бросали в шапку не только рубли, но и трёшки. Выбрали самого красноречивого и отправили платить выкуп. Амнистировали. Но денег в шапке хватило и на то, чтобы отпраздновать освобождение. Уверенные, что снаряды в одну воронку дважды не попадают, решили выпить бутылочку портвейна и пробиваться в гостиницу, чтобы выразить благодарность. Помыслы были чисты, но увлеклись и снова оказались в плену, уже втроём, и красноречие парламентёра не помогло.

Допили. Взяли ещё раз. А когда пошли за очередной добавкой, оно кончилось. Можно было бы и разбежаться, но когда пиво неожиданно кончается перед носом (вроде только что было, рядышком, в трёх шагах… и вдруг исчезло), появляется такая обидища на несправедливость жизни, такое непреодолимое желание найти что-нибудь. Леонтьев намекнул, что у него есть знакомая продавщица, у которой можно взять и после семи. Подошли

к магазину. Дал ему денег, а сам остался на улице. Прогуливаюсь у входа, курю. Выпитое пиво совсем некстати и не к месту напомнило о себе. Высматриваю поблизости тёмный закуток и пристраиваюсь в подворотне к глухой стенке. Каюсь. Но повезло, никого из прохожих недостойным поступком не оскорбил. Выскочил из подворотни да, видно, переволновался, потерял бдительность, поскользнулся и растянулся на тротуаре. А когда поднялся, увидел перед собой двух пареньков в форме. Арестовали. Практически трезвого. Ни по прямой не заставляли пройти, ни приседания с вытянутыми руками делать. Получилось, что неспроста Леонтьев ко мне подсел. Нехорошая аура у человека? Или глаз дурной?

Я, разумеется, доказывал, что совершенно трезвый, но не буянил, предложил заплатить штраф и мирно разойтись, но, видимо, чем-то не понравился фельдшеру, мужичонке с бледным костлявым лицом и реденькими жёлтыми усишками. Может, бороде моей позавидовал?

Спать на койке без матраса, застеленной всего лишь клеёнкой, не самое большое удовольствие, но это ещё полбеды. Часа через два после меня притащили плюгавенького мужичонку и бросили на крайнюю койку. Волокли полусонного, потому как он сразу же захрапел. Но какой это был храп! Человечишко с бараньим весом издавал воистину бульдозерный рокот, при этом казалось, что бульдозер пыжится забраться на крутую гору и двигатель его то рычит из последних сил, то глохнет, задыхаясь от злобы. Полжизни по гостиницам отстрадал, но подобного не слышал. Какой-то нервный мужик вскочил со своей койки и перевернул храпуна на живот. На какое-то время бульдозер заглох, а минут через десять снова полез в гору. Мужик ещё раз перевернул его и остался стоять рядом. Храпа не было.

— Ты его, случайно, не придушил? — спросил кто-то из темноты.

— Дышит пока. Но могу.

Кто-то застонал в бреду.

— Если кто обоссытся — убью! — рявкнул нервный и вернулся на свою койку.

Вроде алкаш, а покомандовать любит. А может, и не алкаш — мало ли здесь случайных людей? Себя-то алкашом не считаю.

И всё-таки задремал.

Утром отдали содержимое карманов, в первую очередь удостоверение по ТБ и деньги, ничего, кстати, не заныкали — может, потому что в памяти был, даже папиросы вернули. Вредный фельдшер или сменился, или отсыпался. Выпускал меня другой дежурный. Не хочу сказать, что худые мужики обозлены и завистливы, но утренний был упитан и розовощёк. Расплачиваясь за ночлег, я положил лишний червонец и попросил не сообщать на работу. Он молча кивнул.

Ночевать в вытрезвителе хуже, чем у любовницы, но зато не надо ничего придумывать. Однако и правду мою жена слушать не захотела, молча оделась и уехала на работу. Переволновалась за ночь, её понять можно. А мне что делать, если не желают разговаривать? Выпил крепкого чая, за неимением ничего лучшего, и тоже поехал в контору.

Когда проходил мимо приёмной, секретарша окликнула и сказала, что мне велено срочно зайти в отдел кадров треста, и при этом как-то загадочно улыбнулась. А какие тут могут быть загадки? Настигло возмездие. Дежурный из вытрезвителя выполнил свой гражданский долг и сообщил по месту работы. Может, и не он, а тот обозлённый на жизнь фельдшер, который устраивал меня на ночлег. Выяснять не пойдёшь.

От нашего управления до треста около километра. Можно доехать на автобусе, но я отправился пешком, оттягивал неприятный разговор. Кадрами заведовала довольно-таки смазливая бабёнка. После института посидела то ли в конструкторском, то ли в проектном отделе, поняла всю бесперспективность научной работы и ударилась в комсомольские активистки. Выбралась из-за кульмана на простор, на глаза начальства — и сразу заметили, оценили исполнительность и аккуратность. Не последнюю роль сыграло и приятное личико. Как только появилась вакансия, доверили важный стратегический пост. Кадры решают всё, как утверждал Владимир Ильич. Бреду, размышляю, как себя вести. Если она примется читать мораль о вреде пьянства, стыдить меня, старого кадра, который отмотался безвылазно двенадцать лет по командировкам, меня, которого знают и ценят почти все главные энергетики сибирских рудников, меня, который умел находить общий язык, отстаивая интересы родной фирмы, с самыми скандальными заказчиками, включая Норильский ГОК, — я не постесняюсь послать эту дамочку на три буквы. Высказаться, а потом идти в приёмную и писать заявление на увольнение. Остаться без работы я не боялся, с моим опытом без вопросов взяли бы в любую наладческую контору. Единственное, что терял, — очередь на квартиру, но «телега» из вытрезвителя автоматически отодвигала её на неопределённый срок, если вообще не вышибала из списка. Так что выбора у меня не оставалось.

Прощальную тираду выучил наизусть и успел отрепетировать по дороге. Подхожу к отделу кадров, стучусь в окошко, оттуда выглядывает улыбающееся личико кадровички. Я, сбитый с толку, буркнул дежурное «здрасьте» и услышал произнесённое торжественным голосом:

— Дорогой Сергей Данилович, по итогам пятилетки вы награждаетесь медалью «За трудовое отличие»! Поздравляю вас! Распишитесь, пожалуйста,

в ведомости, а вручение награды будет в торжественной обстановке на День энергетика.

Кстати, у московского чиновника, который прицеплял медаль к лацкану моего пиджака, сильно тряслись руки, но, может быть, и не с похмелья, может, серьёзная болезнь какая-нибудь.

А через полгода я получил квартиру.

Трезвый день

Поздняя осень девяностого. Живу ожиданием первой книги прозы. Наконец-то. И не где-нибудь, а в престижном «Советском писателе». Уже и солидный аванс получил. Инфляция пока ещё не пугает, да и не знаю толком, что она из себя представляет, даже не догадываюсь о её аппетитах. Не советское это понятие. Для человека, рождённого после войны, неизведанное. Хотя советская власть уже трещит по всем швам. Центральные журналы наперегонки печатают Солженицына, Войновича, Аксёнова. Московская знакомая сетует, что купила за червонец полуслепую ксерокопию «Котлована», а через год его напечатали в «Новом мире». Гласность вселяет надежды. От перестройки ещё не устали. Единственное, что напрягает,—сложность с добыванием выпивки. Но наш народ и не такие сложности всегда готов преодолеть.

В середине дня, ещё засветло, заявляются два поэта: мой приятель Саша Елишев, а с ним Рашид Зарипов, давний, но не близкий знакомый. У Рашида в кармане полбутылки спирта. Оказалось, что поклонница его творений работает на заводе медпрепаратов и в трудные минуты всегда выручает. На «медпрепаратах» спирт безопасный, но пить я отказался, сослался, что час назад пообедал, а на полный желудок как-то не потягивает. Отговорка не очень убедительная, особенно для тех, кто меня знает, но уговаривать не стали.

— Нам больше достанется,—якобы пошутил Рашид и потребовал закуску.

Нагловатый мужик. Если честно, из-за него я и отказался пить: ходили устойчивые слухи, что он «постукивает». Страхи перед всесильной конторой вроде бы должны остаться во вчерашнем дне. Бывшие правоверные коммунисты дают антисоветские интервью, а бывшие члены крайкома заверяют, что пострадали от советской власти, против которой боролись всю жизнь. Никто ничего не боится. Но приводят к тебе в гости стукача—и чувствуешь себя как-то напряжённо. При этом вовсе не уверен, что он действительно стукач: мало ли что могут наговорить на человека?—а всё-таки невольно начинаешь следить за собой, как бы не сболтнуть лишнего. Но не выгонять же, коли пришли в гости?! Нарезал им хариуса, заправил маслом грибы, поставил две рюмки. Сидим, выпиваем, то есть выпивают они, а я присутствую. Подглядываю, можно сказать. А что остаётся—трезвому? Ходило в интеллигентских кругах поверье: если человек в незнакомой компании активно ругает власть, значит, он или дурак, или провокатор. Помимо воли прислушиваюсь. Но Рашид говорит только о стихах. Вспомнили недавно открытого для себя Георгия Иванова, его «отвратительный вечный покой». Спору не было—великие стихи. Спирт—зелье коварное, доходит медленно, но резко. Гостей развезло. Голоса стали громче, суждения категоричнее, но никаких политических провокаций Рашид не подбрасывал, напрасно я грешил на ославленного, в том застолье его волновали только стихи, но если Елишев, даже пьяный, больше говорил о чужих, Рашиду приспичило читать свои, выстраданные и недооценённые. И не какую-нибудь лирику, а историческую поэму. Все мы в то время практически не печатались, поэтому многое помнили наизусть. Но, видимо, медицинский алкоголь сыграл злую шутку, и автор запутался уже в прологе. Останавливался, извинялся, обещал вспомнить, начинал сначала, надеясь взять с разгона, и снова упирался в провал. Требовал рюмку для освежения памяти. Хорошо, что бутылка быстро опустела, а желание добавить настойчиво повлекло на поиски.

Проводил.

Можно сказать—выпроводил.

Но не прошло и часа, как заявился новый гость—слава Богу, не поэт. Старый знакомый по работе в наладке Шура Трошев. Ввалился пьяный и, не раздеваясь, вытащил из кармана бутылку. В гости он заходил очень редко, отношения с ним сугубо производственные, но иногда он прихватывал меня на своей «ниве» по грибы. Да и отработали в наладке полтора десятка лет, а наладка—это особая каста, или, как теперь принято называть, «субкультура», в ней даже враги считаются роднёй. Не у каждого хватает терпения много лет подряд мотаться безвылазно по командировкам и жить по месяцу (а то и по два) в рудничных гостиницах с удобствами на дворе.

Трошев—одна из легенд наладки. Имея за плечами заштатный техникум, он, что называется, нутром чувствовал котёл, теоретически объяснить не мог, но всегда находил верное решение. Самый знаменитый подвиг Трошев совершил в Лесосибирске. На тэц комбината смонтировали новую модификацию котла, а запуститься не смогли. Шура накануне сломал шейку бедра и передвигался только на коляске. Вызвали специалистов из Питера. Бились около месяца—и всё без пользы. Дым из трубы пустили, а выйти на проектные параметры не получалось, не тянул агрегат. Ну а пар, как всегда, нужен позарез. И тогда заказчик снарядил санитарную машину, загрузили в неё специалиста в кресле-каталке и повезли за триста километров разруливать аварийную ситуацию. Как пускать большой котёл и вести наладку, сидя

в инвалидном кресле, лично я плохо представляю. Но Трошев справился. Осчастливил город теплом и светом. Когда привезли домой, позвонил и нетвёрдым голосом похвастался, что утёр нос некоторым великим специалистам.

Лет пять он пробыл в Монголии, заработал талон на «Ниву» и приобрёл две вредные привычки: стал выпивать и политизировался. Если пьянство, пусть и с натяжкой, можно связать с жизнью на чужбине, то интересом к политике заразили москвичи, с которыми в Монголии пришлось очень тесно общаться. До отъезда туда он почти не выпивал, был молчун, и, кроме работы, грибов и рыбалки, его ничего не интересовало. Впрочем, и время подошло политизированное. Люди начали читать газеты, а в них сенсационные разоблачения из недавнего прошлого и текущий, густеющий день ото дня криминал, открывающий мирному обывателю шокирующие подробности тюремного быта.

И вот заявляется пьяный приятель и ошарашивает признанием:

— Я убил свою бабу. Спрячь меня, хотя бы до утра.

Весёленькое признаньеце. В какие только передряги не попадал, но даже самые нервные выяснения отношений до убийств не доходили. Стою и не знаю, что сказать, как реагировать. Верить ему страшно, да и не верю я. Точнее, уговариваю себя не верить. Но слово-то громкое, эхо от него застряло в мозгу и не исчезает.

Вот они, издержки разъездной работы. Частые и долгие разлуки укрепляют любовь разве что в дамских романтических стишках. Постоянные командировки семейному счастью не способствуют. И у него, и у неё копятся подозрения, претензии, обиды. Жена у Шуры из тех красавиц, которые постоянно провоцируют мужицкое желание. И вроде как погуливала. Мне казалось, что он об этом давно догадывался. К тому же в последнее время стала и попивать. Частенько запивали на пару. А по пьяни всякое могло случиться. Шура мужик не агрессивный, но пьяная женщина всегда на грани истерики. Украдкой осматриваю гостя: лицо не исцарапано, руки не в крови. Но мужик он здоровый, ручищи тяжеленные, одного удара могло хватить. Отвёл его на кухню, прошу успокоиться и рассказать всё по порядку. Но ничего членораздельного, даже ругани в адрес жены, не слышу. Бормочет, что ему нельзя в тюрьму, он там не выживет. Пытаюсь разузнать, что же всё-таки произошло, а он всё про тюрьму, в которую боится попасть. Языком еле ворочает. От чая отвернулся. Показал пальцем на водку и тут же забыл про неё. Когда голова свалилась на грудь, я спрятал бутылку в холодильник. Он мутно посмотрел ей вслед, но ничего не сказал. До дивана вёл полусонного. Уложил, перекурил и сам успокоился. Твёрдо уверовал, что никакого смертоубийства не случилось. Желание, наверное, было, но вовремя уехал, а пьяные мозги дорисовали желаемое.

Впору и самому было выпить от избытка впечатлений. Открыл холодильник, подержал бутылку в руках, но пить чужую дефицитную водку постеснялся. Налил себе чая, благо что не успел остыть.

А часам к одиннадцати явился ещё один гость. Звонок был долгий и настойчивый. Откровенно пьяный звонок. Первое, что подумал: «убиенная» жена явилась забирать поллитровку, украденную мужем. Не угадал. На пороге стоял прозаик Шамко. На днях ему прислали договор из московского издательства. Рукопись, вылежавшая два срока и в собственном столе, и в редакционном, наконец-то получила одобрение. Как тут не загулять? Сам прошёл через эту изнурительную пытку безнадёгой. Чем длиннее эта полоса, тем сильнее перепад собственного отношения к неизданной книге от ненависти до нежнейшей любви. Но мне было всё-таки немного проще. Мой праздник пришёл в сорок лет, а ему перевалило за полтинник. Когда запоздалая радость приходит в критическом возрасте, одной бутылкой не обойдёшься. И одним днём — тоже. Начал дома, не хватило, пошёл искать — до боли знакомый сценарий.

— У тебя есть? — спросил прямо с порога.

Лицо страдальческое, голос робкий, но переполненный надеждой. Разочаровывать было жалко, но водку, спрятанную в холодильник, принёс Шура. Я знал, что ночью он обязательно проснётся и ему будет намного тяжелее, чем брату-писателю. У одного — всего лишь затянувшийся загул, у другого — жуткий кошмар с убийством. И я соврал, что спиртного в доме нет, кроме одеколона, но Шамко парфюмерию не употреблял. Предложил чаю. Продолжать почти безнадёжные поиски, выходить на улицу и куда-то ехать сил, видимо, не осталось, и он смирился. Крепкий чай отогрел и приглушил похмелье.

Ещё до выхода книги он начал второй роман и жил уже в новом замысле. В молодости ему выпали долгие мытарства в Москве среди лимитчиков, о них он и задумал написать. Материала было очень много. Ствол сюжета обрастал ветвями, герои, для полноты картины, постоянно требовали расширить своё окружение, роман грозился разрастись в эпопею объёмом в «Тихий Дон». Он пытался пересказать какие-то сюжетные линии, но сам в них путался, а я тем более. Впрочем, проза, которую он писал, пересказу не поддаётся, потому как держится не на сюжете, а на ярком языке, перенасыщенном неожиданными образами. Я всегда говорил, что ему надо писать стихи, а не романы. Представьте себе, что вам кто-то пытается пересказать Пастернака. Приблизительно так же звучал и пересказ его ненаписанного романа. Пьяный фантазирует, путая не только имена

героев, но и эпизоды, а мне, трезвому, приходится слушать этот бессвязный бред и соглашаться. Сочинитель увлёкся, голос набрал силу и разбудил «убийцу». Укладывал Трошева еле живого, однако про бутылку тот вспомнил сразу, как проснулся. Для него спасательный круг, а для меня позорный крюк. Пришлось оправдываться перед Шамко (так, мол, и так — не имел права распоряжаться чужой водкой). Человек он не мелочный, всё понял правильно, да и не до обид, если вожделенная бутылка среди ночи появилась на столе. Выпили они за знакомство, и писатель, увлечённый своим детищем, продолжил пересказывать ненаписанный роман. Если я ничего не понимал, то Шура тем более. Послушал минут пять и в тоске снова взялся за бутылку. Шамко опрокинул в себя рюмку и, не отвлекаясь на закуску, продолжил токовать, не обращая внимания на человека, угостившего его водкой. Шуру такое отношение обидело, не привык он, чтобы его не замечали, отзывает меня в комнату и спрашивает, что за фрукт появился в квартире, пока он спал. Объясняю, что с нами сидит интересный писатель, у которого скоро выйдет роман в столичном издательстве. Должного впечатления информация не произвела, и он предлагает гнать болтуна к такой-то матери. Говорю, что не могу выставить гостя среди ночи.

Возвращаемся к столу. Они выпивают. Я рассказываю писателю, что перед ним сидит знаменитый наладчик, лучший специалист по котлам от Урала до Чукотки, гений своего дела. Сам Шамко тоже считал себя гениальным прозаиком и не совсем без основания, восторженных словес от собратьев по отверженности наслушаться успел достаточно, жил большими надеждами на ближайшее будущее. Мои слова про инженерную гениальность его не зацепили. Вот если бы я шепнул, что Шура этим вечером убил свою жену и прячется у меня от ареста, тогда бы писатель, может быть, и заинтересовался. Но я не стал интриговать. К тому времени я был абсолютно уверен, что мнимый убийца успел забыть, что наплёл мне вечером. Пока я живописал его наладческие подвиги, не скажу, что Шура млел от самолюбования, но и не останавливал меня, изредка поправлял, если я ошибался в деталях. Но на Шамко мои восторженные истории впечатления не произвели. Это был чужой герой, для которого в новом романе места не было. Когда Шура вышел в туалет, Шамко придвинулся ко мне и зашептал:

— А чего он здесь делает? Гони его, и поговорим в нормальной обстановке.

— Нельзя, — говорю, — пьяный, или подерётся с кем-нибудь, или замёрзнет.

Шамко такая забота почему-то не понравилась. Обиделся и отвернулся к окну. Шура тоже насупился. Сидят молча и смотрят в разные стороны. И сам я боюсь заводить разговор. Хватит. Наслушался. Притих между ними, ни разу не гений, трезвый, а голова раскалывается, как после тяжёлого похмелья.

В шесть утра пошли автобусы, выпроводил обоих.

И так захотелось выпить.

Но взять было негде. Одеколон тоже не пью.

Зинаида Кузнецова

Старый тополь

Лето в разгаре. Густая листва деревьев скрывает фасады домов, детские площадки, асфальтированные дорожки. Знакомый тополь оброс тёмно-зелёной гривой. Ещё совсем недавно листочки были нежно-салатного цвета; они висели как будто не на ветках, а в воздухе, сами по себе, каждый в отдельности. Сейчас они выросли, мешают друг другу и тихонько сорятся между собой. А когда дует ветер, они шумят и, мне кажется, иногда дерутся.

Неохотно отхожу от окна. Раскладываю бумажки, подключаю телефон. Сейчас начнётся…

Дзин-н-нь!

Слушаю. Девушка, приём сегодня будет? Нет, не будет. А почему? Ведь в прошлый раз тоже не было!

Объясняю. Недовольно ворча что-то, вешает трубку. Это только начало. Сегодня недовольных будет много. Наслушаюсь. Но я привыкла. Иногда шучу: во всех наших бедах и недостатках виноваты продавцы и секретарши — мы всегда на месте, и нас всегда можно безнаказанно обругать.

Девушка, можно спросить? Можно…

Алло! Вот вчера по радио говорили, что вышел какой-то документ новый, льготы пенсионерам. Я хотела спросить…

Здравствуйте! Это ГАИ? Нет. Это не ГАИ. Да мне надо в пятьсот вторую комнату. Но это не ГАИ. Да я только хотел спросить. Мне сказали, что справку надо принести… Я же вам сказала, что это не ГАИ. А что это? А-а-а… А вы не знаете, почему там никто не отвечает? Не знаю. Да я только спросить хотел…

Зайдите…

Найдите…

Пригласите…

В двенадцать у меня совещание.

Девушка, вы не знаете, как позвонить… Знаю, конечно, но почему не в справочную, интересно? Пятьдесят шесть восемьдесят пять. Как-как? Пятьдесят шесть восемьдесят пять. Девяносто шесть пятьдесят шесть? Пятьдесят шесть восемьдесят пять. А-а-а, шестьдесят семь восемьдесят семь? Пять-де-сят шесть во-семь-де-сят пять! Подождите, я запишу. Записывайте. Так, ой, где же у меня ручка? Нашла. Как вы говорите — семьдесят шесть…

Уф-ф!

Принесите мне письмо от такого-то числа. Найдите мне Петра Ивановича и Ивана Петровича. Срочно.

Срочно не получается. Пётр Иванович откликается с пятой попытки, а Иван Петрович не откликается.

Ищите!

Ищу.

Никого ко мне не пускайте — работаю с документами.

Хорошо.

Здравствуйте! — старушка, божий одуванчик. — Можно мне к начальнику? Нет, он занят. Да мне бы на минуточку. А что случилось? А вам какое дело? Но, прежде чем пустить вас к начальнику, я должна спросить у вас, по какому вопросу вы идёте. А это я ему лично скажу. К сожалению, не могу вас пустить, он занят. Чем это он всё время занят — не попадёшь к нему? Господа! Мы его выбрали, а он от людей отгораживается. Приходите в приёмный день. А когда приёмный-то? Нет. Я так долго ждать не могу. Бабушка, так всё же какой у вас вопрос? Ведь можно пойти к любому заместителю… Нет, мне надо только к начальнику.

Сидит, нахохлившись. С такими труднее всего. Кто-то обидел, а может, и нет, обозлена на весь свет — кругом враги, недоброжелатели. В душу не прорвёшься — замкнута на все замки. Заржавленные.

Можно к вам? Можно. Ой, как тут у вас красиво, прямо наступать страшно. Почему же страшно? Да боюсь запачкать ваши ковры. Никаких ковров нет — одна старая цветастая выцветшая дорожка. Без неё пол давно бы был весь исшоркан тысячью ног. А цветов-то сколько! Кто же это у вас разводит? Сами? А этот как называется? А вот этот?.. Вот такой у меня тоже есть. А вы знаете, у моей соседки такой цветок, я даже не знаю, как он называется, прелесть! А вы знаете, что вот этот цветок цветёт очень красиво, но запах! Знаю. А он у вас цвёл? Можно, я оторву отросточек? Спасибо. Я вам тоже какой-нибудь принесу. Нет, я обязательно принесу.

В четырнадцать ноль-ноль совещание. По списку. Хорошо. В списке семьдесят шесть человек.

Дозваниваюсь через пять, в лучшем случае через три звонка. Так, сколько же у нас звоночков получилось?

Здравствуйте! Здравствуйте. Что вы хотите? Я ничего не хочу.

Усаживается в кресло. Пожимаю плечами, продолжаю вызванивать особенно неуловимых. Сидит. Молчит. Минут через двадцать поднимается и уходит.

Алло! Здравствуйте, моя дорогая! Как самочувствие? Неважное? Ну, значит, хорошо выглядите. Издеваетесь? Нет, я давно заметил: когда вы приболеете, всегда хорошо выглядите. Что ж мне, теперь всё время болеть надо, чтоб хорошо выглядеть?

Алло! Как найти Ирину Васильевну? У нас такой нет. Как это нет? Это поликлиника? Нет. Это не поликлиника.

Алло, это вы приглашали Сергея Петровича на совещание? Повторите, пожалуйста, а то я куда-то бумажку подевала. Повторяю.

В раскрытое окно доносится шум и треск, пахнет выхлопными газами — ремонтируют площадь. Это надолго. Уже года три ремонтируют, а конца и края не видно. И вообще, всё время что-то ремонтируют. Один памятник вождю каждые полгода обновляют. Любопытно бывает иногда наблюдать: Один, не торопясь, мажет раствором стенки постамента, примеряет плитку (которая, кстати, с завидным постоянством отваливается опять же через полгода). Человека три стоят или сидят, курят, а чуть в сторонке — шагах в трёх — стоит начальник. Наверное, начальник, я точно не знаю, но похож на начальника.

Дзин-н-нь… Приём будет? А когда? Вечно он занят. И чем он только занимается!

Здравствуйте.

Здравствуйте!

Скажите, пожалуйста!..

Алло? А когда…

С улицы, заглушая строительный визг, доносятся звонкие детские голоса. Подскакиваю к окну: воспитательница ведёт ребятишек на представление кукольного театра. Взгляд скользит по разноцветным одежкам детей — внука нет.

Алло! Кто у вас выдаёт удостоверения ветеранам? А где? Гоняете людей попусту. Кто гоняет? Я вам объясняю, куда надо идти… Да пошли вы сами туда!.. — бросает трубку.

Здравствуйте! Ой, сколько у вас цветов…

Здравствуйте! К начальнику можно?

А в каком кабинете заявления принимают?..

Где мне найти?..

Алло! Здравствуйте! У вас есть свободная минутка?

Пожимаю плечами, отвечаю что-то вроде: м-м-м…

Можете меня послушать? Могу. Я сегодня всю ночь не спала, написала тут кое-что. Послушаете? Послушаю.

Слушаю. Хвалю. Восхищаюсь. Желаю дальнейшего вдохновения. Сеанс психотерапии.

Кабинет заполняется людьми. Шум, гам. Всё знакомые лица. Кто-то улыбается, кто-то озабочен предстоящим разговором. Как всегда. Наконец зашли. Тишина.

Привет! Как дела? Ну, слава Богу! А как на литературном фронте? — Смеюсь: — На литературном фронте без перемен — затишье. Не фонтанируем.

Будьте добры, скажите, пожалуйста, можно вас побеспокоить? Извините, будьте так любезны, не могли бы вы подсказать, как звонить Тамаре Александровне в отдел инвестиций?

Минут пять реверансов — не меньше! Вот чего я не люблю! Спросил — ответил, чего кружева плести? Это у меня, видимо, за тридцать лет работы «девушкой на телефоне» выработалось отвращение к долгим разговорам. Очень раздражает, когда позвонят и полчаса говорят ни о чём. А прервать — не хочется человека обидеть. У меня вообще с телефоном особые отношения: на первый же его зов бегу как сумасшедшая, даже дома. До смешного доходит: вот, думаю, сейчас чайку попью. Встаю из-за стола, делаю шаг в сторону шкафа — звонок. Отвечу — и снова шаг в сторону шкафа. И вновь звонок. И так бывает до пяти раз… Кстати, пока совещание, народа нет, выпью-ка я чайку. Или лучше кофе. Не лучше, конечно, но очень хочется. У-у-у, какой аромат!

Можно к вам?

Попила. «Будет тебе кофэ, будет и какао!»

Здравствуйте, я хотела узнать…

Скажите, когда начальник принимает?..

А кто у нас депутат? Да я уже забыла, за кого мы голосовали…

Алло! У нас в посёлке до сих пор общественный туалет не работает. Я бы хотела с начальником поговорить… Нет, я хочу лично с ним…

Господи, прости…

Вновь детские голоса. Группа с двумя воспитательницами. Внука нет.

Тополь шелестит листьями. Это я думаю, что шелестит, — отсюда не слышно. Тополь, тополь, как давно мы с тобой знакомы! Я люблю на тебя смотреть зимой, летом, осенью — всегда. Иногда за одну ночь твои листья становятся ржавыми (моя поэтическая душа не хочет мириться с этим определением и принимает другое слово — «седыми»). Да, они становятся седыми. Когда ты сбрасываешь их, твои голые ветки особенно хороши на фоне

фиолетово-сиреневого неба. Таким небо бывает перед вечером. Эта картина вызывает ощущение ирреальности, как будто находишься в каком-то ином мире.

Здравствуйте! Можно к начальнику? Я подожду. Долго? Ну ничего, у меня время есть.

Ждёт. Молчит. Роюсь в бумажках: где-то затерялся счёт. Ага, вот он. Надо позвонить. Обещали. Время идёт, но обещанного, говорят, три года ждут.

А что это у вас за цветок?

Вздрагиваю. Уже забыла, что кто-то здесь находится,—сидит тихонько, как мышка. Видно, надоело молчать.

Портулак? Да ведь это же газонная трава. Да? А я не знала, что её можно в помещении выращивать. А это что у вас за дерево? Молочай? А как по-научному? Ой, какая прелесть. А вы знаете, говорят, вот этот цветок мужчин из дома выживает. Ну и что, что не дом? Всё равно выбросьте его. Точно вам говорю. Вот у меня соседка…

Дверь из кабинета начальника распахивается—совещание закончилось. Но споры не закончились. Крик, шум, гам—что говорят в трубку телефона, не слышу. Звонок надрывается, я кричу в трубку: «Алло! Алло!»—но звонки продолжаются. Ничего не понимаю. И вдруг обнаруживаю, что кричу вместо трубки в сложенный пополам лист бумаги. Смеюсь, представляя, как выгляжу со стороны… Наконец все расходятся. Самое время отнести начальнику чайку.

Спасибо. Я сейчас уезжаю в край. Буду завтра. На девять пригласи ко мне руководителей муниципальных предприятий и замов. Хорошо.

Записываю.

Алло, девушка! Вы всё знаете: вот есть в городе фирма, которая… (Усмехаюсь про себя: кто всё знает, долго не живёт.) Позвоните по такому-то номеру, вам скажут. Ну-у, я-то думал, вы всё знаете,—разочарованно…

Ну, я поехал.

Это начальник. Смотрю в окно, как он садится в машину, мысленно желаю ему и водителю счастливого пути. Возвращайтесь благополучно. Заодно желаю счастья и здоровья проходящей бабульке с пустым пакетом в руках. Улыбаюсь: сколько людей не подозревают, проходя мимо моего окна, что кто-то желает им здоровья, спокойной старости. Особенно я жалею стариков. А за молодых прошу Бога, чтобы Он уберёг их от беды, чтобы дал им счастья… И пусть никто не подозревает этого—я-то знаю. И мне хорошо.

Опять «цветочная клумба» движется через дорогу—новая группа детсадовцев. Впереди малыш с красным флажком. Машины нехотя останавливаются прямо перед детьми. Сердце замирает от испуга: а если тормоза откажут? Видят же, что дети идут! У нас водители вообще особенные—по пяткам могут проехать даже на «зебре». Всматриваюсь. Опять не наша группа.

Снаружи грохот. Включили компрессор. Звонит телефон. Ничего не слышу, сама кричу в трубку. Надо закрывать окно, хоть и духота страшная.

Кофе совсем остыл. Ничего, я люблю и холодный.

Приятного аппетита.

Придётся ещё подождать с кофейком; может, льдом покроется—в самый раз в такую жару. Да и обед скоро.

Телеграмма. Регистрирую. Звоню.

Я поехал. Буду часа в четыре,—это другой начальник.—Если что, звоните на мобильный.

Дзин-н-нь… В трубке звук—не могу перевести в слова: что-то похожее на щёлканье птиц.

Привет. Привет. Как дела? Нормально. Как ты? Жив, здоров и невредим мальчик Вася Бородин.

Традиционная шутка мужа. Звонит три раза в день: утром, в двенадцать и после прихода с работы. Жив-здоров. Всё остальное—дома, по телефону личных разговоров не ведём.

На обед не иду. Худею. Посижу хоть в тишине. Газету посмотрю. Чаю наконец выпью. Завариваю свежий. Аромат божественный.

Можно к вам?

Прячу чай под крышку стола, на тумбочку. Не судьба…

У нас обед до двух. Я только спросить.

Отвечаю. Разъясняю. Уходит. Слава Богу. Газетку, что ли, посмотреть? О, опять господин N статью тиснул. Почитаем, кого в очередной раз громит.

Здравствуйте!

Звоню на вахту.

Почему у нас в обед люди идут? Не пускайте! Пусть ждут, ведь всё равно никого из начальства нет.

Звонок, длинный, междугородный.

Алло! Это любимая женщина механика Гаврилова? Точно, она самая!

Миша, давний друг и, можно сказать, симпатия. Обоюдная.

Из солнечной Хакасии привет! А я думала, из Тель-Авива!

Дочка его вышла замуж и уехала в Израиль. В самом Мише намешано много кровей: и хакасская, и цыганская, и русская, конечно же, и Бог знает какая ещё. А дочке больше всего досталось хакасской: румяная, круглолицая, настоящая дочь степей. Теперь вот живёт в Израиле…

Ну, пока, механик Гаврилов.

Не забывает. Сколько лет уже прошло! С грустью вспоминаю молодые годы, атмосферу дружбы и любви или, скажем так, влюблённости… «Всё пройдёт — и печаль, и радость, всё пройдёт — так устроен свет…»

За окном — детский щебет. Бегом к окну. Пробегаю глазами — нет моего. Ещё группа — нет. Ещё… Прижав стёкла очков к глазам, всматриваюсь в детей, ищу мальчика в бейсболке с красной звёздочкой — вручили за хороший результат в игре-викторине в честь Дня Победы. Мальчика нет. Мальчик уехал со своими молодыми родителями в Москву. Насовсем. И увёз с собой большой кусок моего сердца. Слёзы градом катятся по моему лицу. Ещё раз сквозь забрызганные слезами очки смотрю на ребятишек: может, всё-таки увижу своего любимого мальчика или хотя бы похожего на него малыша?.. Не увидела…

Звонок.

Звонок, звонок, звонок…

Звонок, опять межгород. Из издательства. Деньги не перечислены. Возмущаюсь. Обещаю. До свиданья.

Звонок, длинный, междугородный. Москва. Минэкономразвития. Не люблю разговаривать с этой дамой, высокомерной, грубой даже…

Да-да, конечно, передам, найду, сразу сделаем, обязательно… Сегодня…

Затишье. Не верится даже. Никого нет. Ну да, как же! Скрипит дверь.

Можно? Можно, конечно, можно. Для чего же мы здесь? Нет начальника? Я подожду.

Ждёт.

Вы бы хоть вязали, — это мне. Вытаращиваюсь на неё. — Скучно же так сидеть целый день.

Спокойно, говорю себе. Не в первый раз. Пора привыкнуть.

Лена!

Это уже я кричу. Лена заглядывает в дверь.

Посиди, пожалуйста, минутку.

Лена понимающе улыбается, садится за мой стол. Через минуту возвращаюсь и вижу перепуганную Лену с трубкой в руках: начальник звонит, спрашивает, где я.

Ну, сказала бы ему, что в туалет пошла.

Лена пугается ещё больше. Беру трубку.

Ты где ходишь? Надо срочно найти в Москве… — и так далее. Хорошо, найду, какие трудности?

Ищу. Нахожу. Перезваниваю.

В три часа дня жара становится невыносимой. Зря я не пошла в обед куда-нибудь, хоть свежим воздухом подышала бы. Но одна не люблю ходить. Раньше с подругой в обед прогуливались. Тридцать лет почти, изо дня в день. Давний знакомый, завидев нас, улыбался: пока эти две блондинки ходят, я за город спокоен — значит, всё в порядке, жизнь продолжается. Сейчас подруга не работает, и гулять мне не с кем. А знакомый пошёл в большие начальники — надо же кому-то за город ответственность нести.

Можно к вам? Можно. Что вы хотите?

Смущённо улыбается, жмётся…

Я… мне бы… У вас не найдётся книжечки? Я так люблю ваши стихи. Найдётся. Даже последнюю отдам.

А книжек и вправду нет. И издать новую — большая проблема. Спонсоры не торопятся объявляться, своя зарплата не позволяет… Греет душу то, что люди постоянно спрашивают книги, интересуются. Значит, кому-то надо то, что я пишу…

Алё-ё! Здравствуйте! Запишите на приём. Нету? А когда будет? Вы каждый раз говорите: в среду, в среду… А опять нет приёма. Когда же будет? Когда назначит? А когда назначит? Опять в среду…

Бросает трубку.

Звонок, звонок, звонок…

Здравствуйте!

Можно?

Здравствуйте! Можно зайти?

Скажите, пожалуйста… А вы не знаете?.. А когда?… А что вы вообще знаете? Сидите там! А вы не грубите! Привыкли над народом измываться! Кто говорит? А тебе какое дело? Всех вас стрелять надо!..

Приветствую вас! Всё цветёте? Да нет, правда — сколько вас знаю, вы не меняетесь. Точно, — отвечаю, — как в том анекдоте. Встречаются двое. «Здравствуйте, Марья Ивановна, прекрасно выглядите, прямо как цветочек». Марья Ивановна, жеманно: «Да что вы говорите?!» — «Правда-правда, я, когда вас вижу, всегда вспоминаю романс: „Отцвели уж давно хризантемы в саду…“»

Смеёмся. Я грустно, он — с ощущением вечной молодости, силы и красоты. Мы с ним ровесники.

За окном внезапно наступает тишина — выключили компрессор. Но в ушах продолжает звучать его кошмарный трудовой голос.

Звонит зам. Где машина? Выглядываю в окно: где она, в самом деле? У каждого сотовый имеется, а попробуй найди! Мимо идут двое мужчин — по виду рабочих. У одного в руках железный прут, заострённый на конце и загнутый крюком. Подходят к канализационному колодцу и крюком пытаются приподнять крышку. Что-то не получается. Внезапно хохочу как сумасшедшая. Вчера по телевизору видела кусок какой-то передачи. Там одна девушка коллекционировала крышки канализационных колодцев — искала золото масонов. В передаче золото нашли… Мимо идут две девчонки, в юбочках, едва прикрывающих пупки, тоже засматриваются на рабочих, о чём-то

оживлённо переговариваются, но всё-таки идут дальше, всё время оглядываясь.

Идёт мужичок, замедляет шаг, косится в сторону колодца. Парни, поковырявшись, идут дальше—наверное, проверяют систему, Смеясь, отхожу от окна.

Можно? Можно. Ой, как у вас цветов много! Сами разводите? Хорошо тут у вас. А это какое дерево? А вот этот цветок цветёт красиво, а пахнет знаете как?.. Знаю.

И чувствую, что если ещё один человек сегодня скажет, как пахнет этот цветок,—укушу. Убрать его, что ли? Тогда человек тридцать обязательно спросят, почему я его убрала.

Девушка, милая, куда мне обратиться? Что случилось? Зять обижает. В милицию обращались? Да что милиция, думаю, пойду к мэру. Мы его выбирали, пусть поможет. Да как же он поможет в этом случае? Пусть вызовет его, поговорит.

Вздыхаю. Бабушку жалко, но как тут помочь? Что-то советую. Плачет. Набираю номер начальника милиции—пусть как-то обратят внимание, побеседуют с дебоширом. Обещает. Бабушка, сгорбившись, уходит.

Пять часов. Из автобусов возле дк вываливается народ. Город сразу становится обитаемым.

Над моим любимым тополем висит большое кудрявое облако. Тополь не знает, что, может быть, скоро кто-то другой будет любоваться им из окна. А может, и не будет. Это ведь только мы с тополем дружим столько лет.

В стекло ударяют первые капли дождя. Ну вот, опять погода портится, а так хотелось в выходные отдохнуть на природе, позагорать…

Вспоминаю свой же стишок:

Бег времени

Опять косыми струйками дождя
Окно, как занавесками, закрыто.
Сидит ворона на руке вождя,
Бежит куда-то пёсик деловито.

Старушка ковыляет, чуть дыша,
С пустым полиэтиленовым пакетом,
И вместе с нею, тоже не спеша,
Идёт Киркоров—на пакете этом.

Проходят мимо, важные на вид,
Ухоженные, с зонтиками, дамы.
Но что-то в них такое говорит,
Что пережили дамы в жизни драмы…

А вот, как стайка бойких воробьёв,
Бегут девчонки в шапочках весёлых,
Спешат куда-то, видно, после школы,
Щебечут что-то громкое, своё.

Неоновые цифры на табло
Друг друга в бесконечности сменяют.
А девочек мальчишки догоняют—
Наверно, время им любить пришло…

За дымкой запотевшего стекла
Дождь песню монотонно продолжает.
И смотрит время в лица-зеркала,
И лица это время отражают.

Неохотно отхожу от окна—дождь люблю. Скоро шесть часов—конец рабочего дня. Одного из десяти тысяч с хвостиком моих рабочих дней.

…Как быстро идёт время! Опять лето. Июль. Площадь снова ремонтируют. Вчера срубили старый тополь, и теперь только облезлая стена пятиэтажки ласкает мой взор…

Ольга Пашкевич

Тались

Когда сосед Матвей Алексеевич подарил Вовиной маме чёрную кошку, мама расплылась в улыбке, осыпала мужчину благодарностями и поспешила пригласить отужинать вместе с ней и сыном, но он деликатно отказался, сославшись на важные дела.

Немолодой, но энергичный сосед был из тех людей, которые за словом в карман не лезут.

— Уважаемая Регина Васильевна,— витиевато начал он,— сейчас вторая половина марта, весна, так сказать, вступает в свои права. Не знаю, как вам, а мне посчастливилось послушать кошачьи песнопения. Вы, уважаемая Регина Васильевна, ассоциируетесь у меня с грациозной и свободолюбивой кошкой, поэтому разрешите преподнести…

После этих слов он, запустив руку в яркий пакет, подал женщине кошку. Окажись кошка настоящей, мама вряд ли согласилась бы её принять, но это была всего лишь статуэтка сантиметров тридцать в высоту из неизвестного Регине Васильевне далеко не лёгкого материала.

Вова смотрел на сувенир с восхищением и, едва за соседом закрылась дверь, протянул к статуэтке руки, надеясь, что мама позволит ему подержать и потрогать подарок. Однако мама сначала постучала по кошке, пытаясь понять, из чего же она всё-таки сделана, потом перевернула её вниз головой, предполагая обнаружить ценник, но, увидев, что его нет, заключила:

— Сувенир, однако, недешёвый, но явно это не кошка, а кот. Держи!— вручила Регина Васильевна предмет сыну.

Мальчик обрадовался и тут же принялся разглядывать и ощупывать кошачьи лапки, поднятый кверху хвост, провёл пальчиком по носику, потеребил за ушки.

— Почему это не кошка?— осмелился спросить он маму, догадавшись, что её похвалы соседу были чистым притворством.

Он невольно вспомнил, как днём угостил маленькой шоколадкой одноклассницу Леру и та, уплетая сладость за обе щёки, весело смотрела на него. А может быть, только делала вид, что вкусно? Ох и умеют эти женщины прикидываться! А вот он, Вовка, шестиклассник уже, но простофиля, как характеризует его бабушка, потому что ничего не умеет скрыть, даже слёз, хотя они мальчишкам не к лицу.

— Это определённо кот. Знаешь почему?— обратилась Регина Васильевна к сыну.

Тот в недоумении пожал плечами, тем более что ему уже был безразличен пол животного, поставленного на табуретку в ожидании ужина.

— Потому что кота наверняка подарили самому Матвею Алексеевичу, а он передарил мне. Матвей Алексеевич же в марте родился. Если не изменяет память, в прошлом году как раз примерно в это время он собирался отмечать юбилей, и тётя Айта, его дочь, заходила к нам посоветоваться по поводу десерта. Помнишь?

— Что-то такое было,— отозвался Вова, у которого слюнки текли от аппетитного запаха жареного картофеля.

— Вот всегда ты всё забываешь, а ведь уже в шестом классе учишься!— буркнула мама, ловко выкладывая еду на тарелки.— Тётя Айта потом ещё угощала вкусным тортом после торжества.

— Ага,— согласился мальчик в надежде, что так мама быстрее соберёт на стол, а не станет отвлекаться на воспоминания.

— А тебе, выходит, кот понравился?

— Да,— признался Вова.

— Тогда он твой!

— Спасибо!— мальчик обнял маму и поцеловал в щёку.— Мур!

— Мяу!— отозвалась Регина Васильевна.

В её раскосых зелёных глазах действительно было что-то кошачье, не говоря про острые отполированные ноготки и мягкую, плавную походку.

Недолго думая, Вова пристроил кошку на подоконнике среди горшков с цветами. Он поставил её боком так, чтобы, по его замыслу, ей хорошо были видны и двор, и комната. После ужина, когда выполнял домашнее задание по русскому языку, Вова время от времени бросал на статуэтку любопытные взгляды, сожалея, что кошка не живая, а то сидела бы у него сейчас на коленях или лежала рядом на диване.

В ту же ночь, едва мальчик задремал, рядом послышалось мурлыканье. Вначале он решил, что ему показалось, но мурлыканье не только не стихло, а стало громче. Вова повернулся— прямо перед ним светились зелёные кошачьи глаза. Он быстро

перевёл взгляд на подоконник: статуэтка исчезла, а точнее, по-видимому, превратилось в чёрное урчащее существо, которое лежало на спинке дивана и спокойно смотрело на испугавшегося мальчика, собравшегося позвать на помощь маму.
— Вова, не бойся! — неожиданно сказало существо. — Я Талисъ!
— Талисъ? — теперь мальчик был больше удивлён, чем напуган. — Талисъ? — он сел. — Ты не можешь быть Талисем! — произнёс Вова убеждённо. — Талисъ, кот нашей соседки тёти Айты, потерялся год назад. Он выпрыгнул в форточку со второго этажа. Сколько мы тогда его искали: и тётя Айта, и я, и мои папа с мамой. И на улице смотрели, и в подъездах — и в нашем, и в домах поблизости, все техэтажи облазили, а он как в воду канул.
— А что такое техэтаж? — поинтересовалось существо, представившееся Талисем.
— Технический этаж. У нас же в Якутске дома стоят на сваях, потому что вечная мерзлота. Коммуникации идут поверху — как их в землю зароешь? Вот поэтому и в доме, как правило, сначала располагается технический этаж, где находятся трубы отопления, горячей и холодной воды и прочее.
— Ты так подробно рассказываешь, — похвалило существо, — словно сам строитель.
— Строитель не я, а мама. Она сотрудник проектного института, а потому хочу я или не хочу, но её разговоры про работу слышу. А ты откуда взялся? — опомнился Вова. — Ты, наверное, колдун, — высказал мальчик догадку. — В таком случае тебя необходимо немедленно выкинуть.

Он встал, решительно открыл форточку, думая, что кот-самозванец сам уберётся восвояси, но тот только сжался в клубок и ещё громче замурлыкал.
— Почему ты не веришь мне? Я так надеялся на твою помощь, — горестно вздохнуло существо.

И тут случилось то, чего никак не ожидал Вова: в кошачьих глазах появились слёзы. От вида плачущего кота страх, овладевший мальчиком, исчез, в его душе была только жалость к просящему о поддержке. Вова закрыл форточку, присел рядом с котом и провёл рукой по его шерсти. Кот не был ни тёплым, ни холодным. У Вовы было такое ощущение, будто он гладит свою кроличью шапку. Между тем кот принялся лизать ему руку; именно так поступал и Талисъ, когда Айта или Вова накладывали ему в чашечку еду или наливали молоко.
— Почему я должен верить тебе? Талисъ был серым, длинношёрстным и с голубыми глазами, а ты чёрный и зеленоглазый. К тому же он, как я тебе говорил, убежал почти год назад. Разве коты после такого срока возвращаются?
— Я не убегал, — оправдывалось существо, — меня превратили в статуэтку, чтобы не путался под ногами.
— Кто? Тётя Айта? Матвей Алексеевич? Они не могли поступить так.
— Нет, не они, а ухажёр Айты Гера.
— Гера? Да, я видел этого неприятного типа, — согласился мальчик.
— Он очень противный. Мне нужна твоя помощь, Вова! Я не хочу и не могу больше быть статуэткой, я должен быть рядом с Айтой.

Кот опять заплакал, и мальчик попытался успокоить его, поглаживая по мягкой спинке.
— Как и чем я могу тебе помочь?
— Я и сам не знаю.
— Хорошо, тогда расскажи всё по порядку, и будем думать, что можно сделать.
— Ладно, — согласился мурлыка. — Ты, наверное, в курсе, что родители Айты переехали отсюда года полтора назад, а ей отдали квартиру?
— Да, раньше они жили здесь.
— Тогда же дедушка Айты, Алексей Максимович, очень добрый человек, и подарил ей меня и взял с Айты обещание выйти замуж только за того, кто полюбит не только её, но и её кота, то есть меня. Айта назвала меня Талисманом. Она произносила мою кличку как «Талисьман», мягко выговаривая букву «с». А потом твоя мама, когда я оставался на недельку у вас, потому что Айта с родителями уезжала на похороны дедушки, стала звать меня сокращённо — Талисъ.
— Точно, точно, так и было! — подтвердил радостно мальчик.

Он очень хотел, чтобы сидящее рядом существо и впрямь оказалось Талисем!
— Мы с Айтой прекрасно ладили. Она заботилась обо мне, а я ждал её с работы. Иногда в гости к нам приходил ты, и мы с тобой играли. Помнишь, когда ты ездил в Москву с папой, то привёз мне погремушку: маленький прозрачный шарик, а в нём разноцветные горошинки? Ты бросал мне его, а я носился за ним как угорелый.
— Это мой папа тебе его выбрал.
— Папа твой меня тоже любил. Он у тебя очень хороший, сильный и смелый.
— Он капитан полиции, только, жаль, третий месяц в командировке.
— Жаль, — согласился кот. — По ночам я спал на ногах Айты, избавляя их от усталости. Ведь Айта — социальный работник, целыми днями на ногах, потому что она помогает старым и больным людям.
— Да, это правда, — заворожённо слушал Вова, всё ещё не решаясь поверить, что Талисъ нашёлся. — Но почему ты в таком виде?
— Это очень тяжело вспоминать, — промяукал кот.

Он помурлыкал, потом благодарно лизнул руку мальчика и продолжил:
— У нас с Айтой была традиция: когда она приходила, я бежал в спальню на кровать и ложился на спину. Айта гладила мне живот, а иногда она даже утыкалась мне лицом в шерсть. От неё всегда так приятно пахло: сначала дождём, потом снегом. Всё шло замечательно, пока не появился

её ухажёр. В чёрной куртке, в чёрной вязаной шапке, натянутой по самые глаза. Когда он впервые пришёл к нам, я наивно посчитал, что раз он друг Айты, то и мой друг, и хотел лизнуть его руку, хотя от неё противно пахло, как после оказалось, куревом, но ведь он был другом Айты, и я решил потерпеть. Но Гера крикнул мне: «Брысь!» Он так заорал, выпучив недобрые наглые глазищи, что Айта растерялась, а я со страха залез на верхний шкаф кухонного гарнитура. Я обычно забирался туда, когда Айта пылесосила палас. Боюсь я звука пылесоса, ничего не могу с собой поделать. Так вот Гера в тот вечер пил с Айтой чай и долго сидел у нас, а я не осмелился спуститься вниз, хотя и есть хотел, и приласкаться к моей любимой Айте. Когда Гера уходил, то заявил, что меня надо кому-нибудь отдать, потому что у меня нет «кут».

— А что такое «кут»?

— По поверьям народа саха, у человека есть три кут (на русский язык это понятие можно перевести как «душа»). Все три кут объединены жизненной силой сюр. Внешний облик человека определяет Буор кут (земляная душа), которая после смерти возвращается назад в землю. Определяет наследственность и передаётся от предков к потомкам через детей и родственников и остаётся в Срединном мире Ийэ кут (материнская душа). А ещё есть Салгын кут (воздушная душа). Она определяет духовный мир человека, его мысли и обеспечивает его связь с окружающей средой. После смерти она уходит в пространство, в Верхний мир. По представлениям народа саха, у домашнего и конного скота душа есть, а у собаки и кошки нет. Вот поэтому Гера и хотел от меня избавиться.

— Подожди, подожди,— перебил Вова рассказчика,— но разве дедушка Айты не якут? Почему же он тогда подарил тебя тёте Айте?

— Якут. Я, Вова, над этим долго думал и пришёл к выводу, что национальность тут ни при чём. Просто Гера бессердечный человек.

— Согласен,— подтвердил мальчик.— Я как-то зашёл к тёте Айте, мама попросила ей что-то вернуть, кажется, журнал. В это время у неё оказался Гера, он смотрел на меня с такой злостью.

— Он не любит ни детей, ни животных, только деньги любит. Он говорил об этом по телефону своему приятелю, когда Айты не было.

— И что тётя Айта? Она решила расстаться с тобой ради Геры? И отчего ты стал чёрным и неподвижным?— Вове не терпелось узнать от кота всю правду.

— Айта заступилась за меня, конечно, но Гера стал действовать исподтишка. Если моей милой хозяйки не было поблизости, он пинал меня или больно сжимал, дёргал за хвост или за уши. А что я мог поделать? Только прятался от него. Больше всего я боялся, что Гера переедет жить к нам.

— Какой подлец! Вроде его посадили за драку.

— Кажется, Я всё слышал, пока почти год лежал на верхней полке встроенного шкафа.

— Странно,— недоумевал Вова,— почему тётя Айта сразу не порвала с Герой? Как она могла не исполнить наказ дедушки?

— Этого я не знаю. Наверное, он умел влезть в душу.

Кот умолк. Вове неудобно было торопить его расспросами, и он осторожно гладил Талися, опасаясь, что тот превратится в статуэтку, не успев поведать ему о своих злоключениях.

— В тот день, когда это случилось,— продолжил наконец Тались,— Гера пришёл раньше условленного времени, и Айта ушла в магазин, оставив меня впервые наедине с ним в квартире. Из его разговоров, которые он вёл по телефону тайком от Айты, я уже знал, что он весь в долгах как в шелках, что у него куча кредитов, и при этом хвастается Айте, что имеет загородный дом, машину, а на самом деле всё это было чужим. Он предложил моей хозяйке продать квартиру и уехать с ним на юг, клялся ей в любви, но ему нужны были только её деньги. Мне кажется, он мог её запросто провести вокруг пальца. В тот вечер, когда я пропал, едва Айта вышла, Гера сразу же стал на повышенных тонах разговаривать с кем-то по сотовому, обещая ему расправиться с ним при удобном случае, а про Айту говорил нехорошие слова. Мне было очень страшно. Как только он отправился в комнату, оставив телефон на полке в прихожей, я сбросил его оттуда, решив сломать, потому что надоело слушать, как он кричит в трубку и оскорбляет мою хозяйку. Потом я бросился на шкаф, надеясь, что хозяйка вот-вот вернётся, но её не было, а Гера чуть не достал меня, но я успел спрыгнуть и залезть под диван. Но всё-таки он выволок меня оттуда и со всей силы ударил головой о стену, крикнув: «Чтоб ты почернел и окаменел, плут паршивый!» Так и произошло. Торопясь, Гера быстро завернул меня в первую попавшуюся тряпицу и сунул на верхнюю полку шкафа. Возвратившейся Айте он сказал, что я выпрыгнул в форточку, а сам, бессовестный, притворился, что расстроен, сделав вид, что ищет меня на улице, утешал плачущую Айту. На другой день его задержала полиция во время драки, иначе он точно, воспользовавшись случаем, выкинул бы меня на помойку.

Вова взял кота на руки, прижал к себе:

— Я тебе помогу, Тались.

— Это нужно сделать срочно, потому что процесс моего статуэточного существования скоро станет необратимым. Я только сегодня впервые за столько дней смог превратиться в живого, точнее, почти в живого. Наверное, подействовало твоё доброе отношение ко мне. Я знаю, что это ненадолго, иначе бы я захотел есть или пить, а я не хочу, совсем не хочу… Регина Васильевна, такая молодчина, сразу же разглядела во мне кота. И Матвей Алексеевич не выбросил меня за ненадобностью,

а увидел в статуэтке нечто ценное. Ты в курсе, что Айта куда-то уехала, и Матвей Алексеевич в её отсутствие убирается на кухне, поэтому и обнаружил меня.

Вова продолжал гладить кота, как вдруг почувствовал, что под рукой уже не шерсть, а гладкая поверхность. Он так и уснул, прижимая статуэтку к себе.

При слабом свете мартовского утра мальчик с удивлением смотрел на лежащую около него статуэтку: как она оказалась рядом с ним под одеялом? Он точно помнил, что не брал её с собой с подоконника. Неужели его ночной разговор с Талисем был на самом деле, а не приснился?

Зелёные цифры электронных часов показывали семь пятьдесят, значит, мамы уже нет дома. Торопиться Вове, в принципе, особо было некуда: бо́льшую часть домашнего задания он выполнил вчера, тренировки по дзюдо сегодня нет, можно бы и полежать, но он поднялся. Во-первых, потому что папа приучил его не валяться в постели после пробуждения, а во-вторых, потому что не давала покоя встреча с Талисем.

Включив торшер, Вова тщательно осмотрел статуэтку, полагая, что на ней остался хоть какой-нибудь маломальский след от ночного визита, но никаких даже самых крохотных изменений на сувенире он не обнаружил.

Затем он так же внимательно исследовал постельное бельё в поисках чёрных волосков, но тщетно. Когда Вова почти убедился, что всё случившиеся было сном, он увидел на матерчатой обивке дивана, на спинке, где сидел Тались, две небольшие затяжки. Несомненно, их не было раньше, и сделаны они ничем иным, как когтями. Собственно, по причине того, что поселившийся в доме представитель семейства кошачьих начнёт точить свои коготки о мебель, мама Вовы отказывалась завести кота.

Во время утренней гимнастики и завтрака Вова думал о том, как оживить Талися. Перебрав в уме многие варианты, он вспомнил «Спящую красавицу». Наверное, если статуэтку возьмёт в руки Айта, Тались сразу же примет свой привычный облик, но девушка неизвестно когда появится, значит, нужно действовать другим образом. А что, если о статуэтку потрётся живая кошка?

Лучше всех на роль освободительницы из знакомых Вове кошек подходила Маська, питомица одноклассника Игорька Дёмина, тем более он жил поблизости и несколько раз бывал у него в гостях.

На Вовино предложение появиться с котом Дёмин отреагировал положительно, хотя и выразил беспокойство, не подерутся ли их животные, на что Вова твёрдо ответил:
— Нет.

В мгновение ока мальчик, освободив спортивный рюкзак от кимоно и бережно уложив в него Талися, направился к Игорьку. По дороге он отчётливо представлял, как оживёт Тались, едва Маська коснётся его розовым кончиком носика. О том, что превращение статуэтки может напугать одноклассника и что Дёмину придётся объяснять произошедшее, Вова не задумывался. Главное он знал точно: надо спасти Талися!

Вова из стратегических соображений, если превращение произойдёт мгновенно и Талися придётся срочно уносить, не стал раздеваться, а только аккуратно поставил статуэтку на пол в прихожей, желая таким образом привлечь внимание появившейся Маськи. Любопытная и смелая, рыжая Маська проявила интерес к незнакомому предмету. Подойдя к статуэтке, она обнюхала вещь, но потом стала тереться о Вовины ноги, а вскоре и вообще отправилась на своё любимое место — кресло. Нет, оживлять Талися, как спящего принца, питомица Дёмина явно не собиралась.
— Забавная штукенция, — оценил Игорёк сувенир.

Как и Регина Васильевна, он, ощупав статуэтку на прочность, отметил:
— Дорогая, наверное, и тяжёлая. Из чего она?
— Не знаю.

Игорёк перевернул статуэтку вниз головой, и мальчик чуть не выхватил её у одноклассника, понимая, что испытывает бедный Тались от таких выкрутасов, если бы Игорёк не произнёс:
— Надо же, вся чёрная, а низ серый.
— Серый? — не поверил Вова.

Он вгляделся и, приподняв статуэтку поближе к висящему на стене бра, вздрогнул: низ статуэтки действительно стал светло-серым, именно таким был окрас Талися до того, как с ним расправился плохой Гера. Вова заторопился: возможно, теперь Тались оживёт не сразу, а сначала примет свой прежний вид.

Домой мальчишка мчался на всех парах, боясь простудить находящего в рюкзаке и — он был уверен — уже стряхнувшегося с себя статуэточные оковы кота. Всё-таки март в Якутске — это ещё далеко не весна, а только её предвестник. Во всяком случае, сам Вова всего несколько дней назад сменил меховые ботинки на кожаные зимние и пока носил пуховик.

С замиранием сердца мальчик расстегнул рюкзак, надеясь услышать нежное «мяу», но нет… Вова вынул холодную статуэтку, поглядел в пустые глазницы.
— Ничего, ничего, — подбодрил он Талися, считая, что тот его слышит, — есть какой-то выход, точно есть. Вот был бы с нами папа, он обязательно бы что-нибудь придумал, догадался, он взрослый, а я…

В голосе мальчика промелькнула беспомощность, и ему тут же стало стыдно перед маленьким беззащитным существом.

— Мы одолеем злого Геру! — воскликнул он, убеждая не столько Талися, сколько самого себя.

В отличие от некоторых своих одноклассников, обрадовавшихся предстоящим каникулам и предпочитающих после уроков побарахтаться в снегу или побегать по крышам расположенных рядом со школой гаражей, Вова, освободившись, отправился домой. Он знал, что мама всегда беспокоится, стоит ему хоть немного задержаться, но, кроме того, он верил, что папа появится раньше, чем обещал, и ждал его со дня на день. Сейчас же Вова спешил, тревожась за Талися. А вдруг кот уже бегает по квартире, а мама, не узнав в нём Талися, выгонит его прочь? Или мама обнаружит, что статуэтка снизу стала серой, и заподозрит, что она сделана на каком-то липовом заводе из липового же материала, а потому может выделять вредные для здоровья вещества… Тогда она моментально выбросит сувенир. Поливая цветы, мама вполне могла обратить внимание на статуэтку, и поэтому Вова предусмотрительно убрал её с подоконника на письменный стол.

Эх, если бы случилось чудо: он открывает дверь, а его ждут папа с мамой. И на руках у них Тались, мурлыкающий, щурящий голубые глаза!

Мама и в самом деле была не одна: Вова столкнулся с собиравшимся уходить Матвеем Алексеевичем. Сосед протянул мальчику руку:

— Как дела, спортсмен? Скоро будешь сдавать на следующий пояс?

— В мае.

— Удачи тебе!

Вова сразу направился к себе, беспокоясь, вдруг Матвей Алексеевич передумал и решил забрать статуэтку. Нет, она оказалась на месте. Мальчик облегчённо вздохнул. Он погладил статуэтку и вернул её на окно. Пусть полюбуется вечерним городом, пока он, Вова, будет ужинать.

Желая ускорить встречу с Талисем, Вова лёг спать раньше обычного, чем даже напугал маму.

— Ты не заболел? — забеспокоилась она, трогая его лоб. — Температуры вроде нет.

Потом, присев около него, поправила одеяло.

— Спи, сынок!

— Мама, а почему командировка папы называется «в горячую точку»? Там что, жарко, да?

— Да, — быстро ответила мама.

— А один мальчик из нашего класса говорил, что в горячих точках стреляют и иногда убивают. А папу не убьют?

— Нет, милый. Папа скоро будет с нами.

— Вот здорово! А тётя Айта? Матвей Алексеевич не сообщил?

— Тётя Айта, возможно, не вернётся совсем.

— Почему?

В голосе мальчика прозвучала тревога, и мама взяла его за руку:

— Тётя Айта вышла замуж и станет жить в другом городе.

— А квартира?

— Квартиру сдадут или продадут.

— Продадут? — забеспокоился Вова. — А если объявится Тались?

— Котик? — мама улыбнулась, вспомнив кота. — Навряд ли он найдётся, почти год прошёл.

— Но я слышал, что случалось, когда коты возвращались через долгое время. Если Тались вернётся, мы возьмём его к себе, ведь теперь тёте Айте уже не нужно его согласие. Правда?

— Какое согласие? От кота? — не поняла Регина Васильевна. — Ты, Вовчик, что-то сочиняешь. Спи, давай.

— Я ничего не сочиняю! — обиделся мальчик. — Ты считаешь, что у меня слабая память, а я точно знаю, что Талися тёте Айте подарил дедушка и наказал ей выйти замуж за того, кто полюбит не только её, но и котика.

— Ой, точно, — подтвердила Регина Васильевна. — Ты прав. Но кот же сбежал.

— А вдруг найдётся? — не сдавался он.

Мама вздохнула:

— Чтó думать о том, чего нет?.. Да, Матвей Алексеевич нам ключи оставил от квартиры, завтра утром за ними зайдут, отдашь. Ладно? Я их на кухне на столе положу. Ну, спи.

Регина Васильевна вышла, а Вова посмотрел на статуэтку. Бедный Тались! Наверное, он слышал их разговор. Мальчик встал, взял кота и, прижав к себе, накрыл одеялом.

Вова ждал, прислушиваясь к звукам в квартире. Ясно, что если статуэтка и оживёт, то только после того, как уснёт мама. А если всё кончено и ему уже никогда не удастся пообщаться с Талисем и, значит, помочь ему? Может, напрасно он не посоветовался с мамой или бабушкой? Нет, они стопроцентно бы решили, что у него поехала крыша и сказали: «Насмотрелся всяких ужастиков и несёшь всякую чепуху!»

Неожиданно около Вовы началось шевеление, и из-под одеяла осторожно появилась кошачья мордочка.

— Тались, — прошептал Вова, — мой любимый кошак.

Кот молча смотрел на него. Вид у него был явно понурый. Мальчик погладил его, но Тались не отозвался привычным мурлыканьем. «Он, возможно, потерял способность говорить», — предположил Вова, но кот, словно читая его мысли, тихо сказал:

— Спасибо, Вова, что ты пытался мне помочь, но больше не надо.

— Почему?

— Зря это, потому что я никому не нужен. Ты же слышал: Айта вышла замуж, скорее всего — за Геру, так что ничего не поделать.
— Как ничего? Она же не знает, что с тобой произошло.

Кот, отвернувшись, молчал.
— Послушай, Тались, ты нужен мне.
— Зачем?
— Я хочу о тебе заботиться, мне это нравится. С тобой я не чувствую себя одиноким. А тебе со мной разве плохо?
— Хорошо. Ты добрый мальчик, но пусть я лучше останусь статуэткой. Ты же не выбросишь меня и не подаришь никому?
— Конечно, нет.
— Я уже не буду тебя ни слышать, ни видеть, стану просто памятью, памятью о наших встречах. Кстати, если я успею превратиться в полноценного кота, что маловероятно, то не смогу с тобой общаться как сейчас. Понимаешь?
— Понимаю, Тались! Мы будем общаться по-другому, как раньше. Главное, что ты будешь рядом. Завтра я постараюсь найти кошку твоей породы, дымчатую.
— Это нереально, — кот смотрел отрешённо. — Моя участь — стоять неподвижно на твоём столе или подоконнике.

Вова растерялся. Возможно, Тались прав. Ясно, что на огромном пространстве Интернета не найти способа, чтобы вызволить попавшего в беду котика. Мальчик прижал кота к себе, почесал ему за ушками:
— Тались, у нас ещё есть целых два дня. Нужно запастись терпением. Мой папа часто напевает: «Надо только выучиться ждать, надо быть спокойным и упрямым…» Ты же в курсе, что я хожу на секцию дзюдо? Так вот, на неё меня привела бабушка. Она выбрала дзюдо, потому что спортивный клуб находится близко от нашего дома, чтобы мне в пятидесятиградусный мороз далеко не ходить, хотя секция платная, а бокс бесплатно, но далеко. Бабушка сказала, что хватит с нас одного боксёра, имея в виду папу. Так вот, прозанимался я почти год — и тут соревнования, и в первой схватке мой противник сразу же уложил меня на лопатки. Я даже сообразить не успел, что к чему. Ну что делать?.. Встал, пожал руку, как полагается. Противник хоть и одного со мной веса, а выше на полголовы и старше на два года и, конечно, опытнее. Подошёл к родителям, отец обнял: мол, всё нормально, — а мама выпалила: «Эх ты! Целый год тренировался и ничему не научился! Одевайся, уходим, нечего здесь больше делать, и дзюдо больше заниматься не будешь!» А папа прижал меня к себе и успокоил: «Молодец! Достойно себя ведёшь, не ревёшь». А там некоторые ребята после проигрыша и впрямь плакали. Мама, недовольная, удалилась, а я следующую схватку выиграл. Соперник тоже сильный оказался, измотал меня вконец. Я уже думал, что нужно было маму послушаться, не светит мне третье место, проиграю, потому что знал, с кем предстоит драться. И что? Вышел на ковёр, а соперника моего нет. И присудили мне победу. Как мы тогда с папой радовались! Он меня тут же на руки подхватил. Принёс я маме медаль, диплом. Она посмотрела, похвалила, рада была.
— А она знала, как ты победил?
— Нет. Папа посоветовал не рассказывать, если не спросит. Она не спросила. Повезло мне тогда, понимаешь? И нам с тобой тоже повезёт. А?
— Если бы…

За ключами пришли, когда Вова, налив себе большую кружку молока (он любил по утрам пить молоко), сел завтракать. Молодой статный мужчина саха в сером пуховике доброжелательно улыбнулся мальчику:
— Ты, по-видимому, Вова?
— Вова.
— А я муж Айты. Будем знакомы. Семён Георгиевич, — он протянул руку.

Рука была тёплая, надёжная, похожая на руку Вовиного отца.
— А вы где живёте?
— Мы с Айтой будем жить в Удачном.
— Это где алмазы добывают?
— Да. Айта из Москвы отправилась туда, а мне надо было в Якутск по делам, заодно заберу её вещи. Ладно, всего доброго!

Дверь за мужчиной уже закрылась, как Вова распахнул её настежь:
— Семён Георгиевич, вернитесь, пожалуйста. Мне нужно вам кое-что показать.

Мужчина зашёл в квартиру, и мальчик торжественно вынес ему статуэтку:
— Это мой кот.
— Кот?

Семён Георгиевич недоверчиво смотрел на Вову, который протягивал статуэтку так, словно это был настоящий кот. Мужчина взял предмет и, засмеявшись, прижал к себе:
— Какая удивительная вещь! Слушай, Вова, у меня, когда я был примерно таким же, как ты, тоже был точно такой же котик, я имею в виду — живой. Только хвостик беленький. Я вообще большой кошатник.
— И что? Где тот котик? — спросил мальчик.
— К сожалению, у меня оказалась аллергия на кошачью шерсть, и пришлось отдать моей старшей сестре. Он живёт у неё, ему уже шестнадцать лет. Представляешь? А Айта рассказывала, что у неё тоже был котик. Кажется, его звали Тались. Она мне фотографию показывала. Очень переживала, что он пропал.

Семён Георгиевич, погладив статуэтку, отдал её Вове.

— Извини, тороплюсь, через три часа самолёт. До свидания. Удачи!

Мальчик поставил сувенир на кухонный стол и, прильнув к входной двери, наблюдал в глазок, как мужчина отпирает квартиру Айты. Лестничная площадка опустела, а Вова всё не мог оторвать от неё взгляд, как будто здесь должна была появиться тётя Айта или отец. И в самом деле, стукнула дверь подъезда, раздались неторопливые шаги. Мальчик напрягся. Нет, это шла соседка сверху, возвращавшаяся, как обычно, с ночной смены с тяжёлой сумкой. У соседки была большая семья, а она слыла заботливой хозяйкой.

Вова тяжело вздохнул и отправился доедать завтрак. На кухне его ожидал сюрприз: спиной к нему Тались лакал молоко из его, Вовиной, кружки. Мальчик замер, боясь спугнуть кота, но тот, почувствовав присутствие Вовы, повернулся к ребёнку.

— Тались! Милый мой Тались! Кушай, кушай, я тебе сейчас колбаски нарежу.

Он осторожно погладил котика, с удивлением обнаружив под чёрной шерстью серый подшёрсток.

— Я никому тебя не отдам! — обещал Вова, глядя в большие счастливые глаза Талися. — Я женюсь только на той, которая полюбит тебя!

ДиН симметрия

Владислав Ходасевич

Времён приближенная даль…

● ● ●

Как выскажу моим косноязычьем
Всю боль, весь яд?
Язык мой стал звериным или птичьим.
Уста молчат.

И ничего не нужно мне на свете,
И стыдно мне,
Что суждены мне вечно пытки эти
В его огне;

Что даже смертью, гордой, своевольной,
Не вырвусь я;
Что и она — такой же, хоть окольный,
Путь бытия.

● ● ●

Пускай минувшего не жаль,
Пускай грядущего не надо —
Смотрю с язвительной отрадой
Времён в приближенную даль.
Всем равный жребий, вровень хлеба
Отмерит справедливый век.
А всё-таки порой на небо
Посмотрит смирный человек —
И одиночество взыграет,
И душу гордость окрылит:
Он нераве́нство оцени́т
И дерзновенья пожелает…
Так нынче травка прорастает
Сквозь трещины гранитных плит.

К Психее

Душа! Любовь моя! Ты дышишь
Такою чистой высотой,
Ты крылья тонкие колышешь
В такой лазури, что порой,

Вдруг, не стерпя счастливой муки,
Лелея наш святой союз,
Я сам себе целую руки,
Сам на себя не нагляжусь.

И как мне не любить себя,
Сосуд непрочный, некрасивый,
Но драгоценный и счастливый
Тем, что вмещает он — тебя?

● ● ●

И весело, и тяжело
Нести дряхлеющее тело.
Что буйствовало и цвело,
Теперь набухло и дозрело.

И кровь по жилам не спешит,
И руки повисают сами.
Так яблонь осенью стоит,
Отягощённая плодами,

И не постигнуть юным, вам,
Всей нежности неодолимой,
С какою хочется ветвям
Коснуться вновь земли родимой.

1920

Александр Якутский

Дедова коса

Жили-были дед да баба. Долго жили, а сколько точно — только баба и знала. Проснётся дед, сядет у порога, глядя на звёзды, а баба станет ему волосы расчёсывать. Сначала поделит на четыре времени года, а потом вместе сплетает в толстую тугую косу. Вот сколько звеньев в косе получилось, столько лет они и прожили.

Возьмёт дед заплетённую косу, поднесёт кисточку к носу и обнюхает внимательно. Нет, ни один волос пока ещё свой край не нашёл, конец не узнал.

— Значит, пора дальше жить, — усмехнётся дед и загадку придумает.

Поднимется на пригорок за околицей и запоёт свою загадку. Заканчивает петь, глаза жмурит и чувствует, как солнышко из-за окоёма показалось, по зажмуренным векам его пальцами своими постукивает, тёплыми да ласковыми:

— Вот уж и я. Не могу разгадать загадку твою!

Дед тогда и разгадку споёт, танцуя на пригорке с солнышком в обнимку.

Правда, бывает, что солнце встаёт обиженное, тучами прикрывает лицо хмурое:

— Совсем загадка простая сегодня, дед! Разленился ты что-то.

Дед и тут знает, что делать: поёт дразнилки, а сам к огороду топает. Солнце — за ним, тучку перед собой гоня. Вроде сердится, а само уже от смеха спрятанного подрагивает. Наконец, не выдерживает, прыскает дождиком на дедов огород. А деду того и надобно: расти, репка!

В ту пору баба слышит — рябая заквохтала-заквохтала… Спешит баба к ней за яичком, вновь снесённым. И пока дед с солнцем выплясывает да в салочки играет, идёт баба к горячему ручью, окунает туда яичко и ждёт, пока ива дюжину раз головой качнёт.

— Готово дело! — кличет баба деда.

Расстилают по траве рушник, баба чистит яичко варёное и пополам разламывает. Левую половину себе берёт, а правую — всегда деду протягивает:

— Тебе пожирнее, старый, а мне уж попостнее.

Так и пообедают. А потом домой идут, прихватив с огорода немного от урожая, себе да рябой на ужин. Морковку, да редьку, да огурчик, да подсолнуха колесо.

Баба ещё всегда мышке застенной от добычи отсыпет. Дед хмурится, бурчит на бабкино баловство, но не взаправду, а так, для порядку: ишь, мол, каких глупостей бабы навыдумывают! Побурчит, поужинают, глядь — а солнышко и закатилось. Пора дедову косу расплетать.

Когда-то их дни капали один за другим. Так что могли они сидеть вечером плечом в плечо и вспоминать каждую упавшую каплю, запах её и цвет. И гадать: сколько же ещё осталось?

Теперь не то что дни — годы лились ручьём шумным, и ничего уже в этом шуме разобрать было нельзя. И не хотелось.

Как-то раз случился в их краях этнограф. Очень интересовался, что за песни дед поёт каждое утро. Дело к ночи, солнце уж спряталось, пригласили нежданного гостя в избу. За стол усадили: морс да свёкла.

Достал этнограф свой диктофон, кнопку нажал полированным ногтем и слушает, вместе с диктофоном, что дед вполголоса напевает. Вполголоса — это чтобы солнышко не услыхало да не проснулось раньше времени.

Баба сидит в сторонке, смотрит и диву даётся. В жизни раньше не видала прямых линий или, скажем, кругов ровных. А тут — куда ни глянь. Диктофон весь ровненький, циферблат на этнографической руке — кругленький, буквы да картинки на балахоне его потешном — словом не описать. Очки тоже интересные. Вроде бы прозрачные, но глаза сквозь них невзаправдашние: смотрят в лицо, а заглядывают в душу.

Вдруг баба спохватилась:

— Батюшки, да дело-то к утру уж повернулось, а старый не ложился! Как же он завтра солнце будить станет?

Этнограф покраснел густо, заизвинялся — да за шапку. На ночлег остаться не уговорили — ушёл в ночь. А уходя, шепнул бабе:

— Вы деда не будите. Пусть поспит. Солнце и без его песен взойдёт, вот увидите.

Баба оторопела, ничего возразить не смогла. Покачала только головой, поудивлялась чужому вранью, расплела дедову косу — да и почивать. Только сон к ней не шёл. Ворочалась, вспоминала странного человека и странные его слова. Волосы коротки, в косу не заплесть, а туда же, поучает… «А что, если и впрямь?..» — подумалось вдруг бабе, да с этой мыслью и уснула.

Проснулась от квохтания рябой. Разлепила веки и обмерла: солнце гуляло по небосводу, не дождавшись дедовой песни. Старый спал как заговорённый. Ни солнце в окне, ни рябая, ни бабкины копошения его не разбудили. Вскочила баба и, не чуя ног под собой, побежала в стайку, к рябой. Несушка сидела себе как ни в чём не бывало. А рядом с ней лежало только что снесённое яйцо. Яйцо было очень красивым, золотым. Оно матово поблёскивало в солнечных лучах и не грело рук. Баба схватила яйцо и побежала к горячему ручью.

— Хоть что-то по закону сделаю! Глядишь, и уйдёт морок,— не помня себя, бормотала баба.

Прибежала к ручью, бросила в него яйцо. Бросила даже со злобой, какой раньше не знала. Пять дюжин раз качала ива головой, а баба всё не решалась яйцо вынуть. Наконец перемогла свою боязнь, вытащила яйцо из горячей воды, взяла в руки. А оно — холодное, как и было…

Когда баба вернулась к избе, дед сидел у порога, недоуменно перебирал незаплетённые волосы и, не мигая, смотрел прямо в солнце, которое не хотело его замечать и даже не высекло ни слезинки из глаз.

Баба, дрожа от ужаса, протянула к старому ладони с холодно поблёскивающей красотой на них. Молчала и ждала.

— Беда, баба. Коли не разбить это — рябая нового нести не станет. Потому что — зачем?

И стали они бить по яйцу. И кулаком, и топором, и молотом, и наковальней. И песни дед пел, чтобы гром позвать, и загадку для молнии выдумал. Да солнцу с тучами хоть бы что: не слушают, не помогают! Ползёт солнце по небу, с восхода на закат, и не обернётся, будто не было деда с бабой никогда.

Сели оба, пригорюнились, на яйцо проклятое смотреть боятся. Вдруг: пи-пи-пи — хвостатая. Подразжирела с бабкиных подношений, а поди ж ты — юркая! Как не видя яйца, мимо него — шнырь! Только хвостиком еле заметно дотронулась.

И как только коснулась она яичка, то закрутилось естественно сумасшедшим манером, взвилось в воздух на аршин да об камешек — хрясь с разбегу. Только искры! Было яйцо ровное да гладкое, а осталась чепуха — скорлупки золотые да камешки какие-то блескучие, что под скорлупой, видать, прятались. Рассыпались камешки по двору, сверкают красотой, пустотой да глупостью — это солнышко над ними насмехается.

Баба слезами счастливыми залилась, мышку благодарит да целует. И дед глаза промокнул рукавом, но молча сидит, насупился.

Тут рябая голос подала. И говорила она деду с бабой так:

— Не плачь, дед! Не плачь, баба! Много звеньев в косе дедовой, а всё осталась у меня для вас наука. Потребуете — сей же час и обрящете. А покамест получайте от меня яйцо. Не золотое, простое. Солнце на закат, а вы до се не обедали. Смотрите мне! Добалуетесь опять!

Баба вскочила на ноги, руками замахала, запричитала:

— Да что ты, милая! Да что ты, красавица! Да разве ж мы ещё хоть когда!..

— А ну цыц! Обе! — вдруг рявкнул дед. — Раскудахтались тут на пару, крыльями размахались, неровён час взлетите, лови вас потом. Ты вот что, баба… Ты скажи-ка мне, где серп наш?

— Как где? Да в сараюшке, где б ему ещё быть? — пролепетала баба, вглядываясь в дедово лицо.

— То-то же, что в сараюшке, — буркнул дед, опять глядя на солнце.

Оно и впрямь катилось к закату. Вот-вот нырнёт за окоём, так и не взглянув на деда. Уж и покраснело. «Это оно от досады», — догадался дед. Кряхтя, поднялся на ноги и потопал в сараюшку. Отыскал серп, взял его в правую руку. Левой ухватил свои незаплетённые волосы, крепко намотал их на кулак так, что кулак упёрся в самый затылок. Солнце метнуло в дверь сарая последний лучик, тихо звякнувший о серп в дедовой руке, и спряталось.

— Ну, ничего, — прошептал дед, — завтра новый день. Коль не нами заведено, то не нам и сломать.

Он занёс правую руку с серпом за затылок и мягким полукругом слева направо и снизу вверх прошёлся по волосам, как баба делала, лён убирая. Упали прожитые годы на земляной пол. Стало тихо-тихо. «Отшумели», — с ласковой печалью подумалось деду.

У порога — шорох. Баба.

— Да так ли, дед? — спрашивает, головой качая.

— Так, старая, так… Не сомневайся.

— Ну и славно.

С этими словами баба вошла к деду в сарай, а проходя мимо срезанных волос, кинула что-то в них украдкой, как в костёр.

Мимо в тот час по своим ночным делам брела луна. Задумалась, под ноги не смотрит, как раз в ивовых ветвях и запуталась, да не вдруг выбралась, как пьяная. Оглянулась воровато: не заметил ли кто сраму? И видит: нет никого, только стоит сарай, у порога лежит себе на земляном полу небольшая копёнка — то ли льна, то ли овса. А может, дедов невод? Да может, и расплетённая коса. А поверх набросано… что ли светляки? Иль Божья роса? Да может, и слеза…

Кто ж теперь разберёт? Некому.

Илюхина свадьба

В каждой деревне есть свой дурачок, и наша — не хуже других. Наш Илюха невысок, да плотно сбит. Голова коротко стриженная, в кружок, как каторжная. Глядит всегда исподлобья, хмуро. Однако при его жизни по-другому смотреть и не станешь. Слаще пареной репы в жизни не видал ничего.

От детей ему сильно достаётся. Носятся за ним, орут, улюлюкают. Кто посмелее—пнуть норовит. Он от них убежать пытается, да где там! Прижмётся тогда спиной к забору, кулаками лицо прикроет и хнычет.

— Колька, Никитка! Вы какого рожна опять Илюху шпыняете?! Вот он сейчас кому-нибудь на одну ногу наступит, за другую дёрнет…

Дети отшатываются. Никто из них не сомневается, что Илюха может такой финт выкинуть. Силища у него необыкновенная. Этой силой и живёт. Всякая хозяйка всегда для него работу найдёт потяжелее. Работает без передыху, как заведённый. Но аккуратно, не торопясь. Сладит всё лучше любого другого местного мужика. Ну и покормят, конечно, работника. Как божьего-то человека и не покормить? А когда его одежонка истреплется, так из своего что-нибудь отдадут. Ношеное, зато добротное. Да большего ему и не надо, убогому.

Дети, вспомнив, что Илюха при всей своей силе в жизни мухи не обидел, вздумали теперь камнями в него покидаться.

— Ну чего опять полезли? Сама сейчас хворостиной вытяну, охломоины!

Разбежались. Илюха побрёл дальше, в свою хибарку на окраине. Вдруг лицо его светлеет, появляется подобие улыбки: Марьяну увидал. Марьяна—единственный человек, который его радует. Потому что была одна история. У нас все её помнят, хоть дело и давнее. Ну и вам расскажу.

Как-то по зиме пошла Марьяна на прорубь, бельё матери отнести на полоскание. Отнесла, а только в обратный путь тронулась—в полынью угодила, снегом припорошённую. Вот шла, а вот её как и не было. Бабы у проруби заголосили, кинулись к полынье, мечутся вокруг—да что уж там! Начали мать успокаивать: мол, Бог дал, Бог взял…

Но тут Илюха случился. Подбежал к полынье, сунулся было в неё, да узковата. Он тогда заорал по-звериному и начал кулаками садить по краям, пока не разбил пошире. Полез в воду, достал. Вовремя.

Долго Марьяна болела потом, от жизни к смерти металась. Но сдюжила, хоть и мала была: шёл ей только двенадцатый годок. Когда оклемалась—уж весна на лето повернула. Вышла она на улицу и сразу отправилась Илюху искать. Нашла его угрюмо жующим краюху хлеба—обедал. Подошла и, не говоря ни слова, по щеке погладила. Илюха аж засиял весь, залопотал что-то, руку к ней протянул. Да тут она испугалась, вздрогнула и убежала домой.

Исцелению Марьяны радовались, конечно, всей деревней. А родители и вовсе головы потеряли от радости, баловать её начали безмерно. Повезли в город на ярмарку. Выбирай, мол, доченька, себе подарки, какие только пожелаются. Думали, ленточек там всяких, игрушек каких, да хоть сладостей: пусть потешится дитя, почитай, воскресшее. Ан нет. Марьяна увидала у какого-то купца книжку: её хочу.

— Да на что она тебе, доченька? Вещь бесполезная совсем. Вон, даже ни единой картинки нет, всё только буквы-закорючки.

Но Марьяна на своём стоит. Голову наклонила, как телок упрямый, губки поджала, в глазах слёзы:

— Её хочу, не нужны мне ваши ленты-пряники!

Тут отец рукой махнул. Обещались ведь подарить что захочет. Дороговат подарок вышел, но разве это дело—деньги для спасённой дочери жалеть? Буквы она знает—дьячок наш обучил. Ну, вот пусть и складывает, коли так хочется дитю ненаглядному. Сторговали, одним словом.

С того дня Марьяна с книжкой своей не расставалась. Соседские дети набежали было на диковину посмотреть. Да ничего интересного в ней не нашли: буквы и буквы. Разбежались по своим ребятишкиным делам. А Марьяна разузнала, на кого Илюха сегодня работает, отправилась перед закатом к нему.

Сидит Илюха на завалинке, огурцом хрумкает, варёную картошку жуёт. Вечеряет. Увидал Марьяну, загукал радостно, как младенец. Марьяна рядом с ним села, раскрыла книжку, уткнула в неё пальчик и давай по строчкам водить:

— В не-ки-им цар-с-тве, в не-ки-им го-су-дар-с-тве жил-был бо-га-тый ку-пец, и-ме-ни-тый че-ло-век.

Илюха голову склонил, слушает, жевать и дышать забыл. Понимает ли что? Кто его знает, убогого. А только улыбается. Хорошо ему, видать, покойно. Марьянкин голос журчит, уходящее солнышко по лицу гладит ласково, тело, работой избитое, ноет немножко, но это значит—живой ещё. Как тут не зарадуешься?

— Вот ез-дит чест-ной ку-пец по чу-жим сто-ро-нам за-мор-с-ким, по ко-ро-лев-с-твам не-ви-дан-ным…

Так у них и повелось. В обед ли, к вечеру ли—приходила Марьяна к Илюхе и читала свою книжку. Сначала медленно, неумело, потом всё бойчее, бойчее. А потом уж и перестала в книжку заглядывать. Так рассказывала, по памяти. И всё с новыми подробностями. Илюха всегда слушал, не произнося ни звука, только улыбался.

— А что,—скажет Марьяна, в сотый раз рассказав свою историю.—Хорошо бы, Илюха, сесть на такой корабль да по королевствам невиданным пошастать! Хорошо бы, а?

— Ы,—кивает Илюха,—ы-ы-ы…

Посидят немного, на закат глядючи, да по домам.

А бабы наши—чего им по вечерам делать? Подсолнухи лузгать да зубоскалить, лучше и не придумаешь.

— Что, невестой твоей теперь будет Марьянка-то? Да, Илюха?—гундят, перемигиваясь.

Илюха радостно гукает, кивает башкой. Они и дальше подзуживают:
— Будем, будем свадьбу играть.

Илюха щерится в ухмылке, но в глазах мелькает тревога. А бабы продолжают:
— Только ты, Илюха, мужик незавидный. Вон, от штанов, почитай, одна мотня осталась. Нет, не пойдёт за тебя.

И ржут, кобылы жеребые. Не со зла, а так, вечер скоротать. Ухмылка сбегает с лица дурачка, он мрачнеет пуще прежнего, уходит в свою хибару.

Но на другой день, завидев Марьяну где бы то ни было, он опять улыбался и протягивал руки. Она убегала, иногда хохоча.

Только не сегодня. Сегодня она заорала, зло выпучив глаза и даже оскалив зубы:
— Ну что ты, дурачина, шатаешься за мной?! Чего тебе от меня надо? Уйди с глаз моих, чтоб не видела, стоеросина! Сгинь!—и в слезах умчалась прочь.

Илюха окаменел. Стиснул зубы до скрипа, до крошения. Сжал кулаки, повернулся и побрёл из деревни прочь. Далеко ли? Бог весть. Никто с тех пор его не видал.

А месяца через четыре, откопав картовь, играли Марьянкину свадьбу с зажиточным хозяином из соседнего уезда. Был он уже немолод, вдов, но это дело второе. По всему—крепкий был мужик, даст жизни молодой жене. Про «любит, не любит» и прочие ромашки разговора не было. Не для того мы свадьбы играем. Марьяна, понятно, невесела, но это дело поправимое. Жизнь и поправит, и стерпит, и слюбит.

Вот приехал жених невесту из отчего дома забирать. Всё честь по чести, вся деревня собралась. Ну, выкупил, как полагается, вывели красавицу. На ней лица нет, в землю смотрит, глаз не поднимает. Староста тогда, как водится, чарку полведёрную налил, добрых слов наговорил. Хорошо говорил, прослезил многих.

Вдруг зашептались в народе:
— Илюха! Илюха!

И точно, вот он, стоит посторонь, нахохлился. Волосы отросли, бородка хилая. Поистрепался, исхудал очень, но так, что силища его только пуще прежнего наружу выглянула. А в руках у него, глянь-ко, кораблик! Небольшой, в пол-локтя, а мастеровито исполнен! И паруса, и флажки, мачточки да реечки. Как настоящее всё! Даже пушечка вон виднеется, заряжай да пали, чего там! Красота, одним словом. Ребятня так к Илюхе и слетелась воробьями, на чудо любоваться. Забыли, чертенята голожопые, как камнями в него, убогого… В глаза заглядывают, за штанину теребят:
— Дядь Илья, дай подержать! Дядь Илья, ну дай…

А Илья как и не слышит их, смотрит пристально на то, что у крыльца сотворяется. Хмурится, мычит тихонько, понять пытается.

Тут как раз время жениху впервой невесту целовать. Сказал жених ответные добрые слова. И старосте, и родителям. Тоже хорошо сказал, горько всем стало. Ну, он к невесте повернулся, взял за плечи. И вовремя—та на ногах еле стоит, через силу держится. Потянулся к ней жених губами.

Вдруг—что за притча?! Илюха кораблик свой Никитке в руки сунул, с места срывается—и к молодым. Заорал, как тогда на полынье, по-звериному да кулачище свой на голову жениху и положил с размаху. Тот грянулся оземь без памяти, а Марьяна рядом с ним повалиться хотела от неожиданного страху. Но не успела: подхватил её на руки Илюха и понёс со двора.

Прижал к себе, как дети кукол любимых прижимают, несёт и глаз с неё не сводит. И Марьяна на него смотрит, пристально так. И слышит как там, за Илюхиной спиной, зашипели-загундели бабы. Потом заколготились мужики, заворчали, звякнули пару раз, кто вилами, кто топором, матюгнулись с придыхом и потопали им вслед, всё прибавляя шаг.
— Глупый ты, Илюха. Даром что дурак,—сказала Марьяна грустно.

А потом улыбнулась, руку протянула и погладила по щеке. Как тогда.

Взорвалось что-то тёплое в груди у Илюхи, брызнуло из глаз и весь мир вокруг высветило ласковым светом. Засмеялся он, широко и радостно захохотал, запрокинув голову. Как не смеялся никогда прежде, как теперь смеяться будет до конца жизни. И никогда уже любимой своей невесты из рук не выпустит. Пока будет жив.

Сергей Брель

Вежливый отказ

Сусликов сидел на незастеклённой террасе нового особняка и потирал озябшие руки: в Подмосковье холодало быстрее, чем в городе. Тридцать километров от столицы, октябрь, а словно настоящая зима. Зато и воздух здесь другой! Сусликов с наслаждением втянул его и ноздрями, и ртом. Даже приступы астмы, мучившие на работе и в предыдущем доме — таунхаусе, построенном в конце девяностых недалеко за МКАДом, снимает без аэрозолей.

В новом навороченном гриле (купил по акции) тлели угли. Свиные рёбрышки и баранина под маринадом из «Азбуки вкуса» ждали своего часа. Вид свежего мяса и аромат вишнёвых щепок сами по себе поднимали настроение. Если бы не рабочие, накануне допоздна возившиеся с полетевшей системой подогрева полов, можно расслабиться до понедельника, когда приедет водитель и по пробкам повезёт его в офис. Но и в автомобиле, глядишь, подремлешь, послушаешь музыку, хотя, как правило, с восьми утра уже звонят подчинённые — наклязничать друг на друга. А в девять, случалось, тревожил и шеф. Давно перебрался в ближнее зарубежье, но детали бизнеса из вида не упускал. Обожал видеоконференции, вытягивал все мелочи, зудел тонким голоском, словно комарик. Не надоест ему с его миллиардами, хотя и пощипанными из-за заведённого недавно уголовного дела (потому и из России предпочёл на время убраться), но всё же громадными! Мог бы себе позволить вкусить плоды тридцатилетних трудов.

Иная участь у него, маленького человека, как Сусликов любил себя временами называть. Его и в выходные-то редко оставляли в покое. Вроде наёмный менеджер, но имеет процент от прибыли. Так что вертись: одних строй, перед другими вытягивайся в струнку.

В пятницу позвонил одноклассник Кольчик. Сусликов, обросший за годы, ушедшие на накопление первоначального капитала, множеством знакомств, не растерял и старые. Хотя друзей из советского прошлого становилось всё меньше. Одни умерли, погибли, других раскидало по миру. Один Кольчик оставался близко. Они даже общались семьями — оба оказались однолюбами. Но последнее время личная жизнь приятеля совсем разладилась: жене опостылело безденежье, не без приключений взрослеющей дочкой родитель не занимался.

Сусликов вздохнул, предчувствуя: товарищ решил его навестить неспроста. Ему бы работу нормальную найти, а он вбил себе в голову, что зарывает в землю талант великого фотохудожника. Вместо того чтобы каждую копейку в семью (как он), всё, что накопил, занимаясь некогда продажами сотовой связи, просадил на технику и распечатку снимков. Ладно бы подрабатывал, как другие, на свадьбах или делал портфолио тёлкам, мечтающим выбиться в фотомодели. А то только транжирил время и бабки на какие-то веточки-листочки — по правде сказать, он и сам может не хуже шедевров нащёлкать.

Сусликов встретил товарища на железнодорожной станции. Сюда он сам приехал на джипе из посёлка, построенного на берегу водохранилища (благо недалеко). Кольчик цедил дешёвую сигарету. Одет не по сезону — хиленькое пальтишко, но с признаками моды («В секонд-хенде, что ли, купил, где они дороже, чем на рынках? И взгляд какой-то затравленный!»).

— Ну что, дружбан! — располневший Сусликов (периодически худел под наблюдением диетолога, но снова быстро набирал вес) прижал товарища к груди. — Сколько лет!

— Месяцев, месяцев. А машина опять новая? — спросил тот словно с укоризной.

«Ну, если сейчас опять начнётся про проклятый капитализм, надо ему кинцо похудожественнее из Интернета врубить, а самому — задрыхнуть. С утра поест вкусняшек из „Азбуки…“ и отойдёт».

— Там ремонт выходил дороже, — объяснил миролюбивым тоном. — Мне тачки для представительских функций нужны. Типа как галстуки, пиджаки, часы.

— Савва, ты так стал пафосно выражаться: «представительские функции»! Скажи лучше… — но он оставил заготовленную фразу про запросы буржуа-нувориша при себе.

«Вот и славно. Хотя промолчал неспроста. Приехал канючить на новую камеру? Или что-то похлеще?»

— Погляди лучше, какие тут закаты! Ведь ты типа (от сорных словечек не мог избавиться, хотя

приходилось общаться с людьми образованными) фотохудожник!

Они ехали хоть и по разбитой, но окружённой пламенеющими осенними рощами сельской дороге. Половину небосвода пересекали широкие алые полосы, отблески ложились на серую гладь водохранилища, а между небом и водой блаженной улыбкой теплилась деревенька.

— Что ни говори, а в России — красота! Хотя Раечка не соглашается, ей всё Швейцарию подавай. А по мне — нет там такой мощи. И цены повыше наших.

— И налоги с богачей дерут покруче, — опять не удержался Кольчик.

— У нас налоги тоже будь здоров, только ты об этом не знаешь. Побывал бы в шкуре работодателя, который за тебя львиную долю поборов платит, — не спорил. Ты где сейчас обретаешься-то?

— Всё там же, в фотоателье. Скучнотища, конечно. И платят гроши.

— Удивляюсь, кто к вам вообще ходит. У всех давно своя аппаратура. Устраивайся ко мне в продажи. Сто раз звал. Проценты от сделок лучше твоей зарплатки.

— Но у вас-то её совсем нет? Я уж работал в продажах, ты помнишь.

— Помню — получше перебивался, чем сейчас! Кольчик, у меня все деловые мужики и особенно девчонки зарабатывают на хлеб с маслом. Не так, как до кризиса и санкций, но всё равно неплохо.

За разговорами добрались до посёлка, где многие участки оставались с конца двухтысячных нераспроданными; поэтому встретил он гостей жутковатой полутьмой. Сусликова это давно не страшило. Меньше соседей — меньше шума. Иное дело, что проект их собственной фирмы обещал принести намного больше прибыли. Но пока суть да дело, несколько бывших компаньонов разругались, стройка забуксовала, полетели иски от покупателей. В итоге распродали что смогли за треть цены; себе взял по дешёвке участок, худо-бедно построился. Виллы на Лазурке и Коста-Брава — для тех, кто при властной кормушке. А он свою копеечку по́том и кровью зарабатывает. Хотя, глядишь… Но лучше даже не думать пока — сглазишь!

Перед тем как завалились спать, Сусликов порезался у себя в кабинете в «танчики», а презиравший игрушки Кольчик поболтал с Раей и задремал на террасе, обернувшись настоящим ирландским пледом.

Наутро Рая Сусликова угостила гостя рисовой кашей собственного приготовления, яичницей из громадных фермерских яиц, санкционным пармезаном и свежей кетовой икрой. А чёрной — конечно, не белужьей, а севрюжьей (тоже неплохо), — он лично намазал товарищу кусочек чиабатты. Кольчик ел жадно, хотя старался виду не показать. Мол, кого сейчас жратвой удивишь? А в начале девяностых, случалось, сам намазывал ещё нищему Сусликову сливочного масла на краюшку бородинского. Правда, приятелю запомнилось, что второго бутерброда он и не дождался — дружбан оправдался: мол, масло мамаша покупала, а денег у самого в обрез, такой же студент.

Так что, может, жратвой и не удивишь, но на зарплату сотрудника вымирающего фотоателье пармезаном не отоваришься. Не говоря о том, что для этого ещё до Франции надо добраться.

— За обедом галисийского осьминога попробуем, — расщедрился Сусликов. — Доедай, короче, и пошли мангал разжигать.

Он уже полчаса балдел на террасе, а Райка ещё развлекала Кольчика разговорами. Хвалилась успехами дочерей — старшей, Анфисы, и младшенькой, Агнии. Та — поздняя, вырванная у Господа не без усилий. Хотели уже удочерять сироту или обращаться к донорам. Но потом помолились в Саровской пу́стыни — и сподобились.

Раю (уведённую когда-то у другого товарища, бывшего комсомольского вожака, успевшего пошиковать на излёте восьмидесятых и быстро сгинувшего) он в православие перетянул недавно. Сам Сусликов вырос в многодетной семье полуподпольных советских христиан. По воскресеньям с братьями ходил на ранние службы в одном из окраинных московских храмов, неплохо знал литургию. Некоторые молитвы с ранних лет затвердил наизусть, пока иные карапузы смешно выговаривали: «Мы красные кавареդисты, и про нас…» Поэтому пионерия-комсомолия ему оставались чужды, даже когда последние чудаки ещё гордились красной тряпкой на шее.

Кольчика он тоже однажды вытащил к батюшке Серафиму, сам вёл машину (художники, они только кнопку фотоаппарата нажимать умеют да языком чесать). В пути шутили, вспоминали детство, как однажды собирали макулатуру, таскали по району на санках, а к ним подвалили хулиганы и едва их саночки не перевернули. После Сусликов даже пошёл в бокс, где хоть и переломали нос, но многого бояться отучили. А Кольчик так и вырос затравленным, хотя с вечными претензиями к жизни. В пу́стыни они вместе стояли на ранней службе, только Сусликов сподобился причаститься, а друг заспорил со священником и удалился восвояси (хотя бы здесь сдержал сварливый нрав!).

Вспоминая поездку, Савва улыбался. Жизнь сложилась. Сколько они с женой стран объехали, дом просторный, а не та типовая конура, в которой он куковал почти до двадцати пяти, пока не стал выбиваться в люди. Хотя деньги сюда ещё вкладывать и вкладывать.

Кольчик наконец показался на террасе. В руках чашка кофе, немного развезло, но взгляд всё равно смурной. Внутреннее состояние собеседника

Савва научился различать по громадному опыту переговоров. Там же привык держать собственные мысли втайне от партнёра. Кольчику до этого далеко. На физиономии написаны и зависть, и обида. Но всё же он не чужой. Сколько они друг дружку знают — с четвёртого класса?
— Сядь, расскажи про свои похождения!
— Я пока постою.
— Да что ты как неродной? И пошто занасекомил жену?
— Она сама к матери уехала. И дочь забрала, а у той и так переходный возраст, учёбу забросила. Стоит человеку попытаться найти себя, заняться любимым делом — тебе сразу нож в спину.
— Ты это зря! Тебя Лариса всегда поддерживала. Сам, поди, скандалишь?
— Савв, давай без допросов. И так тошно.
— Уговорил. Тогда будем бутылку открывать. Хотя, по идее, рановато. — Раечка! — заголосил Сусликов и для уверенности забарабанил костяшками пальцев по стеклу.

Раиса выглянула в дверь:
— Можно не орать на всю деревню?
— Родная, пригони нам «Вальполичеллу»!
— Уже соскучились без выпивки? Я тогда с вами.
— Или французского? — задумался хозяин. — Рай, какого мы хотим?
— Ты лучше сам решай: принесу — опять скажешь, не ту.
— Видишь, какая послушная жена у меня? Дай поцелую, любимая, — потянул он её к себе на террасу. — Ты тоже свою хвали чаще. Они ж ушами любят.
— У вас тут холодно. Приходите в дом. Я салат с лососем сделала. Коль, твой любимый. Сейчас дам вам бутылку и пока РБК посмотрю. Больше-то нечего на вашем патриотическом ТВ.
— Не заводись! — вдогонку бросил Савва. — Вот придумала себе тему — политика. Перед сном наслушается «Эха…» и выносит мозг: пора валить, кровавая гэбня — одно и то же.
— Да, конечно… Гэбня бы мигом навела порядок.
— Знаем мы ваш порядок! Всех деловых людей по тюрьмам. За что твоя ЧК моего прадеда в Сибирь сослала? За то, что он землю умел обрабатывать?
— Ну вот, сам заводишься! — явно Кольчик готовился к мирному дню.

А то бы уже выложил типовой набор прелестей социализма, начиная от эпохи Усатого и заканчивая Леонидом Ильичом.
— Я вот думал: в чём-то ты прав. В семидесятые мы как-то спокойнее жили, хотя и в нищете. И не боялись каждого куста. Без оружия хоть из дома не выходи.

Мясо он уже разложил на решётке и накрыл большой крышкой, подобной щиту Ахиллеса. На ёлочках, окружающих участок по периметру, играло почти не греющее, но всё же ласковое солнце.
— Ты, кстати, сауну новую в подвале посмотрел? С соляными стенами и инфракрасным излучением? Помогает от псориаза. Специально для друга заказал, — любил он преувеличить свой альтруизм.
— Мне больше ваша старая баня нравилась. Сколько водки там выпито!
— Вот именно! Губили только здоровье, вместо того чтобы поправлять. Кстати, продолжаем. Но красное вино — другое дело. Его даже врачи советуют по двести грамм в день.

Рая с улыбочкой: мол, рады, алкаши? — вручила им бутылку и два больших бокала тонкого стекла, которые он осторожно поставил на уличный столик. Почти сто евро каждый, неловкий Коля и так уже один раскокал прошлый раз. Догадалась бы взять икеевские. А вино сойдёт, качественное, но не слишком дорогое.
— Мне тоже налейте! Или я себе «Шато шеваль» открою. Буду в одиночестве нарезаться.

При упоминании элитной марки Сусликов напрягся (всё хорошее старался подольше поприжать). Главное, чтобы Кольчик не сел «на хвоста». В алкоголе он особо не разбирается, но из уязвлённой гордости вечно требует того, что у них припасено для семейного употребления.
— Кис, мы потрещим ещё и придём. Потом за мясао надо присмотреть.

«Каким барином себя держит. „Кис“, „мясао“… При этом рассказывал, как в Венской опере у него на заднице штаны разъехались. „Ла Скала“, „Прадо“, мишленовские звёзды, а вечно дорогая сорочка из брюк наполовину выправится. Унитазы грязные — пока прислуга утром не надраит. У всех людей его круга такое сочетание апломба и хамства, дикого, дремучего? Или только у Саввушки?»

Ему стало тошно от недоброжелательства, с которым он размышлял о друге.

«Зачем я столько лет лицемерю, приезжаю к ним? Они-то давно в нашу хрущобу ни ногой. Даже позволяю над собой подтрунивать, поучать. Хотя и он мои выпады терпит. Или детская дружба сильнее классового неравенства? Все книги, жизненные сюжеты говорят, что преодолеть его невозможно. Рано или поздно разойдёмся. Но если четверть века общаемся, а глядишь, сколько ещё отпущено? А вот у детей уже разные тусовки, школы, теперь институты, даже в соцсетях моя Нюрка с его дочками не во френдах».
— Вот ты говоришь — социализм, — сделал Савва первый глоток, с видом знатока пополоскав вино во рту.
— Не говорю, не переживай. Он в одной Корее остался. И то — Северной.
— В смысле, я с тобой согласен насчёт социализма. Я сам — социалист! — Сусликов ударил себя кулаком в грудь.
— Вечно ты загнёшь! — Кольчик едва не поперхнулся вином.

Хотя вышло несколько картинно—идеями-фикс они за годы общения обменялись многократно. Но на подобные заявления друга он реагировал особенно остро.

— Погоди. Ты знаешь, насколько я ценю коллектив. Считай, живу в нём. Работаю без зарплаты,—Сусликов повторял быстро, не давая возражать.— Давно бы бросил эту мутотень, но людей жаль. На мне одних постоянных сотрудников—триста человек. У всех семьи, всем даю возможность выжить… Что ж мы не чокнулись даже? Пожелай другу чего-нибудь!

Со стороны лужайки, так пока и не приведённой в порядок (ландшафтного дизайнера он недавно со скандалом отправил восвояси, ни копейки не заплатив), показался сосед, крупный коротко остриженный мужчина в простонародной телогрейке, лет на десять их постарше, но крепкий, совсем не кажущийся старым.

— Салам алейкум, Салават! Виделись, наверное,— представил Савва, не поднимаясь с кресла.—Ты вино ведь не пьёшь? Потрещишь с нами? Человек вот своё хозяйство держит, чистокровных арабских скакунов завёл.

Сосед сдержанно улыбнулся одними уголками рта.

— Завёл, Савва, теперь заниматься надо, места больше нужно.

— Землю он решил прикупить по соседству, только с документами там ерунда. Так с юристом хорошим стоит проконсультироваться, с тем же Марком—справа мой сосед,—объяснял Савва Кольчику.

— У вас, кажется, с документами всегда ерунда,—Кольчик потянулся к бутылке и под строгим взглядом Салавата подлил себе ещё.

— Ты вот что,—перешёл к делу сосед,—землю у воды огородили, надо бы и оформить побыстрее. Когда соберёмся обсудить?

— Извини, дорогой, у меня гость сегодня, суббота. Я хоть и не еврей,—хмыкнул Сусликов,—но немного отдохнуть хотел. Опять же, Марка напряжём и сделаем. Ты там своим жёнам поклон передавай, хорошо? Я к тебе загляну завтра.

— Ладно, Савва, хорошо,—сосед ещё раз строго взглянул на Кольчика.—А лошадей если хотите посмотреть, милости прошу,—более миролюбиво обронил он, прощаясь.—Конюшня недалеко.

— Мусульманин, две жены, не знаю, официально или как, но содержит их по-царски. Набожный, в Мекку собирается. А хозяйство странное: дом недорогой, зато скакуны чуть ли не по миллиону.

— Рублей?

— Какое? Долларов, Кольчик. Деловые люди тоже со своими странностями, тратят иногда глупо. Но ведь как делами ворочают! А Салавату только крепостных не достаёт, душ бы сто для начала.

— У него, наверное, есть давно,—пробормотал Кольчик и долил себе остаток вина («Придётся тащить вторую, а мясо ещё даже не готово»).

«Даже не пойму, шутит он или всерьёз? Они себя ещё солью нации называют. Многожёнство, Мекка, крепостных им не хватает. Средневековье какое-то. Куда мы катимся?»

— У меня салат стынет!—провозгласила из дверей Рая.

Глаза у неё блестели, а в руках красовался бокал с «Шато шевалем».

— Ладно, снимаю мясо. Агнюша с нами есть будет? Или так и провтыкает в телефон до вечера?

— Ты сам где втыкал вчера? У меня от твоих мировых войн голова разболелась. Ты знаешь, она теперь вид убиенного животного не переносит, так что оставь её в покое. Я её позже покормлю.

— А она испанский сделала?

— Сделает, отстань!

Накрыли небольшой стол в кухонной зоне—первый этаж особняка равнялся четырём или пяти квартирам Кольчика. Плюс потолки метров по пять. Хотя интерьер казался неуютным. Тона холодные, всюду ложный мрамор, с потолка свисают гроздья светильников, напоминающих ядовитые грибы.

«Вроде все Версали объехали, а вкус—как у хохлов из Жмеринки. Впрочем, у Райки и есть корни то ли хохляцкие, то ли еврейские. Всю жизнь темнит на тему своего происхождения. Но Савва-то—коренной москвич вроде. Имя какое меценатское, тёзка его лучший столичный театр когда-то создал. А этот только мнит из себя шишку, а сам в Большом при мне захрапел в первом ряду перед певицей с мировым именем. Наверное, вернулась в свою Европу и рассказывала о новом русском валенке. Опять я злобствую. Что со мной сегодня? Ведь он тогда билет на оперу мне на день рождения подарил, хотел угодить. Разве я сам— великий знаток музыки?»

К рыбному салату и рёбрышкам (последние всегда обожала его Лара, а теперь вот психанула— и хрен знает, вернётся ли?) прибавили осетрину горячего копчения, трюфельное масло, нежнейшие помидоры—вместе розоватого «мыла» из «Пятёрочки».

— Русский человек любит покушать,—провозгласил Сусликов, открывая вторую «Вальполичеллу» (предусмотрительно спрятав начатое женино вино).—Вот за что давайте выпьем! За дружбу и за хорошую еду. Хотя последнюю лучше привозить из Евросоюза.

— Вот именно!—поддержала Рая, раздражённым взглядом проводившая своё «Шато».—Добился ваш любимый Путин, хапнул Крым, теперь народ чемоданами продукты из-за границы тащит.

— Крым он забрал правильно, там наш флот,— решительно ответил Сусликов.—А с продуктами

вопрос сложный. После отечественного пармезана меня скорая недавно едва не увезла.
— Давайте сегодня не про Путина,— предложил Николай.— И не про пармезан.
— Коля, а о чём тогда разговаривать — о скрепах?— пока они жарили рёбрышки, Рая явно времени не теряла, и язык у неё развязался.
— Раечка, ты же умная женщина, практически диссертацию защитила. Как твои успехи в окситанском?
— Я ей десять командировок оплатил для сбора научной информации,— гордо напомнил Савва.— За Райкой едва французские спецслужбы не увязались. Тема-то для них скользкая.
— Не десять, а шесть,— уточнила Рая.— Что правда, то правда: французы все местные языки запрещали по полной программе,— переключилась она охотно на увлечение последних лет.— Представь, Коль, местные жители даже боялись давать интервью. («Она бы на своём любимом „Эхе Москвы“ об этом рассказала!») Но до диссертации ещё очень далеко. Сам понимаешь, память не та, что в двадцать пять лет! К тому же Савву надо кормить, рабочих контролировать, а ещё дети. Агнию пора к институту готовить, по репетиторам возить. Старшая тоже пока внимания требует.
— Ну, «мерина» я ей своего старого отдал, теперь она посамостоятельнее,— снова похвалился Сусликов.— Тоже на конференцию студенческую поедет, в Лондон.
— Если визу дадут!— уточнила жена.— В этой стране вечно то понос, то золотуха. Из-за Скрипалей вконец останемся без нормального образования. Как же это достало!
— Опять ты за своё!— Кольчик спешно жевал третий кусок осетрины («Он хоть разницу с минтаем-то замечает?»— с досадой думал Савва).— Рай, вот ты говоришь, в той же Франции запретили целый язык — и ничего, прокатило. Никто не кричит, что демократию зажимают.
— Да я не утверждаю, что во Франции — Эдем, Коля! Просто обидно, когда всю жизнь трудишься, а в любой момент у тебя могут всё отобрать, да ещё на каждом шагу попрекают.

Сусликов сочувственно посмотрел на жену.

«Всё же повезло мне с ней. Другая бы просто сосала бабло. А Райка такие советы даёт — никакой бизнес-консультант рядом не стоял. А начиналось как! Чуть не по чердакам от своего бывшего на свидания сбегала. И с шефом она меня свела — он у её матери квартиру на Арбате арендовал, а в итоге нашёл себе такого добытчика. Сколько я принёс в компанию? Но ведь и сам без мозгов этого по-своему гениального человека не развернулся бы так. И всё благодаря Райкý!»
— Дай чмокну!— резюмировал он размышления.
— Совсем лыка не вяжешь? Куда ты зажал моё «Шато»?

Сверху неслышно появилась в модной домашней пижаме с голубкáми грустная Агния.

«Повзрослела, похорошела, а глаза квёлые. В Сети зависала? Начинается такой же кризис, как у Нюры? Только у моей — старый мамин айфон с раздолбанным экраном и мужской свитер, а у неё десятая модель и рейтинговая гимназия. Агния родителей, правда, пока слушается, а моя всё — в штыки. Хотя фотки делает и с тэгом „искусство“ выкладывает на какие-то ресурсы, о которых я сам без понятия. Значит, волей-неволей что-то перенимает».

А вот дочь друга, как нередко бывает, к его суждениям относилась с меньшим предубеждением, чем к отцовским.
— Дочур, иди, жамкну!— изрекал дежурные ласковости Сусликов.
— Фу, у вас тут мертвечина! Пап, мне можно в следующую субботу в клуб пойти с девочками? Все Хэллоуин будут отмечать!
— Тебе не рано ещё?— засомневалась Рая.
— А мальчики ваши будут? Тебе сын Горохова вроде нравился? С ним можно! Это магнат молочный, не слышал?— подмигнул Коле Сусликов.— В смысле, его отец. Мы нищеброды по сравнению с ним!
— Пап, задолбали твои намёки! Мальчишки пойдут, и туда можно тинейджерам.
— Что значит — можно?— настаивала Рая.— Нашим клубам я особенно не доверяю. Во Франции я бы меньше волновалась.
— Раз пацаны идут, пусть и она! Давай только жамкну. И испанский сделай, не тяни до воскресенья. Проверю.
— Пап, ты же его не знаешь.
— Как это? Я его понимаю! «Yo comprendido?»— так?
— Ага,— похлопала его по плечу Агния.— Почти. Дядь Коль, а тебя можно на минуту?

Поднялись в её комнату на второй этаж.

«Какая разница с комнатушкой Нюры. Да и вкусы явно родительские. Огромная, королевская кровать, а мы с Ларой пятнадцать лет ютимся на диван-кровати. Бюро с инкрустациями — впору взрослой даме, гравюры с Венецией по стенам. Впрочем, живёт она не здесь, а в своём гаджете».
— Дядь Коль, это Анины фоточки?— она стремительно листала пёстрые картинки на экране смартфона.— Огонь, правда?
— В смысле?
— Ну — классные!

«А я думал, они не общаются. Значит, по крайней мере, там друг за другом наблюдают».
— Может, я сам их толком не видел!— признался Николай, вглядываясь в полуразмытые пятна на белёсом фоне, к тому же лихорадочно сменяющиеся одно другим. Но Агнии бешеная скорость просмотра, похоже, не мешала наслаждаться искусством. «А про мои работы даже не спрашивает. Тут у неё с родителями полное единство…»

— Ты не знаешь, она своим телефоном фоткает? У меня камера хорошая, но я бы хотела попробовать по-настоящему. Сможешь посоветовать модель? Лучше Canon или Olympus?

«И всё же она намного живее родителей. И даже Анфису ещё не испортили своими убогими установками. Хотя всеми силами стараются вылепить таких же потребителей, как сами. Англии, Швейцарии, едальни, бренды. А душа всё равно тянется к прекрасному».

— Агнюша, а ты помнишь, как мы тебя маленькую брали за грибами?

— Помню. Там ещё комары нас покусали, кажется.

— Мы в джипе поехали через лес от вашего старого дома, нас на кочках трясло, а ты говорила: «Осторожнее, у меня заусенец на пальце!»

Николая захватил прилив воспоминаний. Ещё недавно их такая пропасть не разделяла. Могли посмеяться, выпить вместе водки, в сотый раз обсудить какой-нибудь прикол, случившийся классе в девятом. В какую бездну всё рухнуло?

— Так ты думаешь, Canon уже устарел? Дядь Коль, а помнишь, ты тоже не ел мясо? Ты почему перестал быть вегетарианцем?

— Силы воли не хватило, наверное.

— А видел старый мультик, где вся семья — веганы и собака — тоже веган?

— Ну вы чего там застряли?! — гремел внизу весёлый пьяный бас папаши Сусликова. — Покажи Кольчику свой кубок за теннис! Расскажи, как мы в Уимблдон ездили!

— Пап, отстань! Дай поговорить!

— Хорошо! Yo comprendido!

Агния, доверительно посмотрев на Кольчика, покрутила пальцем у виска.

После затянувшегося обеда Николай предложил прогуляться до водохранилища, предчувствуя, что в противном случае придётся часа два под грохот из убойной стереосистемы вкушать боевик на плазме с невиданным разрешением («Прыщи, что ли, на рожах у трансформеров различать?»).

Прошли мимо строящихся и уже разваливающихся, так и не заселённых особняков. Когда-то посёлок спроектировал в едином стиле модный архитектор, но после краха проекта каждый, кому посчастливилось сюда вложиться, обустраивал пустую коробку как мог. Где-то высилась пластиковая мансарда, где-то — клубились витки колючей проволоки.

— А Салават для охраны участка страусов завёл, они ударом ноги живот разрывают, — после возлияний Сусликов ступал по дорожке не вполне уверенно, — но осенью в тёплый вольер загоняет.

У одной из коробок, без окон и дверей, обшитой лишь местами изорванным полиэтиленом, бродили куры.

— А это Митрича участок. Он таджиков нанял для охраны, а те птиц развели.

«Настоящий „Юрасик парк“, динозавров только не хватает!» — бурчал про себя Кольчик.

Но синева так чудно выглядывала из-за обнажённой рощи, пьянил сильнее вина холодный воздух. Они вышли за ограду посёлка через незапертую калитку.

— В августе я здесь белые нашёл! — показал на край оборудованной здесь детской площадки Савва. — Но теперь мы их прямо на участке посадили.

— Как это?

— Купили пакеты с грибницей и рассыпали под кустами. В следующем году супом угостим!

— А ты помнишь, Савва, как мы ездили на Селигер в восемьдесят девятом и нам мужики по доброте душевной парус на лодку поставили?

— Конечно. Мы их ещё сначала чуть не послали. Не поняли, что они от нас хотят. А потом галсами ходили — аж дух захватывало.

— А как грибов набрали? Половину уже сварили и съели, половину у палатки сложили, лежим внутри, а мальчишки какие-то пришли и переговариваются: «Это съедобный… Это ложный… Это ядовитый. Это тоже ложный!»

— Блин, меня кондрашка чуть не хватила!

— Савва, а зачем мы всё-таки выход к воде соседям перекрыли?

— Ты видел этих соседей? В деревне справа одна алкашня, слева дорога близко. А за чей счёт после них мусор убирать?

— Всё у вас по принципу: хапнул и рад. А ещё большевиков обвиняете, — прорвало Колю.

— Я помню, как я при твоих большевиках жил! В церковь тайно ходил, чтобы в школе не прознали. Отец четыреста рэ зарабатывал своими руками, а всё равно нам с братьями на жратву не хватало, вечно из-за кастрюли макарон потасовки.

— Ты говорил, что у вас мама не умела деньги считать.

— Не умела. Рая тоже не всегда умеет. Например, с сумками от Prada у неё перебор. Но на макароны с пармезаном хватает.

— Издеваешься? Вам — с пармезаном, а полстраны — голодает?

— Ты думаешь, в СССР меньше голодали? Твои Ленин со Сталиным — настоящие людоеды.

— Ладно, хорош. Мы никогда не договоримся. Пошли кино смотреть, только давай не боевик.

— Друган, у меня напрямую из Интернета две тысячи фильмов открываются. Хочешь, лауреатов Канн поищем?

Кольчик всю ночь ворочался в гостевой, до конца не обставленной, к тому же с опущенными жалюзи, не пропускающими свет с улицы.

«Кого они боятся? Таджиков с курами?»

Попробовал листать толстенное подарочное издание классического романа. Наверное, подарок на корпоратив. Полная тишина, особенно жутковатая после грохота фильма (вместо каннского артхауса пялились на очередное фэнтези). Слишком высокий потолок — в Версале, кажется, ниже. Собственно, надо бы попросить о чём хотел и возвращаться в Москву. Но не хватило духа. Протянул до воскресенья.

Проснулся поздно и сидел при свете галлюциногенных ламп в холле, не зная, как управиться с пультом для подъёма жалюзи.

Рая, благо, встала раньше Саввушки. Явились дежурные каша и омлет. Икру без санкции хозяина не предложили, хотя холодильник с двухметровой ширины дверцами ломился от жратвы («Учитывая, что Агния ест аки птаха, а Анфиса появляется редко, как они успевают освоить хоть треть? В компостерную яму зарывают? А кофе растворимый, кофемашину никак не выберут»). Впрочем, Рая выдала ему турку, и он сварил себе по старинке, найдя в кладовке просроченную пачку молотого Lavazza.

Появилась Агния, потребовав пророщенной веганской снеди, до которой едва дотронулась. Савва почивал долго, раздавался сверху раскатистый храп. Лишь к полудню барин соизволил явиться к столу и принялся нарезать ломти розовой пахучей ветчины, разом спугнув дочь.

«Мне кажется, я его уже раздражаю. Пора переходить к делу. А то так и уеду несолоно хлебавши. Хотя с утра тоже неудобно… Проклятая стеснительность. Никогда ничего не добьюсь из-за неё».

— Храп у тебя царский!

— Ты о чём? Ты меня тыщу лет знаешь. Я не храплю вообще! Рай, я храплю?

— Конечно.

— Агния!!! Я разве храплю?

— Папа, храпишь!!! — раздалось сверху.

— Не, ну вы даёте…

Пока друг приканчивал ветчину, а потом кликал на плазме очередное кинцо, Кольчик всё более впадал в ступор. Заготовленная с пятницы речь комком сбивалась в горле, прилипала к нёбу. Очки 3D для просмотра роликов с подводным миром тоже не соблазнили. Между тем Сусликов ударился в философские разглагольствования.

— Ты думаешь, я так уж счастлив? — доверительно зашептал он на ухо приятелю, когда они развалились на глубоком диване, а Рая зависла в кухонном углу холла перед экраном поменьше с любимым РБК. — Не при Райке будь сказано, но я бы с удовольствием всё бросил и какой-нибудь живописью занялся. Вот ты живёшь ради удовольствия!

— А тебе что мешает?

— На мне долг висит.

— Разве ты берёшь кредиты?

— Ещё какие! Только не на личные дела, а на стройки. Вот опять шеф, жучара, подбил. Сначала думал, что всех перехитрю. Часть договоров оформил на Раису. А теперь продажи глохнут, чиновники руки выкручивают, чтобы я ещё школу в районе задарма построил, а эти гниды-банкиры требуют проценты. И всем, кто подписался, уголовкой грозят.

— Я не понимаю: вы один посёлок бросили, другой начали, как вам вообще разрешают что-то строить? Сами живёте на руинах.

— Тихо ты! — шикал Савва. — А что мне оставалось делать? Я участок взял как часть доли в прибыли. Но кому его продашь? Но это разные истории — поручители, заёмщики.

— Схемами этих ваших историй весь Интернет забит. Скажи: жульничаете.

— Твою ж мать, Кольчик. Кого мы обманули? Инвестиция — это риск!

— Вот ты и рискнул.

— В том и дело. У меня вообще ничего нет. Ну, кое-что перевёл за границу. А тут тюряга светит! А как же дочки? Анфиске подарил часики «Картье» на днюху, так, считай, почти лимон.

— Тоже долларов?

— Рублей, конечно, но всё равно не три копейки! Потом, зубы делаю, два импланта поставил — опять лимон. Конечно, можно дешевле, но здоровье не чужое!

— Я запутался, — Коля обнял уютную пухлую подушку и тоже перешёл на шёпот. — Ты же говоришь: денег нет!

— Зарплаты нет, дивидендов. Но накопления-то остались кой-какие с лучших времён. Что их, в землю зарывать?

— Ты можешь помогать тем, кому требуется поддержка, — робко начал Николай.

— Помогаю. В детдом перечисляю понемножку. Ещё церквухе местной на реставрацию. Пару раз по десятке настоятелю оставлял. Ладно, забудь! Сегодня я тебе тунца на мангале организую. Пить предлагаю белое. Рая! Какое мы хотим белое?

Вернуться к теме добрых дел не удавалось до вечера, когда оказались изжарены и наполовину съедены ещё куча мяса и рыбный стейк. Но Кольчику еда почти не шла, несмотря на ядерное «Просéкко». Сам Савва хоть и решился к десерту разлить по бокалу коллекционного хереса, тоже нервничал всё заметнее. Просачивался в подкорку предстоящий понедельник. Телефон промолчал все выходные, но это настораживало ещё сильнее, предвещало беду.

От разговора о матпомощи он пока уклонялся, но, как назло, желая выставить напоказ неудачи, срывался на перечисление трат.

— Эти спа, бассейны на крышах, частные пляжи я бы не променял на нашу экспедицию на Селигер. Или паломничество. Пускай гостиницы в провинции пока не очень…

— Ещё дороги давай обсудим,— взвилась Раиса.
— Но у меня мечта к святому Иакову сходить по пути паломников от Парижа до этой, как его, Сантьяги-Компостелы. Испанский малость подучу — и можно вместе. Коль, билеты готов оплатить! А дальше всё практически бесплатно, если обзавёлся бумагой. Марк-юрист три раза ходил. Хочешь, позвоним ему, расскажет.
— Пойду покурить на террасу! — проронил бледный Кольчик.
— Я с тобой.
— Ты же только в среду бросил! — удивилась жена.— Обычно тебя на месяц хватало.

На террасе угостил Кольчика припасённым «Данхиллом» («Куда меня понесло за ним? Попался…»).
— Помнишь, Колян, как чай на батарее сушили и скуривали, когда купить стало негде?
— Лучше не вспоминать, мерзость.
— Это в каком же году?
— За год до путча, при Горбаче. Тяжело держаться без никотина?
— Не особо. Когда работаю, не думаю ни о чём. Веришь, поссать выйти некогда.
— А я засыпаю и во сне укуриваюсь. Проснёшься — башка раскалывается. Лучше не пытаться. Хотя за здоровье страшно.
— Здоровье приходится беречь. Мы тут сгоняли к одному профессору в Германию, такой крутой дед. Ценник о-го-го, офис впечатляющий, куча помощниц, аппаратура. Но зато потом в России не надо год по врачам мыкаться. Дедок отсканировал меня целиком, посмотрел результаты, говорит: курить можешь, но не увлекайся. Пить тоже не заказано, печень ещё ничего. Даже от сердца отлегло.
— А в нашей поликлинике сидит дебил, сразу на «ты», ни одно направление без заведующей не назначает. Пару раз сходишь на приём — и можно в психушку ложиться.
— Кольчик, ну хрен с ними! Погляди, какое небо звёздное! Как на Селигере. Только Москва немного фонит. Я здесь от города совсем отвыкаю…
— Савва,— перебил друг.— Ты правда считаешь, что я правильно всё делаю?
— С какой стороны посмотреть,— уклончиво ответил Сусликов и жутко закашлялся.

«Неужели астма вернулась? Вот лукавый соблазнил. Лучше бы взял травы у Салавата».
— Так вот, я тебе про выставку говорил — помнишь? Что хорошо бы мои работы собрать и пропиарить. Есть места, где можно выставиться, прессу притащить. Тысяч за сто шикарно всё провернуть. Даже распечатать проспекты. Сто пятьдесят лучше, но и так отлично.

Савва с трудом сдерживал новый позыв кашля.
— Что там с иллюминацией нашей? Ведь на прошлой неделе лампочку меняли.

Он сорвался с террасы по выстриженному газону в сторону ограды. Коля засеменил следом.

Хозяин заглянул под козырёк светильника, под которым мигала синяя лампочка.
— Одни халтурщики развелись. Все только норовят содрать и свалить! — он едва не выворотил столбик светильника из земли и нервно зашагал взад-вперёд по выложенной плиткой дорожке.
— Ты извини, если я не вовремя, Савв!
— Дело не во времени. Твоё хобби ты сам должен научиться продвигать. Отправлять работы критикам, вступить в союз какой-нибудь. Я же не могу всем раздавать деньги.
— Разве я — все?

«Как грубо выходит. Зачем так меня подставлять? Ведь заранее знает, что денег, тем более таких, не дам. Или правда подарить ему эти сто штук? Я же отложил пятьсот наличкой, Семёнычу можно попозже выдать. Хотя в „Австрийской деревне“ охрана за лето зарплату не видела. Разбегутся ещё!»
— Слушай, Кольчик. Тебе кажется, что эта сумма для меня — ерунда…
— Прости… ты сам про зубы рассказывал. И я краем глаза видел чек из «Азбуки…».

«Чек он видел! — разозлился Сусликов.— А когда икру жрал, не видел?»
— Понимаешь, тут целая бухгалтерия. На ежедневные расходы у меня отложено. Но, с другой стороны, я в том посёлке, под стройку которого как раз кредит брал, дворникам должен двести тысяч. Хорошие таджики, а я не плачу́. На самом деле даже не я — мой персонал не платит. Но этому персоналу я тоже…

Понял, что объяснения выходят путаные.
— Или ещё. Марк, юрист, сосед мой, оказывал услуги нашей компании. И мы ему тоже сто пятьдесят остались должны. Встречаемся в посёлке, общаемся. А долг висит.
— Так отдай!
— Легко сказать — «отдай»! Но должен не лично я, неправильно платить из своего кармана за всё, что делается для бизнеса. Есть другие акционеры. Есть шеф, который за кордоном сидит и только ЦУ высылает.

Но Кольчик словно не слышал.
— А как бы мне помогла выставка! Вдруг кто-то купит работу? Лара бы зауважала.
— Коля, родной, я знаю Лару. Она начнёт тебя уважать, если ты дома хоть один гвоздь забьёшь. Знаешь, сколько я здесь своими руками сделал? А когда мы с Райкой только жить начинали, она от мужа ушла, а я от своей семейки сбежал? В такой же хрущобе снимали. Ничего, пару пальцев молотком расквасил и все полки повесил.

«Неужели опять — наставления вместо поддержки? А про полку — словно назло…»

Николай ясно представил гадкую сцену из их жизни с Ларой. Несколько лет назад он ещё

таскался в паршивый салон сотовой связи. А она, устав его просить, позвала мастера, который прибил на их крохотной кухне нелепую полку в самом неудачном месте, где Коля всегда пил утром кофе. К тому же заплатила, по мнению мужа, слишком много. Он вернулся с работы, заспорил. Потом взбесился и вместе с гвоздями вырвал доску, только что прилаженную к стене. Лара сначала просила робко: «Не делай этого, пожалуйста!» А когда несостоявшаяся полка улетела в коридор, процарапав гвоздём линолеум, молча встала у окна, глотая слёзы.

«Да, я — полное ничтожество. Зачем припёрся сюда, унижался? И про фотографии Суслик прав. Раз они никому не нужны сейчас, кому понадобятся на выставке? Если кто и придёт, то полакать винище на фуршете…»

Он стоял, понурив голову. Звёзды заволокло невидимой тучей. Рая уже дважды барабанила им в дверь из холла, показывала недопитую бутылку.

«Интересно, считаются они алкоголиками? Как ни приеду, вечно наклюкаемся до потери пульса, и так у них каждые выходные. Только в пост вроде держатся. Но тоже какое-то лицемерие… Сейчас все олигархи со свечками засветиться норовят».

— Кольчик, я тебе как на духу выложил, — твердил Савва. — Нам, может, скоро за бугор валить придётся. А я не хочу! Здесь мои деды землю пахали! («Раньше говорил — заводчиками были. Сколько у него предков?») Хорошо хоть вид на жительство получили. И я банально боюсь: вдруг мне тех ста штук не хватит, чтобы всё организовать?

— Короче, я допиваю всё без вас! — радостно провозгласила Раиса, распахнув дверь.

Её полный голый локоть причудливо освещали инфернальные лампы холла.

— Я этот херес до твоего дня рождения хотел сэкономить! — ответил Савва и развернулся к другу: — Кольчик! Только не считай меня сукиным сыном!

Хозяева ушли спать, вновь наглухо закрыв жалюзи. («Теперь ясно, что опасаться им есть чего. Поди, ждут тех дворников с граблями».) Он долго сидел перед чёрным прямоугольником потухшей плазмы — квадратом Малевича, поглощающим всё живое. Механически разворачивал фантики и грыз шоколадные конфеты, сложенные горой в хрустальной плошке. Потом нашёл в кладовке бутыль дешёвого начатого коньяка, залпом, как в юности, опрокинул стакан и в гостевой уткнулся лицом в пододеяльник с мимишными сердечками.

Сусликов ждал водителя, к половине десятого благоухая парфюмом и допивая растворимый кофе. Правда, успел забрызгать сливками двухсотдолларовый галстук, за отсутствие которого шеф ухитрялся штрафовать менеджеров даже из изгнания.

— Могу подбросить до ближайшего метро или, хочешь, дальше, — бросил Савва сухо.

После вчерашнего разговора тоже ощущал досаду. Ответил на просьбу не так, как надо. Получилось — оправдывается, а разве обязан? Рая догадалась, о чём шла речь, но тактично молчала. А он на ней же сорвал раздражение:

— Где мой айпэд?

— Ты его наверху оставил заряжаться.

— Я тебя просил принести. Что за фигня каждый раз?! Ты знаешь, сколько мне сейчас звонков посыплется.

— Может, не стоит заводиться? — спросила она настолько сурово, что Николаю до боли захотелось немедленно позвонить Ларе, попросить прощения за все грубости, признаться: другой такой терпеливой жены ни он сам, ни какой-либо другой мужик не найдёт никогда!

Впрочем, располневшая, как и супруг, Рая хоть и с отдышкой, но сбегала на второй этаж.

— Давай контролировать, сколько вечером пьёшь, если утром не помнишь, где что оставил.

Пробку объехали по платной трассе, не разговаривая. Вернулись на обычное шоссе; рослый водитель, облачённый в костюм, выглядевший роскошнее, чем Саввушкин, презирая правила, обходил препятствия.

— Виртуоз. Умеет между камер проскакивать, — поделился Савва. — А жена у него — директор страховой компании!

— Чмоки, — бесстрастно бросил он при расставании. — К Новому году выбирайся. И с Ларкой помирись. Похоже, правда перебрали вчера, в бочине ноет. Может, соврал немец?

Необходимая наличность, разделённая на пачки, лежала в чёрном портфеле из натуральной кожи. Сусликов внезапно запустил в портфель руку, вытащил одну из пачек и сунул во внутренний карман пиджака. Хлопнув себя по груди, он шумно выдохнул. В боку кололо всё сильнее.

— Юр, в каком ухе у меня звенит?

— В правом, — бесстрастно ответил водитель.

«Отдать, что ли, ему эти сто штук? Или предложить — с возвратом? Зато без процентов. Месяцев на пять. Пусть продаёт свои шедевры и расплачивается потихоньку. Да, но мы когда-то обсуждали, он так не хочет — типа честный. Ладно, не так уж Кольчик бедствует. А я ещё за гимназию Агнюшке просрочил, как раз сотку. Охренели стричь купоны с родителей. Всюду одна нажива!»

До офиса оставалась пара кварталов, и тут они встали намертво на светофоре.

Кольчик мог проехать и дальше, но решил побыстрее расстаться. Он сразу сник под сенью небоскрёбов, выросших у входа в метро с того времени,

как он здесь бывал последний раз. Небольшой храм почти затерялся на их фоне.

Закурил, озираясь, словно в поисках убежища. Церковь чем-то притягивала.

«Смолю прямо у входа. Может, зайти?»

Но тут из-за дверей появился хипстерского вида юнец с типичным сочетанием бородки и голых щиколоток, бодренько перекрестился, ловко вскочил на самоедущее чудо-колесо и быстро скрылся в толпе.

«Такой же дурдом, как и всюду. Собственно, и я в Бога никогда не верил. Нам, пролетариям, Гóспода такие баре, как Саввушка, придумали, чтобы мы на них спину гнули. А офисный планктон из моды сюда заплывает, хотя сейчас она вроде на убыль пошла. Стоило сфотографировать этого перца с электронной ступой. А я только болтаю о фотографии, а аппарат опять поленился взять».

Он медленно спустился в метро. Спешить некуда. Кольчик утаил от друга, что в ателье его отправили в отпуск без содержания.

В вагоне нашлось свободное место, и он успел подремать. Делая пересадку, увидел на экране телефона мигающий конвертик смс-ки. Наверняка спам.

И только поднявшись на поверхность земли в конце пути, прочитал короткое сообщение Агнии, скорее всего из рассылки: «Капец наш дом горит».

Николай застыл. Путаясь в кнопках маленькой устаревшей модели, набрал: «Когда?»

Ответ пришёл вновь без запятых и сбивающимися пробелами: «Только что могу фотку кинуть мама выслала жуть».

«У меня воцапа нет. Передай родителям…»

«…мои соболезнования»?—нелепый пафос.

«…привет»?—тьфу!

«…что я расстроен»?—одно другого глупее.

«Общаешься тридцать лет и не можешь найти для друга доброе слово в такой момент. Но я не оратор, а фотограф. Хотя они так не считают… Тем хуже!—опять закипела в груди злость.—Какое доброе слово он для меня нашёл? Просто послал».

«…передай, что я вам сочувствую»,—наконец нашёлся Кольчик.

Быстро пришло обратное: «Ок».

«Да что ж такое?!—с глухим раздражением думал Сусликов, понимая, что торчит перед светофором уже минут двадцать.—Неужели опять для членовозов перекрыли? Здесь-то с какого бодуна?»

Запульсировал зелёный кружок на экране телефона: «Рая-жена».

Задохнувшийся голос Райки разом заставил подскочить давление:

— Мы сгорели, Савв.

— Как это?

Она так чеканила слова, что он предпочёл бы истерику.

Но понял быстро, скорее поверх слов, как будто сразу всё увидел. Раи в начале пожара тоже не оказалось на месте, повезла Агнию на своей машине в гимназию. Та сказалась перед выходными приболевшей, но в итоге выдвинулись, хотя не к первому уроку. На МКАДе тоже застряли. Решили вернуться в посёлок, и оттуда как раз позвонили.

Похоже, мастера, чинившие систему подогрева, напортачили с проводкой. Искры полетели на сложенные в подвале книги из библиотеки, давно перевезённой с Арбата, но так и не нашедшей места. Рая-Раиса, раздала бы эту макулатуру бедным подругам, которые не завели привычки читать ридеры!

Пламя разгоралось медленно. Останься дома хоть кто-нибудь, катастрофы бы избежали. Сработала сигнализация. Тупой охранник на въезде, которого он недавно оштрафовал за то, что пустил гостей без пропусков, долго препирался с пожарными и полицейским патрулём, не поднимая шлагбаум. Входы пришлось взламывать. Вода тоже вроде рядом, а дотянуть рукав вышла целая проблема. В итоге попали внутрь только через мансарду. Дорогая отделка, мебель, техника—пропало всё; что не сокрушил огонь, то залили. Полопались бутылки старых вин, заготовленные к свадьбам дочерей и юбилеям. Плазма расплавилась, люстры, закипев, залили мебель. Если не сгорело, то намертво пропахло гарью шмотьё, вывезенное из европейских аутлетов (как радовались всякий раз, когда брэнд доставался на тридцать процентов дешевле). Но главное—следуя нелепой, оставшейся с девяностых привычке, он не всю наличку оставил в сейфе, кое-что разложил по ящикам пузатых комодов в стиле какого там по счёту Людовика.

Или нет, главное—внезапность катастрофы. Юношеский опыт боксёра учил предупреждать удар, угадывая, в каком направлении нанесёт его противник. Но жизнь—слишком непредсказуемый боец. Ждал иска от банков, мести потерявших вложения клиентов, даже дворников опасался, а врезали ниже пояса.

Так долго тянулась стройка, а потом—отделка, подбор мебели: Рая сутками нанимала и выгоняла бригады гагаузов, украинцев, русских, доставала их начальство угрозой исков, сама сверяла сметы, проводила выходные в торговых центрах, материлась…

И кто-то после всего этого считал их богачами, даже олигархами! Пара трудяг, один—приносит трофеи с охоты, другая—обустраивает очаг. Люди, которые поднимают детей, не ждут от государства ничего, даже грошовой пенсии.

Конечно, на них косятся люмпены, вроде тех, кто громил в Зимний в семнадцатом. Но такие, как Кольчик! Или даже собственные менеджеры, получающие солидные бонусы—пусть с опозданием, пусть не всегда те, на которые рассчитывали!

Ведь и они тайно или почти открыто считают его мироедом, эксплуататором.

Мысли отказывались течь так, как он приучал их день за днём, аккуратно, одна за другой.

Тили-бом! Тили-бом!
Загорелся кошкин дом!—

звенели в голове знакомые с детства строки.

Когда добрался до посёлка, Рая уже отправила младшую под присмотром бабушки к сестре, в таунхаус, который они ей оставили, подыскивая квартирку в столице, чтобы меньше моталась, добираясь до учёбы. По-военному собранная, жена командовала сбежавшимися в надежде получить свою копеечку гастарбайтерами. Впрочем, некоторые помогали бескорыстно.

Появился и Салават. Скривился, глядя на чёрные провалы окон и развороченную террасу.

— Зайдите ко мне потом, покормим.
— Спасибо, сосед!
— Дом-то застраховали?
— Какое там… А жена водителя моего предлагала.

Сусликов нашёл выброшенный на лужайку стул—с расколовшейся спинкой, весь в копоти. Хотел подложить что-нибудь, но вокруг—только обломки и тряпки. Сел так—пропадай и последние брюки! Рая подала уцелевший плед.

— А ещё смотри, ваша семейная, кажется?—она протянула ему небольшую икону, закопчённую, но не нынешним огнём, а за долгие годы жизни.

Родовая реликвия, от прадеда. Когда-то отец начинал перед ней день, предварительно вырубая радио, откуда лились бодрые звуки программы «Отзовитесь, горнисты». Но психованная мать, ссорясь с мужем, однажды грохнула икону об пол. Из-за чего ругались родители, он не помнил. Недавно родился младший брат—пятый по счёту. Почти сразу после этого и разошлись. Мать кричала: «Лучше бы навсегда одна осталась. Свели нас тогда в церкви, о любви не спрашивали. А зачем?» Отец, грузный, со священнической бородой (сана никогда он не принимал, просто молился в храме и дома), молча поднял образ, бережно смахнул ладонью невидимую, не успевшую пристать пыль. А вечером тихо сказал: «Савва, если такое повторится, я могу над ней какое-нибудь зло сотворить. Лучше забери, спрячь. Может, к друзьям отнеси. А потом возьми себе. Пусть защищает твою семью, когда заведёшь».

Они редко виделись с отцом, отношения их нормальными назвать было сложно. Да и икону давно хранил в дальней комнате, почти к ней не обращался. Читал молитвы, лишь изредка добираясь до литургии.

Савва сжал в руках тёмную доску с тонко прописанным, но размытым временем ликом Спасителя, едва различая его. Ощутил, как из глаз покатились крупные неприятные слёзы.

«Что за дерьмо! Совсем распустился. Раюша лучше держится».

Пытаясь найти носовой платок, нащупал во внутреннем кармане пиджака пачку пятитысячных, которую собирался отдать Кольчику.

«А ведь не так всё критично. Мы живы, второй дом есть, ещё тройка квартир, доставшихся как бонусы от старых продаж. За кордоном тоже отложены деньжата. Что, если всё же уступить Кольчику? Или пожертвовать на храм, заказать молебен?»

— Это куда нести?—щуплый таджик тащил из дома уцелевший торшер, который когда-то высылали им из антикварной лавки возле флорентийского Дуомо.—Где поставить, брат?
— Да вот хоть здесь! Рай,—он покосился на таджика,—тут у меня сто тысяч. Кольчик просил на выставку.
— На какую выставку?—она почти задохнулась.
— Его фотографий. Ему, короче, на раскрутку. Думаешь, дать?

Она приложила холодную тыльную сторону ладони к его щеке.

— Ты бредишь, похоже. Но, прости, мне здесь одной не справиться, если, конечно, хочешь, чтобы отсюда не всё скопом вывезли на свалку.

Он ощутил страх перед спутницей жизни, какой испытывал нередко в минуты споров, почти всегда отступая.

— Нет, не надо на свалку!
— Давай тогда деньги, понадобятся. У меня кредитки накрылись, придётся перевыпускать. Знаешь, я бы тоже поплакала с удовольствием. Только некогда. Но ты лучше сходи к Салавату, посиди полчасика, отойди. И давление померь!

Отложив в сторону икону, Сусликов протянул жене пачку купюр. Зажмурившись, стал мучительно прикидывать, как успеть завтра сделать все брошенные дела. Приоткрыв глаза, поймал удаляющегося таджика с пузатой бутылью в руках.

— Стой! Куда ты с моим коньяком собрался?
— Хозяйка сказала—её машина багажник класть!
— Это ж мой «Отар»! Ему ещё юбилея дожидаться. Так что это, как его, поаккуратней!

«Кажется, моё ателье всё же закроется. Парамонов хотел съёмку на свадьбу дочери заказать, придётся согласиться. Хотя много он не заплатит. Телефонами торговать больше не пойду. Лучше бродить по городу, делать снимки и отсылать в стоки. Не пропаду. Мне тачка и часы для престижа не нужны. Пусть называют неудачником! Если бы не два тёзки Суслика—Морозов и Мамонтов, в неудачники зачислили бы Шаляпина, Врубеля, Серова, Станиславского, может, даже Чехова. Им больше повезло с современниками-богачами. Но тут ничего не попишешь».

Он ощутил, как сильно замёрз, и зашёл в кондитерскую, приютившуюся между цветочным

ларьком и ломбардом. На последние двести рублей взял американо в бумажном стакане. Высыпал содержимое трёх пакетиков с сахаром и с наслаждением выпил.

На улице кайф от кофе усилила сигарета.

«Может, всё же позвонить Суслику? В конце концов, он ничего мне не должен. И всё же несколько раз нас с Ларкой здорово выручал. А куртка, которую подарил мне на день рождения,—я до дыр её заносил! Сколько раз спали в одной палатке, а в восемьдесят седьмом, в январе, едва не замёрзли по дурости в двух шагах от станции».

Николай неуверенно надавил несколько клавиш на телефоне, проверяя баланс.

«Негусто. А набирать и сбрасывать—опять позориться. Что ж холодно так? Только недавно бабье лето было. Какое дурацкое название, с детства его не переваривал. И что за сентименты—то было, сё? Предал кореша, и точка».

Перед лицом Кольчика пронёсся шальной голубь. Машинально отмахнувшись от птицы, он уже решительно, почти с наслаждением, бросил телефон в карман пальто.

Детская дружба затухала раздавленным окурком.

ДиН симметрия

Владислав Ходасевич

Музыка

Всю ночь мела метель, но утро ясно.
Ещё воскресная по телу бродит лень,
У Благовещенья на Бережках обедня
Ещё не отошла. Я выхожу во двор.
Как мало всё: и домик, и дымок,
Завившийся над крышей! Серебророзов
Морозный пар. Столпы его восходят
Из-за домов под самый купол неба,
Как будто крылья ангелов гигантских.
И маленьким таким вдруг оказался
Дородный мой сосед, Сергей Иваныч.
Он в полушубке, в валенках. Дрова
Вокруг него раскиданы по снегу.
Обеими руками, напрягаясь,
Тяжёлый свой колун над головою
Заносит он, но—тук! тук! тук!—не громко
Звучат удары: небо, снег и холод
Звук поглощают… «С праздником, сосед».—
«А, здравствуйте!» Я тоже расставляю
Свои дрова. Он—тук! Я—тук! Но вскоре
Надоедает мне колоть, я выпрямляюсь
И говорю: «Постойте-ка минутку,
Как будто музыка?» Сергей Иваныч
Перестаёт работать, голову слегка
Приподымает, ничего не слышит,
Но слушает старательно… «Должно быть,
Вам показалось»,—говорит он. «Что вы,
Да вы прислушайтесь. Так ясно слышно!»
Он слушает опять: «Ну, может быть—
Военного хоронят? Только что-то
Мне не слыхать». Но я не унимаюсь:
«Помилуйте, теперь совсем уж ясно.
И музыка идёт как будто сверху.
Виолончель… и арфы, может быть…
Вот хорошо играют! Не стучите».
И бедный мой Сергей Иваныч снова
Перестаёт колоть. Он ничего не слышит,
Но мне мешать не хочет и досады
Старается не выказать. Забавно:
Стоит он посреди двора, боясь нарушить
Неслышную симфонию. И жалко
Мне наконец становится его.
Я объявляю: «Кончилось». Мы снова
За топоры берёмся. Тук! Тук! Тук!.. А небо
Такое же высокое, и так же
В нём ангелы пернатые сияют.

1920

Вера Зубарева

Во льдах

Главы из романа-памяти «Лоцман на трубе»

Светлой памяти моего отца Кима Беленковича, «лоцмана на трубе», маяка и берега

Большая любовь

Один и тот же сон: он стоит на «дубке», всматриваясь вдаль, где переулок петляет между домами, вливаясь в пирс.

Город вымер—ни людей, ни машин, ни даже птиц. Ему чудится, будто и в домах никого нет, только тени от фонарей раскачиваются по стенам. И вдруг… В конце переулка из-за угла кособокого дома появляется: бежевое пальтишко, вязаный беретик. Увидала его, руками замахала радостно и к нему бросилась. А он вдруг возьми да отвернись. В сердце у него обида на неё скопилась, но какая именно—он и не помнит. А она бежит, бежит, беретик поправляет. Об обиде его ничего не ведает.

И вдруг жалость его пронзает—такая острая, внезапная. Жаль ему этого беретика съехавшего, и её—тоненькую, хрупкую, и радость её детскую жаль. Он резко оборачивается, но в тот же миг улица как сквозь землю проваливается, а вместо неё море накатывает—ночное, чёрное, без огоньков. Он стоит посреди вод на лоцманском мостике, а судна его не видать, словно оно под воду ушло. А может, и впрямь ушло? Только бы отыскать её в этой мгле беспросветной…

На этом сон обрывается. Виктор просыпается. Ночь. Все, кто не на дежурстве, спят изо всех сил, стараются как можно лучше отдохнуть. На море стараться нужно везде и во всём, даже в отдыхе, иначе не выдюжить.

После войны ему удалось закончить курсы штурманов местного плавания и затем курсы штурманов дальнего плавания и получить работу в китобойной флотилия «Слава». Работа сложная, но благодаря ей открылось множество возможностей и для его журналистского пера.

Уже восемь лет как закончилась война. Это—на берегу. А в море она, наверное, не закончится никогда. Не отпускают её воды—то голосами погибших товарищей стонут в ночи, то призраками затонувших кораблей колеблются на поверхности. Образы те душу переворачивают, особенно в шторм, когда снова видишь лица тех, кто за борт корабля ухватиться пытается. А корабль кренится, кренится… Да нет, это волны. Всего лишь волны.

На стене—фотография семьи: белокурая женщина в парке на скамеечке, сынок в коляске скривился, и он сам рядом с ними улыбается. В общем, всё как положено.

Виктор встаёт и закуривает. Думы о семье возвращают из сна в явь.

Таня… Судьба связала их в прямом смысле этого слова, если под «связала» понимать зародившуюся однажды жизнь Сашеньки. Когда Таня сообщила о том, что беременна, Виктор только голову опустил. От их механических встреч любовь так и не зажглась. Ну хоть ребёнок будет…

Как они познакомились, он точно и не помнил. Может, шёл по Приморскому бульвару, а она стояла, на море смотрела. Наверное, он решил, что мужа ждёт, и тоже подошёл, заговорил, спросив, на каком корабле муж плавает. Она, должно быть, удивилась и ответила, что не замужем, что море любит, а сама—из Сибири, приехала к подруге, да так и осталась.

А может, кто-то из знакомых представил их друг другу.

Три года после окончания войны Виктор провёл одиноко, время от времени знакомясь с девушками, а потом так же быстро расставаясь с ними. И помнил он об этих встречах ровно столько, сколько помнят о набежавшей волне. Была—и нету.

Вот и с Таней всё было поначалу так же.

И как они стали встречаться, он тоже не помнил. Скорее всего, случайно, а потом всё как-то само собой завязалось. Он помнил уже, как они были вместе, как она навещала его, как ходили в кино. Похоже, она неплохая, думалось ему. Не мешает, много не говорит, сдержанная. Любовь он уже пережил, на гребне побывал, дальше—обычная семейная жизнь. Без восторгов и разочарований.

Как Таня ко всему этому относилась, он не знал и не интересовался. Она была в курсе радистки из Баку, о которой он как-то обмолвился за рюмкой водки, но претензий не предъявляла и не расспрашивала его больше ни о чём. Ему вообще казалось, что после войны у всех всё перегорело внутри и каждый стремился лишь к элементарной устойчивости в жизни. Работа и семья делают

мир устойчивым, а из чувств самое устойчивое — уважение.

Уважение, кажется, между ними было. Во всяком случае, Таня им гордилась. Он не раз замечал, как она смотрела на него, когда он шёл к ней навстречу по бульвару, как слушала его, как встречала из рейса. Да и он старался её не обижать, проявлял внимание и всё такое.

Известие о ребёнке обрадовало его. В смысле — не огорчило. Значит, будем семью строить. Ей, конечно, он так не сказал. Вообще ничего не сказал, так и стоял с опущенной головой.

Вечером поделился новостью с матерью и Женей.

— Ты предложение ей сделал? — спросила строго мать, утерев слезу.

— Предложение? Я как-то не подумал об этом… А нужно?

— Конечно, нужно! Что ты спрашиваешь, как маленький? Твой отец был мне мужем, и ты с него пример бери, не дури! Ребёнок в семье расти должен.

— Он и будет в семье, только при чём тут формальности?

— Всё, разговор закончен. Предложение сделай и веди жену в дом.

Виктор вышел покурить, а Женя — за ним. Подошла, обняла тихо, в глаза заглянула.

— Ты её любишь?

— Люблю, наверное. По-своему…

— Что значит «по-своему»? Все любят по-своему, но когда любят, не говорят «наверное», Витюша.

— Ох, сестричка моя, да что ж теперь о любви рассуждать? Вот у нас новый член семьи появится скоро — это и есть самое важное.

— Да… Только не один, а сразу двое…

— Погоди… Да что ты? Неужели? Вот это новость! А что ж вы мне с Сергеем сразу не сказали?

— Ну вот, сразу… Сразу ты нам сказал, ну а я после.

Виктор почувствовал, как она улыбается в темноте. Сестрёнка у него что надо! Красавица, умница. Все на неё заглядываются. Нелегко пришлось ей: и за мамой уход нужен — сердце-то слабое, сколько пережила! — и по дому управиться (Сергей ведь с инвалидностью, позвоночник на войне пострадал), и на работе показать себя с лучшей стороны. Женечка быстро освоила профессию массажиста, закончила с отличием курсы, и молва о молодом специалисте быстро разнеслась по городу. Много ли надо для хорошей репутации? Помогла людям, они прислали своих друзей, и так по цепочке, по цепочке, пока не устроили молодого специалиста в лучший санаторий в Черноморке.

Женя оказалась талантливой не только как массажист. Она была чуткой к особенностям пациентов, думающей и при этом очень приветливой, просто лучезарной. Ей доверяли самых сложных пациентов, включая и большое начальство, и каждый уходил от неё довольный и с улыбкой на лице. Никто и не подозревал, что в обличье лучезарного ангела скрыта настоящая железная леди, умеющая справляться с самыми сложными житейскими задачами и мягко, но твёрдо добивающаяся своего.

Виктор прижал сестру к себе, погладил каштановые волосы с завитушками.

— Женюля… Вот как время-то пролетело… Только сами детьми бегали, я тебя дразнил, за косички дёргал, а вот уже и родителями скоро будем, — он помолчал, затягиваясь и выпуская дым в сторону. — Я в рейс ухожу. Ты за Таней присмотри, ладно? Ну, сама понимаешь, если что нужно ей… Вы теперь в одном с ней положении, а у неё здесь из семьи никого, кроме нас… вся родня в Сибири.

Сказав это, он вдруг впервые проникся сочувствием к Тане, даже ощутил что-то типа вины перед ней. Да, не много тепла получала она от него, это правда. Жили как соседи за смежной стеной. Нехорошо…

— Так ты не оставляй её, Женюль. Обещаешь?

— Да не беспокойся ты, не оставлю твоё северное сияние. Только б сама не возражала против моей помощи. Суровая она у тебя, с гонором. Молчит, словом не обмолвится, а я вижу, как в ней гордыня бродит.

— Да уж, что правда, то правда, суровая она. Решительная. Как она мне эту новость преподнесла о ребёнке, ты бы видела! Глаза стальные, голос негромкий: если, мол, не хочешь отцом быть, то и не надо, обойдёмся без тебя. Я этот подтекст сразу понял.

— Ну вот ещё не хватало! Что это за подтекст такой? Мы что ж, кровинушку нашу на произвол судьбы бросим? Спятила она, что ли? Вот гордость до чего доводит!

— Да нет, Женюль, это ж я так сам подумал. А она, может, и вовсе не имела ничего такого в виду. Ты не сердись на неё.

— Ладно, не буду, но сердцем чую, что прав ты был. Так она и подумала. У тебя глаз далеко видит, глубоко смотрит. Помнишь, бабушка так приговаривала?

— Помню, помню. Как не помнить? — он затушил окурок. — Ну, пошли в дом, а то мать заждалась.

Расписались через несколько дней. Всё было просто, включая и его предложение. На следующее утро после разговора с матерью Виктор пришёл к Тане с букетом полевых цветов и спросил:

— Ну что, распишемся?

Ему показалось, что глаза у неё слегка увлажнились. Она молча взяла букет и скромно ответила:

— Хорошо.

После загса отправились к Виктору. Там мать уже накрыла на стол. Квартирка на Мясоедовской была ветхая, обшарпанная, приспособленная для

жилья из какого-то чердачного помещения, зато на втором этаже, самостоятельная, с окном на крышу, небольшой прихожей и закуточком для кухни.

Внизу жила тётя Циля с невесткой Мусей и сыном Яциком, и Муся всегда мыла лестничную клетку Виктора.

— О, старается вже,— говорила тётя Циля, когда невестка старательно шерудила тряпкой по лестнице.— Ты бы ишо к нему палубу пошла драить.

— Та шо вы такое выдумываете, мама?— огрызалась раскрасневшаяся Муся.— Какую ишо палубу?

— Знаем мы какую.

— Яцик, пойди угомони свою маму, расскажи ей за дружбу народов,— отдуваясь, звала мужа Муся.

Выходил Яцик в тельняшке, чесал живот и вываливал тараньку на стол посреди двора.

— Нехай, мама, она чистоту сделает. Шо, тебе не всё равно? Меньше пыли будет на голову сыпаться. А Витюх мне коллега.

— Да какой он тебе коллега?! Ты бындюжник, а он— морская интеллигэнция!— взрывалась Циля.— Слухал бы маму, тоже интеллигэнцией стал бы.

— Ой, скажите уже сразу, мама, шо вам невестка не та досталась,— отжимая тряпку откликалась Муся с последней ступеньки.

— Ай, брось,— махала рукой Циля, желая закрыть тему.

— Ну так я и знала! А кошёлки с буфета вам, значит, подходять.

Это был козырь, и на нём перепалка прекращалась.

Сегодня Муся особенно тщательно вымыла лестницу по случаю бракосочетания дорогого соседа. Когда молодые пришли, лестница блестела, и пахло свежевымытыми досками.

— Поздравляемо,— встретила их у порога Циля.— И Яцик с Муськой велели передавать вам свои поздравления. Муська перед работой всё надраила— это вам её свадебный подарок.

— Спасибо, тётя Циля! Заходите к нам, посидим,— пригласил Виктор.

— Та не, я на Прывоз. Умине таранька вже созрела на окне. Нá тебе от меня связочку— свадебный подарок пусть уже будет.

— Спасибо вам! А таранька замечательная у вас, самая лучшая. И душистая какая!— Виктор с наслаждением понюхал связку лоснящейся рыбки.

— Ну идите, идите— ваши вже сидять там, ждуть.

За стол сели сразу. По-деловому выпили, закусили. Никто даже «горько» не крикнул. Да и кому было кричать? Мама да Женечка с Сергеем.

Вскоре Виктор ушёл в рейс, а когда вернулся, Таня уже изменилась. Суровость заретушировалась мягкостью, словно округлость форм повлияла на её внутреннюю строгость. Впервые за все эти месяцы он улыбнулся ей при встрече, прижал к себе, погладил по плечам. Она стояла, не зная, чем и как ответить на эту неожиданную ласку, и он, ощущая её напряжённость, отпустил её и прошёл в комнату.

В нём начался уже процесс брожения, словно что-то стало оттаивать внутри, и он знал, что это было началом возвращения. Не к ней— к себе. Он вдруг ощутил весну за окном, удивился, что не заметил цветения акации, когда шёл по улицам, и долго ещё смотрел из окна на деревья, на крыши, позабыв о Тане, о том, что они были почти четыре месяца в разлуке.

Когда он наконец повернулся к ней, это был уже другой, незнакомый ей Виктор.

За обедом она опускала глаза всякий раз, как ловила на себе его взгляд. Вечером расстелила постель и вдруг ощутила стыд при мысли о том, что должна раздеться и лечь с ним рядом.

Она любила в нём айсберг, любила, не приближаясь, восторгаясь им на расстоянии, обходя его. Она любила эти ледяные воды, по которым шла к нему почти незамеченной. А теперь, когда вдруг началось потепление и айсберг окинул её человеческим взглядом, она отпрянула, не зная, как с этим быть.

Она потушила свет и молча легла, то ли ожидая чего-то, то ли готовясь ко сну.

Это она, думал Виктор, разглядывая её в темноте, *моя жена. Это навечно, навсегда. Ну что ж теперь поделать!* Он коснулся её руки, лежащей поверх снежной постели, и тепло его было враждебным всему, что доселе хранило её любовь.

Вскоре он ушёл в рейс, потом ушёл снова, потом родились Сашенька и несколько строк в записной книжке:

> Он в последний раз взглянул на пристань,
> Быстро уходящую назад.
> Вечер. Городских огней монисто
> На минуту приковало взгляд…
>
> Он скорей угадывал, чем видел,
> Мимо проходящие места
> И как будто на волшебных крыльях
> Уносился мысленно туда…

Он любил родные берега, любил с особенной тоской, когда отчаливал, и с особенной остротой, когда приближался к ним. Что же касалось всего остального, то тут уж нести его волшебным крыльям было некуда, разве что в сны. А там жила другая, даже не жила, а пыталась прорваться сквозь толщу небытия, сквозь воронку военного времени, материализоваться хоть на мгновенье. И это сводило с ума. Хоть не ложись…

Таня не снилась никогда. И постепенно он понял, что любовь— это когда мечтаешь о женщине. О Тане он мог только думать, вспоминать. А вот об Л. он мечтал постоянно.

Работа была его страстью. Без моря он себя не представлял. Молодая страна была его Пенелопой, и ею он гордился не понарошку. В какой бы иностранный порт ни заходила «Слава», местные жители встречали моряков как героев, признавались, что желали посетить или даже навсегда переехать в расчудесную Страну Советов. Ну как же тут не возгордиться?!..

Последний рейс выдался особенно сложным, напряжённым. Да и когда китобойцу было просто? В те годы об этом не принято было говорить. Это спустя уже десятки лет на морском вокзале в Одессе установят мемориальную доску памяти моряков, погибших на антарктической китобойной флотилии «Слава» во время рейсов, а пока… Пока, по морскому обычаю, «седой океан» принимал их тела, оставляя единственную возможность любимым и близким помянуть их, придя к берегам…

> Двадцать три человека на маленькой скорлупке, и у каждого свои мысли, свои надежды, свои желания. Но у каждого—одна общая мысль, одно стремление: не отстать, не посрамить чести отчизны. Тяжело, а порой даже очень. Приходится работать в потоках воды, то и дело обрушивающихся на палубу. Палуба скользит и уходит из-под ног, качка, ледяной ветер пронизывает до мозга костей, но надо работать, нельзя отстать, и вся команда в насквозь промокшей одежде преодолевает трудности, делает своё дело. Ни одной жалобы, ни одного упрёка.
>
> В суровых морях, в атлантических водах,
> Где серые дни, словно волны, плывут,
> Где сердце моё зачерствело в походах,—
> Немало испытано сильных минут.
>
> Вот ветер крепчает, и волны, как звери,
> Окутавшись пеной, грозятся бедой.
> Корабль болтает, стучат где-то двери,
> И кажется—небо сольётся с водой.
>
> Корабль, как пылинка средь грозных громадин,
> То на гору лезет, то в пропасть летит.
> Надстройки и винты в ледовом наряде,
> И в сто тысяч флейт лютый ветер свистит.

Он делал записи в кратких перерывах между сменами, иногда даже не успевая переодеться в сухое. Запечатлеть происходящее было важнее, чем уснуть, тем более что напряжение дня не давало расслабиться и в минуты отдыха. Ложишься, а мысли наплывают, напрягаются мышцы, перед глазами—картины сражения со стихиями. Бывало, ворочаешься с боку на бок до рассвета или начала своей смены и встаёшь после такого, с позволения сказать, отдыха с чугунной головой. Только на ледяном ветру и наступало отрезвление.

Все ждали Монтевидео. Он нёс с собой освобождение от ледяных оков, от нещадных розог хлёсткого ветра. Мечты о Монтевидео срабатывали почище любого снотворного. Укладываешься, закрываешь глаза—и вместо прежнего необоримого напряжения впадаешь в нирвану, чувствуешь, как по телу разливается тепло от воображаемого благоденствия, и снится земля, обещанная картами и компасами… Земля обетованная…

> Наконец, по судну разносится долгожданное: «Подходим к сорока градусам широты». На небе появляются весёлые светлые тучки, подувают себе с разных сторон ветерки, а Жора мучает аккордеон и слух окружающих. Уже шестнадцать градусов тепла. Через полтора суток начнутся порты Монтевидео.
>
> Монтевидео, Буэнос-Айрес, Рио-де-Жанейро—мечта Остапа Бендера—постепенно вырисовываются на восточном побережье Южной Америки.
>
> День и ночь из репродуктора льются песни. Команда готовится к порту. Моют помещения, импровизированные парикмахеры кромсают волосы и стараются сделать причёску, причём иногда это даже удаётся.
>
> Вытащены на свет костюмы, их тоже надо привести в порядок—почистить, погладить, пришить оборванную пуговицу.
>
> Сброшены тёплые вещи, и как-то непривычно налегке—будто чего-то не хватает.

А радио в Монтевидео уже сообщило о предстоящем причаливании «Славы» в порт. Длинной сверкающей цепью горят огни большого города, а над ними занялась красавица Венера…

Вот и Монтевидео.

Корабли ошвартовались у отдалённого пустынного причала, куда местным жителям вход воспрещён.

> Мы отгорожены невидимым забором полицейских законов от населения города. Но стремление жителей хотя бы издали посмотреть и поприветствовать советских моряков и изобретательная личная инициатива владельцев катеров одерживают верх. С утра в воскресенье мимо борта проходит первый катер. Пассажиров очень много. Все они машут руками, платочками, выкрикивают приветственные слова. Катера следуют один за другим. Хорошая прибыль для держателей катеров и новое беспокойство для полиции. Приказывают не приветствовать, но попробуй удержать руку с приветствием и зажать рот человеку!
>
> Здесь же, в порту, стоит американский ледокол антарктической экспедиции. Офицеры ледокола во главе с адмиралом наносят визит на «Славу». Ледокол завтра уходит в Антарктику. Адмирал преподносит в честь визита комплект карт Антарктики, производится обмен кинофильмами для просмотра. Вечером мы смотрим американский фильм «Высадка на Антарктический континент».

Американцы смотрят наш фильм «Советские китобои».

С утра ледокол проходит мимо наших кораблей. Команда и офицеры выстраиваются на палубе, приветствуя советских моряков. На мачте «Славы» взвился сигнал из трёх флагов: «Счастливого плавания»,—и тотчас же с ледокола последовал ответ: «Благодарю».

В полдень моряки вышли в город. Он был большим, ярким, праздничным, с множеством магазинов, баров, кинотеатров и ресторанов с морепродуктами. Повсюду красовалась реклама, пестрели многоцветные плакаты, афиши.

Город живёт допоздна, и утром на улицах ещё не успевают убрать скопившийся мусор. Из трёх миллионов населения Уругвая одна треть проживает в столице—Монтевидео. Может быть, поэтому город имеет тот особенный вид, отличающий его от городов европейских государств. Центральные улицы широкие, чистые, с крупными магазинами. Тут можно встретить последнюю модель американского автомобиля, и буквально в ста метрах стоит на кóзлах в ремонте старенький «форд» на колёсах со спицами, который уже четверть века колесил по дорогам Америки. Переулочки грязны и неблагоустроенны, на тротуарах выбоины, но реклама и здесь так же пронзительно, как на главных улицах, кричит о чуде, изготовляемом той или иной фирмой. Вездесущая кока-кола приютилась даже у скромной будочки мелкого торговца.

В магазинах глаза у всех разбежались, и пафос советского бытия несколько снизился, а вскоре и вовсе улетучился. Моряки хватали вещи для себя, для своих жён и невест, не примеряя ни брюк, ни рубашек, а просто прикладывая всё к себе.

Хозяин одного из таких магазинчиков пытался зазвать моряков в примерочную, показывая отдельные кабинки с зеркалами. Но никто не обращал на его призывы никакого внимания.

— Ну а вы чего стоите, молодой человек?—обратился владелец магазина к Виктору на английском, заметив, что молодой штурман в раздумьях стоит перед ворохом женских вещей.—Для кого выбираете?

— Для жены…

— Замечательно! Какая она? Опишите.

— Ну… красивая.

— Само собой. А какие у неё глаза?

— Голубые глаза…

— Блондинка?

Виктор кивнул.

— Так она у вас действительно красавица!—воскликнул хозяин.—Блондинкам идёт голубой. Вот платье из голубого шифона. Ей пойдёт. Она худенькая?

— Стройная.

— Ну да, конечно. Так это прямо для неё! Не беспокойтесь о цене—сделаю хорошую скидку.

— Да нет… дело не в скидке…—вздохнул Виктор, слегка переминаясь с ноги на ногу.

— А в чём?

— Нужно что-то… поскромней. Она такое не носит.

— А! Понимаю. Тогда—вот,—он снимает с вешалки голубую блузку из хлопка с белой оторочкой.—Ну как?

Виктор кивает.

— Что-то ещё? Может, у вас есть сестра? У меня очень обширный отдел женской одежды.

— Вон то платье сколько стоит?—Виктор показал на чёрное атласное платье с расклешённой юбкой.

— У вас хороший вкус, молодой человек. Оно подойдёт молодой шатенке.

Виктор кивнул:

— Сестра и есть шатенка.

— Тогда она останется довольна, поверьте мне. А мать у вас есть?

— Да, но…

— Прекрасно! В придачу к вашим покупкам я дам вам замечательный кардиган для женщины средних лет. Это будет подарком вашей маме от моего магазина.

Виктор замялся. Тем временем хозяин принёс кардиган, слегка покачивающийся на вешалке.

— Вот, смотрите, какой красивый и… весьма скромный. Вашей маме должно понравиться.

— Нет, я так не могу…

— Простите?

— Без денег не могу.

— Как скажете. Тогда придётся выбрать другое платье для вашей сестры. А это идёт с кардиганом от магазина. Таков бизнес, молодой человек!—хозяин усмехнулся, выжидая.

Виктор взглянул ещё разок на платье. Больно уж красивое. Женечка любит пощеголять. Виктор вздохнул:

— Ну ладно, раз уж у вас тут такие правила…

— Да, у нас тут такие правила. Ну что, берёте платье?

— Беру, конечно…

Хозяин взял сущие пустяки за свой товар и, казалось, был рад больше Виктора, который вышел из магазина в полном смятении.

— Молодой человек,—окликнул его хозяин, когда Виктор спускался по ступенькам,—в следующий раз прикупите что-то и для себя. Рядом с такими нарядными леди должен быть соответствующе одетый джентльмен.

Виктор кивнул и отправился в порт. По дороге его окликнули из проезжающей мимо машины:

— Виктор!

Машина притормозила, и он увидел своих с корабля.

— Садись, подвезём,— махнул ему рукой Жора, приоткрыв окно.
— Правда? Ну, давайте!
— Только мы сначала в один магазинчик заскочим вещи свои забрать. Прикупили там кое-что, а хозяин предложил кульки у него оставить, шоб нам налегке побродить по городу. Вот теперь в магазин заскочим и оттуда сразу в порт.
— Ну, поехали!

У входа в магазин их ждал работник с пакетом, в который были вложены кульки.

Хозяин уже ушёл, а работнику велел дождаться моряков.
— Ваши вещи, господа моряки,— сказал им работник с улыбкой, передавая пакет.
— Спасибо! Мерси! Танк ю!— каждый поблагодарил на свой лад.

Работник ещё раз улыбнулся, все махнули ему рукой на прощание, и машина рванула по направлению к порту.
— Ну и ну, хлопцы,— подивился один из моряков, заглянув вовнутрь пакета.— Так усё аккуратно сложено, як в кубрике перед проверкой. У нас такого обслуживания я николы и не бачив…
— А шо ты вообще бачив у себя на Молдаванке?— фыркнул Жора.

Все рассмеялись.

Незаметно доехали до порта. Посмотрели, сколько по счётчику, сложились и протянули таксисту деньги. Он отрицательно замотал головой, давая понять, что денег не возьмёт с таких редких гостей. Как ни упрашивали его, он лишь продолжал отрицательно мотать головой и говорить что-то по-испански, оживлённо жестикулируя. Моряки тоже не соглашались прокатиться задаром и в конце концов нашли компромисс. Один из них достал ассигнацию и написал на ней: «Уругвайскому другу от русских моряков». Все с радостью расписались, и ассигнация перешла к шоферу. Тот бережно положил её в бумажник и крепко пожал морякам руку на прощание.

Когда вернулись на корабль и стали разворачивать кульки, вдруг обнаружили ещё дюжину брюк в придачу. Все, естественно, всполошились, стали гадать, что бы это могло значить.

Кто-то выдвинул версию, что это подвох со стороны хозяина.
— Испытываете нашу честность, господин?— выкрикнул догадливый, размахивая парой брюк.— Напрасно! Завтра все айда в магазин с этими кульками!

Его поддержали с большим энтузиазмом и тоже стали вытряхивать из кульков дармовые вещи и размахивать ими в воздухе, присвистывая.

Виктор хотело было пояснить, что это просто подарки от магазина, рассказать о том, как один хозяин дал ему в придачу вещицу для матери, но вовремя прикусил язык.

В полдень следующего дня брюки были вежливо возвращены владельцу, невзирая на его попытки пояснить морякам, что это подарок.

На обратном пути в порт все были очень оживлены, гордились собой и решили отметить «такое дело». Зашли в ближайшую бадегу и за пивом долго ещё перемывали косточки хозяину магазина, ругая провокаторов-капиталистов.

Выпив по нескольку кружек, моряки разомлели, и боевое настроение сменилось лирическим.
— А я вот вам историю одну сейчас расскажу, хлопцы,— сдув пену с очередной кружки, сказал Лёха-механик, плававший раньше на пассажирском теплоходе.

Все притихли, зная, что Лёха — кладезь занимательнейших историй и говорит как по писаному.
— Не иначе как за любовь сейчас начнёт травить,— подмигнув всем, сказал его друг Жора-аккордеонист.
— Точно, за любовь,— кивнул Лёха.— Только вот за какую любовь?
— За какую же?
— За самую высокую.
— Ну давай, трави за высокую.

Все рассмеялись, но тут же смолкли, сгрудившись вокруг Лёхи.
— Так вот,— начал Лёха, отхлебнув из кружки,— дело было во Франции. Теплоход наш готовился уже к отплытию. Всё как положено: пассажиры по трапу с вещичками поднимаются, с пристани им машут, те машут в ответ, кричат что-то. Ну, мы, понятно, вещички помогаем пронести вовнутрь, приветствуем прибывших, то да сё… В общем, работаем по уставу. И вот почти всех уже погрузили, ещё чуток пассажиров у трапа осталось пропустить, а тут в самый последний момент глядим — мужик один седовласый, средних лет такой, к концу очереди подходит. В руках багаж, сам подтянутый такой, как боцман наш Петрович, и лицо у него тоже как у Петровича — волевое такое. Сразу видать — жизни понюхал. Ну так вот. Подходит он, значит, к трапу, а рядом женщина, жена его, тихая такая, ничем не примечательная. Обыкновенная русская женщина, каких много. Я б и внимания не обратил, коли б не её выражение лица.
— А шо ж за такое выражение, Лёха?— с иронией поинтересовался Жора.
— А такое, что и не перескажешь, Жора. Глаза — как два колодца с тёмной водой. Будто всю ночь в слезах провела. Ну, думаю, что-то тут нечисто. Хлопцы наши тоже насторожились, друг с дружкой переглядываются. Рейс-то долгий, каждый на виду, все повязаны на две недели минимум, деваться-то некуда до самого прибытия. Так вот, разглядываем эту парочку, смекаем, в чём тут дело, а за ними ещё двое, тоже с теми же горестными лицами. Как оказалось, это дочь ихняя, лет так двадцати

трёх—двадцати четырёх, и молодой француз, муж её. Француза я сразу по виду определил. Такой себе весь франтовитый—шарфик, беретик… А она… Ну совсем из другого теста. Статная такая, волосы русые, тяжёлые, короной уложены. А глаза… озёра. Нырнёшь—не вынырнешь. Таких глаз ни у кого не сыщешь, окромя женщин Русского Севера.

— Ну уж и загнул ты, Лёха! Небось, в кино насмотрелся,—хмыкнул кто-то из слушателей.

— В кино, как же!—отпарировал Лёха.—Вон у Виктора такая же северная царица дома ждёт.

Все оглянулись на Виктора и согласно закивали.

— Ты давай продолжай, не отвлекайся,—смущённо пробормотал Виктор, отхлёбывая пиво из кружки.

— Я—что? Я для наглядности… Ну вот… Подходят они, значит, к трапу, предъявляют билеты и удостоверения, родители по-быстрому с французиком раскланиваются, без лишних эмоций, и поднимаются на корабль. И тут, братцы мои, начинается такая сцена, такая сцена, которую не забыть мне вовек. Как сейчас вижу. Оборачивается она к своему французу, он глаз с неё не сводит, белый такой стал, а она как бросится ему на шею и как запричитает что-то по-ихнему. А он как всхлипнет, как схватит её, как прижмёт к груди и умоляет, и умоляет, чуть ли не на коленях. А она только головой качает и рыдает, качает и рыдает. Ясно, что отказывает ему. Все притихли, пассажиры застыли на местах, кто где стоял, и смотрят в одну точку. И вдруг француз как выкрикнет на ломаном русском: «Наташа, я не могу без тебя жить! Останься, умоляю!» Женщины в толпе уже всхлипывают… А тут второй гудок. Наташа на теплоход глядит. Там на палубе родители её стоят, смотрят, ни слова не говорят. Ну, думаем, останется Наташа ихняя с французом, как пить дать останется. А она вдруг выпрямилась, резко так, обхватила ладонями его лицо, порывисто поцеловала и побежала к трапу. Он и опомниться не успел. Стоял как вкопанный, глядел ей вслед. И только когда она уже поднялась по трапу, закричал что было сил: «Наташа!» Она вся аж задрожала, схватилась за поручень, но не обернулась и звука не издала в ответ на его призыв. Команда замерла. Я взглянул на капитана. Тот сверил часы и отдал приказ отчаливать. «Ничего, скоро успокоится,—сказала пассажирка-француженка, когда мы отчалили.—Французы долго грустить не могут. До первой женщины». Да…—он отпил ещё немного из кружки и задумался.

— А дальше? Что было дальше?—послышались нетерпеливые возгласы.

— А дальше—теплоход отошёл, опустел причал, и только тот француз стоял и смотрел нам вслед, пока не исчез из виду. Плыли мы неделю. Потом показались родные берега. Все оживились, забегали, а те трое выстроились на палубе и всё всматривались в ту серую полоску земли, что называлась родиной.

Лёха сделал паузу, и на сей раз никто не осмелился нарушить её. Все вдруг как по команде увидели внутренним зрением ту самую полоску.

Лёха продолжал:

— Ветер подул. Холодный северный ветер. Трошки покачивало. Они были одеты в лёгкие демисезонные пальто, и чувствовалось, что очень продрогли, но с палубы не уходили. «Господи, дождались-таки увидеть тебя, Россия-матушка!—всё приговаривала мать.—Как-то ещё жить будем, а всё дома, всё у себя. И помирать на своей земле не страшно»…—Лёха снова выдержал паузу и заключил:—Так-то. Большая любовь…

Ещё несколько минут все молчали, потрясённые неожиданной концовкой и думая о большой любви.

Начало вечереть. Закатное солнце налилось спелым яблоком, медленно готовясь к приводнению.

Пожав на прощание трудовую руку хозяина бадеги, моряки отправились на корабль.

Возле порта к шумной компании подошёл мужчина в чёрном берете и на ломаном русском предложил взглянуть на пару молоденьких весёлых девочек.

— Вы можете хорошо провести с ними вечер. Стоит недорого,—сказал он.

Разгорячённые выпивкой и происшествием моряки выслушали его предложение, соображая, что сказать. Кто-то уже собирался спросить о цене, но тут на арену вышел зачинщик похода в магазин и с завидным хладнокровием ответил за всех:

— Не стоит беспокоиться, синьор, нас ждут наши девушки, которые не продаются за деньги.

Все радостно закивали. Сутенёр явно опешил.

— Воля ваша, воля ваша,—промямлил он, отступая в тень.—Необычно как-то… Моряки вообще-то никогда не отказываются от женщин…

— Моряки разные бывают,—отпарировал зачинщик. И прибавил:—Айда на корабль, ребята! Поздно уже.

В день отплытия на набережной собрались горожане. Кто-то пришёл с цветами, кто-то с кульками конфет, кто-то с шариками. Команда стояла у трапа и благодарила всех за радушный приём, за дружбу. Среди прощавшихся был один русский, семья которого переехала в Уругвай ещё в 1914 году. Сам он родился здесь, но русский знал превосходно и умел читать и писать. Несколько раз он навещал корабль вместе с членами Славянского общества и рассказывал, что выписывает «Известия» и «Огонёк». Начитавшись этих периодических изданий, он так проникся энтузиазмом на их страницах, что помышлял всерьёз поскорее вернуться в Советский Союз. Он ругал Уругвай, безработицу и проституцию и сокрушался, что пока не может купить билет до СССР. Разрешение на выезд он уже получил, но билет стоил очень дорого. Судя

по всему, это препятствие он намерен был преодолеть в ближайшем будущем.

Его восхищала идея освоения целины, он с жаром говорил об этом во время встреч с моряками. А недавно он прочёл о том, что один из жителей их города, по профессии бухгалтер, уже уехал на целинные земли и успешно работает там трактористом.

— Многие из нас мечтают приехать в Советский Союз,— говорил русский уругваец на не совсем естественном языке, явно начитавшись передовиц.— Мне, знакомому с сельским хозяйством, не потребуется много времени для обучения. Я могу выполнять любую сельскохозяйственную работу, управлять трактором. Мы знаем, что работа там найдётся для нас и на шахтах, и на стройках, и на целинных землях. Мы себе ясно представляем, что на первых порах будет трудно, но наши руки не боятся никакой работы, а сознание, что работаешь для себя, для своей страны, а не для набивания карманов капиталиста, удесятерит наши силы.

Он горячо распрощался с командой, воскликнув напоследок:

— До скорой встречи, друзья, в вашей стране, когда я получу право назвать вас товарищами!

Всё это напоминало сцену из какого-то популярного советского кинофильма. В подобные минуты команда и чувствовала себя как в кинофильме, в который верили и которым жили. Советы получили неслыханную и опасную популярность за границей, что поддерживало и удесятеряло царивший среди моряков патриотизм. Они жили и чувствовали в унисон с теми, кто радостно приветствовал их в порту, и это сплачивало и придавало сил.

Знали ли китобои о том, что происходило в оркестровой яме, откуда доносились бравурные марши? Судя по всему, ровно столько же, сколько сухопутные знали о корабельной жизни.

Вот вкратце реальная картина нашего бытия. Путь в Антарктику. Отошли от пристани, и родные и близкие остались позади, и единственная связь с ними — это коротенькие радиограммы, в которых так много сказано и так много хочется ещё сказать. Впереди тропики, экватор. Жара невыносимая. В машине температура доходит до семидесяти градусов. После вахты ночью отдохнуть нельзя — духота. На палубе, если есть незначительный ветерок, немного получше, но к утру встаёшь мокрый, сильные испарения, роса. Отсюда — головные боли, недомогания. Затем — неделя отдыха в умеренных широтах, но только если не подует встречный штормовой или даже пятибалльный ветер. Тогда стоишь на мостике в потоках воды, весь мокрый до нитки. Плащи не защищают. На камбузе кок, как акробат, воюет со своими кастрюлями, которые то и дело стремятся улететь с плиты. На койке трудно улежать, хотя и привыкаешь к этому. Временами висишь в воздухе и снова падаешь на матрац.

Барометр скачет вверх и вниз. На день десять перемен: то снег выпадет, то туман холодный и какой-то колючий, потом вдруг внезапно рассеется, на минуту выглянет солнце и опять спрячется; и тут без всякого перехода начинает моросить мелкий, до невозможности тоскливый дождь, который так же внезапно может смениться снегом. Влажность и мерзость. Ветры постоянные. За последний месяц было всего около десятка дней без штормового ветра. Да и ветер тоже особенный. Начинается с определённого направления, потом заходит по часовой стрелке почти что на сто восемьдесят градусов, после чего — снова, но уже против солнца, возвращается в исходное направление. Так может продолжаться три дня, неделю, две… И всё это время болтанка.

В общем, метеорология Антарктики и план флотилии — две вещи несовместные. Но мы идём против метеорологии и китам не даём покоя даже в шторм.

Наконец — порт. После месяца пути — два-три дня стоянки, и странным кажется, особенно во сне, что не слышишь шума винта, работы машины, что нет качки. Поэтому в первую ночь и уснуть не удаётся. А через три дня снова океан, и теперь уже на четыре месяца забудь, что такое земля.

Но забыть о земле нельзя, никак нельзя. Земля — это большая любовь. Она придаёт сил, вселяет надежду, исцеляет. Он думал о том, как заблуждаются те, которые считают, что морякам свойственна романтика моря. Нет, морякам свойственна романтика берега. И немудрено, что многое воспринимается ими по-иному, чем теми, кто на берегу. Это — психология моряка, вышел ли он в отставку или всё ещё плавает. Для него родной берег — святое место, идеал, к которому он стремится на протяжении всего нелёгкого плавания, а море — тяжело и буднично, и вряд ли он его идеализирует.

Босфор остался за кормой. Впереди раскинулось родное Чёрное море. И всё как будто бы стало иным. Кажется, какая может быть разница между Чёрным и, например, Средиземным морем? И там вода, и тут вода. И там ясное небо с теми же звёздами, что и тут. Но разница есть. Откуда-то издалека ветер приносит запах йодистых водорослей, звёзды тусклее и более знакомы, чем где бы то ни было в любом месте земного шара. Кажется, что даже дельфин черноморский прыгает вокруг носа не так, как в других морях.

— Знаешь,— говорит мне товарищ,— вот уже полгода, как ушли мы из своего порта и каждый раз считали дни, когда снова увидим родные берега… Очень ждали этой минуты… А вот сейчас, когда до порта остаются считанные часы, когда уже

осязаемо чувствуешь радость встречи, радость возвращения,—рождается какое-то чувство непонятное, жаль вроде, что последние часы рейса идут, что уже не будут будить тебя в привычное время на вахту, что у каждого из нас появятся другие интересы, кроме общих.

Что это? Любовь ли к морю или привычка к определённой обстановке корабля?

Мечты и реальность

Огни. Поздний вечер.

Виктор в последний раз оглядывает каюту. Тетрадь с собой, подарки в чемодане. Через несколько часов он уже будет сидеть в троллейбусе, а вся эта переполненная до краёв морская жизнь будет тихо плескаться на страницах его журнала в ожидании следующего рейса.

Домой он вернулся, как возвращаются из мечты в реальность. Первая встреча с семьёй прошла в умеренных широтах объятий и без горячих поцелуев.

Сашенька-крошка—тоненький, хрупкий, глазёнки открытые, карие, на мир смотрят галчатами. А мир холодный, строгий, того и гляди заморозит, в полёте остановит.

— Сашенька, Сашенька, ну что ты, я—папка твой,—приговаривал Виктор, поглаживая ребёнка по белёсой головке.—Ты не гляди, что небритый,— борода во льдах греет. Я сбрею её, завтра же и сбрею,—пообещал он, обняв ребёнка и чмокая Таню в прохладную щёку.

— Ни за что не хотел спать укладываться. Как услышал, что ты приезжаешь, вскочил и заявил, что будет папу ждать,—сообщила она в ответ на приветствие.

Сашенька внимательно глядел на него, не проронив ни звука.

— Вот ты какой… Серьёзный. Что, дождался папку? Дождался!—Виктор присел на корточки и взял его за тоненькую ручку.—Ну что? Узнаёшь? Мамку-то охранял тут без меня?

Сашенька смотрел молча на него во все глаза. У детей время совсем по-иному течёт: от первой мысли до первого слова—вечность. У Сашеньки вечность прошла с тех пор, как отец ушёл в плавание. Он уже и говорить понемногу начал, хотя молчун по натуре, как его батька. Смотрят друг на друга, словно изучают свои собственные отражения во времени.

— Ну что ж вы стоите?—подтолкнула их в комнату Таня.—Будет ещё время изучить друг друга. Все уже ждут, и стол накрыт.

Стол действительно был накрыт, но всё так чинно, сдержанно. Хозяйка двигалась от стола в кухню, вносила блюда, голова величаво приподнята, светло-русая коса на ней короной уложена. Глаза серые, строгие. Так и не соприкоснулись душами…

Виктор бросился к родным напролом, сквозь ледяную завесу воздуха. «Дзинь-дзинь!»—посыпались за спиной льдяшки-стекляшки.

— Мама! Женечка!

Слёзы. Ну вот, всё и оттаяло, слава Богу. Достаточно во льдах он по́жил. И водка, и вино—всё капало радостно на открахмаленную царевну-скатерть, и оливье из миски—шлёп мимо тарелки. Всё правильно, всё по-человечески! А теперь наполним-ка рюмки…

Все наполнили, у кого что было,—кто рюмку, кто чашку, кто кружку. Семья ждала ответов: трудно ли? холодно ли? опасно ли? А он медлил. Да разве расскажешь про всё это домашним? Разве расскажешь, как от холода вода не успевает сходить с палубы и заковывает судно в ледяную броню? А о том, сколько моряков в мешки зашито и дну предано, никому и поведать нельзя. Молчит вода, молчи и ты.

Эх, Антарктика, Антарктика, зачем тебя я узнал?!

Он наливает рюмку, а присутствующим вместо ответа на расспросы говорит:

— Выпьем-ка лучше за тех, кто в море!

Он хотел прибавить: за тех, кто пробивается к родным берегам сквозь туман и непогоду, кто рискует здоровьем и жизнью, кто выдерживает натиск стихий и кто никогда, никогда не посрамит чести отечественного флота. Но лишь прибавил:

— За них…

Все молча опрокинули рюмки и задумались, а Сашенька на колени к нему взобрался—наконец-то признал!—и за бороду потрогал. Эко диво!

Вскоре все разошлись по домам, обнявшись на прощание и расцеловав ребёнка.

— Ну, пошли, сынок, я тебя спать уложу,—сказал ему Виктор, когда стихли шаги на лестнице.—Пора тебе. А завтра бороду сбривать будем… Будем, да?

Сашенька поглядел серьёзно, понять попытался, да где ему, детёнышу! Виктор рассмеялся и поцеловал его в нежную, пухом покрытую макушку.

— Поживём…

Проснувшись в своей постели на следующий день, он некоторое время не мог понять, почему они стоят на рейде, и только голос ребёнка вернул его к действительности.

Таня уже убегала на работу—она устроилась машинисткой в одном бюро, а Сашенька запрыгнул к нему в постель и первым делом потянулся к бороде.

— Завтрак на плите. Обед в холодильнике,—сообщила Таня, на ходу подкрашивая губы.

Виктор кивнул, оглядывая её в утреннем свете. Что у них было этой ночью? Близостью это вряд ли назовёшь. Скорее всего, отдаление. Чем ближе, тем дальше…

— Спасибо,— ответил он, гладя Сашеньку по голове.

Начались каникулы, отпуск, мечты о котором казались уже несбыточными в конце плавания. Казалось, так и будут они болтаться в водах, просыпаясь на одной и той же широте, как заколдованные. Виктор знал, что это переутомление, но поделать с этим ничего не мог, только внушал себе, что скоро дом, а всё остальное станет воспоминанием. Ну вот он, дом, принимай и радуйся.

Каждый день, пока Таня была на работе, Виктор с Сашенькой ходили на море. Он учил сынишку плавать, читал ему книжки, кормил, укладывал днём спать. Потом возвращалась с работы Таня. Они все вместе ужинали, а после ужина шли в парк, ели мороженое, катали Сашеньку на качелях, возвращались домой и пили чай.

Семейная жизнь всё больше напоминала Виктору дальнее плавание, где море и берег поменялись местами. Берегом было его прошлое, к которому он стремился в штормовые минуты жизненных передряг.

Плавание в семейных водах становилось невмоготу. Видимый штиль отношений угнетал. Иногда его сменял тихий северный ветер, который только усугублял давящую атмосферу. Так прожили молчком неделю, не сдвинувшись с мёртвой точки. Впереди было ещё три. Три недели без цели.

— А я тебе говорю, не пара она ему,— делилась своими мыслями Циля с невесткой, наблюдая, как Виктор выходит с Сашенькой на улицу.

— Ой, мало вам своей невестки, так вы за чужую прыйнялысь,— откликалась Муся, мешая сливовое повидло.

— Так Яцик же тебя любит! Вон как гоцает — скоро все пружины на кровати полопаются.

— Не выдумывайте, мама. Спите себе и спите.

— Так я ж не глухая!

— Яцик, иди угомони свою маму, а то у меня всё повыдло повылезае из таза!

Неожиданно на подмогу пришло начальство. Виктору было предложено отправиться в Баку на курсы повышения квалификации. Когда-то во время войны он стремился попасть на те же курсы в Ростове в надежде, что туда переведут Л. и им удастся быть вместе на учёбе… Сбылась только первая половина его мечты — её действительно отправили в Ростов. После этого всё потеряло смысл.

Предложение поехать на курсы было воспринято им как глас провидения. Виктор взволновано ходил по квартире в ожидании, когда Таня придёт с работы, чтобы поделиться новостью.

Таня сразу смекнула, в какую сторону ветер дует, но перенесла всё молча, без объяснений, как это делала всегда. А что ей оставалось? Плавать он не бросит ради их семейной жизни, это было и так ясно, а со скандалом провожать на курсы — только обострить то, что уже и без того обострено.

Виктор оценил её сдержанность и последние дни старался быть максимально внимательным. С Сашенькой у него это выходило естественно, и через него он оказывал знаки внимания и Тане.

— Сегодня мы пойдём с Сашенькой и с мамой в парк,— говорил он.— Будем кататься на каруселях. Мама наденет свою голубую блузку, которую папа ей подарил. Мама у нас красивая. Да, Сашенька?

Сашенька кивал в ответ и тянул его на улицу.

Прощание с семьёй было коротким. Виктор крепко обнял Сашеньку, поцеловал Таню, сел на пароход и отчалил в город, где родилась его Л., его первая военная любовь. Лететь не хотел умышленно. Перелёт — это как быстрое перелистывание книги с целью узнать, что в конце. А движение по морю — это настоящее путешествие во времени. Каждая волна нашёптывает незабываемые минуты военной молодости.

В море всё живо и все живы. В отличие от суши, морское пространство не меняется. Можно вернуться спустя десятки лет в покинутые широты, и они встретят тебя такими же, как в пору первого знакомства. Что запечатлела морская поверхность, навсегда сохраняет глубина. Нужно только разглядеть…

Он ехал, наслаждаясь этой природной машиной времени, приказывая себе возвращаться только в хорошее и светлое.

Вспомнилось, как Л. рассказала ему однажды: «В детстве мы барахтались в воде, словно маленькие золотистые головастики, рыли ямки в песке… и нам было весело просто так — от солнца, от реки, от брызг. Мы были счастливы, просто счастливы, без всяких причин, как сама природа…» А потом вдруг взглянула на него и ни с того ни с сего спросила: «А ты сможешь написать о нас?» — «О нас?» — «Да, о нас. И об этой войне, и о сегодняшнем вечере, и о будущем».— «Не знаю. Наверное, смогу…»

Море переливалось. Маленькие золотистые головастики перепрыгивали с гребня на гребень, мигали, взметались с брызгами за кормой.

Постепенно солнце разлилось по горизонту, предвещая вечер. Он смотрел на бегущую вслед кораблю воду, а в ней мелькали картины памяти…

Что она чувствовала в тот последний день, когда ушла в рейс, не успев проститься? Больше всего боялась она уйти, не простившись. На этот случай они условились мысленно сигналить друг другу, сигналить изо всех сил.

В тишине погружающегося в бархат ночи моря Виктору почудилось, что он слышит эти сигналы, долетающие сквозь толщу времени, слышит её голос…

Свет уже окончательно истаял. Помигивало усеянное огнями небо, то же, что и тогда. Как давно это было! Да и было ли?

Он прислушался к всплескам воды за кормой.

Прости меня, прости, подумал он, разглядывая звёзды, её звёзды, и они дрожали и слегка удваивались у него в глазах.

За что просил он прощения? В чём была его вина перед ней? Он не знал, но чувствовал, что вина была.

Апшеронский полуостров раскинулся перед ним, как экзотический мир восточной сказки. Виктор ступил на древнюю землю Ширваншахов, некогда окружённую двухрядной крепостной стеной и рвом. Город восточных принцесс—загадочных, волшебных, как луна над звёздными водами…

Он бродил по улицам, прикасаясь ладонью к тёплым древним камням, представляя, что и она вот так же касалась их своей ладонью. Теперь их касания встретились, и камень навсегда сохранит отпечаток этой встречи.

Незаметно для себя дошёл он до Девичьей башни, некогда игравшей роль защиты города. Интересно, а была ли здесь Л.? Ну конечно же, была! Все девушки сюда приходили, и невесты, и жёны. По легенде, башня была выстроена шахом по просьбе его дочери, в которую он влюбился и на которой хотел жениться. Дочь бросилась с неё в день свадьбы, не видя другого выхода и желая избежать чудовищной участи.

Что за глупая легенда?—думал Виктор, присаживаясь на тёплый камень и подставляя лицо ветру. Ветер ерошил его волосы. Шум прибоя доносился снизу. На мгновения он погрузился в дрёму.

Когда он открыл глаза, уже начинался закат. Он смотрел, как истончается закатный воздух и на нём вновь проступают узоры вечера. *Нужно идти. После захода солнца воспоминание о ней превратится в тень, а так она навсегда останется солнечным бликом.*

Больше он сюда не возвращался. Две недели он слушал лекции, вёл конспект, изучал необходимые вещи, а затем получил справку об успешном завершении учёбы.

Домой он отправился самолётом.

Проводы

Оставшиеся дни Виктор провёл в кругу семьи. Возможность подышать воздухом той, что брезжила в дымке его военной памяти, сказалась целительным образом на его состоянии духа. Он как-то успокоился, обрёл внутреннее равновесие, и навязчивые сравнения его семейной жизни с тем чувством, которое он пережил на острие войны, постепенно отпустили его. Он вдруг осознал, что эти две линии его судьбы—военной и послевоенной—как две параллельные прямые. Не могут они пересечься. Да и не надо.

Накануне отъезда родные и друзья собрались у Жени с Сергеем, чтобы проводить его в рейс, а заодно отметить его день рождения и успешное окончание курсов.

В тесной комнатке в коммуналке на шестнадцать семей Женечка-франтиха обхаживала гостей в новом платье из Монтевидео. Условия не ахти какие, но жаловаться не приходилось—всё-таки не подвал, и близко к центру. Неустанный звон вилок о тарелки звучал в ушах хозяйки лучше всяких похвал. Пришли Женины друзья и некоторые сослуживцы Виктора с жёнами. За шкафом, отгородившим Лорочкину кровать, играли дети, но так тихо и сосредоточенно, что Женя несколько раз наведалась к ним, проверяя, всё ли в порядке.

Сергей слушал застольную беседу, но участия не принимал, только подливал гостям вина и улыбался. У него было удивительное свойство растворяться в компании, словно на нём была надета шапка-невидимка. Мужчиной он был видным: высокий, поджарый, светлые волосы, голубоватые глаза. Он сразу обращал на себя внимание, но уже через несколько минут о нём забывали, как забывают о статисте на сцене. В нём не было никакой особенности, ничего, что привлекало бы к себе, и речь его была бесцветной, не окрашенной ничем личностным. Внешне это была красивая пара—яркая Женечка и импозантный Сергей. А как они уживались вместе, для всех оставалось загадкой.

К вечеру гости стали расходиться, пожелав Виктору удачного рейса и поблагодарив хозяйку за гостеприимство и вкусности. Женя смущённо улыбалась, понимая, что произвела впечатление не только своими кулинарными способностями и не только на опытных одесских хозяек.

Таня убирала тарелки со стола и относила их на кухню, пока хозяйка провожала гостей.

Когда все разошлись, Женя подошла к большому зеркалу и, удовлетворённо оглядев себя, поправила пояс на тонкой талии.

— Ну что, снова в дорогу?—сказал Сергей, наливая себе и Виктору на посошок.

Мать молча наблюдала за ними.

— Ну, давай… Будем!

Они опрокинули по рюмке и зажевали ароматным хрустящим солёным огурчиком с Привоза.

Тем временем Таня закончила убирать со стола и отправилась за Сашенькой.

Виктор понял сигнал, снял шинель с вешалки, надел форменную фуражку и обернулся к Жене:

— Ну, бывай, сестричка! Спасибо тебе за всё. За приём, за угощение…

— Витюша, радость моя, с днём рождения ещё раз и удачного тебе рейса!—она порывисто, с некоторым даже вызовом, явно обращённым к хладнокровной Тане, обняла брата и несколько минут стояла, уткнувшись ему в плечо.

— Ладно тебе, будет… Не на фронт ведь провожаешь… — Виктор улыбнулся, отстраняясь.

Мать стояла, опершись на спинку стула, и долгим взглядом смотрела на своего такого уже взрослого сына. Виктор наклонился и расцеловал её в обе щеки, затем взял её руку и задержал в своих ладонях, словно напитываясь материнским теплом.

— Мамочка… Не болей, слышишь?

Она погладила его второй рукой по щеке, как в детстве. Губы её слегка дрожали.

— Витюш…

— Ну что ты, что ты, родная, всё будет хорошо. Скоро вернусь, снова встретимся, только уже у нас. Я тебе привезу красивое платье… А ты… ты мне оливье приготовь. У тебя самое вкусное!

Мать тихо кивнула в ответ, чуть задержав ладонь на его щеке.

Ночью Виктор лежал без сна, уставившись на блики от уличного фонаря на потолке. Таня тоже не спала. Сашенька посапывал в соседней комнате.

На душе у Виктора было неспокойно. Мама хоть и держалась бодро, но по лицу Жени он заподозрил что-то неладное. Когда они вышли на лестничную клетку, он спросил кратко:

— Что, хуже ей?

Женя замялась. Ему в рейс идти, волновать не хочется.

— Ну, говори, не скрывай ничего.

— Нездорова мама. Недавно сознание потеряла… Сердце ослабло после всех переживаний…

Женя пообещала, что будет каждый день слать радиограммы, чтобы братец не волновался. Но это не слишком его успокоило.

С тревогой в душе он и ушёл в рейс.

Тревожный рейс

Ночи в океане сотканы из тревог. Нахлынут — отхлынут, вновь нахлынут. А уж если небо заволакивает и звёзд не видно, то и вовсе муторно на душе.

> Ночь тёмная, тёмная. Тучи многоярусные скрыли все светила небесные. Не мелькнёт звёздочка, луна не осветит мрачный океан и льды, уходящие до самого горизонта. Вдали, справа, скорее чувствуешь, чем видишь, огромный айсберг. Свирепый ветер свистит и завывает. Брызги ледяной солёной воды то и дело срываются с гребней и обдают стоящих на мостике. На трубе толстым слоем выступила соль. Напрягая зрение, смотрит вперёд вахтенный, а свободная команда спит в тёплых каютах, спит спокойно. Их сон и безопасность, безопасность всего корабля охраняет вахтенная служба. Чем темнее ночь, чем сильнее ветер, тем зорче всматривается вперёд вахтенный. А впереди много опасностей! Огромные айсберги усеяли океан, стали на пути корабля плавучие льдины едва заметные, ночью почти сливающиеся с водой. Трудно различить даже вблизи.
>
> На вахте всё время в напряжении. Бывает, ко всему ещё начинается снегопад. И стоишь наверху, на открытом со всех сторон мостике, под снегом и брызгами солёной воды. Холодно, сыро, ветер продувает насквозь, пробирается во все щёлочки одежды.
>
> Да, далеко забрели мы от родной стороны своей. Моря и океаны, тысячи и тысячи миль морских дорог остались позади, и столько же впереди.

Ему часто снилось, будто он бороздит моря, а компас сломался, связь нарушена, и земля всё не появляется. После таких снов он первым делом бежал в радиорубку — проверить, есть ли что-то от родных.

Увы, радиограммами его на сей раз не баловали. От Тани несколько сдержанных строчек, а Женя вообще замолчала. Некогда ей там, что ли? Это уже просто безобразие! Как можно так волновать человека, когда он вдали от родных, когда малейшее промедление приводит к упадку духа? А ведь ему нужно работать, выполнять план! Если бы они хоть раз побывали в его шкуре, вдали от всего, от земли, от родных, где тоненькая ниточка радиоволны — единственный пульс, единственная соломинка, за которую постоянно хватаешься после очередной вахты… Ах, женщины, женщины! Спите сейчас, небось, в своих тёплых постелях, и невдомёк вам, что ваш муж и брат уже столько суток мается без вестей. В последний раз тоже — такую бездушную радиограмму Женя дала: «Мама болеет. Женя». Кто же такие вещи в море посылает, а потом пропадает? Ну ничего, при встрече поговорим…

Иногда он вытаскивал из ящика материнскую фотографию и подолгу разглядывал её, изучая такие знакомые черты. Фотография была сделана в Феодосии, куда мама поехала с Женечкой в санаторий. Они стояли на лестнице, ведущей в парк. Женечка, ещё незамужняя, с фарфоровым личиком, глядела победительницей, а на ступеньку ниже — мама, слегка улыбающаяся, но со скрытой грустинкой. Так смотрят с портретов, когда жизнь уже далеко позади и ничего не больно, ничего не ранит, всё успокоено мыслью о законах природы. Мама, мамочка… Ну что же ты? Всё ведь только начинается — внуки, жизнь… Мы ещё поборемся! Поборемся ведь? Он смотрит на часы — те самые, с льдинкой стёклышка. Даже вода не разрушила их механизм.

Пора заступать на вахту.

Чёрный буревестник

Быстрый чёрный буревестник появился и сразу пропал за гребнями волн.

Всё говорило о приближении к суровым антарктическим водам. Исчезли летучие рыбки, хотя по небу проносились ещё светлые облака. Только позавчера невозможно было укрыться от палящего

солнца, а теперь и в меховой безрукавке холодно по ночам на вахте. Уже конец января. На душе тоже «ревущие сороковые», или, по английской морской терминологии, Roaring Forties. И с этим также непросто бороться. Но, сталкиваясь, внешние и внутренние стихии нейтрализуют друг друга.

> Входим в «ревущие сороковые». Тихо, но тишина какая-то зловещая, нервирующая. Бледные краски неба на заходе солнца, мутные испуганные звёзды, резкий круг вокруг луны — всё это не к добру.

И правда — тишина продержалась только до утра.

Задул юго-восточный ветер, довольно редкий в этих широтах, и с каждым часом крепчал. Казалось, будто вся рассвирепевшая Антарктика набросилась на флотилию. Поначалу на судно неслись седые волны с опрокинутыми гребнями, затем ветер смыл их, сгладил и понёс с собой густую водяную пыль. Океан рокотал. Нет, это был не свист ветра в снастях — это был рёв взбесившегося демона, который, казалось, задался целью потопить маленький кораблик, запугать и нагнать страх на горстку людей, вступивших с ним в борьбу.

Ветер всё усиливался, барометр, поднимавшийся до этого момента, вдруг начал резко падать, как падает пульс у больного. Болезнь стала одерживать верх: пять баллов, шесть, семь, доходит до восьми. Разлохматился океан, и качка увеличилась. Идущий впереди танкер тяжело переваливался с борта на борт. Благо ветер был попутный, без стремительных бросков, и брызги не залетали на мостик.

Вдруг — тихий встревоженный голос в рубке:
— Алло, девятый, будьте вблизи меня, ударился о подводную часть айсберга. Алло, девятый, я пятый. Как слышите меня?
— Ясно, пятый, иду на вас.

На мостике «пятёрки» нёс вахту второй помощник Симохин — грузный, среднего роста, малоразговорчивый, с широким одутловатым лицом и вздёрнутым носом. Рядом стоял капитан — небольшого роста, подвижный, темпераментный человек со смуглым лицом и чёрными курчавыми волосами. Оба всматривались в свистящую темноту ночи, пытаясь разглядеть часть айсберга.
— Где-то здесь рядом должен быть, да разве заметишь в такой тьме? — сказал Симохин.

Фонарик погас.
— В радар видим айсберг, — послышалось сообщение.

Нет, это был даже не айсберг, а часть водяного барьера, опоясывающего Антарктиду. В длину он достигал шестнадцати миль. Чуть подальше такой же айсберг немного меньших размеров — двенадцать миль.

Капитан, не отрываясь от бинокля, пробормотал что-то в ответ, продолжая вглядываться в ночь. Косые полосы снега закрыли горизонт. Холодно на открытом мостике, рулевой переминался с ноги на ногу.

Посреди гигантских валов движется китобойная флотилия. Китобоец то взбирается на гребень волны, то скрывается из глаз за её стеной. Ветер ревёт и несёт ледяную пыль, волны заливают судно, вся палуба в воде, можно даже сказать — под водой, крен доходит до сорока — сорока пяти градусов. Только в шторм и можно представить себе бесконечно малую величину китобойца, что, как букашка, взбирается на гигантскую водяную гору, кренится, уходит по самую надстройку в воду и, отряхнувшись, как утка, вновь гордо появляется на вершине гребня, чтобы в следующий момент вновь сорваться по склону волны.

На китобойце номер пять непрерывно вращалась антенна локатора, светился бледно-салатным светом его круглый экран. Справа и слева на экране выделялись яркие светящиеся полосы — айсберги. Но до них далеко. Ближайший — в четырёх милях. Может быть, это был не айсберг, а кит, ударивший в борт? Иногда в отчаянии они могут таранить судно.

Виктор вспомнил утреннюю охоту. Бороздили воды, пока, наконец, не показался первый кит. Зрелище влажной, медленно выгибающейся из волн китовой спины всегда восторгало китобоев. На минуту все даже замерли, глядя, как это сооружение Господне ворочает толщами вод, отсвечивая на солнце. А потом началась охота, и весь трепет любования превращался в ажиотаж ловли. Морской гигант испуганно бежал от маленького китобойца, уворачивался, уходил в глубины, пытаясь спрятаться от преследования.

Один неосторожный выпад у носа вёрткого судёнышка решил судьбу кита и на сей раз.

Виктор смотрел, как срезали огромный хвостовой плавник и на нём вырезали цифру «1», а сверху «10» — номер китобойца, завалившего кита. Кит лежал влажной грудой плавников и жира, не имея уже отношения к морю, а только к прагматичному миру людских потребностей.

Резкий удар вновь потряс китобоец, и он накренился на левый борт. Капитан рванул ручку телеграфа «Стоп». Машина остановилась. Полуодетые люди выскочили наверх, не зная, что случилось. Капитан сбежал с мостика. Рядом с бортом плыли тёмные, сливающиеся с водой обломки разбитого ропака — стоящей ребром льдины. Значит, не кит…
— В трюм поступает вода! — тем временем взволнованно доложил боцман.

Зазвонили тревожные звонки авральных сигналов. Водяная тревога. Вся команда была уже на ногах и приступала к борьбе с обрушившейся на корабль стихией. Тяжёлый брезентовый пластырь был опущен на место пробоины. Вода прибывала. Волны разбили переборки, койки, мебель.

Команда едва держалась на ногах от усталости; скручивали в жгуты костюмы и оставшуюся одежду. В затопленном трюме уже работали водолазы, долбили деревянный настил, срывали доски, чтобы добраться до пробоины.

Острым крюком была порвана водолазная рубашка. Затоплен трюм, вода подходила к кубрику, палуба кубрика была залита водой, нижние койки затоплены, а вода поднималась всё выше и выше, и насосы не могли остановить бешеные потоки… Все стали на ручной насос, но усилия прибывающих людей не оправдывали себя — вода тоже прибывала, и её скорость и количество превосходили людские ресурсы.

Наконец уровень воды в кубрике сравнялся с уровнем воды в океане, и поступление её прекратилось. Кубрик был полностью затоплен, но судно держалось на плаву.

В радиорубке радист постоянно сообщал на базу обстановку на китобойце.

Капитан-директор отдавал приказы подчёркнуто спокойным голосом:

— Девятый, приготовьте все спасательные средства к действию, подготовьте к спуску шлюпки.

— Всё готово, товарищ капитан-директор, — слышалось в ответ.

Вскоре эфир смолк. Служебные разговоры были прекращены, все с тревогой следили за борьбой команды потерпевшего китобойца.

— Иду полным ходом к вам, — сообщил наконец капитан-директор.

Борьба команды за плавучесть корабля продолжалась до самого утра. Наконец база подошла к китобойцу. Завезены были дополнительные пластыри, мощный насос откачивал воду из трюма, за борт были спущены водолазы.

Трое суток нечеловеческих усилий заставили стихию отступить. Вода больше не прибывала, насосы продолжали откачивать её остатки, а электросварщик варил первый шов на растерзанном теле корпуса. На пятый день китобоец номер пять снова вступил в строй для полноценной работы.

Флотилия двигалась на запад и опускалась на юг, ближе к берегам Антарктики. Температура воздуха падала. Двадцать четвёртого февраля, в полдень, пересекли Южный полярный круг. Китов не было. Китобойцы рыскали по всем направлениям в поисках добычи.

У Виктора было двойственное отношение и к освоению Антарктики, и к собственно промыслу. С одной стороны — стремление выполнить план, соревновательный инстинкт, а с другой…

> Очень многолюдно сейчас в Антарктике и Антарктиде. Рыщут по необъятным просторам океанов, как голодные псы, китобойные флотилии, пожирают тысячи и десятки тысяч китов и никак не могут насытить своё чрево. Всё мало! А на материк впервые в истории земного шара высаживаются робинзоны от науки, следопыты последней неизведанной земли. Что нового принесут их смелые попытки проникнуть в тайну шестого континента? Меньше думать, больше действовать — вот, по-моему, лозунг этих, с позволения сказать, исследователей.

После удачной ловли Виктор всегда был на стороне пострадавшего моря. И действительно, как можно объяснить осиротевшей семье кита смысл этого убийства? Киты — известные однолюбы. Всякий знал, что оставшийся в живых кит будет тосковать и не находить себе места ещё долгое время, может, и до скончания своих дней, и эту тоску не залечить ничем. У этих громадин тонкая конституция, они чувствительны к магнитным полям Земли и не только. Они сентиментальны, привязанность их друг к другу сильна, они чувствуют, когда кому-нибудь из соплеменников неможется, и пытаются оказать помощь. Вид раненого страдальца-кита действовал удручающе на некоторых китобоев, и всякий раз хотелось поскорее остановить его муки…

Термометр показывал минус шесть. Айсбергов была тьма-тьмущая. Они усеяли океан, и даже в сильнейший шторм могучие волны не в силах были поколебать их величественные громады, лишь мерно обтачивали их, придавая им причудливую форму колонн, портиков, арок и фантастических шпилей.

Дни стояли солнечные, ясные, и Виктор, не переставая, фотографировал эту ледяную красоту. Фотоаппарат он приобрёл незадолго до отъезда с целью запечатлеть все детали Антарктики. В объективе у него сиял ледовый дворец неимоверной красоты, вызывавший смешанное чувство восхищения и глубокой грусти. Он знал, что в один прекрасный день это сооружение, подтачиваемое волнами, истончится и развалится на тысячи опасных осколков.

Почему, думал он, Творец не создал ничего вечного, на чём бы останавливался глаз и отдыхала душа? Почему и природу поджидает та же участь умирания, что и однажды провинившегося человека? Для чего это ежеминутное напоминание о смерти в момент любования жизнью? К чему Господь очертил невидимую траурную каёмку вокруг каждого творения и каждого мига этой волшебной жизни?

С утра появились финвалы — сельдяные киты, вторые по величине животные на планете. Они бродили группами и не подпускали китобоев. Как те ни старались, гоняясь за ними до самых сумерек, ничего не выходило. Три выстрела — три промаха, дрейф.

На профсоюзном собрании, обычно скучном и официальном, разгорелись страсти. С планом

плохо, а гарпунёр — молодой, работает первый год. Все недовольны, гудят, объяснений требуют. Гарпунёр встал, оправдываться начал, что, мол, опыта у него маловато.

— Да, иногда и промахнёшься, иногда не туда повернёшь, — признавал он. — Но не только моя вина в том. Вот с бочки тоже не всегда говорят, когда кит выходит под носом. И боцман не всегда вовремя крикнет, куда пушку развернуть. А кит возьми и занырни…

Гул и ропот усилился, все на боцмана смотрят.

Боцман поднялся — тоже молодой, три года как демобилизовался и усы себе отрастил запорожские. Руками в стол упёрся, на руки глядит и говорит едва слышно:

— Виноват. Не заметил я вчера того кита… Слежу, значить, за одним, на которого охотимся, ну и докладываю: справа. А другой, значить, возьми и выйди слева. Я его и не заметил. Ну, так получилось… вот…

Ему явно никто не сочувствовал, даже наоборот, все с каким-то раздражением слушали его мямленье. Тогда он пошёл в наступление — оторвал взгляд от рук, голос стал твёрже:

— А вот хотел бы ещё сказать об отношении к соцсобственности — к своему добру, значить.

Слушающие хмыкнули. Ну вот, сел на своего конька, сейчас перевернёт всё с ног на голову. А боцман, заметив это, ещё больше раззадорился и перешёл в наступление:

— Да! Машинистам вот шланги приготовил. Берите, пользуйтесь. А они? Набрали воду, сломали один рожок и бросили мокрый шланг. А я, значить, наблюдаю: уберёт ли хто, просушит ли?

— Китов бы лучше наблюдал, — проворчал кто-то.

Боцман сделал вид, что не расслышал, и продолжал:

— Только на вторые сутки забрали на котёл сушить! А ведь нихто не бросит свои мокрые сапоги, шоб, значить, валялись и гнили! То ж своё, собственное! А это чьё? Дядино? Нет, товарищи, это тоже своё, за это надо тоже деньги платить, и больше, чем за сапоги. Вот я и хочу, значить, сказать: смотрите за каждой вещью, нянек тут нету за каждым ходить и прибирать.

Все только переглянулись и плечами пожали. На том и разошлись.

Март — месяц ветров и морозов, месяц коротких дней и обледенения — ворвался со штормами. Ночи стали длиннее. Солнца и звёзд почти не видно — тучи, тучи, тучи. Команда совсем сникла, все смотрят хмуро, почти не разговаривают, и можно только догадываться, что творится в душе у каждого.

Пятеро суток бушевал сильнейший шторм с непрекращающимися снежными зарядами при температуре минус шесть градусов. Болтанка — ни пообедать как следует, ни выспаться после смены. Моряки изнурены: сложно передвигаться, всё летит, движется, грохочет.

Аврал. Все выходят на отбивку льда. Все — от капитана до повара — ожесточённо долбят ледяные наросты и такие красивые на фотографиях сосульки. Волны обдают солёными брызгами, проникают сквозь одежду. И даже от жаркой работы тело не согревается. Наконец ледяной убор выброшен за борт. Но это ненадолго. Через два часа снова нарастают ледяные бороды. А шторм грохочет, воет, обрушивается всей своей дикой силой на маленький кораблик.

Мачта пригибается к воде, сорок пять градусов крена. Штурман судорожно хватается за поручень, чтобы удержаться на ногах. Вывалился с койки на палубу матрос и растерянно ощупывает шишку на голове. Без сентиментальностей! Волна бросает его на другой борт. Вот теперь щупай вторую шишку. У повара на камбузе несчастье — выплеснулось полкастрюли первого, и он ругает предпоследними словами и шторм, и щи, и свою судьбу, и главную виновницу его беды — Антарктику. Его не видно, и только из клубов пара раздаётся его визгливый, надтреснутый голос.

> Идём на юг. До берега материка остаётся всего двадцать миль (Земля Королевы Мод, мыс Норвегия). Отбушевал шторм.

Радости корабельного бытия: получили посылки, письма, телеграммы. Письма… В письме сразу видишь человека. Трудно скрыть истинное отношение, закамуфлировать фальшь красивыми словами. Бывает, самые простые, избитые фразы согревают, а бывает, и тщательно выверенные вгоняют в тоску.

Виктору не везло. Снова радиограмма того же содержания: «Мама болеет. Женя». Да что же это, она их под копирку пишет, что ли? А следом от Тани: «Саша в порядке. Я тоже». Замечательно! Ну что ж, порадуемся хоть этому. Что у неё в душе, он никогда разобрать не мог. Да и к чему? И так всё более чем ясно. Про себя он завидовал, когда видел, как к другим девчонки на шею бросались у трапа. Так просто не бросишься — не прыжок в длину на физкультуре, тут порыв нужен… Да, вот чего не хватало ему в семейной жизни — порыва.

И тем не менее душа его рвалась домой. Скорее бы пройтись по родному порту, подняться по Потёмкинской, услышать воркование голубей и стук домино на скамейках Приморского бульвара… Он соскучился по звукам обывательской жизни — по смеху и перепалкам, доносящимся из открытых окон, по автомобильным сигналам, визгу разыгравшейся детворы, цокоту трамвая по рельсам мостовой… Как бы ни ругали обывательскую жизнь, но именно она отвечала за психическое равновесие команды, за ощущение стабильности на корабле. В море всего этого человек лишён, и поначалу

это даже нравится, но с течением времени уже пробирает тоска, в особенности когда глядишь на стаи рыб, как они резвятся, или на береговых чаек. Животный мир занят своей жизнью, заботами, отношениями, а мир человека на корабле выхолощен вахтами и выполнением плана.

> Домой! Корабли разворачиваются на север, желанный курс. Штормит. Холодно. Обледенение, но что всё это значит, когда нос корабля смотрит туда, где за тысячи миль отсюда находится родная земля? Холодный юго-западный ветер несёт водяную пыль, и она оседает в бороде и на бровях ледяными сосульками, течёт колючими струями по спине, пока не согревается от тепла тела. К концу вахты зуб на зуб не попадает, ноги выбивают чечётку. Пустяки! Всё равно—курс на север, домой.

К вечеру прошли маяк Лобос. Он таинственно подмигнул единственным своим глазом и вскоре скрылся в ночи.

Переменные ветры провожали флотилию до самого тропика Козерога, где сменились SO пассатом. Температура медленно поднималась, достигая тридцати двух градусов. Появились летающие рыбки, изредка выныривал акулий плавник. Но в основном океан был тих и пустынен. В полной тишине зашло за горизонт алое солнце, и сразу же вспыхнула Венера, а за ней—Юпитер, яркий Канопус. Небо быстро темнело, и казалось, что звёзды пробивались из тьмы, как цветы из земли, чуть подрагивая на ветру или срываясь со своего невидимого стебля в морскую пучину.

Вода фосфорилась, и усы[1] от хода судна загорались нежным салатовым светом, от носа корабля разбегались светящиеся полоски рыбных трасс. В машине температура достигала пятидесяти шести градусов, а в кочегарке переваливала за шестьдесят. Где-то далеко на востоке остался уединённый островок Святой Елены.

Всех тянуло домой. Это чувствовалось в разговоре, передавалось в походке, во взгляде, даже сказывалось на аппетите команды. Виктор часто пробуждался среди ночи и смотрел в окно иллюминатора на переполненный звёздами океан, живущий своей, во многом знакомой и одновременно таинственной, жизнью.

В одну из таких ночей он вышел на палубу. Перед ним колебался исполненный мерцанием аквариум жизни. Летали рыбки, привлечённые светом корабля, прожорливая акула увязалась за китобойцем в надежде на наживу, но вскоре отстала. Показались вдали наклонные фонтаны большого стада кашалотов, проплыла причудливая рыба-молот, а каракатица—живой реактивный двигатель,—всё время меняя скорость и направление, рывками передвигалась под водой в погоне за добычей.

Всё было частью единой гармонии, в которую был вписан и он с его жизнью и судьбой. Ему вдруг подумалось, что матери уже лучше, он буквально ощутил это, уверовав всем своим существом в её полное и окончательное излечение, и ему стало весело, беззаботно. Он больше не будет ждать никаких радиограмм, его не омрачат скупые сообщения от близких, потому что в этот момент ему открылось то, что никакими словами не передать.

Мама…

Блёстка звезды скатилась по бархату ночи, задев на лету другую, а та—третью. Начался звездопад, словно кто-то приветствовал его, осыпая волшебностями. *Я знаю, знаю, знаю, что ты—со мной*, мысленно говорил он то ли ей, то ли расточительному небу. А звёзды всё сыпались и сыпались, и оно не меркло.

На рассвете подул северный ветер, нагнал облака, и небо разверзлось невиданным водопадом.

На мостик выбросило большую летающую рыбу. Рулевой проговорил с усмешкой:

—Океан даёт выпить и про закуску не забывает.

А кочегар добавил тоном репортёра:

—Пересекли экватор. Команда загорает в кочегарке и принимает солёный душ на мостике.

Шутка была встречена дружным смехом.

Примерно двадцать дней отделяло флотилию от родного берега. Прошли проливом между островом Фуэртевентура, и через трое суток—последний порт захода, последний иностранный порт—Гибралтар.

> Гибралтарский рейд оказался пустынным—несколько кораблей зашли сюда на кратковременную стоянку, чтобы пополнить запасы. Недавно здесь побывала и американская эскадра. Её присутствие мы почувствовали вскоре по выходе из Гибралтара. Американские корабли вели себя в Средиземном море как в американском озере: останавливали суда, запрашивали позывные, нахально, не считаясь с морскими правилами и обычаями, пересекали строй флотилии.

К рассвету десятого мая показался греческий мыс Монтана, и через четыре часа плавание продолжалось в Эгейском море. Из-за острова Макронисос вышел небольшой, неуклюжий, как утюг, военный греческий сторожевой корабль. Согласно международным обычаям, моряки первые приветствовали его, приспустив до половины мачты флаг. Он ответил на приветствие, также приспустив свой флаг. На мостике и палубе матросы и офицеры махали советским китобойцам руками и бескозырками. Команды советских кораблей высыпали на палубу, раздавались приветственные выкрики, и три продолжительных гудка с обоих

1. Приспособления в виде изогнутых рогообразных наделок, охватывающие с двух сторон мачту. Служат для подвижного соединения с мачтой.

судов пожелали друг другу счастливого плавания и скорого возвращения на Родину.

Вечером пятнадцатого мая вошли в Босфор. На площадках башен минаретов зажглись огни, светящаяся реклама расчерчивала замысловатые фигуры и незнакомые турецкие подписи.

На мостик поднялся небольшого роста полный турок-лоцман и повёл корабль проливом. Звучали команды на русском, которые подавались рулевому. На корабле царило оживление.

Третий помощник, подмигнув команде, предложил турецкому лоцману папиросу из коробки с репродукцией картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Команда развеселилась, наблюдая, как лоцман с удовольствием разглядывает картинку.

— Красивый рисунок,— наконец сказал он, одобрительно затянувшись папиросой.

— О да!— едва сдерживая смех, согласился третий помощник.— Русским такие рисунки очень даже нравятся.

Двадцать пятое мая. До родного порта осталось не более недели. Впереди шесть дней пути, позади семь месяцев… Семь месяцев упорного труда, непогод, радостей и неудач промысловой жизни; семь месяцев на зыбкой палубе маленького судёнышка, дум о семье и Родине, дум о встрече с родными и близкими…

Встречи с разлукой

Причал был полон встречающих.

Виктор мгновенно различил в толпе фигурку Жени. Ни Тани, ни Сашеньки не было.

Женя — самая красивая — выделялась из стайки восторженно машущих кораблю молодых женщин. Вот она сдержанно следит, как корабль пришвартовывается, а мужчины искоса бросают взгляды на неё. Но она ни на кого не реагирует. Только вытянула шею, всматриваясь в моряков на палубе. Его, Виктора, пыталась отыскать глазами среди них.

Корабль пристал. Толпа начала волноваться, предчувствуя скорую встречу с родными. Трап медленно спустился, восстанавливая долгожданную связь между кораблём и берегом. Самые ретивые уже у трапа, готовы первыми принять в объятия прибывших.

Виктору не хотелось толкаться, и он решил ещё раз забежать в каюту, проверить, не оставил ли чего.

Тем временем Женю подхватил поток встречающих и вынес к трапу.

— Девушка, погодите,— услышала она уже у самого трапа.

Она оглянулась. Перед ней стоял капитан. Женя смущённо опустила глаза.

— Здравствуйте, товарищ капитан…

— Здравствуйте, здравствуйте… Вы — Женя, так? Виктора сестра?

— Да, так…

— Я вас по фотографии узнал, он показывал нам свою семью.

Она выжидающе смотрела на него. Ясно, что не для того, чтобы завязать знакомство, заговорил с ней капитан.

Капитан помог ей подняться по трапу, затем взял её под локоть, отвёл в сторону и, убедившись, что никто их не слышит, проговорил:

— Что же это вы, девушка, брата своего расстраиваете? То не пишете, то такое напишете, что на нём лица нет. Я читал ваши радиограммы. Это никуда не годится. Никто такие радиограммы морякам не шлёт. Должны сами понимать.

В одно мгновенье глаза её наполнились слезами. Капитан был смущён такой реакцией молодой женщины.

— Ну что вы, что вы, я ведь только на будущее советую… Я по-отечески…— неловко пробормотал он, пытаясь успокоить её.

Женя сделала глубокий вдох и сказала:

— А что же я, по-вашему, должна была писать, товарищ капитан,— голос её дрогнул,— когда матери уже почти два месяца как нет в живых? Умерла мама… Девятого апреля…

— Ой ты ж Боже ж мой!— засуетился капитан.— Простите, простите меня, Бога ради… Да кто ж знал, что такое горе вашу семью постигло? Вы присядьте вот здесь, на ступенечку… Может, водички принести?

— Нет, нет, спасибо,— еле прошептала Женя, чтобы не разрыдаться, но быстро взяла себя в руки.— Виктору — ни слова, товарищ капитан. Мне его домой довезти нужно, там уже все собрались. Дома всё и узнает. В кругу родных ему легче будет перенести эту весть. Любил он мать. Очень…

— Конечно, конечно… Вы… вы героическая женщина. И решение правильное приняли. Не всякая бы так поступила в подобной ситуации.

Появился Виктор. Заметив, что Женя разговаривает о чём-то с капитаном, сбежал по трапу с чемоданом в руке и остановился возле них.

— Ну что ж, Виктор…— капитан тронул его за плечо.— Хорошо поработал, а теперь отдохни, сил наберись до следующего рейса,— и добавил внушительно, глядя ему прямо в глаза:— Хорошая сестра у тебя, настоящая. Береги её.

Потом пожал ему руку на прощание и поднялся на корабль.

Женя тихо взяла Виктора под руку.

— Пойдём, Витюша. Все уже дома ждут, за столом.

Досада на сестру вмиг улетучилась. Он обнял её и пригладил растрепавшиеся волосы. У неё ведь столько дел: и семья, и за мамой присмотреть…

— Ну слава Богу, а я уж испугался, что маме хуже. Идём домой поскорей, хочу всех увидеть.

Он махнул рукой, остановил проезжающее мимо такси, и они покатили по летним улицам Одессы. Было уже одиннадцать, а пришвартовались в семь. Вот уже полдня как не бывало, а в море—это целая жизнь.

Через несколько минут такси подкатило к воротам его двора.

— Приехали!—отчеканил водитель.

— Спасибо вам,—сказала Женя, протягивая деньги таксисту.

Виктор попытался остановить её:

— Женя, ну что ты!

— Ничего, ничего, пошли, Витюша.

Поднимаясь по скрипучей деревянной лестнице, он различил голоса родственников, доносящиеся из-за дверей.

— И тётя Люба с дядькой тоже здесь? Из Ялты приехали?

— Приехали, и Гриша тоже приехал…

Она открыла ключом двери, и поворот металла в скважине заставил притихнуть говорящих.

Дома! Невзирая ни на что—дома! Виктор счастливо вдохнул знакомый запах просыхающей деревянной лестницы, снял китель, поставил чемодан в углу и приоткрыл дверь в комнату.

Вся оставшаяся от войны семья молча сидела за столом. Никто не приветствовал его, все ждали чего-то. Он почему-то смутился и тоже тихо кивнул всем: здравствуйте, мол. Оглядел стол ещё раз. Мамино оливье, мамины пирожки, мамина скатерть…

— А где же мама?

Все продолжали молчать. Он обернулся за объяснением к Жене, которая вместе с ним всё ещё стояла в дверях.

— Это была её воля, Витюша,—только и сказала она.

Стол для поминок был сделан по маминому рецепту, а вот жизнь—нет.

Может, от холодного дыхания ветров, а может, от бесконечных дождей, но всё серее становились рассветы и всё неуютнее сумерки в доме.

Однажды, вернувшись из очередного рейса, Виктор вдруг ощутил такое сильное отторжение от этой несовместной жизни, что даже и вещей не стал раскладывать.

— Всё, больше не могу,—только и сказал с порога.

Таня стояла перед ним в сером свитере грубой вязки, красивая, статная, никогда не влекущая, и, казалось, его слова прошли мимо неё.

— Квартиру вам оставлю, а сам пойду в общежитие. Сашеньку только позволь навещать.

Она ничего не ответила, и он не мог понять, согласна она или нет.

Виктор взял чемодан и, как был, отправился в общежитие.

Там ему сразу дали временную комнатку без оформления бумаг и до решения начальства, и он рухнул в койку, хряпнув предварительно водки с дежурным вахтёром и закусив каким-то сухарём. Сон навалился на него, как медведь, и мгновенно подмял под себя.

Разбудил его сильный стук в дверь.

— Виктор! Виктор, открой!

На пороге стояла Женя. Он вскочил, на ходу вспоминая всё, что произошло накануне.

— Женя, откуда ты? Как ты узнала, что я здесь? Прости, я не успел… А что случилось?

— Таня уезжает!

— Уезжает? Куда? А где Сашенька?

— В Сибирь, к родным. Сашенька с ней. Я утром забежала повидаться, поскольку не могла на причал прийти, а в комнате—переворот: тюки, чемоданы, Сашенька плачет, спрашивает, где папа. А она ни звука не издаёт, только вещи методично собирает. Я остановилась посреди комнаты, как громом поражённая. «Куда?—спрашиваю.— А Виктор где?» Она не отвечает, а потом вдруг плюхнулась на узлы и разрыдалась. Никогда я её не видела рыдающей. «Люблю я его»,—говорит. Потом слёзы утёрла, встала: «Ну, всё. Прощай. Еду к родным, в Сибирь». Такси на улице быстро поймала и—на вокзал. Пошли, может, успеешь! Поезд через двадцать минут.

Виктор выскочил на улицу, стал махать руками проезжающим такси, остановилось сразу два. Он вскочил в первое, и машина рванула в сторону вокзала.

Пробирался по чемоданам и узлам, пытаясь никого не задеть, и слышал вслед ругань.

— Простите, пардон, опаздываю…—на ходу оправдывался он.

Вот перрон, вот поезд. Люди, люди, люди…

— Таня! Таня!

Бежит вдоль купейных вагонов, всматривается. Нигде их не видать.

— Таня! Сашенька!

И вдруг—где-то на камчатке памяти: эшелоны, эшелоны, эшелоны. Тела свисают отовсюду, кульки, котомки, дети плачут, кого-то пытаются втиснуть в открытое окно.

— Береги себя!—раздаётся то там, то тут поверх общего гула.

Война, опять война…

— Куда писать?—выкрикивает кто-то из толпы.

Ощущение войны усиливается.

Раздаётся свисток. Виктор ускоряет бег.

— Таня! Саша!

— Папа!

Он оборачивается—пробежал мимо, они в том вагоне, что остался позади. Возвращается. Сашенька стоит с Таней в тамбуре, плачет.

— Папа, папа, иди, иди же!

Он идёт.

Поезд трогается.

Он идёт, идёт, идёт…

Елена Басалаева

Спасительница

— Котлету будешь? Чай полный наливать? А ты? Будешь котлету?

Дети, не успевшие ещё проголодаться, нехотя жевали ранний садиковский ужин. Вале хотелось, чтобы они поели побыстрей — тогда можно было по-быстрому сполоснуть посуду и уходить. Вообще-то у неё не имелось привычки убегать раньше времени с работы, но сегодня была пятница, да ещё и конец месяца. Маргошу забрать полпятого, в «Батон» за продуктами — и домой.

Рыбные котлеты Валера с Денисом не очень-то ели, да и сама Валя их не любила. Так что остатки от них полетели в помои — низкий и широкий бак возле железных раковин. Тушёную свёклу Валя, подумав, положила в контейнер. Пригодится мужикам на ужин. Хорошо бы и печенье осталось, но сегодня сахарные крендельки, дети их хорошо едят. Да и пускай, конечно. Кому-то вон, как Ренату, ещё до полседьмого сидеть. Кто-то, как Вероника Жарова, одной выпечкой и питается. Всё не привыкнут к садиковской еде. Чем их дома кормят, интересно, оладьями да блинами, что ли? Чипсами? Бананами?

Валя помыла тарелки, хорошенько протёрла их полотенцем и поставила в решётку. Заглянула в шкаф: может, осталось что неубранное? Там стоял початый пакет апельсинового сока, остаток от второго завтрака. Валя побулькала — сока оказалось больше половины.

— Люда! — энергично позвала Валя. — Людмила Михайловна!

— Что? — откликнулась из группы воспитательница.

— Забери сок. В шкафу оставила. Попьёшь. Я пошла.

Вале было приятно осознавать себя хозяйкой в группе, чем-то распоряжаться. Если подумать, няней быть даже выгодней, чем воспитателем. Воспитателю прийти надо без десяти семь утра, а если вторая смена, то, наоборот, сидеть до семи вечера, а потом домой по пробкам. Ответственности сколько! Документов! А ей и приходить надо на час попозже, и уходить раньше. И, главное, можно продуктами семью подкармливать. Всегда что-то остаётся.

Ну и с ребятишками тоже неплохо, в общем. Если сразу поставить себя правильно — будут слушаться. Шумят, конечно, но к шуму привыкаешь. Хотя и Валера, и Денис, и соседка Оксана спрашивали, удивлялись:

— Как ты с ними не чокнешься?

Но Валя не чокалась, а как-то успевала и убираться, и посуду помыть, и даже иной раз поиграть в какое-нибудь лото или домино. В группе у неё всегда была чистота, и она этим гордилась. Знала: не будь её, воспитатели бы не справились со всей оравой в двадцать восемь человек. Особенно Людка. Добрая, но такая растеряха!

— До-о-оча! — зычно крикнула Валя, растворяя двери ясельной группы на первом этаже.

Маргарита в мятом, но красивеньком джинсовом сарафанчике выбежала к матери навстречу. Валя нарочно назвала её таким звучным королевским именем. Дочка начала ходить в садик в год и десять, вместе с мамой. Валя, конечно, специально подыскивала место для ребёнка. Заранее решила долго в декрете не сидеть и, как только появится возможность, начать зарабатывать.

Так вдвоём они и устроились на работу. Каждое утро просыпались в остывшей тёмной комнате, одевались и шли вдоль долгого жестяного забора до самого моста, а потом через несколько дворов — до садика. Вечером путь был тот же, только на дальнем конце моста, у входа в Николаевку, иногда сидела смуглая старуха, продававшая осенью и зимой банки со всякими вареньями и соленьями. Валя не знала её по имени, покупала её запасы всего пару раз, но всегда уважительно кивала старухе как знакомой, возвращаясь домой. Та в ответ приветливо улыбалась, показывая железные зубы.

— Пойдём, Маргоша, домой. В магазин зайдём, мужикам ужин готовить.

Мужиков дома у Вали было двое: Валера, почти что супруг, и Денис, почти что брат. Всем, кроме бабки, сестры и Люды, Валя представляла его именно как двоюродного брата, чтобы не понакручивали чего-нибудь лишнего. На самом же деле Дениса ещё пять лет назад нашёл и привёл Валера. Нашёл буквально, как крокодил Гена Чебурашку: тот приехал из далёкого тёплого Ростова в незнакомый сибирский город, не смог обустроиться и с наступлением холодов обитал где придётся. Шансы замёрзнуть или окончательно пропасть у парня были большие, если бы не

вовремя подвернувшийся Валера. Валера отыскал Дениса в месте встречи всех обездоленных и бесприютных — на железнодорожном вокзале. Худой и иззябший, Денис протягивал руку с длинными бледными пальцами, прося у прохожих звонкую монету. Валера, не желая допустить, чтобы парняга откинул хвост в такой дубак, предложил ему (конечно, за свои) стопочку водки для сугрева и блинков. Денис чем-то понравился ему с первого раза настолько, что Валера взял да и привёл его домой.

Тогда они с Валькой снимали комнату в общаге, куда редко наведывались хозяева. Поначалу Валя, увидев на пороге двух мужиков в подпитии, заорала на них и пригрозила выгнать, но, сообразив, что они не так уж пьяны и буянить не будут, пожалела и впустила. И, как помнится, даже не пожалела домашнего коньяка: был у Вали такой, сама настаивала на самогонке чай с ванильным сахаром — получилось ароматно, сладко и крепко, не стыдно кого угостить. Валера заявил, что Денис — ништячный пацан, и ему надо помочь, и, значит, жить он будет здесь.

Валя поворчала для порядка, но уже чувствовала: базлай не базлай, а Денис останется. Валере уж если что пришло в голову, то не выбьешь. Да и самой ей с первых минут стало как-то жаль этого белобрысого паренька, худого, как подросток. Спать ему в комнате было совершенно негде, поэтому год с лишним, пока не удалось перебраться на другую хату, Денис жил, что называется, половой жизнью — ночевал на синтепоновом одеяле, подложив под голову свёрнутую кофту. Валера сам же иной раз подсмеивался над ним, называл Чебой, намекая на Чебурашку, который тоже появился неизвестно откуда и уши имел такие же оттопыренные. Иногда Денис, к удивлению Валеры и Вали, рассказывал что-то интересное про раскопки, про Трою, про греков. Из Ростова он привёз не то верхи, не то остатки какого-то гуманитарного образования. Ещё Дениска любил рассуждать о политике и рисовать детскими гуашевыми красками. Вернувшись однажды домой (когда они переселились уже на нынешнее место), Валя увидела, что снизу доверху по всей печке идёт тёмно-голубая вязь из листков, бутонов и стеблей, а в самой середине красуются два алых цветка наподобие маков.

— Закрасите мелом, как надоест, — смущённо пожав плечами, пояснил Чеба и на всякий случай, боком проскакивая в сенях, смылся от возможного гнева на улицу.

Но Валя только восхищённо матюгнулась и закрашивать ничего не стала, даже спустя год и два.

Денис быстро сделался ей как бы младшим братом, хотя и был формально старше на два года. Первые дни, а может, и недели, было трудновато к нему привыкнуть, даже чисто физически. Всё-таки чужой мужик, пусть и спит на полу. Но потом она прониклась к нему сочувствием, видя, что Денис — существо неразумное. Приехал вроде бы к каким-то родным, а им оказался не нужен, работу не нашёл, шапку и ту украли… Незаметно для себя Валя стала готовить еды на одного человека больше. Так Денис и остался у них жить. Постоянно он нигде не работал, только иногда по утрам уходил калымить: рубил дрова в Николаевке или помогал на какой-то стройке. В тёплое времечко находил заработок попроще: как студенты, раздавал на улице газеты и листовки, а в год, когда готовили подъезды к четвёртому мосту, подрядился в помощники к археологам. С археологами ему очень понравилось — разные кости находил.

Валера трудился сантехником, и работа у него была сезонная: весной, летом и осенью появлялся домой только к позднему вечеру, зато зимой часто, так же как и Денис, сидел дома. Согревались и развлекались они то водкой, то ядовитых цветов коктейлями «Кегля». Чеба любил смешивать эти ядрёные «Кегли», да и вообще всякую дрянь: вино с колой, варенье с минералкой, несколько раз варганил туристический коктейль из водки, сгущёнки и кофе. Валерка мог выпить много и не пьянеть, зато Денис хмелел быстро, становился обидчивым, кричал, спорил, а иногда, наоборот, чёрт его знает с чего смеялся.

— Псих! Ну псих! — довольно гоготал Валера.

Если честно, Валя тоже считала Чебу немного психом. Как ещё назвать парня двадцати четырёх лет от роду, который взялся резать вены от несчастной любви? По весне, три года назад, он вдруг влюбился в какую-то девчонку из другого района (и что за девчонка-то была? Хоть бы фотку показал) и стал по вечерам вместо посиделок с Валерой наезжать к ней. Спустя месяца два роман успел закончиться, и Валя вечером увидела Чебу с порезанными руками. Он сидел на корточках, склонив голову ниже колен, и тихо плакал, а на полу были мелкие побуревшие пятна крови. Потом оказалось, что вены Денис не перерезал, просто покромсал себе запястья и ладони. Но и эти опухшие багрово-красные порезы смотрелись на худых Денисовых руках устрашающе. Валя тогда бережно заклеила ему раны кусочками лейкопластыря, усадила в кресло, налила кофейку. Ей было щемяще жалко Дениса. Найти бы ему хорошую девушку, глядишь, и на работу нормальную устроился, и пить бы не захотелось совсем… Если бы стало ради чего жить.

К самой Валентине Чеба тоже подкатывал пару-тройку раз, когда был выпивши. Но как мужик он ей не нравился — уж больно щуплый, плечи такие узкие. Одно в нём было красиво — глаза, большие, светлые, но и то смотрел ими Чеба так, будто что-то постоянно вопрошал. Этим странным удивлённым взглядом, да ещё белёсыми волосами

и оттопыренными ушами он напоминал вечного ребёнка. Хотя, каким бы малахольным ни казался Денис, он, конечно, должен был понимать: случись у них с Валей что серьёзное, Валера сразу же пересчитает рёбра и выгонит, не пожалеет.

Валя надеялась, что вот-вот для Дениса найдётся какая-нибудь маленького росточка добрая девушка, и тогда он уйдёт; ну а пока нужно о нём позаботиться. И старалась облегчить Денисово существование как могла.

Она вообще была доброй. Натерпелась за свою жизнь с детства, вот и научилась жалеть других. Когда ей было семнадцать, умерла мама, царство ей небесное. Спустя год с небольшим помер и отчим. Валя к тому моменту успела закончить одиннадцать классов и пошла учиться на медсестру. Жить осталась у бабки, отчимовой матери,—куда же было ещё податься? Бабка, ясное дело, не была шибко рада. Оставалась у неё и родная внучка, Надька, которую Валина мать родила уже от отчима. Надька появилась через два года после Вали, и её баловали, как любимое общее чадо. В шесть лет записали на аэробику, потом сунули ещё и в художественную школу, но там Надька не прижилась, да и денег на оплату уроков не хватало. А в пятнадцать, когда Надька вместе с Валей остались на бабкином попечении, и аэробике пришли кранты. Да и вообще всему: Надька внезапно быстро слетела с катушек, забросила учёбу, стала незнамо где ночевать, а потом принялась и пить. Вале было смертельно жалко сестру. Она перебирала Надькины детские фотографии—на них была славная такая румяная девочка с каштановыми волосами. Валя видела, как бабка пыталась что-то сделать с младшей (а вообще-то и единственной по-настоящему) внучкой: не пускает её на гулянки, не даёт денег. Но Надька, закатив скандал, всё равно уходила, а деньги на еду и выпивку ей, видно, подкидывали ухажёры. В двадцать с лишним лет Надька родила мальчишку, Антона, и съехалась с Васей, его отцом. Родили Надька и Валя почти одновременно. Младшая сестра с лялькой на руках продолжала наезжать к бабке как ни в чём не бывало. К Вале же старая сама наведалась, когда Маргарите было уже месяца два. Привезла стиральный порошок, шампунь, всякие консервы и утюг, а ребёнку—одну только погремушку. Когда она уехала, Валера высказал обиду на консервы:

— Что это бабка твоя навезла нам какую-то тушёнку? Думает, совсем жрать нечего? Думает, я семью не прокормлю?

— Она вам ещё мыло привезла,—вклинился Денис и ядовито пошутил:—Верёвки только не хватает.

Во второй свой приезд, который случился недели через три, бабка стала долго, нудно говорить Вале, что вот теперь у неё ребёнок и надо жить для него, что надо смотреть подработку, надо искать новую квартиру, надо вставать в садик, надо то и это. Валя слушала её хоть с раздражением, но молча, а бывший опять дома Валера прикрикнул, что нечего учить жизни. Этого бабка не стерпела и покрыла Валерку хорошим матом, высказав всё, что думает о нём, лентяе и балбесе. В ответ он выкинул ей в коридор сумку с утюгом: дескать, забирай. Она забрала и ушла и после этого, конечно, не приезжала. Валя сама иногда звонила ей, но разговор не клеился.

— Ну… как дела?—спрашивала она.

— А тебе что?—отзывались на том конце трубки.

— Так… А мы ходили в поликлинику, назначили физио,—Валя сворачивала на тему ребёнка, чтобы появилось о чём рассказать.

Валя знала, что с Надькой-то бабка наверняка говорит по-другому, не огрызается. Валя не обижалась. Она привыкла терпеть и не обижаться. Ну и пусть любят больше Надьку, это же понятно. Ей, Надьке, ведь и правда нужно, чтобы кто-то пособлял, заботился. С дитём на руках, ни образования, ни денег. На мужика её беспутного особо надежды нет. Когда Валя устроилась в садик и стала получать там стабильную копейку, то сказала себе, что надо начать помогать Надькиной семеюшке. Она два или три раза привозила племяннику Маргошины одёжки, ботиночки. Тот был младше на три месяца и мельче ростом, так что всё это ему должно было пригодиться.

Надька брала подарки без особой благодарности, один раз даже проворчала, что барахла некуда девать, но Валя только вздыхала и понимала: молодая ещё, позже оценит помощь, если, даст Бог, образумится.

Себя Валя в свои двадцать пять не ощущала молодой. Впрочем, и старой тоже—так, женщиной без возраста.

Домой из садика они с Маргариткой шли быстро. Надо было успеть растопить печку: мужики сегодня ушли на заработки, значит, дом стоял с утра холодный. После печки—ужин, ну и постирушки, уборка, разное по мелочи…

— Бр-р… Холодина,—поёжилась Валя, ступая в стылое неуютное пространство.

Крыльцо и сени в старом доме сплошь были заставлены и забросаны какими-то досками, обломками мебели, тазами, вёдрами, негодной обувью. Бóльшая часть всего «добра» оставалась от покойной Валеркиной бабушки. Когда Ритке было ещё полгода, родители её совсем сели на мель и стали по-всамделишному голодать. Государственные деньги, которые выдаются при рождении ребёнка, пошли на то, чтобы закрыть Валеркин долг. Долг у него появился от неудачной попытки затеять бизнес. Вместе с каким-то корешем они взяли в банке кредит, оформились в ООО «Кухни

эконом-класса» и стали продавать мебель. Но для того, чтобы продавать, нужно было сначала эту мебель сделать, и тут-то оказалась загвоздка: вначале поставщик всё никак не подвозил плитный материал, потом ещё куча времени ушла на то, чтоб изготовить саму кухню. А самое плохое началось, когда сердитый покупатель нарисовался на пороге Валериной конторы и заявил, что кухня трещит по швам. Почти такая же история случилась и во второй раз. В третий покупатель вообще не дождался, пока друзья-мебельщики сварганят кухонные шкафы, и сразу потребовал денег. Денег у Валеры, понятно, не было. Кореш тут же слился, как только почуял, что пахнет полицией. Покупатели попались неленивые и вправду накатали заявления в участке. И приходили не один раз к Валере менты, заставляли писать какие-то бумажки, проводили беседы. Валя плакала. Ей было страшно, что парня могут посадить, и тогда она останется с ребёнком одна. Как только родилась Ритка и за неё перечислили деньги на карточку, Валя сама уговорила Валеру отдать их в счёт долга. Хотя долг, понятно, выплатили не весь, покупатели малость поуспокоились. Валерка сменил телефон, на звонки не отвечал, официально со своими документами нигде не светился. Всё до копейки, что он зарабатывал по калымам, уходило на съёмное жильё и разные мелкие расходы типа дороги и лекарств. Проедали детские деньги. Валерка с Чебой кормились хлебом и дешёвыми паштетами, а Вале постоянно хотелось есть. Она наливала себе обжигающего чая, чтоб согреть желудок, хлебала горячий бульон от пельменей, а вместо сладкого включала себе какие-нибудь сериалы и утешалась чужой жизнью, убаюкивая дочь возле груди.

Когда платить за съёмную хату стало совсем нечем, они перебрались в этот старый дом—он принадлежал когда-то Валеркиной бабушке и каким-то прочим его родственникам и давно уже стоял без дела. Тётя Наташа, Валерина мать, предложила Вале отдавать за домишко шесть тысяч каждый месяц и жить в целых трёх комнатах при полном мебельном обеспечении сколько они душе пожелают. Чебе она тоже разрешила остаться, с условием, что тот поможет ей выправить забор около дома, сделать ещё кое-какие хозяйственные дела, да ещё будет ухаживать за котом.

— Кошка у меня дома живёт, а это котик, вместе им нельзя,—объясняла тётя Наташа.—А выкидывать жалко. Ты пригляди за ним.

Чеба приглядывал как мог. Тётя Наташа где-то раз в месяц приходила с инспекцией, забирала плату и проверяла, всё ли в порядке, не забывая при каждом случае припомнить своё благодеяние.

Валера мало-мальски обиходил дом, заткнул дыры паклей, но из щелей всё равно сквозила холодная противная сырость, так что в углах, ближе к потолку, где не доставал печной жар, гнездилась чёрная плесень. Валя время от времени смахивала её щёткой, протирала углы тряпочкой, один раз даже разорилась на специальную пропитку. Но плесень появлялась снова и снова. Из-за неё в дальней комнате всё время был затхлый запах, и этой затхлостью веяло от вещей. Летом плесени становилось меньше, потому что окна держали открытыми, но насовсем она никогда не пропадала—таилась за слоем обоев, за голубой штукатуркой, чтобы с октябрьскими дождями снова выползти на свет и захватить стену.

Валя пошвыряла дрова в открытый рот железной печурки, села погреться. Рядом примостилась дочка, положила кудрявую головёнку на колени.

— Мама, есь.

Валя смотрела на огонь и тут только стала осознавать, как она устала. С утра заведующая отправляла драить коридор (коридорная няня заболела), потом наводила марафет в группе. В сон-час бегала в магазин; как дети проснулись, помогала одеваться. Четыре года, мелковатые ещё, кому пуговицы застегнуть, кому колготки…

— Мама, есь! Кусять!

Маргоша стала теребить мать за край растянутой кофты.

— Да отвяжись ты! Погоди!—Валя отбросила её ручонку.—Щас мужикам сварим и поедим все вместе.

Маргоша ещё похныкала и покорно присела к печке поковырять голубую штукатурку.

— Ладно, на,—сжалилась над ней Валя, отрывая кусок от сахарной булочки и включая телевизор.

Теперь оставалось время, чтобы заняться ужином. Из детсадовской свёклы Валя сварганила салат с изюмом. Отварила рожки и сделала из них макароны по-студенчески, с соусом из яйца, муки и приправы от китайской лапши. Своим умением готовить еду из ничего Валя чрезвычайно гордилась—недаром всё-таки мама у неё работала поваром.

Влажным веником она прошлась по коврам, выцепляя из них всю прилипчивую дрянь. Нормальный пылесос Валера так и не купил. Притаскивал какое-то старьё, оно поработало полгода и сломалось. Что сделаешь—мужик, не понимает, как пылесос в доме нужен.

Валя вздохнула и на минуточку отвлеклась, подумав о том, какой же всё-таки Валера нехозяйственный парень. И тут же простила: откуда ему быть хозяйственным, если вырос без путнего мужика в доме? Ей самой ещё повезло, отчим был, можно сказать, нормальный, а у Валеры что? С пацанских сопливых лет бегал без присмотра по гаражам, а в шестнадцать по статье пошёл—украл телефон. Слава Богу, первый и последний раз. Армия, наверное, спасла, после тюрьмы как раз туда направился. А там, после двадцати, уже встретился

с Валей. Успел, правда, ещё одной заделать сына. Школьник, поди, уже. Валя знала, что живут они с мамкой где-то на Ладушке. По словам Валеры, девка там была ушлая, быстро нашла какого-то армянина, съехалась с ним, родила ему ещё парочку и теперь живёт припеваючи в трёхкомнатной хате. Не то что некоторые — мыкаются по всяким хибарам…

«Есть же бабы. И с ребёнком везде устроятся», — подумала Валя полузавистливо-полувосхищённо,

Пока она вспоминала былое, заодно споласкивая тарелки, домой зашёл тот самый нехозяйственный парень.

— Валёк, привет, — обхватил он подругу ледяными руками.

Валя поневоле отшатнулась, и не только из-за холода: уж больно крепким духом разило от суженого.

— Отойди, перегаром несёт!

— Ну и как хочешь, — Валера не обиделся и направился в комнату, на всякий случай слегка опираясь о стенку.

Валя знала, что он вообще-то был неплохой, уж во всяком случае не злой, как другие, вот только упрямый. Даже на ту давнишнюю кражу его подбили когда-то дружки, сам бы не рискнул. Да и теперь не буянил. Хоть и зарабатывал мало, но деньги все отдавал. Правда, учитывая, что вот уже почти неделю питаются они рожками да ножками, можно было сказать и по-другому: деньги все отдавал, но денег-то тех было… Вот и сейчас: где успел нажраться? Ладно, Бог с ним. Зима вообще для сантехников время неприбыльное. Вот весной все потекут, поломаются, там и приработок будет…

В марте Маргарите исполнялось три года, и Валя решила устроить ей настоящий день рождения. Пригласила соседей с сыном, пацаном лет десяти, Надьку с Антоном и свою воспитательницу с группы Людку. Других знакомых у неё не было.

Людка один раз уже приходила к ним в гости, и Валя, приметливая на амурные дела, сразу сообразила, что Денис положил на неё глаз. Всё угощал кофием да про археологов рассказывал. Людка тогда не то чтобы осталась в восторге, но всё-таки сидела и внимательно слушала. Вот и сейчас Валя тайно лелеяла мысль: может, понравится Людмиле Денис, да сойдутся? Ведь он, в принципе-то, парень ничего. Худой, конечно, так ведь и Людка сама худенькая, да и не так чтобы сильно красивая — конопатая и рыжая. Гостинка у неё есть, своя, от тётки досталась. Что бы им не сойтись и не жить?

Валера купил на день рождения дочери торт в «Командоре», две картонных упаковки с вином и одну бутылку «Солнечной долины», пиво, яблоки. Апельсины Валя принесла из садика «по акции» — забрала то, что не доели в группе дети. Настругала два салата, картошку запекла с крылышками, всё чин чинарём. Но, хоть еды получилось и много, день рождения не особо задался. Соседский мальчишка напился газировки, наелся торта и впялился в телевизор. Скучно ему было возиться с маленькой. Надька с сыном вовсе не приехали. Валя звонила ей, писала — сначала просто не было ответа, потом неуместно радостный женский голос стал сообщать, что абонент недоступен.

Вина Людка почти совсем не пила, даже сладкую, как садиковский компот, «Солнечную долину», отнекивалась, что здоровье у неё не очень. А Чеба, наоборот, налакался и стал вести себя как дурачок. Сам шутил, сам смеялся, а потом обиделся за что-то на Валеру и кинулся на него чуть не с кулаками. Потом отошёл, опять развеселился и стал бегать за Риткой. Людка сидела, не уходила, ела Валины салаты, но было видно, что ей нерадостно. И когда Денис вызвался проводить её домой, отказалась.

После дня рождения, на сон-часе, Валя в открытую решилась спросить у подружки:

— Люда, ну чё? Как тебе Денис? Я говорила, ты ему понравилась.

Людмила посмотрела в ответ слегка насмешливо. Прихлебнула чай.

— Мало ли кому я понравилась? Что, на каждого теперь бросаться?

Валю как будто в грудь укололи булавкой: что это она о себе возомнила?! Гостинку имеет, так и что с того? Не красавица, родных нет, денег тоже…

— На каждого… Что, прямо, можно подумать, у тебя кто-то есть. Ведь нету же, так?

— Нету, — легко призналась Людка. — Но и с Денисом твоим я связываться не стану.

— А лучше одной, что ли? — начала заводиться Валя. — Тебе ж двадцать семь лет уже. Для здоровья хотя бы надо. Он баламутный, конечно, но добрый. Маргошу мне помогал нянчить, сидел с ней, в магазин бегал. Больше, чем Валера!

— Может, это его дочка-то? — хохотнула Людка.

Валя в первую секунду вспыхнула, но, глядя в смеющиеся глаза подружки, вдруг тоже фыркнула со смеху.

— Дурында ты… Да разве же бы я… Да и вон я какая, — Валя развела руки в стороны. — А этот тощий. И главное — у меня Валера есть. А с мужиком-то всё равно жить лучше. Дениска, кстати, он ведь учился. Знает много. Рисовать умеет. Всё как ты любишь.

Людка вроде слушала, а вроде и нет. У неё всегда было такое лицо, что не поймёшь, с тобой она или где-то в своих дальних далях. Наконец сказала:

— Конечно, он добрый, Валь. Но это же не взрослый человек. Это ребёнок. Зачем мне ребёнок двадцати семи лет?

Трудно было с Людкой спорить. И говорить с ней путём не моглось. Ты ей о жизни, она о чём-то своём…

— Кстати, мне хорошо даже одной. Да я ведь и не совсем одна: здесь, на работе, много детей, ты, дома ещё одна подруга у меня есть… Знакомые разные…
— Блаженная ты какая-то,— снисходительно сказала Валя.

Она иногда чувствовала к Людке некое уважение и даже что-то вроде зависти. Как не завидовать ей, когда она спокойная, как удав, даже если вокруг содом, и от души, по-настоящему, никогда не злится?

«Ребёнка у неё нет. Как бы себя со своим дитём вела?» — с сомнением подумала Валя.

Она ещё не оставляла надежды отдать Дениса в добрые руки, как стала замечать, что он болеет чем-то простудным уже который день. Кашляет, хрипит. Валя давала ему и «Доктор мом», и пастилки с лимоном — всё без толку. Денис кашлял всё сильнее и по ночам как будто давился оттого, что не хватало воздуха.
— Ну-ка дай температуру померяю,— тянула к нему руку Валя.

Чеба дёргался и отворачивался. Есть он почти ничего не ел, только запаривал кашу, грыз карамельки да хлестал холодную воду. По утрам он долго отлёживался, потом куда-то убегал, но было понятно, что не на работу.
— Куда тебя черти понесли? — ворчала Валя вечером.— Болеешь, так лежи! Замёрзнешь ведь, и капец тебе!

Выходные он и правда послушно пролежал на своём маленьком диванчике, но потом опять наступила рабочая неделя, и Вале некогда было следить за Чебой. Так прошёл апрель, а Денис всё продолжал кашлять, и только к маю Валера наконец чухнул, в чём дело:
— Чеба, да что ты куришь?

Отнекиваться Денис не стал, и оказалось, что курил он спайс и ещё какую-то дрянь, названия которой Валя не запомнила.

И тут навалился на неё страх. К водке Валя давно привыкла, в том смысле, что никогда не считала её чем-то сверхъестественным и пугающим, но с наркотой дела, слава Богу, не имела ни разу. Про неё она видела только страшные сюжеты по телеку и боялась даже одного этого слова. Наркоманов со школы она представляла как злых, угрюмых людей, которые всех и вся на свете готовы заложить ради порции очередной дозы. Но ведь Денис не такой!

Хотя… С чего она взяла, что нет?

Валя хотела не думать о том, что Чеба — наркоман, но само это слово какой-то липкой, гадкой чернотой вставало вновь и вновь перед глазами. В голове плыли картинки: вот он украл деньги, приезжает полиция; вот он в отключке валяется, замёрзший, на улице; вот приезжают менты и допрашивают их с Валерой…

Самая страшная мысль почему-то была такая: Денис окончательно чокнется, сойдёт с ума, и этим безумием заразятся и сама Валя, и Валера, и даже Маргарита. И бабка, и Надька, и все, все, все…

Чеба, однако, ничего не воровал и не буянил, но помощи от него больше не было совсем никакой. Сутками напролёт он валялся на диване перед мелькающими в телеке картинками. Иногда тихо смеялся и бормотал какие-то песни. Выходил из дому по ночам. Валерка в это время всегда спал, а Валя иногда слышала, как глухо стукает входная дверь, и разрывалась между желанием выбежать в сени, наорать, наподдавать этому паршивому тихушнику, и липким страхом. Страх был не то что перед Денисом, а перед чем-то неизвестным и мерзким, перед самой ночью и одиночеством. Валя никогда не любила темноту, а тут и вовсе стала испытывать к ней отвращение. Иногда ей казалось, что стоит выйти в ночной час на крыльцо, сделать шаг — и потонешь в тёмно-сером грязном тумане, покатишься по склону вниз к самому концу Николаевки, где уже нет домов и людей — осыпающийся обрыв и широкая, похожая на реку железная дорога с тревожными красными огнями.

А Денис не боялся ничего. Он любил бродить везде, нарочно шлялся по городу, выискивая какие-нибудь старые скверики или маленькие базары, а пуще того любил длинные ряды гаражей и полуразрушенные корпуса заводов. Валя раньше принимала его страсть ко всему забытому и заброшенному как чудачество, а теперь ей стало противно, что этот чокнутый шарится по самым задворкам Николаевки, где живут одни алкаши и грязные цыгане, а потом возвращается к ним домой и спит на её диване.

Его худое полудетское лицо стало вызывать у Вали не жалость, а брезгливость.

Однажды его вырвало в коридоре на дорожку, которую Валя совсем недавно вычистила.
— Вставай! — крикнула она ему в ухо, пытаясь всунуть в холодные пальцы тряпку.— Поднимайся! Наркоман чёртов!

Денис пробормотал что-то злое, невнятное и при этом замахнулся на неё. Он не ударил её, но только потому, что не хватило сил: сжатые в кулак тонкие пальцы пришлись вскользь по Валиному лицу.

Валя схватила дочку и села с ней, обнявшись, в дальней комнате. Впервые за четыре года она посмотрела на этого человека другими глазами. Почему она всё время относилась к нему так, будто это какой-то непутёвый подросток? Почему без конца жалела? Почему даже никогда всерьёз не отправляла работать? Всё это время, все эти четыре года с ней, с её мужем, с ребёнком жил человек, который не удосужился ни найти себе отдельное жильё, ни устроиться куда-нибудь по-человечески.
— Пригрела змею,— прошептала Валя, вытирая редкие злые слёзы.

Когда пришёл Валера, она кинулась ему на шею и, сама не зная с чего осыпая поцелуями, стала убеждать, что надо выгонять Дениса сейчас же, что скоро уже лето и он всё равно не замёрзнет, что надо куда-нибудь сплавить его, пока не стало ещё хуже, и вообще переехать в нормальный дом.

Валерка ободряюще похлопал её по заду и по плечу, мягко отстранил от себя.

— Так-то надо, надо. Попозже только. Работа попёрла, щас май доработаю, июнь, и свалим. Подкопить надо.

Валя снова рванулась к нему, обхватила широкую шею руками и, бодаясь головой в Валеркино плечо, тихо сказала:

— Слушай, надо сейчас.

— Да подкопить надо,—терпеливо настаивал он на своём, уже не отталкивая Валю от себя, растерянно рыхля толстыми пальцами её пышные светлые волосы.

Она опять робко стала целовать его в лоб, уши, солёную от пота шею и зацикленно принялась шептать:

— Надо сейчас, сейчас. Сейчас…

— Да ты чё?!—гаркнул Валера, исчерпав свой невеликий запас терпения.—Ты психичка, что ли? Я те сказал: попозже, твою мать! Блин, жила четыре года с ним, всё нормально было! А тут ей приспичило. Я тебе, дуре, говорю, что работа попёрла. Ты хоть бы порадовалась.

— Что мне радоваться!—надрывно вскрикнула Валя, чувствуя, как горло царапает колючий комок.—Мало ли какая дурь в башке-то у него. А если что с ребёнком сотворит? А?! Чё тогда?

— Чё, чё! Да ничё! Через плечо…—Валерка грустно и зло заматерился.

Полез зачем-то по карманам своей куртки.

Валя бухнулась на кровать, обхватила подушку, утопила в ней лицо, давая волю слезам.

— Поплачь, поплачь. Меньше поссышь,—проворчал Валера.—Я ей говорю, дуре…

Он ещё потолкался в сенях и вышел во двор.

Денис больше, можно сказать, не буянил, только смеялся порой придурковатым, совершенно без повода рождавшимся смехом. Валя перестала стирать на него одежду, и он жил днём и ночью в одной китайской футболке с драконом.

Впрочем, стирать скоро стало сложно не только на Дениса. Для полного «счастья» дома сломалась машинка. Валя, понятное дело, попросила Валеру глянуть, в чём причина забастовки техники. Тот, покопавшись во внутренностях стиралки, вынес вердикт: восстановлению не подлежит.

Кое-как она пробовала перебиваться ручной стиркой. Но если мелочь вроде трусов и носков ещё можно было простирнуть на руках, то с большими вещами ничего путного не получалось. Одно намокание. Валя пробовала постирать смену постельного и вся залилась пóтом, покуда таскала и сливала воду, да и спина потом заныла.

«Как же раньше бабы управлялись?»—не то с восхищением, не то с сочувствием подумала она. И тут же откуда-то всплыл ответ: «Да так и управлялись, что в сорок лет—уже старуха».

Одно радовало её: на дворе была середина мая, а не холодная слякотная осень или тем паче зима. Тёплого времени Валя давненько ждала: как раз в мае должны были дать путёвку в сад Надькиному Антону. Валя знала, что это дело ей стоит проконтролировать, а то, к чёртовой матери, забудут они с Васькой про путёвку, и останется пацанёнок без садика. Позвонила сестрице, но та была пьяной и бормотала какой-то бред: мол, успокойся, всё сделаем в лучшем виде.

— О-ох, сестрёнка, ёшкин ты кошкин,—вздохнула Валя и решила, что обязательно на неделе съездит к Надьке проведать, как она там, а то и для верности заберёт у непутёвой сестрицы документы, чтобы самой взять на племянника долгожданную путёвку.

Валя даже день выбрала, в который собралась наведаться к Надьке,—среда. Достала телефон, в галерее отыскала фотографию Антона полугодовой давности—славного мальчишечки с ясными карими глазками.

— Хороший ты мой. Некому за тобой путём присмотреть.

Однако вначале приходилось разбираться со стиркой. До бабки ехать было далеко, оставалось одно—идти на поклон к Валериной матери. Та жила за шесть остановок, в двухкомнатной квартире, вместе с дочерью Анькой, которой в этом году должно было исполниться то ли девятнадцать, то ли двадцать лет. Сколько именно, Валя точно не помнила.

Квартира свекровке досталась шутя, когда дом пошёл под снос. После выдачи новой халявной хаты мать ездила к Валерке редко, всё больше зазывала к себе. Не очень настойчиво, но предлагала пожить у неё, когда родилась Марго. Валя, конечно, отказалась. Лучше какой-никакой, да свой дом, чем в гостях на птичьих правах.

Валя приехала одна, с кипой белья в клетчатой китайской сумке.

— Ой, мать моя женщина,—разохалась свекровка при виде обилия грязных вещей, хотя и была заранее предупреждена о приезде.—Да воняет как, заплесневело всё. Вы окна-то открываете?

— Открываем. И ничё не заплесневело,—огрызнулась Валя.

— Да запах такой затхлый!

Валя с какой-то неожиданной злобой поглядела на неё, ухоженную, с выщипанными и подкрашенными тёмно-рыжими бровями.

— Ну и затхлый! А он и не выводится! Потому что дом такой. Потому что сын ваш не может другой дом снять. Я уж молчу про купить.

— Вот оно как,— развела руками свекровка.— Ну, не может. Не олигарх он, звёзд с неба не хватает. Сама с ним сошлась, сама ребёнка родила. И живите. Я в ваши дела не вязну. Ты знаешь.

Вале было нечего ответить, потому что свекровь и правда особенно не вмешивалась и свою волю никогда откровенно не навязывала. Только от неумолимой правдивости её слов почему-то ещё больше хотелось поскорей запихать все тряпки обратно в сумку и ехать, бежать с ними назад домой.

Но Валерина мать как раз открыла машинку и стала сортировать бельё.

— Постираю, конечно, куда деваться… А что всё-таки с машинкой случилось?

Пытаясь проглотить засевший в горле сухой комок, Валя ответила:

— Да я откуда знаю?.. Вон, сантехник же в доме. Поковырялся чё-то, сказал, что починить нельзя. Надо новую покупать… Ёк машинке.

— М-да… Сантехник…

Свекровка вздохнула, побарабанила крашеными тёмно-красными ногтями по двери ванной. От этого её вздоха Вале стало немного легче и уже не так сильно хотелось жаловаться и изливать свои обиды. Она вдруг поняла, что вовсе не сердится на Валерку за эту дурацкую машинку и не хочет, чтобы его сейчас начала ругать мать. Хватит его костерить, и так ему от жизни досталось.

Из комнаты вышла Валерина сестра Анька — холёная девка в лосинах, с такими же, как у матери, тёмно-рыжими крашеными бровями.

Анька из любопытства заглянула в ванную, кивком поздоровалась с Валей. Дверь в её комнату оставалась открытой. Валя мельком глянула — свежие сиреневые шторки, стол компьютерный, хороший плед на диване. Анька, увидев, что в ванной ничего интересного нет, потянулась лениво, как сытая кошка, и снова исчезла в своей комнате.

Свекровка позвала Валю пить чай и — кто её за язык тянул?! — зачем-то принялась рассказывать всё про Аньку. Что учится она в финансовом колледже, что на гитаре играет, что друзей много, то да сё. Валя не выдержала:

— Вот, тётя Наташа, она у вас учится в хорошем месте, а Валера нигде не учился.

— А кто ему не давал?— пожала плечом свекровка, отломив кусочек шоколадки.— Сам он такой. Учиться не хотел. Ещё до класса до седьмого кое-как дотянула, дневник проверяла, сидела с ним, а дальше! У!.. Запустился. И не хотел, и не мог, видать. Ну, способностей если человеку не дано?! Зато руки золотые. Между прочим.

Валя ничего не отвечала.

— А ты сама-то где училась? Прямо что-то закончила как будто. На медсестру и то недоучилась.

— Так я ребёнка же родила,— оправдалась Валя.

— Ну ты же сама так решила? Сама. Не хотела бы родить, так аборт сделала.

— Я хотела…

Жаловаться тёте Наташе, ясен пень, было бессмысленно. Хотя, может быть, не столько жаловаться ей хотелось, сколько злиться за своего Валеру. За то, что собственная мать оправдывается тем, что она будто бы сделала для него всё возможное и поскорее, прямо с пятнадцати лет, отправила в самостоятельное плавание: живи, сынок, как знаешь.

Но и злиться толком, странное дело, вроде как не хватало сил.

— С ним ведь непросто было, ты же понимать должна,— в тему Валиным мыслям продолжала свекровка.— Мальчишка, что ты хочешь. Хорошо вот, что у тебя девка. С девочками-то оно проще. А Валерка — он упрямый был. Ну, ума много Бог не дал. Но чем он шибко плохой, так-то разобраться? Вон и в армию сходил. И тебя не обижает. Что ещё хочешь?

— Вы бы долг за него заплатили,— сказала Валя.

— Ну нет. Долг платить я за него не собираюсь. В эту авантюру я не ввязывалась.

Валя смотрела на виноград в стеклянной вазочке, на голубую с зелёным узором плитку, которой аккуратно был выложен кухонный «фартук», на свекровкин шёлковый халат и нарисованные брови и чувствовала, что ей хочется, чтобы тётя Наташа обязательно пригласила бы их сюда пожить. Прямо сейчас пригласила. Сказала бы: переезжайте. А Валя бы отказалась, потому что бесит её вся эта красота, и брови эти, и ногти крашеные.

— Приезжай ещё в гости, с девочкой своей. Можете без Валерки приезжать.

— Хорошо. Спасибо,— глухо отозвалась Валя.

— Слушай, у моей подруги одной «Малютка» есть. Хочешь, я у неё попрошу? Возьмёте себе. Пусть Валерка заберёт.

Валя мотнула головой:

— Может, он всё-таки старую машинку починит.

— Ну гляди.

Бабка жила на правом берегу, в районе КрасТЭЦ. С тех пор, как в двадцать лет Валя сошлась с Валерой, появлялась она в бабкиной квартире нечасто, да и вообще ездить на правый берег не было особой нужды. Квартира была «трёшкой», с проходными комнатами. В одной из них когда-то жили Валины родители, то есть мать с отчимом, в другой — Валя с Надькой, а в третьей — сама хозяйка.

Валя не звонила заранее, не говорила ничего, но была уверена: бабку она обязательно застанет дома. Куда ей, старой, таскаться по вечерам?

До Юбилейной она добралась на автобусе, а потом взяла и пересела на трамвай. С удивлением Валя заметила, что трамваи стали новыми, красивыми, правда, ходили всё по тем же старым маршрутам. В детстве она любила трамвай и часто

каталась просто так, чтобы послушать его успокаивающее тарахтение.

Идти до места надо было через рынок. К вечеру базарная жизнь уже потихоньку замирала. Закрылись самые шумные и суматошные вещевые ряды. Остались работать только несколько ларьков с молочкой, колбасой, хлебом и прочей снедью. Пожилой киргиз в тёмно-фиолетовой, как густые сумерки, футболке продавал варёную кукурузу.

— Покупайте, скидка,— ласково предложил он Вале.

Та хотела молча отказаться, но, увидев, как Маргоша потянула ручки к доброму дядьке, вытащила из кармана сумки деньги и купила сразу две горячие, дымящиеся кукурузины.

— На здоровье, дочка.

Киргиз щедро посыпал крупной солью жёлтые зёрна.

— Спасибо! Спасибо!— почему-то целых два раза сказала ему Валя.

Скоро они добрались до места. В маленьком квадратном дворике, засаженном ирисами, ландышами, тюльпанами, ещё не зацветшими лилиями, царила тишина. Здесь не было ни горки, ни качелей, не было даже площадки, чтобы побегать, и дети, жившие сейчас в этом дворе, наверное, тоже уходили играть куда-то в другое место, как раньше уходила Валя.

Они с Маргошей поднялись на второй этаж по деревянной лестнице.

— Стучись,— приказала она дочке.

Маргоша стала шлёпать ладошками о широкую железную дверь. Послышались торопливые шаги. Щёлкнули задвижкой, и на порог ступила симпатичная девушка. На лице у неё отразилось явное разочарование — видно, ждала кого-то совсем другого.

— А вы кто?— бестактно полюбопытствовала она.

— Я к Татьяне Анатольевне.

Валя сразу сообразила, что перед ней квартирантка. Выходит, за то время, что она не была у бабки (почти год), та надумала пустить жиличку. И копеечку получает.

Девчонка игриво мотнула головой и стрекозой упорхнула внутрь.

— Татьяна Анатольевна, к вам там пришли.

— Иду, иду, моя хорошая,— услышала Валя знакомый глуховатый голос.

Разглядеть квартирантку она не успела. Из серой полумглы длинного коридора вырисовалась полная сутуловатая фигура.

— Ишь, темнота. Дождь собирается.

Щёлкнул выключатель. Бабка окинула нежданных гостей быстрым взглядом и отвернула лицо к кухонному окну, через которое было видно, как собираются плотные тучи.

— Баба Таня, ты меня узнала?— спросила на всякий случай Валя.

— А чё тебя не узнать? Что сумку-то в руках держишь? Поставь.

Валя повиновалась. Чувство наступило какое-то странное: вроде было ясно, что это — дом её детства, самый что ни на есть родной угол, но в то же время она не могла и с места сдвинуться.

— Ну, с чем пришла?

— Да вот. Навестить.

— Слава Богу, вспомнила. Всё некогда тебе. Кто мы такие всегда были для тебя? У тебя друзья, подруги. Куда там уж меня вспомнить. Да и кто я тебе такая?

— Бабушка…— прошептала Валя привычное слово.

— Бабушка… Не называла так-то меня сроду. А как будто, кроме меня, кто-то у тебя есть. Я, да Надька, да Антошка-племянник… Ну, проходи, что стоишь?

Небо на глазах темнело и, казалось, нависало всё ниже над землёй. Медленно и тяжело поворачиваясь, бабка ушла в кухонный сумрак, а Валя последовала за ней.

— Малая-то вон уже освоилась,— заметила старуха.

Тут только оцепеневшая Валя заметила, что Маргоша успела забрести на кухню и сидит там в обнимку с какой-то мелкой белобрысой кошчонкой.

— Я к тебе долго ехала,— зачем-то сказала Валя.— Сначала на автобусе, а потом на трамвае. Маргоше трамвай понравился.

— Кому?

— Ну, Маргоше. Девочке…моей.

— А,— понимающе кивнула бабка.— Какая там она Маргоша? Что за имя? Ритка она.

— Мне не нравится, когда её Ритой называют,— упрямо возразила Валя.

Бабка подошла к ящику, пошуршала пакетами, по-видимому, что-то ища.

— Ну, чего пришла-то ты?

— Надо,— дерзко отозвалась Валя.

Начиная слегка грубить, она почувствовала себя увереннней и спокойней. Встала и налила себе кипятка из термопота. Но пакетиков с заваркой на столе не нашла. Открывать шкафчики постеснялась. Так и села за стол с пустым кипятком.

— Кому это надо? Мне не надо.

Вале хотелось бросить что-нибудь типа «дело есть» или «надо поговорить», но вместо этого она почему-то опять сказала:

— Мы к тебе долго добирались.

— Назад быстрей будет. В ту сторону Красраб свободней.

Кошка в комнате взвизгнула и бросилась в коридор, наверное, вырвавшись от настойчивых Маргошиных ласк. Забилась под комод. Вале стало жалко скотинку. Завёл, наверное, кто-нибудь, поиграл да и выбросил. А бабка подобрала. Сердобольная. Кошку приютила, студентку пустила…

— Ну, чё сидишь-то, как каменная?

Обида перехватила Вале горло, как цепкие клещи. Защипало глаза.

— Баб, зачем ты так?

— А ты как? Ни здравствуй, ни прощай. Сколько вот я знаю тебя — никакой благодарности не видала.

— А за что благодарность? — вскочила Валя, чувствуя подступающее облегчение за то, что переполненное обидой сердце прорывает, как заржавленную трубу. — За что?! Скажи ты мне, а?!

— Ну, не за что, конечно... Обихаживали тебя с Лёшей, кормили-поили... Вырастили. И девчонка вот родилась, я к тебе приехала с коляской и со всем. На дрова я тебе денег не давала? Да без тех дров моих вы бы замёрзли в своей хате холодной, окоченели! Нету у тебя благодарности ни за что. И в детстве не было. Одевали, обували, в школу водили...

— Подумаешь, подвиг! Это всё надо было.

— А в лагерь тебя отправляли три раза?! — распалялась бабка. — А куклу из Интернета купили? Гулять всегда отпускали. В кино ходила чуть не каждый месяц. Платье на выпускной...

«Какая ж ты мелочная. Это ж надо — каждую ерунду помнить», — брезгливо подумала Валя.

— И главное, никогда мы тебя с Лёшей не обижали. Хорошо всегда относились. Как и к Надьке. Скажешь, нет?

За окном гулко гремело, колотились в стекло молодые тополёвые ветки. Возвращаться домой сейчас всё равно было нельзя, и даже понять, когда закончится гроза, — тоже. Глядя на то, как в проснувшейся ярости дождевые плети хлестали по стёклам, по веткам, казалось, что небо будет гневаться долго, до тех пор, пока не изольёт все слёзы, пока не поглотит все краски и звуки ночная тишина.

— Вы ко мне хорошо относились, а Надьку любили, — превозмогая боль, прошептала Валя.

Старая даже не пошевелилась. Может быть, она и не услышала толком этих слов из-за рёва ветра.

Валя вспомнила, как однажды, классе во втором или даже в первом, она сделала в школе открытку к Восьмому марта, красивую такую, с мимозными шариками из ваты, с аккуратно выписанными веточками. Чтобы не сломать эту открыточку, она несла её в руках, не стала убирать в портфель. Возле подъезда её остановила одна знакомая тётка, хозяйка беспородной косматой собаки, и начала восторженно причитать: «Ой, какая красивенькая открытка! Для мамы, да?» Валя ответила, что да, и тут как раз — надо же такому случиться — из подъезда вышла мама. «Очень хорошо получилась! — продолжала свои непрошеные восхищения тётенька. — Ты, наверное, маму очень любишь, больше всех?» Валя тогда ответила совершенно честно: «Я точно не знаю». Любопытная тётенька куда-то испарилась, зато мама нахмурилась и сказала: «Вот, значит, как?» И наказала Валю. Наказала своим молчанием. У мамы была такая манера — подолгу молчать, если ей что-то не нравилось. И всегда ныло, ныло сердце, пытаясь разгадать: где просчёт, чем же ты рассердила маму? А мама почти никогда не говорила вслух, чем она недовольна. Оставалось догадываться. И догадки не радовали. Если бы Валю наказали за двойку, за украденную десятку, за разбитую тарелку или порванную юбку, то это было бы терпимо и понятно, как исправить. Но её наказали за то, что было в сердце. И что было с этим делать, Валя не разобралась до сих пор.

Бабка сходила в комнату, включила Маргоше телевизор и вернулась на кухню. По её пристальному взгляду Валя догадалась, что она всё отлично слышала.

— И тебя мы любили. Ты просто не замечала. Трудно с тобой было. Всегда молчком, не придёшь, не посмеёшься с нами.

Вале хотелось огрызнуться насчёт «трудно было», но она сдержалась и только сказала:

— Я думала, вам и без меня хорошо.

Баба Таня пожала плечами.

— А хоть ты и не родная, всё равно и за тебя сердце болит. Ты думаешь, нет? Мужика этого нашла... Что с него? Ни квартиры, ни машины. Живёте в бичёвнике каком-то. Хоть бы уже ко мне приезжали да жили.

— Валера не поедет, — отрезала Валя.

— Во-о. Гордый ещё. Гордости, как у пса блох. Да и Надьке жить негде. Тоже бедолага... Беспутная.

Валя хотела было вставить слово, что она как раз собиралась съездить к Надьке, привезти ей банки и вещи, узнать про ребёнка, но старая продолжала говорить задумчиво и жалостливо:

— А мне вот, ты думаешь, легко? Семьдесят шесть лет за спиной. Считай, жизнь прошла. Муж умер, сын умер, об вас с Надькой день и ночь сердце болит. Полпенсии на лекарства трачу. Вам-то хоть бы хны. Кто бы вспомнил бабку Таню лишний раз да позвонил... Сижу тут одна-одинёшенька... Квартирантку вот пустила нарочно, чтоб жильём пахло, чтобы человек был. А то, бывает, осень когда, ночь, ветер в подъезде как стукнет дверью... Думаешь: вот она где-то, смерть моя стучится.

Ветер за окном стих, и дождь зашумел монотонно, ровно.

Теперь Вале, наоборот, не хотелось ничего говорить, но молчать было вроде как неудобно, и она предложила:

— Так, может, тебе помочь чем-то? Полы там помыть или в магазин...

— А?.. Да нет. Это я, слава Богу, ещё всё сама могу. Мне ведь для другого. Чтоб поговорить с кем. Вот, Валентина, сколько помню я тебя, и ни разу не вспомнишь, чтобы ты меня обняла хоть раз.

Всё волком, волком. Я не знаю, хоть к матери-то своей подходила?
— Не помню. Может, нет,—раздражённо ответила Валя.
— А к кому? К кому тогда? Ты вот, кроме Ритки, хоть любишь кого-то?
— Чего?!

Валя хотела возмутиться, но осеклась.

Всю жизнь—такую долгую двадцатипятилетнюю жизнь—она считала, что только и помогает людям, только и делает для них добро. И вдруг по-бабкиному выходило, что близки тебе не те люди, кому ты то и дело пытаешься принести пользу, а те, кому можешь рассказать о сокровенном. С кем можешь поделиться. И позволить себе быть слабым. Но у Вали, кажется, не было ни одного такого человека. Но как быть слабой с Валеркой? Он же будет пить… Спутается с плохой компанией. За ним надо следить. Хотя он, конечно, хороший… А Чеба? Как ему без присмотра? Пропадёт совсем. Пусть и противен стал… А Людка на работе? А Надька? Как их всех отпустить? Нельзя…

Утешало одно: у бабки, наверное, тоже нет такого человека, раз она спрашивает. Или есть?..

Вале почему-то ревниво захотелось, чтобы старуха была совершенно одинока, всеми забыта и заброшена, не могла бы сама помыть пол, нуждалась бы в том, чтобы кто-то сходил для неё в магазин и приготовил еду. Она даже могла бы стать лежачей, прикованной к старой железной кровати, мучиться от пролежней и бессонницы. Тогда Валя бы каждый вечер могла ездить на автобусе, потом на трамвае, возить тяжёлые пакеты из «Командора», кормить немощную старуху с ложки, обмывать и переодевать. Да что там—могла бы совсем переехать к ней. Многое, многое бы она делала, если бы бабушка была больна.

Но что оставалась делать, если она оказалась хоть и старой, но относительно здоровой?
— А ты красивее Надьки,—вдруг сказала баба Таня.

Валя уставилась на неё с удивлением.
— На мать свою похожа. Глаза голубые. Я всегда голубоглазых любила. У меня первый парень был—синегла-азый такой. Из армии его ждала.
— Ты раньше ничего об этом не говорила.
— А ты меня как будто спрашивала… Я тебе всегда была как шкафчик с деньгами. Ты ж всё время в комнате сидела, из школы придёшь и шмыг—туда просочишься. И ни здравствуй, ни прощай.

Валя вспомнила, как она и в самом деле, возвращаясь с уроков, стремилась быстренько прошмыгнуть в свою с Надькой комнату, лечь там на койку и поиграть в тетрис. Или плести фенечки. У неё был такой маленький, аккуратненький комодик из спичечных коробков, с разными сортами бисера в ящичках. Она часто сидела за столом, высыпáла бисеринки на пластиковые крышечки от йогуртовых бутылок и, строго следя за рисунком, нанизывала их на тонкую леску. До её носа часто доносились ароматы жирных, наваристых супов, а иногда и сладких ватрушек с начинкой из творога, которые бабка Таня называла шаньгами. Оголодавшая после пяти-шести уроков, она потихоньку грызла какие-нибудь прикупленные в школьной столовой сухарики, а пустую пачку прятала обратно в сумку, чтобы мама потом не ругала.

Сама бабушка звала её в кухню редко, а если и заглядывала, то Валя неизменно мотала головой и отвечала, что есть не хочет. Потом бабка и заглядывать перестала. А Валя ждала, когда вернутся домой к половине седьмого мать и дядя Лёша. Они обычно приходили вместе. Уходили утром тоже вдвоём.

Общий ужин бывал редко. Чаще всего сначала ели взрослые, а после уж они с Надькой. Правда, Надька потом стала иногда сидеть с родителями, распивала с ними чай, хохотала.

Надька после школы никогда сразу не шла домой, гуляла с какими-нибудь очередными друзьями, подругами, бегала зимой на каток…

Валя вытащила из стеклянной вазы пряник. Вкусный, с имбирём, только сухой. Значит, давно лежат—никто не ест.
— Хочешь, с собой дам?—участливо спросила бабка.—Бери. Я могу тебе ещё плед отдать. Хороший плед, тёплый. С начёсом такой.
— Нет… Хотя пряники давай.

Маргарита, видно, устала смотреть мультики, прибежала к матери. Стала тянуть её за руку, за подол.
— Ладно, баб, мы, наверное, пойдём… Я что хотела-то… Думала спросить у тебя: давно ты видела Надьку? Я боюсь, как бы Антошкину путёвку в сад они не проморгали. Давно ты её видела?

Баба Таня молчала.
— Я говорю, давно видела ты Надьку?!—начала сердиться Валя.
— Ты лучше не спрашивай, как я её видела. Не дай Бог тебе такое увидеть. Молчи лучше. Иди.

Она отвернулась и прижалась лбом к стене.

Валю охватила ярость.
— Ну и что ты такое видела? Бухáла Надька твоя? Пьяная валялась? С улицы подбирала её, наверное? Вместе с Васей. Знаю я, что ты видела. Она дома шалман устроила, пьянки, гулянки, а ребёнка бросила. Какая с неё мать? Зачем рожала? Таких, как она, стерилизовать надо. Чтоб не плодились!

Баба Таня медленно отвернулась от стенки и прошептала:
— Злая ты.
— А вы добрые?!—крикнула Валя.—Добрые вы все нашлись! Что ты, что тётя Наташа. Заботливые прям! Денег малость дали—и живи как знаешь! Пашешь, пашешь в этом садике, харчи домой таскаешь, двух мужиков кормишь, ребёнка

тянешь — и спасибо никто не скажет! Только ты ходи, вещи проси, деньги проси, унижайся. И паши дальше, хоть сдохни!

— Ну, ну… Что ты?..

Валя, сама от себя не ожидая, рухнула бабушке на грудь и разразилась слезами. Казалось, что её чем-то оглушило. Бабушка гладила её сухими пальцами по плечам, по волосам. За ноги цеплялась Ритка.

— Доченька, — услышала Валя первое слово от бабы Тани. — Всем нам тяжело. Тем более бабам. Не злись так. Главное, о себе заботься, о ребёнке, а эти твои оглоеды пущай как хотят живут. Что заработала, то на себя и трать. Мать твоя знаешь как делала? Всегда себе заначку оставляла. Чтоб, если чё, на себя потратить. Лёшке не говорила. Мне говорила, а ему нет. И правильно.

Ритка отцепилась от материной ноги:

— Мама, есь.

— Ты же ела! — шикнула на неё Валя.

— Пусть идёт, — возразила бабка Таня. — Доча, иди на кухню, открой холодильник. Ешь там всё.

Прямым курсом послушная Ритка направилась к холодильнику, открыла его и извлекла оттуда полбатона варёной колбасы, от которой, не раздумывая, отхватила немалый кусок.

— Пущай ест ребёнок, — остановила бабушка Валину руку, которая уже хотела было отобрать у девчонки лакомство. — У вас там дома, поди, не густо. А мне не жалко. Берите всё. Я всё равно скоро помру.

Валя вздрогнула:

— Баба, ну что ты?

— Помру, помру, — спокойно продолжала баба Таня. — Семьдесят шесть лет отмерила, хватит уже. Хорошего всё равно, поди, не увижу. Ты уж прости меня, что квартиру всё же Надьке оставлю. Даст Бог, Антошке потом она пойдёт. Но есть и тебе кое-что.

Она взяла Валю под локоть и мягко повела в свою комнату. Закрыла изнутри щеколду.

— У меня, девка, сто пятьдесят тысяч в запасе есть. В смертном. Тебе говорю только, больше никто не знает. Надьке не говорила, а то ведь пропьёт… Эх, прости, Господи… А ты, Валечка, не дашь мне как собаке помереть? А? Схоронишь по-человечески? Полтинника, поди, хватит, а уж сотню как хочешь там расходуй…

Валя растерянно озиралась в тесной, с низким потолком, комнатке, оклеенной грязно-зелёными обоями. Тут она почти никогда не бывала, пока росла, и вот теперь вдруг была допущена в святая святых этого дома. Комната, к её удивлению, была обставлена хуже, чем две остальные. Оканчивалась она старым деревянным окном, ветхость которого плохо скрывала свежеокрашенная голубая рама.

— Баба Таня, да ты же сама говорила, что вроде на здоровье не жалуешься. Не пойму я…

— Не жалуюсь, а всё равно годы подошли. Да и родова у нас такая, что шибко долго никто не живёт. Алексей вон вовсе не зажился… Тут со мной знаешь какой случай был? Память потеряла. Проснулась как-то и не помню ни черта. Где я, кто я? Сказать стыдно. Одной женщине, медик она, призналась, она и говорит: Таня, похоже на микроинсульт. Сердце тоже, бывает, — как давит, как давит…

«Это точно, бывает», — невольно подумала Валя.

— Голова по утрам кружится… Так что не узнать, когда твой час придёт. Готовым надо быть.

От этого разговора про болезни Вале сделалось не то чтобы приятно, а спокойно. Такие разговоры ей были привычны и как-то по-своему утешительны. Может быть, потому что хворь и смерть, если о них решаешься говорить, делаются уже не такими пугающими.

— Вот тут у меня копилочка, — баба Таня открыла шкаф, достала целлофановый пакет, в котором лежали мотки широкого кружева и разноцветных капроновых лент. — Тебе, Надьке мать маленьким коски плела…

Из тёмного свёртка баба Таня извлекла нетуго скатанный эластичный бинт, а в нём, в свою очередь, оказался аккуратный пакетик с застёжкой.

— Во-от.

На клетчатый диванный плед одна за другой ложились согнутые плавной дугой фиолетово-серые бумажки.

Зимой эти деньги нужны были Вале на дрова, на лекарства для Дениса и Ритки, на лишнюю пару тёплых колготок для себя. Теперь на дворе стояло благодатное майское тепло, в доме было хоть по-прежнему сыровато и забардаченно, однако жить вполне можно, и на огороде были посажены картошка, зелень, кабачки — с голоду никто не помрёт. И показалось Вале в первую минуту, что все эти лежащие на пледе купюры — лишние, ненужные, какие-то несвоевременные.

Баба Таня любовно погладила бумажки обеими руками.

— Тут, Валечка, конечно, на похороны много. На смерть-то мне пятьдесят хватит с лихвой. Ну, конечно, поминки, столовую там… Пусть помянут люди Бушину Татьяну Анатольевну. А остальные бери.

— Куда? — растерянно спросила Валя. — Куда брать-то?

— Как куда? Себе.

Валя умела выбирать короткие маршруты по дворам, чтоб не тратиться на автобус. Умела, как в анекдоте про евреев, готовить три блюда из одной курицы. Умела не выбрасывать ничего и даже рваные капроновые колготки приспосабливать под хранение лука. Умела жить на две тысячи рублей в неделю.

Но куда можно было девать такую прорву денег, как сто тысяч, она не знала. Валера за один

раз никогда не приносил больше двадцатки, да и то ведь это были деньги на всех, на семью, а тут—свалившийся на голову подарок только для неё одной. Для неё!

Конечно, можно было накупить хорошей одежды для Ритки, для Валеры, для себя. Обуви крепкой. Или нет. Какая обувь?! Снять нормальную квартиру. Чтобы с ванной, с двумя комнатами, как у тёти Наташи. Шторки сиреневые. Плесенью вонять не будет. А Валере как это сказать?

Валя сразу представила, как она сама подыщет хорошую квартирку, прибежит к своему и скажет: смотри, мол, что я нашла! Обрадоваться должен—ведь поживут наконец как люди!

— Ты только мужику своему ничего не говори,—будто угадав направление её мыслей, сказала баба Таня.—Купи что-нибудь путнее. Машинку там стиральную или холодильник. Или знаешь чё? Чем в вашей холодной хате жить, возьми да сними с ребёнком комнату хоть в какой приличной общаге. Платить-то и ненамного больше. Зато в тепле. Никаких дров не надо. А мужик твой пусть, если хочет, то к вам идёт. Не хочет—куда хочет идёт.

— Как это?—удивилась Валя.

Баба Таня усмехнулась.

— Думаешь, куда-то он денется? Придёт как миленький. Так ему и скажи: надоела мне такая жизнь.

— Да уж сколько раз говорила! Не хочет он съезжать.

— Я тебя и учу: сама съедь. Платить этими деньгами покуда будешь, а там Ритка старше станет, подработку найдёшь. Полы какие-нибудь мыть… Сторожить… Ради ребёнка что не сделаешь?

За окном полыхали огненные всплески заходившего солнца. Опомнившись, Валя схватила телефон, глянула время: доходило до десяти вечера. На экране маячил квадратик-письмо: пропущенные эсэмэски от Валерки—целых четыре штуки. И один не отвеченный вызов.

— Оставайся у меня. Куда тебе торопиться? Завтра суббота. На работу не надо.

— Да,—легко согласилась Валя.—Я только своему позвоню.

Нажимая на кнопку вызова, она уже знала, что Валерка её отпустит, и хотела только извиниться перед ним за то, что не брала трубку.

— Ну ты где загуляла-то, мать?

— Да я у бабушки… Валера, прости, что не отвечала. Чё-то звук выключился. Не сердись.

— Да чё мне сердиться? Жива, слава Богу.

— Там у тебя есть чего поесть-то?

— Щавель в огороде растёт,—хохотнул Валерка.

— А Чеба где?

— А хрен его знает. Ты что, не приедешь сегодня?

— Да… Бабушка зовёт ночевать остаться.

— Ну ладно, мать. Спокойной ночи.

Валя немного удивилась: давно не помнила, чтобы мужик ей желал спокойной ночи.

— Как ты с ним прям ласково воркуешь, девка,—в свою очередь выразила удивление баба Таня.—«Прости» да «не волнуйся»… Главное, про деньги ему пока не говори. Реши вначале, куда съезжать будете.

Баба Таня, Валя и Ритка ночевали на одном диване. Открыли на проветривание окно—воздух был прохладный и свежий, послегрозовой. Долго разговаривали, перед тем как уснуть. Баба Таня легла у стенки, возле старого узорчатого ковра, который не снимала для большего тепла. Ритка—посредине, в обнимку с кошчонкой. Валя осторожно гладила её по головке, по спине. Смотрела на полосы от проезжавших мимо машин. Потом мирно уснула и проспала до девяти часов субботы, чего себе не позволяла уже, наверное, пару лет.

— Мы с ней поругались вначале. Прям чуть не ненавидела её, знаешь… А потом, оказывается, ей тоже плохо… Мы расплакались с ней вместе… Сели, обнимаемся да плачем,—рассказывала Валя.

Валерка снисходительно фыркнул:

— У баб да у пьяных слёзы дёшевы.

Валя обиделась и замолчала.

Однако рассказать всё равно кому-то хотелось. Оставалась Людка. Та выслушала и смеяться не стала.

— Я давно заметила: много проблем оттого, что все друг от друга что-то скрывают. Говорить не умеют. И всё думают, что кто-то догадается и кто-то скажет… Самое интересное, что плохое всё-таки меньше скрывают, а вот доброго всегда стесняются.

Валя немножко поразмыслила и спросила у неё совета насчёт денег.

— Как ты думаешь, Люда? Может, мебель купить?

— Нет. Вот представь: у тебя есть уже квартира.

— «Двушка»?—уточнила Валя.

— Да хоть «трёшка». И мебель есть. Диван, кровать для Ритки.

— Окно пластиковое?

— Все хорошие окна. Одежда. Еды всегда хватает. Ну, короче, всё есть. Чего ты тогда хочешь?

Валя даже оторопела.

— Я?

— Ты, ты.

Оглядев детсадовскую группу так, будто это была та самая «трёшка» с изобилием всяческих вещей, Валя потрясённо изрекла:

— Я в театр хочу сходить.

— Пошли,—согласилась Людка.—Возьмёшь меня?

— Конечно, возьму. Валерка-то не пойдёт.

— А ты его спрашивала?

— Да что ты! Он там сроду не был. Даже в школе, наверное.

— Так а ты спроси его, может быть, он и захочет.

— Ладно,—хмыкнула Валя.

— Помнишь, ты говорила, что воспитателем была бы не хуже меня? — напомнила Людка.
— Да я и щас так думаю!
— Может, учиться пойдёшь тогда на воспитателя?
Валя внимательно посмотрела на подругу.
— Я подумаю.

Несколько дней она раздумывала над тем, кем бы ей хотелось стать. Только сейчас она поняла, что ей всего двадцать пять лет и то, что у неё есть ребёнок, ещё не значит, что учиться уже нельзя.

Идею с воспитательством Валя отвергла почти сразу. На самом деле ей не очень-то нравилась Людкина работа, просто хотелось слегка подковырнуть её за нерасторопность. Валя любила занятия по лепке, аппликации, где всё можно было аккуратно склеивать, прикладывать, но её потряхивало от одной мысли, что надо будет терпеливо объяснять все эти действия двадцати сидящим за столами детям.

В садике у них не было бухгалтера, и заведующая уже не раз говорила на планёрке, что хорошо бы подыскать на эту должность толкового человека. Бухгалтерши получали не такие уж плохие деньги, особенно в сравнении с нянечкиным доходом. Но, поразмыслив день-другой, Валя поняла, что и бухгалтером ей быть не хочется. На этой работе, наоборот, ничего живого — поговорить не с кем, цифры да цифры.

В первую неделю после поездки ей всё ещё казалось, что баба Таня передумает, позвонит и скажет: «Давай, Валька, деньги назад». И отдаст их своей квартирантке. Тем более она при том ночном разговоре, не таясь, призналась, что и впрямь хотела сначала отдать их жиличке, чтобы та ухаживала за ней, если сляжет.

Но баба Таня ничего такого не говорила и денег назад не требовала.

Чеба так и не возвращался домой, однако Валя с удивлением обнаружила, что больше не беспокоится за него. Ей было всё равно, повяжет ли его полиция с какой-нибудь наркотой, заболеет ли он или будет резать вены от несчастной любви. При этом она не чувствовала себя злой и бессердечной. Она готова была пустить Дениса домой, позволить ему переночевать, но особенно его возвращения не жаждала.

Валерка немного скучал без Дениса. Без него и пить было скучно. Вечера приходилось чем-то занимать. От скуки Валерка пёк блины и кексы в формочках в виде роз. Валя с удивлением узнала, что кулинарит благоверный вроде и не хуже неё.
— Слушай, хватит меня мучным-то кормить, — заметила однажды она ему.
— Невкусно разве?
— Вкусно-то вкусно, да разнесёт вширь на твоих постряпушках. И сам вон… пузо висит. Ты бы лучше посидел, квартиры посмотрел.
— Какие квартиры? — оторопел Валера.
— Обыкновенные. В каких люди живут. Ты же сам согласился, что переезжать надо. Говорил, летом переедем.
— А-а… Ну да, говорил. Щас парни хорошо с работой помогли. Потом, Чеба где-то гасится. Мы на нём сэкономили. Я вот посчитал за эти три недели: знаешь, сколько на него лавэ уходило? Капец. Я чё-то покубатурил, мать, и скажу тебе: невыгодно было его держать.
— Да я давно знала.
Валера замялся.
— Только слушай… может, не надо съезжать-то пока? Ну чё мы с тобой снимем за наши бабки? Общагу только. Комнату. Места не будет. А тут всё-таки места завались! Мать хороший подарок сделала.
— Она за этот подарок каждый месяц шесть тысяч забирает, — напомнила Валя.
— Ну да… но всё-таки. Удобно же. Места много.

Валя посмотрела на него и почувствовала досаду, граничащую с брезгливостью. Талдычит одно и то же и с места сдвинуться не хочет… Может, права была бабка?! Собрать шмотки и к чёртовой матери съехать! Пускай даже и в общагу или какую-нибудь гостинку. Зато никакой больше плесени и никаких дров! И тёти Наташи с её закидонами.
— Кому удобно-то? Тебе удобно! А мне неудобно! — взвилась Валя. — Сидишь в этой халупе и мёрзнешь зимой!
— Так щас-то лето…
Валя презрительно фыркнула.
— Слушай, ты как в анекдоте про папуасов. У которых кокосы с пальм сами валятся, если ветер. А если ветра нет — ну, тогда неурожай.

Валерка молча смотрел на неё с тупым, непонимающим выражением лица.
— А вот у меня, между прочим, деньги есть, — с вызовом объявила Валька. — Немало. И я на эти деньги вместе с Риткой сама сниму гостинку. И буду жить как человек!!

Валера ещё какое-то время пялился на неё таким же отупелым взглядом, потом глубокомысленно сам себе кивнул и медленно сказал:
— Понятно.
— Чё понятно? И не спросишь даже, куда я ушла?
— Куда, куда. Понятно, что к любовнику. Он тебе и денег дал, он тебе и хату снимет. Только хренушки я тебе Ритку отдам. Вали, стерва, сама.
— Ты чё, в голову укушенный?! — истерично вскрикнула Валя. — Какой, на фиг, любовник?! Бабка мне деньги дала! Баба Таня!
— Бабка?.. — выражение Валериного лица опять сменилось на растерянно-непонимающее. — А зачем?
— Затем, что родня она мне единственная и помочь хочет… Но тебя, я вижу, с места не сдвинешь. Ты так и собираешься в этой сараюге жизнь

прожить. Матушка твоя потому что дала. Подарочек сделала. Облагодетельствовала нас. Ещё и кота её кормим.

Валя не очень-то хотела говорить все эти недобрые слова, но они выливались из неё помимо воли. От этого, правда, становилось вроде бы легче. В глубине души она прекрасно понимала Валерку: менять что-то было очень страшно. На словах она всегда утверждала, что мечтает о лучшей жизни, но сейчас ей было трудно всерьёз поверить, что она и впрямь уедет из этого дома. Да и дома ли? Валя приподняла край тяжёлого ковра. В нос ударил затхлый запах плесени. Она брезгливо опустила ковёр и смутно удивилась, почему не выбросила его раньше. На столе у окна стопкой лежали неглаженые вещи. Браться за них не хотелось. Даже ругаться не хотелось. Только сидеть, смотреть в окно и ничего не делать. Не думать ни о чём. Просто отдыхать и приходить в себя.

Валя спохватилась, что надо чем-то накормить семеюшку. Нехотя она поднялась с кровати и пошла замешивать тесто на кефире, испечь оладушки. Не заметила, как вместо муки бухнула в кастрюлю полпачки соды.

— А-а! — закричала она так громко, что никак от себя не ожидала.

— Что такое? — примчался на кухню Валера.

— Ничего…

У Вали вдруг полились обильные, ничем не удерживаемые слёзы. Она выбросила в раковину полупустую пачку и закрыла лицо руками.

— П-прости, — извинилась она. — Не знаю, что со мной. Аж трясёт чё-то всю… Я сейчас успокоюсь, сготовлю всё.

Валерка ничего не говорил, только топтался около неё, но ей стало вроде спокойней оттого, что он не уходит, — значит, ему не всё равно.

— Ты чё? Ты чё сегодня так психуешь?

Валя бестолково пожала плечами и сделала попытку улыбнуться:

— Не знаю… Надоела мне просто эта жизнь.

— Да и мне тоже.

— По тебе не скажешь.

— Ты тоже раньше молчала. Я думал, нормально всё.

Валька удивилась.

— Знаешь, что мне бабка говорила? — ей страшно захотелось рассказать секрет, как в детстве. — Чтобы я не ждала, пока ты созреешь, а сама бы искала жильё и съезжала. А ты бы, если захотел, приехал. Только она просила, чтобы я тебе ничё не рассказывала.

Валерка засмеялся:

— Ду-урочка. Выдала всё. Нельзя тебе тайны доверять.

Она усмехнулась:

— Так я не поняла, ты переезжать хочешь?

— А ты-то со мной поедешь?

— Поеду, куда деваться. Это ты ничего не хочешь, а я пожалуйста.

Он стал серьёзнее:

— Вот и врёшь. Ты расписываться не хочешь со мной.

— У тебя долг висит за алименты! И за мебель эту ещё дурацкую. Если что, так все эти твои долги на меня повесят, на жену законную!

— В смысле — «если что»? Если помру я, что ли?

— Ну да! Или… или если…

— Если разведёмся потом?..

Вале не хотелось отвечать, но внутри себя что-то ответить всё равно приходилось. Она всегда думала, что это Валерка разгильдяй и за семью отвечать не может, а тут вдруг как-то вышло, что на самом деле это она до сих пор всерьёз не считает себя его женой.

— Ну… Ну, не знаю…

Он подошёл к ней, начал привычно наглаживать по широкой спине.

— Коровушка ты моя. Чего ты разревелась?

Валю уколола обида, однако из Валеркиных объятий она не пыталась выскользнуть.

— Сам-то какой…

— Я? — вскинулся Валерка с неуместной радостью. — Я вообще дурак! Я всегда удивляюсь, как ты меня терпишь. У меня первая была — ну та, помнишь, с Копылова, — так она даже порой по башке меня била. Дебил, говорит, ты конченый, на зоне пропадёшь. Такая сильная была. Но я от неё устал. А ты, Валька, добрая. Я даже не знаю, какой у тебя… доброты запас. Всё терпишь, терпишь меня почему-то. Иной раз думаю: другая ушла бы к бабке. Жилья нет, с деньгами подсос… А ты вот не уходишь.

— Догадаешься хоть, почему? — Валя вжалась в него и даже глаза закрыла, чтобы не так страшно было сказать: — Я же люблю тебя.

Валерка нервно хохотнул:

— Меня?

Она боднула головой его плечо:

— Скажи мне что-нибудь.

— Чё сказать-то?

— Хорошее что-то…

— Валя… — Валерка тяжело вздохнул. — Валька моя.

Он долго молчал, неподвижно сграбастав её в объятья, и, когда Валя уже собиралась уйти, выдавил из себя простодушно-нежное:

— Валечка…

И тут Валю как будто прорвало: она стала осыпать его поцелуями, гладила, как ребёнка, по голове и говорила, говорила что-то ласковое, доброе, глупое, нежное, чего не произносила, кажется, никогда:

— Валерочка… Милый… Хороший, славный, самый лучший… Всю жизнь бы тебя целовала, всю жизнь. Только тебя. Валерочка… Миленький.

Она слегка задыхалась, и голова немного кружилась. Вообще, Валя чувствовала себя как человек,

который перенёс какую-то серьёзную процедуру или даже операцию и теперь должен восстановиться после неё. Ещё долго они стояли на кухне, обнявшись, а в раковине валялась не нужная никому пачка муки для оладьев.

Чеба объявился в июне, когда они уже почти обжились на новой квартире: позвонил на Валерин номер. Едва услышав про Дениса, Валя вздрогнула: меньше всего ей сейчас хотелось, чтобы в только-только устоявшуюся жизнь опять врывались пьяные посиделки, нервотрёпки и ожидание неприятных сюрпризов. Но Валера как мог успокоил её:

— Слушай, ведь это мы его в своё время пустили у себя жить. Понимаешь? Мы же ему сами ключи дали. А сейчас не дадим. Ну что он, к нам ломиться насильно будет?

— А если будет?—опасалась Валя.

— Не будет. А если да—менты нам в помощь. Но он не дурак. Просто что его бояться-то? Пусть придёт. Расскажет, что с ним случилось.

Они пригласили Дениса в одну из суббот. Странно было видеть, как он вежливо кивает в ответ на приглашение пройти, слышать, как спрашивает, можно ли взять масло, хлеб. Валя настолько привыкла, что Денис ни о чём не спрашивал и брал всё принадлежавшее им как своё, что оторопела от его невесть откуда взявшейся обходительности.

Одежда на нём была другая. Старую футболку Чеба сменил на рубашку-поло, чёрные спортивные штаны—на слегка потрёпанные, но вполне прилично выглядевшие джинсы.

— Ну, рассказывай, братуха,—нетерпеливо попросил Валера.

Оказалось, что Денис попал в протестантскую общину. Когда ушёл от Вали с Валерой, одно время жил у приятеля (Валя про себя удивилась тому, что у Чебы, оказывается, есть какие-то друзья помимо них). Потом в Покровке, прямо на улице, один парень подвернулся и начал разговор. И зацепил за живое.

— Он мне говорит: «Ты зачем живёшь?!»—с чувством, но сохраняя серьёзнейшее выражение лица, рассказывал Денис.

И опять Валя успела мельком подумать, что не раз и не два спрашивала его о подобном, ругалась, что он не хочет работать, говорила, что так жить нельзя… Но тогда почему-то Денис её не слышал.

Парень, не теряя времени, с ходу привёл Чебу в общину. Община располагалась в просторном, хотя бедном, деревянном доме. Внутри дома в одной комнате была молельня, в другой—столовая, в третьей—комната отдыха. Дениса накормили ухой, положили спать, а назавтра разбудили, опять накормили и отправили колоть дрова.

— И ты колол?—с сомнением спросил Валерка.

— Конечно. Кто не работает—тот не ест. Это апостол Павел сказал.

Валя хотела рассмеяться, но смешок так и застрял у неё в горле—до того серьёзно-торжественным было лицо Дениса. Зато Валерка решил подколоть:

— А ещё что тебе Павел сказал?

Денис не среагировал.

— Много,—ответил он.—Только не просто Павел, а апостол Павел. Раньше он неверующим был, во тьме пребывал. Христиан гнал. А потом по пути в город Дамаск его настиг свет. И голос ему был: «Зачем гонишь меня?» Понял всё Павел и стал уже не гонителем христиан, а их лучшим другом. Конечно, вначале ему не верили…

Валя слушала не столько слова Дениса, сколько его голос—успокаивающий, мягкий. Умные слова, которые Чеба вставлял в свой рассказ, её не удивляли: она и раньше знала, что он парень неглупый и знает много такого, о чём ей с Валерой неведомо. Правда, говорил Денис вроде бы как-то не совсем от души, как будто выступал в театре. Но слушать его хотелось.

— Ну, натрепал с три короба!—притворно проворчал Валера.—У нас ты долго молчал!

— Молчал… И обветшали кости мои от стенания моего,—странно ответил Денис.

— Вот уж точно, кости-то твои пообветшали,—согласилась Валя.—Кормишь тебя, кормишь, а ты всё худой, как скелет. Куда в тебе девается? Есть там женщины-то у вас, кто готовит?

— Сёстры есть. Но готовит чаще Андреич, у него очень вкусно получается… А так есть сёстры, конечно, только они в другом доме живут.

— А с вами чё, не хотят?—снова поддел Валера.

— Сёстры отдельно,—не обращая внимания на подколку, уверенно подтвердил Денис.—У них тоже у всех сложная судьба. Одна у нас есть—Злата. Над собой смеётся: «Злата—на чудеса богата». Она медсестрой работала, ей нравилось, ну а потом… с катушек съехала, пить начала… В ночлежке жила. И вот так же, как меня, случай её к Иисусу Христу привёл. Так она работу стала искать—представляете, попала опять в ту же больницу, где и была, только санитаркой. Она всегда там хотела служить. Людям хотела помогать. И Господь её вернул.

— В натуре, чудо,—согласился Валера.—А парни как туда к вам попадали?

Денис охотно рассказывал, пока Валя подавала им чай, свою любимую селёдку под шубой, куриные котлеты. Ритка вначале играла на кухне, потом прибежала к Денису и без лишних слов забралась к нему на колени.

— Вишь, любит тебя!—Валя обрадовалась тому, что Чеба, хотя и стал совсем странным, всё-таки не чужой, раз его признала девчонка.

В голову ей пришла мысль.

— Слушай, Денис… Ты теперь стал божественный… Других-то таких знакомых у нас нет… Так, может, будешь крёстным для Ритки, а?

Она опасливо поглядела на Валеру — не будет ли тот спорить, но Валерка подтвердил:
— Давай покрестим ребёнка. Породнишься с нами?
Денис медленно помотал головой:
— Не могу. Во-первых, детей крестить не нужно. Крещение должно быть сознательным. А во-вторых, вы не по-христиански живёте.
— Чё это? — спросил Валера скорее грустно, чем недовольно.
— Не расписаны вы.
— А-а… — горько протянула Валя. — Так ты знаешь, какой у него в банке долг висит? Он, когда по молодости окна делал, попал в долги на триста тысяч! А если распишемся, то этот долг…
Она оборвала саму себя, закричав на Ритку:
— Куда грязь тащишь в рот?! Яблоко немытое!
Денис спокойно забрал у ребёнка яблоко и уставился в окно.
— Чаи попиваешь! — ни с того ни с сего взъелась Валя. — Пришёл, жизни учишь! А чаи-то наши!
— Э, мать! Придержи коней! — сердито буркнул на неё Валера.
Но Валя отчего-то не могла остановиться и сыпала на Дениса горькими, злыми словами, укоряя его в том, что он столько лет подряд ел их хлеб и жил в их доме. Вываливая на него всю скопившуюся в душе грязь, она сама понимала, что этих слов Чеба, может, и не заслужил. Где-то в глубине души Валя даже обижалась на себя, потому что раньше ей всегда хотелось думать, что она в самом деле жалеет Дениса, желает ему добра, а вот, оказалось, не так уж и желает. И признавать это было тяжко.
А Чеба сидел так спокойно, как будто спал наяву или мысленно выключил звук у всего окружающего. Разве что плечом дёрнул пару раз, когда Валя слишком близко наклонилась над ним.
— Дура-ак… Ой дурак, — решительно качнула головой Валя, завершая свою гневную речь. — Вляпался куда-то, в какую-то общину, хрен пойми… Пошёл бы уже, как люди, работать. Щас все деньги у тебя там выкачают.
Денис слабо улыбнулся:
— Работать я там как раз буду, а денег у меня, вы сами знаете, нет.
Валера довольно заржал:
— У тебя как в анекдоте, знаешь, про Красную Шапочку? Идёт такая Красная Шапочка в темноте по лесу, ну и Волк навстречу: «А чё, Красная Шапочка, не боишься ты ходить-то?» Она говорит: «А чё бояться? Денег у меня нет, а потрахаться я люблю!»
Валя фыркнула и одобрительно кивнула:
— Во-во. Тебе уже, видать, ничё не страшно. Хоть в общину, хоть в тюрьму.
Валера несогласно покачал головой.
— А я тебе завидую, Денис. Что ты ничего не боишься. Хорошо, когда человеку нечего бояться. Может, там, с божественными, тебе и нормально будет. Ты всегда у нас был такой, не от мира сего.
Валя поражалась, что Чеба ни на одну подколку не среагировал хотя бы словом. Так и сидел, не шелохнувшись, с каменным лицом. Хотя, наверное, не с каменным. Лицо, как и всегда, у него было детское и немного жалкое, бледное, с маленьким подбородком и высоким лбом.
«Накачали его там чем-нибудь», — решила Валя.
— Теперь там жить будешь, в этом доме? — поинтересовался Валера.
— Нет… Пока нет. Я к матери съезжу. В Ростов. Надо мать проведать… Я совсем забыл про неё.
— А-а, — благоговейно согласился Валера. — Про мать забывать нельзя. Ты съезди, съезди.
— Деньги, что ли, есть на билет? — встряла Валя.
— В один конец есть.
— Ну давай, поезжай…
Валера даже не прибавил «братуха», только сдержанно похлопал Дениса по спине. Когда Чеба только собирался прийти в гости, они думали, что будут сидеть до вечера, будут пить вино (у Вали была припасена бутылочка белого и нормальный самогон), посмотрят какое-нибудь кино, вечером вывалятся на улицу и будут вместе гулять по Ветлужанке… Но всё это почему-то стало невозможно, неуместно, и только и оставалось, что, кивнув, проводить Дениса до лифта, пожелав ему доброго пути. Он уезжал куда-то туда, где Валя с Валерой были лишними или чужими. Да и вообще оказался совсем не таким близким, как им хотелось думать.
После его ухода они долго молчали. Даже Ритка притихла и занялась перебиранием мелких игрушек.
— Поехал на свою родину, — выдохнул наконец Валера.
— Ага. На Марс, — усмехнулась Валя. — Ты как думаешь, это у него надолго?
— Что?
— Божественность эта… Община.
— Не знаю, — опять вздохнул Валера. — Он же всегда странный был. Только там же бухáть нельзя, ругаться нельзя, ничё нельзя. Наверное, не выдержит. А хотя — кто его знает? Вот, заботились, заботились с тобой о нём, а он ушёл.
— А ему и без нас неплохо.
— Да, Валька. Это нам без него скучнее будет. Кто нам будет истории рассказывать?
— И не говори. С кем я буду ужасы смотреть?
— Тебе в жизни ужасов не хватает? — грустно усмехнулся Валера.
Валя поднялась, чтобы открыть окно.
— И свет выключи. Лето уже пришло, светлынь, а мы всё с лампочкой сидим.

Путёвку на Антошку-племянника забрал Вася. Валя узнала об этом, когда в очередной раз набрала Надькин номер, ожидая услышать там уже привычно-бодрое: «Абонент недоступен», — а услышала Васин голос. Оказалось, что Надьку увезли

в туберкулёзный диспансер на принудительное лечение. Вася рассказал, что последнее время она сильно кашляла, худела, чернела, жаловалась на то, что болит грудь. Потом кашель стал ещё сильней, и Надьку, чуть только она переступила порог поликлиники, сгребли в охапку и увезли в стационар. Комнату, где они жили, дезинфицировала СЭС; хозяева жилья возмущались и проклинали всё на свете, и Вася вместе с Антошкой быстренько перебрались к Надькиной бабке. Их тоже обследовали и обнаружили у Антошки скрытую форму. Вася уже думал, что и сына заберут в какой-нибудь стационар на лечение, но его оставили дома, сказали только, что надо всю жизнь наблюдаться да проверяться.

— Надька месяца три-четыре пробудет в своём том диспансере. Подлечат, потом, может, вернётся…

— А может, не вернётся.

— Да вернётся, это же в наше время лечится! — энергично возразил Вася. — Хотя, конечно, хреново с ней. Такая, блин, вся худая да чёрная стала. Да так кашляла. Ну, вот пока её нет, путёвку взял.

— В садик-то сходил? Узнал, какая группа?

— Конечно, узнал. Младшая.

— Это понятно. А название?

— Ну, «Черёмушки».

Валя не удержалась от улыбки.

— Пацанское название. А вещи-то спросил какие нужны?

— Да спросил я всё! И всё приготовил! Что ты докопалась?

— А водить его кто будет в сад? — не унималась Валя. — Баба Таня?

— Почему? Я буду водить.

— А забирать?

— Ну, забирать может иногда и бабка, если я с работы не буду успевать. А что?

— Да так… Вещи-то вам хоть нужны?

— Вещи? На Антошку?

— Ну не на тебя же! Я ведь сколько вещей Надьке привозила, ты не видел, что ли?!

— А-а… Так они больше на девочку были. Она иногда их и выкидывала…

Посмотрев на Валино лицо, Вася осёкся:

— Ну, это редко было… Нет, ты приезжай, привози, если есть. Просто приезжай. Бабка ж тебя ждёт.

— Я знаю.

Валя через пару недель решилась проведать сестру. Ехать ей не хотелось. В мыслях она представляла тубдиспансер как ветхий, разваливающийся от старости дом, где доживают свой век старики-бомжи да обитают молодые алкоголички навроде Надьки, где кругом затхлость и отвратительный запах лекарств. Скрепя сердце, она всё-таки поехала, хотя очень хорошо осознавала, что на сей раз помочь сестре она не сможет буквально ничем. Разве что сметанки привезёт. Насчёт сметанки посоветовала баба Таня, которая сама уже дважды съездила проведать внучку и ездила бы ещё, да вдруг слегла с разыгравшимся по непонятной причине гайморитом.

— Ох, какие все кругом болезненные, — не без гордости заявила Валя, собираясь к сестре.

Никакой затхлости и ветхости в тубдиспансере не оказалось: здание было хоть и старое, но выглядело прилично, снаружи и особенно внутри всё тщательно убирали и мыли. Правда, запах лекарств и хлорки, конечно, стоял в воздухе, а помимо него ещё и ругань, которой щедро посыпали друг друга и обитатели больнички, и её работники. К Надьке в тот первый приезд Валю не допустили. Она только передала ей сметану и котлеты и вышла, брезгливо подумав, что больше сюда ни ногой. Однако через месяц поехала ещё раз, когда сестру уже подлечили и разрешили ей свидания. Валя в халате и марлевой маске зашла внутрь палаты. Там сидели какие-то две девки, худые и глазастые, с острыми носами и скулами, пили дешёвый чай, посмеивались. На койке справа у стены дремала старуха, выпростав жилистую сизую руку поверх лёгкого одеяла. Надька доложилась, что чувствует себя куда лучше, что сильно скучает по сыну, по бабке, да и по Ваське тоже, игриво интересовалась у Вали, не изменяет ли он ей, не водит ли кого-нибудь. По весёлости её тона Валя поняла, что сестра абсолютно уверена в Васькиной верности и в том, что скоро поправится.

Она вместе с девками-соседками рассказывала, что тут у них на нижнем этаже селят одних старых, кому доживать, или у кого совсем нет никаких родных. Рассказывала, что привозили какую-то женщину, которая днями напролёт плакала, пока её не навестил сын. Привозили целую компанию алкашей, которые прямо ночью стали пить и колотиться в соседние палаты и их, козлы такие, тоже домогались, не слушались даже главного врача, и через день-другой их выселили («Так и надо!» — гордо добавила одна из глазастых девок). Узнала Валя и про психа, который всем раздавал свой телефон и уверял, что любому поможет в беде, и про зэков, которых поселили в отдельную палату, и они поют блатные песни.

Главное, про что бы Надька ни говорила, она не переставала посмеиваться, хотя смех у неё порой переходил в кашель, и, рассказывая местные весёлые жути, чуть ли не хвасталась Вале. Всё это казалось каким-то безумием, но Надьке действительно было не плохо — ей было хорошо, и всё происходящее она воспринимала как приключение, которое когда-нибудь можно будет вспомнить. Валя так не умела.

«Ребёнок дома остался с папашей, неизвестно, сколько будет без присмотра… Сама болеет. Денег нет. Господи! Что ж она не понимает-то, в каком аду находится?»

Но Надька не понимала, и, похоже, в её глазах никакого ада вокруг вовсе не было.

И всё продолжало жить своей жизнью. Зэки-туберкулёзники пели блатные песни, Антошка ходил в садик, Вася устроился на постоянную работу, баба Таня затеяла ремонт, Валеркина мать (с его слов) нашла какого-то богатого любовника и укатила с ним в Таиланд, Денис уехал на родину… Мир оставался прежним, и Валина помощь ему, похоже, была не нужна.

Гостинку они сразу решили снимать на Валерины деньги. Бабушкины сто тысяч Валерка предложил потратить Вале на учёбу.

— Машинка у нас есть, мебель стоит — что попусту тратиться? Ты же выучиться хотела на воспитателя, — напомнил Валера. — Будешь хоть на пять косарей побольше получать. Важная будешь — воспитатель, не то что просто нянечка.

— На фиг мне эта важность? — отмахнулась Валя. — Лучше медсестрой буду. Я же начинала на медсестру учиться. Потом тебя встретила, и мне справку дали.

— Какую справку? Что меня встретила? — хохотнул Валерка.

— Дебил! Что недоучилась! — громко, но беззлобно крикнула Валя.

Валерка продолжал довольно лыбиться.

— Да вы все психи, что ли?! Один в секту вляпался, другая в «тубике» валяется, ребёнок дома брошен. Третий ржёт, как конь!

— Сама ты орёшь, как белуга!

— Я белуга? Сам ты это… существо неопознанное.

— А ты шкурка арбузная!

— Сам ты барсук вислоухий!

Валька хохотала. Когда они с Валеркой только познакомились, то шутя кидались друг в друга разными обзывалками. Никто и не думал обижаться. Потом вот съехались, устроились на работу, завели двух детей — Дениса да Ритку — и прекратили такие глупости, стали жить, как все живут, — молча.

— Ты как маленькая, — усмехнулся Валерка.

— Сам такой, — с довольной улыбкой отозвалась Валя, убирая с разгорячённого лица прядь светлых волос.

Отойдя ненамного от Валерки, она внимательно оглядела его. Она никогда не назвала бы его красивым — просто потому, что слово «красивый» Вале казалось вообще неприменимым к мужчинам, но им всё-таки хотелось любоваться. Фигура у Валерки была этакая квадратная, приземистая, но Вале как раз и нравилось, что он крепкий: не то что некоторые, будто с голодающего Поволжья вышли. Нравилась ей и его всегдашняя короткая стрижка с милым чубчиком. Валя вспомнила, как только начинала сама его стричь: вначале отказывалась брать в руки машинку, страшно боялась порезать шею, а потом вошла во вкус, выбирала насадки, бережно проводила машинкой на затылке и около ушей и даже пару раз пыталась выстригать ему тонкими ножницами на висках какие-то узоры.

— Ты зачем эти страшные штаны носишь? — пихнула Валя его в грудь. — Такие только в деревню на покос.

— Да мы и есть почти что деревня.

— Нет, сними.

— Чё, без штанов тебе я больше нравлюсь? — игриво осведомился Валерка, тоже шутливо толкая её.

— Джинсы носи, дурачина! — выкрикнула Валя, понарошку отбиваясь от его приставаний, и смеялась счастливым смехом.

Она никогда раньше не говорила Валерке, что любит его. А он, кажется, говорил, но только в первый год, когда они сошлись. Ему было надо сказать эти слова просто для приличия, потому что негоже ведь спать с девушкой, если даже ни разу не произнёс, что любишь. Потом этих слов вроде бы никто из них не повторял. Ни друг другу, ни кому-то ещё. Валя не говорила их и Ритке. Раньше ей казались глупыми все те кудахчущие мамаши, которые носятся со своими отпрысками и всё время повторяют: «солнышко», «малыш», «зайчик»… С Риткой она никогда не сюсюкала, приучала с ранних лет быть как взрослая.

Валя всегда была уверена, что любовь не в словах. Не то чтобы она так уж стеснялась их. Скорее казалось почему-то, что если хотя бы раз позволишь себе эти глупые нежности, излияния и признания, то станет хуже: узнают, услышат и вдруг ещё не поверят. Пока молчишь — что-то неуловимое есть, оно живёт в тебе и потихоньку греет душу. Как только позволил сказать — случилась утечка. Как только признался — открыл себя, и обратно уже не закроешь, равнодушным не притворишься.

Она так и не решилась второй раз сказать Валерке «люблю», но внимательно посмотрела ему в глаза и повторяла это слово про себя в надежде, что он догадается и так.

— Что ты так уж боишься долга-то? — несмело спросил Валера. — Пятьсот тысяч всего. Не бойся. На тебя их не повесят.

— На меня не повесят, так за тебя возьмутся. Телек отберут.

— Вот и хорошо. Ужасы не будешь смотреть.

— Ноутбук заберут.

— Он старый.

— Посадят тебя, — вспомнила самое страшное наказание Валя.

— Да и пусть, — с весёлым равнодушием отозвался Валерка. — Чё, не сидел я на малолетке? Пусть меня посадят. Главное, чтоб ты ко мне ходила, передачки мне носила. В номинации «Передача года» победила передача гражданки Сорокиной!

— Дурак, — ласково усмехнувшись, сказала Валя.

— Скажи, будешь ко мне ходить, а?

— Буду…

В самом начале лета, перед ремонтом, Вале неожиданно вручили грамоту от управления образования «за добросовестный труд, активную жизненную позицию и весомый вклад в создание оптимальных условий для воспитания, развития и образования дошкольников».

Валю поздравляли все девчонки-воспитатели и даже сама заведующая. Кроме неё, грамоты вручили ещё нескольким работницам. Впервые Валя прислушалась к красивым словам, которые в таких случаях говорили на планёрке. Пускай и не всегда это правда, а всё равно приятно, когда человека похвалят. Хотя почему неправда? Вот она — разве не добросовестно трудилась? Всегда чистота, проветривала, мыла, за детьми следила зорко. А главное — всю зиму учила синхронно одеваться: вначале все натягивают колготки, потом — штаны, потом кофты. И гомона меньше, и порядок.

Перед летним отпуском с ней захотела поговорить одна мамочка, сын у которой пришёл в группу в три года и долго осваивался. Пацан был бегучий, то и дело норовил что-нибудь открутить, отвертеть, залезть в грязь, зарыться под матрас. Валя боролась с его дикостью долго, но к концу года дошла до того, что тот научился иногда смирно сидеть рядом с ней и раскрашивать картинки.

— Едем отдыхать. Спасибо за ваш труд, Валентина Ивановна, — благодарила мамочка.

— Да какой там…

— Спасибо. Всегда буду помнить, как вы за Яриком вовремя уследили и он пуговицу в нос не засунул. И на дорогу выбежать не дали. Спасительница вы наша!

Валя была всерьёз недовольна этими словами.

— Какая я вам спасительница?! Работаю себе потихоньку, детей нянчу… Загнули уж вы…

— Тогда помощница, — послушно поправилась мама Ярика.

Когда в садике начался ремонт и группы, привыкшие к шуму и беготне, наполнились тишиной, Валя решила сходить в медколледж, разузнать, как туда поступить на обучение. Там рассказали всё подробно, она записала нужное, но не пообещала прийти. Ей всё ещё нужно было привыкнуть к мысли, что можно учиться, даже когда тебе двадцать шесть (и тридцать, и сорок…). Раньше она осуждала людей, которые ходили на какие-нибудь платные курсы. Точнее, не просто людей, а женщин — ведь своими курсами они отнимали время у семьи, детей. И не понимала тех, кто на старости лет вдруг решал поменять работу. А сейчас стала думать, что ничего в этом плохого и нет.

Она шагала не спеша вдоль аллеи яблонек с ещё не запылившейся свежей зелёной листвой и чувствовала, что не так уж важно, останется она в садике или нет, станет учиться на воспитателя или медсестру. Главное — разрешить себе всё это, разрешить меняться и жить. Кажется, она стала немного понимать, почему Денис так любил бродить по улицам. Она шла, и весь город был открыт перед ней.

ДиН СИММЕТРИЯ

Осип Мандельштам

Актёр и рабочий

Здесь, на твёрдой площадке яхт-клуба,
Где высокая мачта и спасательный круг,
У южного моря, под сенью Юга
Деревянный пахучий строился сруб!

Это игра воздвигает здесь стены!
Разве работать — не значит играть?
По свежим доскам широкой сцены
Какая радость впервые шагать!

Актёр — корабельщик на палубе мира!
И дом актёра стоит на волнах!
Никогда, никогда не боялась лира
Тяжёлого молота в братских руках!

Что сказал художник, сказал и работник:
«Воистину, правда у нас одна!»
Единым духом жив и плотник,
И поэт, вкусивший святого вина!

А вам спасибо! И дни, и ночи
Мы строим вместе — и наш дом готов!
Под маской суровости скрывает рабочий
Высокую нежность грядущих веков!

Весёлые стружки пахнут морем,
Корабль оснащён — в добрый путь!
Плывите же вместе к грядущим зорям,
Актёр и рабочий, вам нельзя отдохнуть!

1920

Ирина Шульгина

Долго жить и вечно ткать

Вероника Павловна, редактор отдела прозы, устало откинулась на спинку стула, сдёрнула с носа очки и с ожесточением стала их протирать. «И зачем я только согласилась взять её рукопись?—раздражённо бормотала она себе под нос.—Тоже мне—писательница! Что за слог! Растянутые описания, ненужные подробности, словесные штампы! А всё моя проклятая мягкотелость! Ведь сколько раз твердила себе: не заниматься „творчеством“ знакомых!»

> Тёплый свет лился из окон, бриллиантовыми искрами рассыпался на снегу, дразнил предвкушением счастья. Едва свернув в переулок, я видела три сияющих окна своей квартиры и ускоряла шаги—быстрей, быстрей, несмотря на тяжёлый ранец за спиной, скользкий, нечищеный тротуар и ссору с подружками в школе. Вот двор и подъезд: не дожидаясь лифта, взбежать на четвёртый этаж, немножко подтянуться, достать до звонка—дверь открывается, на пороге—хитро улыбающаяся мама («Танюшка, отгадай, кто пришёл»), в животе урчит от ароматов, несущихся из кухни. Из гостиной доносятся голоса. Долой ботинки, ранец—в угол, полежит пока под вешалкой, и—в гостиную. А-а-а, вот они, бабушка с дедушкой, сидят на диване, седые головы отвернули к окну, делают вид, что никого не ждут. Неуёмная Наташка дёргает бабушку за подол, они оборачиваются, на лицах—хорошо разыгранное удивление от неожиданного прихода старшей внучки, улыбка разукрашивает лучиками морщинок родные глаза. Бабушка запускает руку в свою объёмистую сумку и достаёт подарок—яркий пушистый свитерок домашней вязки. Я прижимаю его к себе, как котёнка, зарываюсь лицом в мягкую ткань. Сейчас будем обедать все вместе за большим столом. За окнами—темно и морозно, а здесь—золотится купол абажура, серебром отливают волосы бабушки и дедушки, сияет празднично накрытый стол, впереди—игры, мультики, чудесный вечер без домашних заданий. Перед сном папа или дед почитают что-нибудь интересное, ведь завтра не надо рано вставать! Россыпи счастья, бесценные дары детства, неиссякаемый родник любви!..

«Бриллиантовые искры, россыпи счастья, бесценные дары»,—вздохнула Вероника Павловна.—Пишет, будто восторженная курсистка лет семнадцати!»

Вероника Павловна славилась как редактор строгий и даже придирчивый. Сейчас ей хотелось немедленно схватить ручку и начать беспощадно черкать текст. «Выскажу ей всё напрямую,—думала она об авторе, вновь водружая очки на переносицу.—Если не согласится исправлять, пусть забирает своё творение!—редакторша подняла глаза на настенные часы.—Она уже скоро должна подойти».

День клонился к вечеру, сотрудники разошлись, редакция опустела, лишь утробное ворчание сервера нарушало тишину. Вероника Павловна встала, выключила верхний свет, оставив гореть лишь настольную лампу под зелёным абажуром у себя на рабочем столе. Подошла к окну и стала задумчиво смотреть на вечернюю улицу, мокнущую под московским мартовским дождиком. В полумраке на неё нахлынули воспоминания, будто поток, прорвавший плотину.

Вероника Павловна хорошо знала и самого автора—Татьяну Долгову, и всю трагическую историю её семьи.

С матерью Тани, Ольгой, она дружила с юности, с университетских времён, и искренно её любила—за чуткость и неподдельное душевное тепло. «Сколько в ней было внутреннего света, как щедро она дарила его окружающим! Мужу, дочкам, друзьям! Наташка на Олю была очень похожа—такой же внутренний огонь в ней горел, такая же жажда жизни! И красотка—вся в мать. Но главное—талант! У Тани, кстати, об этом неплохо написано»,—Вероника Павловна вернулась к столу и вновь принялась за чтение:

> Наташка никак не могла определиться со своим будущим. Золотистым бесёнком она носилась по дому, пела, хохотала, увлекалась то игрой на гитаре, то художественным чтением, потом стала пропадать в школьном театральном кружке и вдруг классе в девятом заявила родителям, что будет актрисой. Папа усмехнулся, иронично подняв бровь, мама просто рассмеялась. «Приходите в школу к нам на представление»,—обиженно сказала Наташа. Мама со своей подругой Вероникой пошли.

Вероника Павловна утвердительно кивнула сама себе. Она очень хорошо помнила тот вечер и школьную постановку.

В актовом зале школы погас свет, открылся плюшевый занавес. Учительница литературы, обожательница театра и руководитель школьного кружка, замахнулась на великое: по сцене, то и дело хватаясь за деревянные шпаги, расхаживали три мушкетёра и с ними—лихой гасконец д'Артаньян, школьный красавчик. Этот юный сердцеед был занят в основном тем, что подмигивал девчонкам в зале; флегматичный пухлый король, казалось, вот-вот заснёт на сцене; долговязый кардинал Ришелье спотыкался о полы длинного женского красного платья, изображающего сутану; Констанция беспрерывно хихикала и глупо жеманилась. Постановка вышла плохонькая даже для школьного кружка. «Актёры» забывали слова, громко подсказывали друг другу, в зале переговаривались, выкрикивали шуточки. Хотелось встать и уйти.

Так продолжалось до тех пор, пока на авансцене не появилась тоненькая девочка с гривой золотистых волос и, обведя зал дерзкими светлыми глазами, полнозвучным грудным голосом произнесла, обращаясь к красной «сутане»: «Мы с вами проиграли, ваше преосвященство, но клянусь—я исправлю эту ошибку!» Зал напрягся, смешки и выкрики с мест прекратились, и теперь все следили только за этой девочкой, за той драмой, которая по её воле разыгрывалась на сцене. А когда она, заломив руки в тёмном углу сцены под занесённым над ней деревянным мечом, закричала: «Нет, я ещё слишком молода, я не хочу умирать!»—Ольга повернула к Веронике взволнованное лицо и прошептала: «Может, у неё и впрямь есть способности?»

«Да,—размышляла Вероника Павловна, печальным взглядом провожая безостановочный бег секундной стрелки на стенных часах,—способности действительно были, и, как показало время, немалые. Её довольно рано заметили—ещё в театральной школе-студии. Да и трудно было бы её не заметить с такими данными. Вскоре её стали приглашать в спектакли и уже курсу к четвёртому заговорили о ней как о восходящей звезде сцены. Не могу сказать, кто больше радовался Наташкиным успехам—она сама или её родители! Они пробирались к ней на репетиции, садились в глубине тёмного зала и сидели тихонько, как школьники, сбежавшие с уроков. Старались не пропускать ни одного спектакля с её участием! Таня пишет:

> Сестра, несомненно, стала бы выдающейся актрисой, если бы не её нелепая, злая гибель!

Именно так, точнее не скажешь,—тяжело вздохнула Вероника Павловна.—Не погибни Наташа так нелепо в самом начале своего пути, наверняка стала бы большой актрисой! Как могло это случиться? Кто накликал беду?»

На протяжении прошедших пяти лет она бесчётно сама себе задавала эти вопросы, прекрасно понимая, что на них нет и не может быть ответа. «Как я любила их дом, шум, гам, гитарные перезвоны!—с горечью думала она.—Душой отогревалась. Пичужек их очаровательных обожала—Таньку, Наташку». Она вспомнила семейные вечера у Долговых, дружеские посиделки, откровенные разговоры обо всём на свете и окончательно расстроилась. На глаза навернулись слёзы, дыхание перехватило. «Если бы не Оля с Серёжей, я, наверное, не перенесла бы смерти мужа. Сначала Вадик меня покинул… Ничем не болел—и вдруг!..—печально качала головой Вероника Павловна, смахивая тыльной стороной ладони слёзы со щёк.—Потом эта катастрофа у Долговых… Ушли один за другим… Всё рухнуло в одночасье… Серёжа пережил дочку всего на год… А Оля—и полгода не протянула… ушла вслед за ним… Танюша за ней ухаживала, но горе оказалось сильней дочерней заботы. Какая чудесная была семья!»

Вероника Павловна промокнула платком мокрые глаза, взяла себя в руки и опять взглянула на стенные часы—до прихода Татьяны оставалось минут десять-пятнадцать. Редакторша ещё раз машинально пролистала несколько страниц рукописи, и мысли её приняли другой оборот. «А всё-таки Танька—молодец,—думала теперь Вероника Павловна,—бережёт память о родных. Бедная, осталась совсем одна!» Она оперлась щекой на руку, окончательно смягчилась и выдохнула с облегчением, как человек, сбросивший с плеч груз сомнений: «Поработаем над текстом вместе, исправим, а там, если получится хорошо, можно закинуть удочку главреду насчёт публикации. Ведь это—и мой долг перед ними, любимыми, ушедшими навсегда».

Вдруг Вероника Павловна испуганно вздрогнула: кто-то неслышно подошёл к её столу. Она подняла глаза—это была Татьяна.

— Ой, Танечка,—улыбнулась гостье Вероника Павловна.—Вы… ты… рада тебя видеть. Вот, зачиталась твоим романом, не заметила, как ты вошла. Снимай пальто, садись. Предупреждаю,—тут Вероника Павловна допустила в голосе шуточную угрозу,—разговор предстоит непростой. У меня большая правка, так что будь готова. Что? Не боишься строгих редакторов? Молодец. Бери стул, давай смотреть.

Татьяна уселась, и Вероника Павловна открыла рукопись на первой странице.

— Танюша,—говорила она,—ты, бесспорно, молодец, но над текстом ещё надо работать и работать! Многие места просто нудные, неоправданно затянутые, напичканные ненужными подробностями.

Чувствуется неумение подать материал. Много искусственного украшательства, местами язык очень тяжёлый, трудный для читателя. Ты должна быть готова к тому, что читать это будут люди посторонние, самые разные, ничего о вас не знающие. Вот здесь, например, подробное, до мелочей, описание домашней обстановки — для чего ты отводишь ему целые две страницы? А, например, вот это место:

> Я ещё в детстве выбрала свой путь и шла по нему, не сворачивая. Сколько я себя помню, я всегда мечтала о профессии художника-модельера. Ещё в раннем детстве для своих кукол я придумывала платья необыкновенных фасонов, разыскивала для них по всему дому лоскутки и цветные нитки. Особенно я любила (и по сей день люблю) вязание. Когда ты можешь сама создать ткань нужной плотности, цвета, рисунка, это даёт необыкновенный простор для творчества. Первые уроки преподала мне бабушка, и я очень быстро освоила эту технику.

— И дальше, Танечка, ты очень подробно описываешь различные способы вязания, кружевного плетения, свои особенные навыки. Но для чего это? — говорила Вероника Павловна, по привычке беспрестанно теребя очки. — Это же не статья в профессиональном журнале, а художественный текст. Я понимаю, тебе дорог каждый штрих твоей жизни и жизни родных, но будет ли это интересно постороннему человеку, читателю? Думаю, описание технических деталей можно снять и продолжить вот отсюда:

> С тех пор я вязала каждую свободную минуту — на школьных переменках, в транспорте, даже за семейным столом! Папа иногда смеялся и говорил: «Всё плетёшь и плетёшь! Арахна ты моя!» Сперва я не понимала этого слова, потом прочла в энциклопедии и поначалу немного обиделась на папу. Сюжет этой древнегреческой легенды показался мне очень грустным: несчастная ткачиха Арахна была превращена в паука, вечно ткущего свою сеть. Мне не очень нравились эти твари. Бегают быстро, бесшумно, паутина липкая, на даче вляпаешься в неё — неприятно. Но потом порылась во всяких справочниках, в учебниках и решила, что папа, как всегда, прав, а его прозвище — несомненный комплимент. Создания странные, но необыкновенные, искуснейшие мастера, и сплетённая ими сеть — вещь совершенно удивительная, уникальная!

— Да-да, — Вероника Павловна одобрительно кивнула Тане, — я помню, папа действительно в шутку так тебя называл. Ты ведь научилась вязать лет в шесть, а то и раньше? Сначала какие-то нехитрые салфеточки, кукольные одёжки, ну а потом уж наловчилась — со временем у тебя стали получаться необыкновенные вещи! Талант, что и говорить, несомненный талант! Пальчики тоненькие, спицами или крючком перебирают быстро-быстро, как… и правда, как паучок — лапками! Умилительно было смотреть, — с ласковой улыбкой старинного друга семьи говорила Вероника Павловна.

Но в глубине души она чувствовала, что никакого умиления не испытывает. Напротив, странный эпизод из тех далёких времён отчего-то теперь всплыл в её памяти, как поплавок, отцепившийся от подводной коряги.

В тот день они с мужем в очередной раз пришли в гости к Долговым. Шестилетняя Татьянка стала показывать гостье маленькую, величиной с блюдечко, салфеточку, связанную ею из цветных ниток. Для малышки было сделано в самом деле искусно, и Вероника искренне восхищалась, на все лады расхваливая юную мастерицу. Неожиданно дверь в комнату, где они устроились так уютно, так тихо и спокойно, распахнулась, и влетела, хохоча, топая крепкими ножками, тряся золотистыми кудрями, четырёхлетняя Наташка. Бездетная Вероника не сдержалась, схватила её в охапку, стала чмокать в розовые бархатистые щёчки и восклицать: «Ну что за прелесть такая! Ну что за чудо!» И вдруг, чуть обернувшись, встретилась глазами со старшей: Таня смотрела исподлобья тяжёлым, немигающим, недетским взглядом. «Обиделась!» — спохватилась и даже чуть испугалась Вероника. Она попыталась восстановить отношения с девочкой, спрашивала, кто её научил так красиво вязать, уговаривала ещё раз показать ей салфетку, но всё было напрасно: ревнивица нахохлилась и не проронила больше ни слова.

Тогда Вероника не придала особого значения этому эпизоду — списала всё на обычную детскую обидчивость. Но девочки подрастали, и Вероника раз за разом с недоумением замечала, как мрачнеет лицо Тани, если при ней начинают хвалить сестру. «Может быть, мне это просто мерещилось? Ведь она пишет о сестре с такой нежностью: *„золотистый бесёнок“, „сестрёнка“, „выдающаяся актриса“!* — думала теперь Вероника Павловна, не глядя на Татьяну и рассеянно покусывая дужку очков. — Нет, не мерещилось! Я ведь даже как-то раз, на правах близкой подруги, хотела поговорить об этом с Олей, но не решилась! А потом, когда девочки выросли, между ними разыгралась настоящая драма. Вот… вот это место… как раз об этом», — и редакторша машинально постучала наконечником ручки по строчкам:

> Юность разворачивала перед нами своё радужное полотно, дразнила неизведанным, сулила многое. Откуда же было двум самоуверенным, опьянённым победами девчонкам знать, что главная встреча в жизни суждена им одна — на двоих?

«Вот именно — встреча одна на двоих, — мелькало в голове у Вероники Павловны. — Андрей собирался жениться на Татьяне. Помню, Оля говорила мне:

„Танька замуж выходит. Славный парень такой!“ А славный парень возьми да и влюбись в младшую. И как влюбился-то! Насмерть! Танька — молодец, удар выдержала, лихо отплясывала на свадьбе сестры, но чего ей это стоило — один Бог ведает! Но замуж потом так и не вышла, хотя, я знаю точно, поклонниками не была обделена».

…Ещё некоторое время мы с Андрюшей продолжали встречаться. Я видела, как он мечется, как пытается смягчить разрыв, но в мыслях у него — та, другая, что тоже мучается чувством вины. Она несколько раз пыталась со мной поговорить, уверяла, что избегает свиданий, не отвечает на его телефонные звонки, гонит из гримёрки, куда он прорывается после спектакля, демонстративно не замечает его около театрального подъезда. Я не дослушивала, обрывала разговор. Оставь, Наташа, не терзай себя понапрасну, сестрёнка, любовь всё решила за нас.

Я сама отпустила его. Мы сидели на скамейке Чистых прудов, и я чувствовала, как вырастает между нами враждебная, ледяная стена молчания. Я сказала: «Уходи!» Слово было произнесено, Андрей взглянул на меня с благодарностью и явным облегчением, встал и пошёл прочь. «Оглянись», — про себя, в отчаянии последней, тоненькой, как паутинка, надежды, крикнула я. Но он не оглянулся. Мимо шествовали счастливые парочки, птицы веселились в ветвях, подёрнутых нежно-зелёным пухом, а я, проигравшая вчистую, сутулилась на бульварной скамье тёмным неживым пятном. Было так больно, как бывает только прекрасным майским днём, напоённым любовью и солнцем…

Свадьбу Андрея и Наташи праздновали осенью, золотой и плодоносной. Были родные и самые близкие друзья. Я нашла в себе силы присутствовать, поздравлять молодых, смеяться и танцевать. Помните сказку о русалочке, которая согласилась ради возлюбленного терпеть страшную боль при каждом шаге, как будто она идёт по лезвию ножа? Вот такую боль испытывала и я, лихо отплясывая на свадьбе любимого человека. Со временем эта боль поутихнет, но вовсе — не пройдёт, её не залечат ни любовные интрижки, ни скоропалительное и недолгое замужество. Тоска по нему, единственному, время от времени будет просыпаться и ныть, как старая рана…

«Видно, до сих пор болит, — думала редакторша, пробегая глазами это горькое признание. Сейчас уж ей далеко за тридцать», — и она скосила глаза на Татьяну, всё ещё красивую, одетую как всегда с необыкновенной элегантностью, доступной только художественным, неординарным натурам.
— Это у тебя, Таня, хорошо написано. Не у каждого достанет смелости так написать о своём поражении — честно, ни у кого не ища сочувствия! Ну, давай смотреть дальше.

И редакторша продолжала тыкать ручкой в исчерканные красными пометками страницы. Таня кое с чем мягко спорила, но в общем слушала с огромным вниманием и соглашалась почти с каждым замечанием.
— Какой покладистый автор мне попался! — пошутила Вероника Павловна. — А то ведь многие воспринимают редактора как злейшего врага: не понимает, мол, моего авторского стиля! Порой такой бой приходится выдержать, столько нервов истратить, скажу тебе, что домой прихожу совсем без сил, будто мешки грузила!

Таня тихо и скромно улыбалась. Время текло быстро, стрелка на часах приближалась к десяти. У Вероники Павловны начала ныть спина, у Татьяны от усталости явно рассеивалось внимание. Пора было заканчивать.
— Тань, работа тебе предстоит большая. Не торопись. И со всеми вопросами — пиши мне в личку или звони. Надо, чтобы книга о наших с тобой родных людях (она подчеркнула голосом это «наших с тобой», чтобы дать понять Татьяне, как она разделяет её горе) получила бы своего читателя. В память о них обо всех! Я права? — и Вероника взглянула в Танины тёмные серьёзные глаза.
— Конечно, права, Вероничка, — Татьяна впервые за вечер так обратилась к ней, и у Вероники Павловны вновь защипало в носу.

Этим именем, донёсшимся из той, другой, навсегда утраченной жизни, называла её Оля, и вслед за ней — обе сестрички Долговы. «Славная ты моя», — растроганно подумала Вероника и улыбнулась, продолжая задумчиво листать страницы, прежде чем отдать рукопись автору. Какой-то вопрос, как заноза, сидел в её голове, не давал покоя, тревожил с тех пор, как она прочла Танин роман. Ещё пару минут Вероника Павловна помолчала и вдруг решилась.
— Тань, а всё-таки как погибла Наташа? Ты пишешь об этом как-то… очень скупо:

В то подёрнутое дымкой летнее утро тело Наташи нашли в прибрежных камышах лесного озера. Отличная пловчиха, не впервой она отправилась купаться в глухую ночную пору. Она любила плавать под чёрным звёздным небом, представлять себя русалкой, повелительницей непроглядных вод, одинокой и свободной. Но в тот роковой вечер коварное озеро взяло над ней верх. Очевидно, в холодном потоке у неё свело ногу, и она не смогла ни вернуться к спасительному судёнышку, ни позвать на помощь. Никто из домашних не видел, как она выскользнула из дома, никого не случилось на берегу в эту немую полночь.

Пробежав глазами эти строки, редакторша невольно поморщилась. «„*Русалка*“, „*немая полночь*“, „*коварное озеро*“ — опять дешёвые штампы! Никуда

не годится»,— подумала она, машинально подчеркнула эти слова, а вслух сказала:
— Я понимаю: тебе, родной сестре, тяжело писать о подробностях. Но сейчас я спрашиваю тебя не как автора, а как друга, я для себя хочу понять, как произошла эта катастрофа. Ведь было расследование, нас ещё тогда всех опросили…

Тут Вероника Павловна взглянула Тане в лицо и вдруг испугалась — как в тот вечер, когда шестилетняя девчушка показывала ей своё вязаное изделие. Сейчас Татьяна смотрела в глаза Веронике тем же тяжёлым, мрачным взглядом, и Вероника кожей почуяла, что вопрос задавать не следовало.
— Она,— глухо и медленно выговорила Татьяна,— видно, выпила лишнего на папином дне рождения, вот её на подвиги и потянуло. Переоценила себя, свои силы. Заплыла в опасное место, туда, где со дна бьют ключи, ногу-то у неё и свело. Да к тому же на ней была такая тоненькая кружевная сорочка, она не удосужилась её снять. Зацепилась ею за корягу. Ну и захлебнулась.

Всё это Вероника Павловна знала и так — от соседей, обнаруживших тело Наташи, от следователя, который приезжал на место происшествия. Сейчас её поразили не эти детали, а тон Татьяны — в нём Веронике почудились отстранённость и даже лёгкое пренебрежение. Вероника Павловна расстроилась. «Может быть, мне всё только кажется?— беспокоилась она, испытывая что-то похожее на угрызения совести.— И зачем я спросила? Кто меня за язык тянул? Что нового она мне скажет? Да и кому сейчас, спустя годы, это нужно?»
— Танечка,— заюлила она, стараясь снять неожиданно возникшее напряжение,— автор ты, конечно, неопытный, но работу сделала большую. Молодец. Посмотри внимательно мои замечания, внеси правку, и будем готовить рукопись к печати. Но тут последнее слово — за главным редактором, так что обещать ничего заранее не буду. Ты, надеюсь, понимаешь.
— Конечно, понимаю, Вероничка,— отвечала Татьяна совсем другим — мягким и любезным — тоном.— Получится — хорошо, не получится — спасибо, что прочли.

Она положила папку в сумку и достала оттуда небольшой свёрток.
— Это — вам. Ещё раз большущее спасибо.

Вероника Павловна развернула пакет, и что-то шелковистое, таинственно поблёскивающее серебристыми нитями заструилось по её рукам. Это был искусно связанный палантин, нежный, невесомый, источающий тонкий, почти неуловимый аромат.
— Танюша,— Вероника Павловна от восхищения даже дыхание затаила,— просто… нет слов. Какая же ты мастерица! Вот уж спасибо так спасибо! Удивительная вещь,— она набросила на плечи накидку и гордо выпрямилась.— Красота! Как бы мама и папа тобой гордились!— грустно проговорила она.

Татьяна так же печально вздохнула в ответ, тихо улыбнулась, накинула пальто и ушла.

Вероника осталась в редакции одна. Надо было собираться домой, но она отчего-то медлила — никак не отпускала неясная тревога, связанная с Таниным текстом. Она невольно стала перебирать в памяти события того страшного, пятилетней давности, утра.

В день рождения Сергея на даче у Долговых собралось множество гостей. Было так шумно и весело, что даже Вероника забыла на время о своём печальном вдовстве и радовалась от души. Как красивы были хозяева! Дочери, желая доставить удовольствие отцу, оделись с особым тщанием: на Наташе было яркое шёлковое летящее на ветру платье, а на Тане — что-то совершенно необычное, несимметричное, с бахромой, и на голых плечах — белая невесомая, кружевной вязки, накидка.

На большой застеклённой террасе накрыли столы, тосты и веселье лились рекой. Ольга с дочерями наколдовали, напекли, нажарили. Насытясь и взбодрив себя добрыми напитками, гости затеяли петь. Затянули старинную раздольную казачью песню. «Ой, то не вечер, то не ве-ече-ер»,— слегка нестройно, но старательно вторили друзья слаженному дуэту хозяев. И вдруг, заглушив голоса поющих, как порыв ветра заглушает шелест травы, над их разноголосым хором понёсся сильный грудной голос. Все притихли, лишь отец тихонько вёл басы, оттеняя пение Натальи. И открылась мысленному взору раздольная древняя степь, окутанная серым предрассветным туманом, и мрачным, неосознанным пока ещё пророчеством прозвучали последние слова баллады:

Ох, пропадёт, он говорил,
Да твоя буйна голова-а-а…

Песня смолкла, улетела в раскрытые окна. Несколько секунд все молчали, будто находясь во власти разыгравшейся в старину драмы, потом заговорили, зааплодировали, кто-то под влиянием песни и выпитого смахнул слезу. Через несколько минут завели музыку, стали танцевать и разошлись далеко за полночь, вспоминая праздник как подарок. А спустя несколько часов и праздник, и радость, и сама жизнь были зачёркнуты — неожиданно и страшно!

Веронике отвели маленькую уютную комнатку в мансарде. Она мирно спала, когда её разбудили беготня и крики. Не понимая, в чём дело, но чувствуя беду, она наспех оделась и спустилась вниз. Потом она вместе со всеми бежала к озеру, видела, как мужики впопыхах отвязывают лодки. Поднялась суета, пилой по нервам взвыли двигатели моторок, глухо застучали вёсла. Ещё запомнился Егорыч — старый поселковый сторож. Он работал в посёлке с незапамятных времён,

и его любили, несмотря на пьянство. Пил он тихо, никогда не буянил, не лез к дачникам одалживать деньги, работу свою исполнял ответственно—воровства в посёлке никогда не водилось. Семью Долговых старик особо привечал, любил вести с Сергеем серьёзные разговоры за жизнь, девчонок баловал—катал их на своей лодке, когда были маленькие, показывал на озере тайные опасные места с холодными ключами, подводными потоками, водоворотом или омутом. Когда девчонки подросли, охотно давал им свою лодку покататься, а то и порыбачить. «Да пользуйтесь как своей, без спроса,—говорил старик.—Я уж на рыбалку редко когда выбираюсь, так чего она будет на берегу без дела сохнуть? Катайтеся на здоровье, только про осторожность не забывайте». И Долговы катались, катали своих друзей, отгребали подальше от берега и там ныряли с лодки на глубину. Особенно любила эти дальние заплывы Наташа—она плавала как рыба, могла долго не выныривать, не боялась заплывать в рискованные места. «Ох ты, буйная головушка,—выговаривал ей обожавший её Егорыч,—остереглась бы ты, Натаха. Не шуткуй с нашим озером—всякие тут случаи случались!»—«Не бойся, Егорыч,—хохотала в ответ неугомонная Наташка,—я твои уроки помню».

Сейчас старик-сторож испуганно мельтешил у кромки воды—его лодки не было. Он встретился испуганными глазами с Вероникой: «Слышь-ка, это… она, должно, мою лодку взяла… стало быть… покататься… Надо того… иттить искать мою-то… то есть… где лодка, там стало быть… и того…»

Потом на них на всех обрушилась тишина. В этой беспощадной тишине медленно подплывала к берегу чья-то плоскодонка. Из неё вынесли тело, накрытое брезентом, положили на песок, и Оля, не издав ни звука, упала рядом. Егорыч тем временем нашёл свою лодку, приплыл к берегу и сунул Веронике в руки кружевную Танину накидку. «На-ка, Вероничка,—шёпотом сказал он ей.—Отдай хозяйке,—и пробормотал, странно глядя ей в глаза:—У себя в лодке нашёл». Но тогда Вероника не придала этому никакого значения, а просто рассеянно сунула накидку в карман.

Потом Андрей и ещё трое ребят по лесной тропинке несли носилки, соседи следом вели под руки отца и мать, те спотыкались на каждом шагу, как слепые.

Сидя за столом в полутёмной редакции, Вероника удивительно ясно представила то, что тогда, пять лет назад, нисколько не зацепило её внимания, но отпечаталось в памяти, как след в глине. Было что-то странное в тех далёких событиях, какие-то необъяснимые несовпадения, нестыковки. Ведь когда они бегали по посёлку и на все голоса звали Наташу, Татьяны с ними не было—Вероника не могла вспомнить её ни в толпе, снующей по улицам посёлка, ни позже на берегу. Впервые за всё утро Вероника увидела Таню во дворе дома—она вышла навстречу скорбной процессии. Подол её платья, вспоминала теперь Вероника, странно вытянулся, будто мокрый. Когда Вероника отдала ей накидку, Таня кивнула, скомкала невесомый кусочек кружев в кулаке, резко отбросила его за кусты сирени, и Вероника решила, что она рассердилась: дескать, зачем к ней лезть с какой-то тряпкой в такую страшную минуту?

Вскоре приехала милиция. Следователь, недовольный тем, что его «дёрнули» в выходной день, опросил родных и знакомых, составил протокол и уехал, неприязненно бормоча: «Напьются, потом тонут, едрёна корень!» Ему было всё ясно: молодая баба приняла лишку на папином дне рождения, расхрабрилась, нырнула с лодки, сдуру заплыла куда не следует, да ещё и за корягу сорочкой зацепилась. Что с них взять, с дачников этих?! Одно слово—москвичи!

После его отъезда гости разъехались, соседи разошлись, члены семьи с потерянными лицами уселись на большой застеклённой террасе. Вероника решила не оставлять друзей наедине с их горем, побыть с ними ещё какое-то время. Сидели, молчали, не в силах осознать до конца ужас произошедшего. Вдруг Олю накрыло сущее безумие. Она будто сорвалась в пропасть, стала набрасываться на зятя и мужа, выкрикивала им в лицо нелепые обвинения, не слушала ни успокаивающих слов, ни объяснений. «Ты,—бросала она Андрею в его жалкое, растерянное лицо,—ты где был? Что? Пошёл в душ? Потом заснул? Посмотрите на него! Что? Решил, что она прогуляться пошла? И проспал до утра!! У него жена пропала, а он до утра проспал, мямля! Я тебе доверила свою девочку, а ты!.. Ты!..»

«А ведь и вправду—славный был парень,—тихо улыбнулась Вероника Павловна, рассеянно следя за неугомонной секундной стрелкой редакционных часов,—добродушный, надёжный. Как он любил Наташку, всё ей прощал, колдунье своей!.. В тот день на него было просто страшно смотреть!.. Что с ним теперь? Смог ли он хоть отчасти утешиться, справиться со своей бедой?»

Невыносимая сцена на террасе продолжалась. Олю никак не удавалось успокоить, но тут Сергей порывистым движением обхватил её за плечи и с силой притянул к себе. Она всхлипнула, как уставший от рыданий ребёнок, и, приникнув головой к его плечу, заплакала. Они сидели, обнявшись, на плетёном диванчике—осиротевшие отец и мать, и Вероника чувствовала, что её сердце вот-вот разорвётся от жалости. Она поняла, что друзей сейчас надо оставить одних, встала, взяла сумку и тихонько направилась к выходу. Татьяна вышла за ней на крыльцо, они тепло попрощались, Вероника

велела в случае нужды звонить ей в любое время, Таня кивала, соглашаясь. И только сейчас, спустя годы, бредя из издательства к метро по мартовским лужам, Вероника Павловна запоздало удивлялась: отчего тогда Татьяна была так спокойна? Родители и Андрей не находили себе места, видно было, что каждый из них сражён горем, а Таня была, конечно, печальна, но—не более!

Добравшись до дому, Вероника Павловна в первую очередь решила получше рассмотреть Танин подарок. Надо было бы приготовить что-нибудь на ужин или по крайней мере попить чаю, но ей не терпелось в спокойной домашней обстановке примерить обновку. Она прошла к большому, в рост, зеркалу, накинула на плечи палантин и стала вертеться, любуясь своим отражением и перебирая в голове свои лучшие наряды, с которыми можно будет надеть такую красоту. Сейчас вещь показалась ей даже лучше, чем тогда, когда она увидела её впервые, в редакции,—нежное шёлковое полотно обволакивало тело еле ощутимым живым теплом. «Как паутинка»,—восторженно подумала Вероника Павловна—и вдруг замерла. «*Арахна ты моя*»,—неожиданно пришло ей в голову, и зеркало отразило её округлившиеся глаза и остановившийся взгляд.

Как она могла забыть? Как это выскочило у неё из головы? Вероника Павловна дрожащими руками сорвала с себя палантин и откинула его в сторону, будто кусок ткани был в чём-то виноват. Так когда-то Татьяна откинула в кусты свою накидку—очевидно, немую свидетельницу разыгравшейся втайне ото всех трагедии.

В ночь после праздника, прежде чем улечься спать в романтической мансарде под крышей дома, Вероника подошла к полукруглому окну, и долго смотрела сверху на небольшой яблоневый садик, залитый лунным светом. Когда Таня и Наташа были совсем маленькие, Сергей посадил здесь несколько саженцев. Деревья росли одновременно с девочками, плодоносили, разрастались, и теперь их раскидистые ветки сплелись в причудливый узор. Под этими ветвями она заметила какое-то шевеленье, мелькнула белая рубашка, вспенилось платье. Э-э-э, да это Андрюшка с Наташкой обнимаются тайком среди яблонь, как школьники! А ведь они женаты уже несколько лет! Вероника тихо улыбнулась, и у неё защемило на сердце: вспомнился муж, молодость, любовь, такие же, как у тех двоих под яблонями, приступы неожиданного, нетерпеливого желания.

Вдруг ей послышался чей-то слабый крик, какая-то белая фигура пробежала по дорожке, ведущей к калитке, и скрылась. Наталья и Андрей—его рубашка фосфоресцировала в лунном свете—пошли в дом. Вероника осталась стоять в задумчивости у окошка—сон почему-то пропал. В свете луны притихший спящий дом, сад, кусты сирени у забора—всё казалось таинственным, исполненным волшебства. Так прошло с четверть часа, и Вероника увидела, как Наталья в своём развевающемся платье прошмыгнула по дорожке к калитке. «Чего это у них там?»—удивилась Вероника, но потом устыдилась своего подглядывания и легла в постель.

«Странно,—тревожно думала теперь Вероника Павловна,—у Татьяны в тексте нет об этом ни слова. Она детально описывает отцовский праздник, погоду, блюда на столе, профессиональным взглядом замечает, во что были одеты гости, но ни слова о том ночном эпизоде. Будто специально что-то хочет скрыть! Но я-то ведь видела, как сёстры куда-то побежали одна за другой, значит, они где-то встретились! И значит, той ночью на озере они были *вместе*… Боже мой, ведь Егорыч нашёл Танькину накидку в своей лодке и отдал её мне. И ещё так пристально мне в глаза поглядел. Неужели старик тогда что-то заподозрил? Но что?—и она почувствовала, как бешено, до боли, заколотилось сердце.—Что же?.. Татьяна… утопила сестру? Нет, не может быть!—и Вероника Павловна замотала головой, будто хотела вытряхнуть оттуда эту ужасную мысль.—На теле погибшей никаких следов насилия не было: ни синяков, ни ран—ничего. Столкнуть с лодки Наталью Танька не смогла бы—та была сильнее, тренированнее». Она отошла от зеркала, выключила верхний свет, оставив только торшер, и обессиленно плюхнулась на пуф.

Воспоминания будто нарочно цеплялись одно за другое, растравляли память, не давали успокоиться. «На ней была такая тоненькая кружевная сорочка, она не удосужилась её снять, зацепилась ею за корягу»,—вспомнила она слова Татьяны, и воображение тут же услужливо ей нарисовало картинку с Наташиной свадьбы: красавица-невеста рассматривает подарки, разворачивает изящный свёрток, украшенный нарядной лентой, и бросается с поцелуями на шею сестре. В свёртке оказывается кружевное чудо—искуснейшим образом вытканная сорочка, та самая, которая через несколько лет станет причиной её гибели.

Вероника Павловна скосила глаза на палантин, таинственно поблёскивающий на полу в приглушённом свете торшера, и вдруг заплакала—не сдерживаясь, громко, в голос. «Неужели все эти Танькины нежности в память о родных, все эти тёплые слова о семейной гармонии, о сестринском всепрощении—всё обман? И не было никакой гармонии, не было настоящего тепла, а только ложь и затаённая ненависть, исподволь разъедавшая семью?»—всхлипывала она, не в силах справиться с отчаянием. Долгие годы она согревалась душой в семье своих друзей, в атмосфере их радости и любви. И вот теперь этот спасительный маячок

погас, и она плакала не столько о них, давно ушедших, сколько о себе—совершенно одинокой под безбрежным холодным небом, равнодушно глядящим на неё сквозь оконное стекло.

После смерти Сергея она несколько раз навещала Олю. «Ушли,—тихо, будто разговаривая с самой собой, говорила Ольга,—оставили меня. Хочу к ним… туда… скорей бы уж…»—«Ну что ты говоришь, Оля?!—на правах близкой подруги одёргивала её Вероника, с горечью всматриваясь в искажённые горем черты когда-то прелестного лица.—Перестань, ты восстановишься, ты должна жить. Подумай о Танюше—она ведь останется совсем одна. У неё никого нет, кроме тебя». Ольга замолкала, бессильно свешивала голову, но как-то раз вдруг резко и, как показалось Веронике, раздражённо ответила: «Она не пропадёт».—«Что значит „не пропадёт“?»—опешила Вероника. Конечно, Татьяна—взрослый, самостоятельный и весьма успешный человек. Она сотрудничает с ведущими домами моды, получает призы и награды на международных выставках, у неё нет отбоя от заказчиков. Да и мужским вниманием не обделена: было б желание—одна не останется. Но родной человек, мать—это совсем другое дело. Кому, как не одинокой Веронике, знать, каково это—каждый вечер возвращаться в пустой тёмный дом, где тебя никто не ждёт? Всё это хотела сказать Вероника, но поймала Олин взгляд—тоскливый, как у потерявшейся собаки, осеклась и лишь молча погладила её худое плечо. Тогда она не поняла, что хотела сказать её несчастная подруга: убитый горем человек не всегда может контролировать свои слова и интонации. Но теперь Вероника Павловна мучилась от ужасной догадки. Неужели Оля что-то подозревала, чуяла материнским сердцем? Может быть, не только тоска по умершим так быстро свела её в могилу, но и страшные подозрения о вине старшей дочери? Кто знает?

Слёзы принесли облегчение, в голове прояснилось, как проясняется небосвод после хорошей грозы. «А что, если… всё это просто мои выдумки?—принялась размышлять Вероника Павловна.—Я сегодня устала, день был сумасшедший, спорила с главным, встречалась с Татьяной—вот и мерещится невесть что! С чего я взяла, что сёстры были в лодке вместе? Егорычу, старому алкашу, в голову что-то ударило—и я туда же? Вполне могло быть так: Танька могла взять его лодку, немного покататься, причалить, накидку нечаянно потерять и пойти домой. А Наташка прибежала на берег уже после этого и решила погеройствовать, поплавать в ночном озере—она ведь шальная девка была, ей всякое море по колено казалось. И впрямь—русалкой себя вообразила! Так что Танькина накидка в лодке сама по себе ничего не доказывает. А её спокойствие и то, что сестру не побежала разыскивать вместе со всеми? Характер такой… Наталья-то была—душа нараспашку, а эта—вся в себе,—Вероника Павловна глубоко вздохнула.—Как бы то ни было, теперь уже ничего не докажешь, ответа не найдёшь, да и спрашивать некому». Она промокнула платком разгорячённое лицо и безвольно сгорбилась на пуфике. Шевелиться не было сил, голова казалась лёгкой и совершенно пустой, будто со слезами из неё вытекли все мысли. На полу ненужной тряпкой распластался палантин. «Никогда… ни за что… его не надену»,—с пронзительной ясностью поняла Вероника и устало прикрыла глаза рукой…

Татьяна добралась до своего дачного посёлка к полуночи. После смерти родных она почти постоянно жила на даче, выбираясь в Москву только для встречи с заказчиками. Посёлок в это время года был почти безлюден—лишь в двух-трёх домах дымились трубы. Вокруг было тихо, окна пустых дач насупленно смотрели на скользкие, нечищеные дорожки, ели топорщили чёрные лапы, и в их горделивом молчании Тане почудилось что-то угрожающее. Она испуганно заторопилась по заснеженной улочке к своей даче.

Старый дом встретил её гулкой пустотой, будто его покидали не на несколько часов, а на многие месяцы. Надо было бы затопить печь, включить обогреватели, но Татьяна прошла на террасу и задумчиво прислонилась лбом к оконному стеклу, глядя вдаль, на тёмную стену леса за посёлком. Тюль-паутинка, драпирующий огромные окна террасы,—одна из её давних и лучших работ—легко коснулся её щеки. Она отбросила его лёгким движением, чуть зацепив тоненькую, как осенняя паутинка, ниточку острым, тщательно обработанным ноготком, поёжилась, и опять, в который раз, вспомнила ту ночь на озере и сменившее её страшное утро.

Отцовские яблони раскинули перед окном голые ветки. В ночь после отцовского юбилея Татьяна случайно увидела, как Андрей с Наташей целовались под яблоневой сенью—потом оказалось, что в последний раз…

Она познакомилась с Андреем на какой-то вечеринке. Он пришёл туда вместе с приятелем, когда веселье было в самом разгаре—шумно, дымно, пьяно. В тот вечер ей отчего-то было грустно, не хотелось танцевать, она собиралась незаметно уйти. Неожиданно незнакомый парень присел рядышком на стул и спросил: «Скучаете?»

Таня повернула голову и встретилась с ним глазами. Взгляд был мужской, откровенный, оценивающий, от которого у неё что-то дрогнуло внутри. «Потанцуем?»—он обвил рукой её талию, и Таня с необычной для себя готовностью покорилась этому властному движению.

Крис Ри пел «I just wanna be with you», и под эту красивую, чувственную мелодию они всё теснее прижимались друг к другу. А потом тихонько покинули вечеринку и отправились бродить по зимней Москве. Разноцветные вечерние окна освещали улицу, снег поскрипывал под ногами. С того вечера, заметённого снегом горьких утрат, Татьяна полюбила зиму, её вкрадчиво-жёсткий норов, её пронзительное дыхание.

Они гуляли, зашли в небольшое кафе, говорили обо всём на свете, и ей казалось, что они знакомы давным-давно и понимают друг друга с полуслова, как старые добрые друзья. Всё в нём ей нравилось — спокойствие, происходящее от внутренней силы, неторопливая речь, добродушная, чуть насмешливая улыбка.

Вернувшись домой, уже в постели, Татьяна вновь и вновь вспоминала подробности этого вечера. Ею вдруг овладели странные, удивительные мечты. Она закрыла глаза и представила себе картину: светлый абажур над столом, узорчатая скатерть, за столом двое — она и Андрей. Вечер, ужин, а впереди — долгая жизнь вместе. Эта воображаемая картина была такой яркой, что Таня неслышно засмеялась в подушку от ощущения невыразимого счастья.

Некоторое время после знакомства с Андрюшей Таня была совершенно счастлива. От одного звука его голоса в телефонной трубке, от его взгляда, от прикосновения больших рук, даже при одном воспоминании о нём её окатывало горячей волной радости. Волшебница-зима подходила к концу, февраль бессильно потрясал последними вьюгами, и ей казалось, что её сны вот-вот сбудутся. Их костёр горел ровно и уверенно, и они — пока обиняком, посмеиваясь, как бы примериваясь друг к другу, — начинали поговаривать о свадьбе, строить совместные планы. Андрюша уже несколько раз приходил к ним домой, Таня представила его родителям и была страшно горда, что они одобрили её выбор, радуются за дочь.

«Как всё же слеп счастливый человек! — думала Татьяна, нервно постукивая тонкими пальцами по оконному стеклу, точно это постукивание помогало смягчить боль воспоминаний. — Как он не чует беду, словно ребёнок, заигравшийся около железной дороги!»

Так уж получилось, что Андрей, бывая у Долговых, ни разу не застал Наташу. Вправду сказать, она наведывалась домой урывками: спектакли, съёмки, репетиции, бесчисленные друзья, поклонники — бьющая ключом богемная жизнь. Родители чаще видели её в спектаклях, куда она их приглашала, чем дома. Татьяна в глубине души радовалась незнакомству Андрея с Наташей, будто подсознательно боялась их встречи.

«Впрочем, — думала она сейчас, уныло глядя через окно на озябшие, утопающие в просевшем снегу яблони, — я теперь понимаю, что, когда бы они ни встретились друг с другом, пусть даже на самой моей свадьбе, это, наверное, ничего бы не изменило».

Она знала: тот мартовский день ей никогда не забыть, он будет возвращаться снова и снова и мучить её, как дурной сон…

Они с Андреем шли по улице, старательно обходили островки мокрого талого снега, подставляли первым тёплым лучам побледневшие за зиму лица. Денёк был по-настоящему весенний: над головами раскрылся бездонный синий купол неба, и победно звенела капель. Таня держала Андрея под руку и вдруг непроизвольно вцепилась в его куртку. Ей показалось, что многоголосье московской улицы стихло — им навстречу неторопливо шла, плыла в весёлом солнечном свете высокая девушка, и волосы сияли вокруг её головы золотым ореолом. Вот она, приветливо улыбаясь, подошла, протянула руку, румяные красивые губы произнесли обычные вежливые слова: «Наконец-то познакомились, рада вас видеть». Татьяне ничего не оставалось делать, как только промямлить: «Моя сестра Наташа. Я рассказывала тебе о ней». Она сама слышала, как на редкость бесцветно, безрадостно звучит её голос, но поделать с собой ничего не могла. Широкие рукава Наташиного весеннего пальто развевались, как крылья птицы. Татьяна чувствовала, что Андрей глядит в её дерзкие светлые глаза, и не могла подавить непонятную тоску.

Неожиданно сестра предложила: «Ребята, а пошли-ка со мной. Мы собираемся в мастерской у приятеля-художника. Не пожалеете, честное слово».

Тане показалось, что она стоит на краю пропасти, хочет сделать шаг назад и не может. Она начала отнекиваться, сердиться, настаивала на том, что у них с Андреем совсем другие планы. Но как можно что-либо изменить там, где начинает действовать судьба? Её уговорили и повлекли за собой, молчаливую и раздражённую, в тихий переулок, в старый, скрипучий флигель в глубине двора, в просторную, обветшалую, пропахшую красками и табаком, завешенную холстами комнату. Там их встретили как старых добрых друзей, усадили за стол, накрытый бумагой, уставленный бутылками водки и немудрёной закуской. Было весело, дружелюбно и шумно, потом кто-то крикнул: «Наташ, спой чего-нибудь», — и вот уже притащили гитару, сестра взяла её, стала настраивать. Таня, сидя рядом с Андреем, напряглась всем телом. Сейчас бы вскочить, отобрать гитару, порвать струну, схватить любимого в охапку и — прочь, скорее прочь от рыжей ведьмы, от её лукавых светлых глаз, от дразнящих белых зубов! Но поздно — уже лёг на сердце вкрадчивый перезвон, уже полился,

бередя душу, необыкновенный, с волнующей хрипотцой на низких тонах, колдовской голос, и от звуков этого голоса, как от напора весеннего ветра, рухнул карточный домик Таниных надежд…

Долгие годы, ледяной струёй протёкшие с того дня, когда эта рыжая ведьма — сестрица — выскочила на них с Андреем из-за угла и затащила в вонючий подвал к своим безалаберным друзьям, каждый из которых строил из себя непонятого гения, Таня ждала. Она была уверена: не пройдёт и года, от силы — двух лет, и Андрею надоедят стойкое отвращение Наташки к домашнему быту, её честолюбивые мечты о славе, её стремление всегда быть в центре внимания, толпы её друзей и поклонников, обрывавших вечерами телефон, её шумливость, её по-детски жадное любопытство к людям. Татьяна предвкушала его освобождение от колдовских чар сестры, охлаждение, нарастающее раздражение и, наконец, разрыв. И тогда… кто знает, может, ему и вспомнятся прогулки по заснеженным улицам, спокойные отношения, полные понимания и дружелюбия? Месяцы складывались в годы, мать время от времени с горечью рассказывала Татьяне о ссорах Наташи с мужем, о её мимолётных интрижках на стороне, и Татьяна, сочувственно округляя глаза и качая головой, чувствовала, как тайная радость терпким вином разливается по её жилам.

Поздним вечером после отцовского дня рождения, когда родители и гости улеглись спать, она вышла на крылечко — помечтать. Ночь была тёплая, молодая листва тихонько шепталась под звёздным необъятным небом, в отдалении чернел лес. Татьяна перевела глаза на яблоневый сад. Вдруг там, под сенью раскидистых деревьев, мелькнула белая рубаха, послышался прерывистый вздох. Она всмотрелась, встала и неслышно подошла поближе: под яблонями, прячась, как тайные любовники, стояли и, забыв обо всём на свете, страстно целовались Наталья и Андрей. Целовались, как будто только что встретились после долгой разлуки, как будто они только вчера поженились! Татьяна, не сдержавшись, вскрикнула, бросилась вон за калитку и, забыв о страхе перед тёмным и пустынным лесом, спотыкаясь о невидимые во тьме корни, побежала к озеру. Выскочив на берег, она влезла в лодку старого Егорыча, которой Долговы всегда пользовались как своей, села на корме и съёжилась от боли, закрыв лицо руками. Надежды, которые она лелеяла в себе все эти годы, оказались бессмысленными! Они целуются — жадно и нетерпеливо, как подростки, не в силах даже добежать до супружеской постели. Нет, нисколько он не охладел к жене за эти годы, никогда он не вернётся к Татьяне. Вцепившись ногтями в наброшенную на плечи кружевную накидку, превратившись в сплошной комок боли, она сидела на корме лодки. Только сейчас с беспощадной ясностью она поняла: то, что могла она предложить ему, — домашний уют, жизнь по расписанию — было ему не нужно. Он по натуре оказался страстным охотником и ни за что не променял бы азарт вечной погони за непокорной, до конца не прирученной птицей на ровный свет семейного абажура.

Татьяна вздохнула, зябко повела плечами — на террасе становилось всё холоднее — и сильнее прижалась лбом к оконному стеклу. Андрея она потеряла навсегда, но и у неё есть повод для маленького торжества. Не прошло и года после гибели Наташи, как она узнала от общих знакомых, что Андрей женится. Сначала ей было взгрустнулось, и она чуть заревновала к этой новой, неведомой любви, но очень быстро успокоилась. Её любовь к этому человеку давно переродилась в сладкое ожидание мести. И вот теперь эта месть свершилась, справедливость восторжествовала: недолго он вдовствовал, недолго страдал.

Ей пришла на память её последняя случайная встреча с Андреем пару лет назад: её бывший возлюбленный и зять шёл с новой женой и двухлетним сыном, нежно поддерживая под руку свою спутницу, так же, как когда-то поддерживал саму Татьяну. Он приветливо с ней раскланялся, представил жену, со счастливым выражением лица махнул рукой в сторону своего забавно-серьёзного бутуза. Пока молодуха что-то радостно щебетала, рассказывая про малыша, Татьяна, не стесняясь, пристально смотрела Андрею в его счастливое, чуть округлившееся лицо и с тайным удовлетворением думала, как быстро он излечился от своего горя, как смело, не оглядываясь, шагнул в новую жизнь, оставив погибшую жену где-то на краешке своих воспоминаний.

Лодку, в которой, не плача и не дыша от сжимавшей горло тоски, сидела Таня, внезапно сильно качнуло. Чья-то рука легла ей на плечо, и мягкие локоны защекотали её щёку. Это сестра целовала её склонённую голову, приговаривая: «Танюшка, милая, прости меня. Я не знала, что ты всё ещё… Я… я дура… Прости. Мы утром же уедем».

«Конечно, дура, — с раздражением думала Таня, пытаясь уклониться от Наташкиных поцелуев. — Когда ты чего вообще понимала?!»

Вдруг Наталья отстранилась и загремела цепью, которой лодка была привязана к причалу. «Что ты делаешь?» — зашипела Татьяна. «Покатаемся, вода всё смоет», — низким голосом проговорила Наталья, села на вёсла и мощными, сильными рывками погнала лодку на середину озера.

«Ну куда тебя несёт?!» — взвизгнула Таня. Господи, как эта вертихвостка всегда — всегда, с детства — её злила!

Сидя в лодке, Таня смотрела на гибкий стан сестры, качающийся взад-вперёд в соответствии с движением вёсел, на её сильные, длинные, раздвинутые ноги, упирающиеся в пол судёнышка, и чувствовала, как её захлёстывает ненависть. Встать бы да стукнуть веслом по рыжей кудлатой башке или сунуть рожей в воду—пусть бы побарахталась! Вдруг Наташка перестала грести, вытянула вёсла из воды и сбросила с себя платье.

«Ты чего, совсем очумела?»—уже не сдерживаясь, заорала Таня. Под платьем у Натальи оказалась тоненькая кружевная шелковистая сорочка, едва доходящая до середины стройного красивого бедра. Таня неслышно застонала: эту эротическую, прозрачную, нежную и одновременно прочную рубашечку она вязала для себя—в те дни, когда она, а не Наташка, была невестой Андрея. Вязала для себя, а подарила другой, загнав слёзы и отчаяние поглубже внутрь ноющего сердца.

Луна лила своё серебро на озеро и на упругое тело молодой колдуньи. «Вода смоет все печали»,—глухо и протяжно выговорила Наташа и вытянувшись, прямо в сорочке, нырнула в воду. «Тань, давай сюда, вода—отличная»,—закричала она сестре, красивыми сильными движениями унося себя всё дальше и дальше. «Ну вот куда её несёт?—злясь всё больше, думала Таня.—Ведь там же ключи бьют, омут, туда никто не плавает, даже парни деревенские». Вдруг Наташка опять закричала: «Таня, Таня!»—«Да отстань же ты от меня»,—чуть не плача от раздражения, забормотала себе под нос Татьяна. Она твёрдо решила не отвечать сестре ни словом. Та продолжала кричать, и что-то тревожное почудилось Тане в этих криках. Она всмотрелась в темноту, где раздавались крики и плеск воды. «По… по… по-мо-ги!—наконец разобрала она.—Помоги! Сюда! Сюда!» Наташа явно захлёбывалась, что-то случилось с ней в воде. Таня схватилась за вёсла, стала разворачивать лодку и вдруг… А что, если махнуть веслом и поплыть в другую сторону? А эта пусть выбирается как хочет, пусть хоть немного пострадает, хоть немного глотнёт боли и страха. Эта мысль наполнила Танино сердце такой тихой радостью, ощущением такой свободы, что она, почти не контролируя свои действия, сделала несколько рывков веслом и начала уверенно и сильно грести к противоположному берегу. В спину ей нёсся умоляющий голос Натальи, но он постепенно гас в поглощённом тьмой озере и, наконец, стих совсем. Вдруг Татьяна обомлела: за лодкой кто-то плыл! На секунду она замерла от ужаса, потом сообразила: это Наташкино платье сползло с кормы и зацепилось за какую-то заусеницу в обшивке. Таня перелезла на заднее сиденье и попыталась освободиться от нежеланного свидетеля, но паршивец держался крепко и не отцеплялся. Она перегнулась через борт, стала рвать тонкую ткань резкими отчаянными движениями, но в воде они теряли силу, и платье, как навязчивое привидение, продолжало преследовать лодку. Лодка качалась и норовила перевернуться, Таня паниковала, чертыхалась, била проклятый кусок шёлка кулаками и веслом и, наконец, победила. Платье отцепилось, вальяжно покачалось на озёрной ряби и скрылось из вида. Таня перевела дыхание и взялась за вёсла.

Наконец судёнышко зашуршало килем по дну. Таня, мокрая, плохо соображающая, перелезла через борт и очутилась по колено в воде, намочив платье чуть не до пояса. Ноги увязли в иле, она с трудом выбралась на берег, сняла измазанные босоножки и заплетающимися ногами побрела домой. Тихонько проскользнув в свою комнату на втором этаже и скорчившись в постели, она попыталась понять: что же она сделала? Что будет, когда Наташка, вернувшись домой, расскажет родным, как было дело? Тогда Таня будет стоять насмерть: не успела подплыть, не сориентировалась в темноте, лодка запуталась в камышах или что-то в этом роде. А если… и тут её сердце вздрогнуло от страха: если она не вернётся?! «Не думать об этом»,—запретила себе Таня, подтянула колени к подбородку и задремала.

Разбудил её отчаянный стук в дверь. «Таня,—кричал отец,—Таня, открой! Ты не знаешь, где Наташа?» Татьяна соскочила с кровати, накинула ещё сыроватое платье («А где накидка?»—мелькнуло в голове), рывком открыла дверь и отшатнулась—она никогда не видела отца в таком состоянии. Лицо его было перекошено, глаза от волнения чуть не выкатывались из орбит. «Откуда мне знать?—отвечала она, стараясь справиться с противной мелкой дрожью.—Что я ей, сторож? У Андрея спроси!» Но отец не дослушал, махнул рукой и ринулся вниз по лестнице, на ходу бормоча: «Он не знает. Он и поднял тревогу: говорит, пошёл в душ, пришёл—её нет. Решил, что она пошла прогуляться. Лёг и заснул. И проспал до сих пор. А её вот нет и нет!» У Татьяны руки стали ледяными от предательского страха. Она вышла на улицу—родные и соседи побежали к озеру, а она осталась стоять у калитки. Ноги подкашивались, сердце прыгало в груди, не хватало сил бежать со всеми. Она отчаянно трусила: «Теперь начнут следствие, будут допрашивать: где была, что видела? Как это у них называется? Оставление в беде? Уголовная статья!» Она несколько раз глубоко вздохнула—где-то прочла, что это помогает справиться с волнением. Ей и в самом деле стало как будто немного легче. «Главное—не выдать себя,—она напрягла память, мысленно восстановила картину вчерашнего берега, залитого призрачным лунным светом, тихого и совершенно пустынного.—На берегу никого не было, никто не видел, как мы отплывали. Это точно». Вдруг её бросило в жар: «Где же всё-таки моя накидка?

Где я могла её потерять? Неужели в Егорычевой лодке оставила? Ведь затаскают на следствие!.. Не-е-ет,— Татьяна напряглась всем телом и сжала кулаки,— буду держаться как кремень. Не поддамся. Скажу так: посидела в лодке, посмотрела на лунную дорожку и пошла домой. Как накидку потеряла, не заметила. Наташу не видела».

Когда эта недотёпа Вероничка сунула ей её накидку, Татьяна в первую секунду чуть не потеряла сознание. «Вот она, улика. Всё, конец. Не отвертеться»,— запаниковала она. Но Вероника ничего не сказала и ни о чём не спросила, значит, ничего не заподозрила. А Таня сразу взяла себя в руки и выбросила подальше злополучный кусок ткани — пусть валяется в кустах: потеряла, и всё тут.

После отъезда следователя Татьяна с облегчением перевела дух. По поводу накидки никто не проронил ни слова. Таня так и не узнала, кто и где её нашёл. Лодку свою Егорыч обнаружил в прибрежных камышах и решил, что её прибило туда течением. «Да если Егорыч и нашёл накидку в своей лодке,— размышляла Татьяна,— у него, у старого алкаша, недостаточно мозгов думать и делать выводы».

У Татьяны от холода руки стали ледяными, но она продолжала неподвижно стоять, уткнувшись лбом в оконное стекло. На этой террасе они сидели тогда, пять лет назад, оглушённые случившимся. С матерью сделалась истерика. Всё презрение к Андрею, которого она в глубине души считала безвольной тряпкой, Наташкиным подкаблучником, всё раздражение против отца, копившееся годами, она, не сдерживаясь, выплеснула наружу.

«Мямля,— орала она зятю,— сонная тетеря! Почему ты вечно у неё на поводу? Почему ты её отпустил неизвестно куда? Почему не пошёл сразу искать? Почему сразу не забил тревогу?»

«А ты,— охрипшим, срывающимся голосом рычала она на мужа,— ты почему не проверил, на месте ли твои дети? Все разбрелись, пошли баинькать в свои кроватки, а она... девочка моя!..»

Татьяна испуганно слушала. «Да она ненавидит отца»,— вдруг дошло до её сознания, и это беспощадное открытие будто сорвало у неё пелену с глаз. Таня, конечно, давно поняла, что у родителей непростые отношения. Из их спальни до неё порой доносились взвинченные голоса: мать обвиняла отца, да и своих детей заодно, что не смогла пробиться в своей профессии, стать литературоведом, заняться художественным переводом, так и осталась школьной училкой русского и литературы. «Всегда — только твои интересы на первом месте, только твоя работа, только твои чёртовы аспирантки»,— приглушённо вскрикивала мать. Про «чёртовых аспиранток» Таня и сама знала: частенько бывало, что в доме раздавался телефонный звонок, Таня снимала трубку, и в ней слышался чей-то молодой задорный голосок: «Сергея Михайловича, будьте любезны».— «Кто спрашивает?» — строго вопрошала Таня. «Это его ученица Лена»,— отвечал голосок. Отец брал трубку, что-то деловито и строго в неё говорил, а через некоторое время, надев чистую рубашку и костюм, куда-то отправлялся, на ходу бросая домашним: «Я — по делам. Вернусь вечером. К ужину не ждите». Имена учениц менялись, но настойчивость этих девиц оставалась неизменной, а Таня иногда ловила мрачный взгляд матери в спину уходящего отца и её ненавистно сжатые губы.

И всё же Тане казалось, что родительские стычки — не более чем досадные ухабы на их супружеском пути. Ведь только вчера, на дне рожденья отца, перед сонмом гостей родители казались такой дружной, такой восхитительной парой. А сейчас, на террасе, Татьяна воочию наблюдала, как рушится красивый фасад и обнажается истинный вид семейного очага — давно остывшего и прогорклого.

В конце концов отцу, очевидно, стало невмоготу слушать женские вопли, он резким движением обхватил жену за плечи и сжал их с такой силой, будто хотел сломать ей грудную клетку. Это помогло: мать сморщилась от боли, но истерику прекратила и затихла. Тане на секунду стало стыдно перед посторонним человеком — Вероникой. Давнишняя подруга матери осталась с ними, чтобы поддержать их в трагическую минуту, и вот теперь оказалась в положении человека, перед которым, не стесняясь, трясут грязным семейным бельём. Она украдкой взглянула на Веронику — та сидела с покрасневшим и таким скорбным лицом, что Тане сделалось смешно. «Нашла кого стесняться»,— скривила она губы в незаметной усмешке. Она-то знала, как на самом деле отец и мать относятся к Веронике. В их отношении к ней давно уже не было ни дружеского участия, ни простого сочувствия. «Опять твоя нюня просидела у нас целый вечер, столько времени отняла! У меня уже в печёнках сидит её вечная вдовья печаль»,— выговаривал отец матери. «Ну да, ты прав,— соглашалась та.— Но что же поделать? Не могу же я обидеть университетскую подругу? Она говорит, что отогревается у нас душой».— «Лучше бы она свою душу отогревала рядом с какими-нибудь штанами. Не старуха же, в самом деле! Могла бы мужа себе поискать, чем столько лет лелеять свою вселенскую скорбь»,— продолжал насмешничать отец, и мать кивала ему в ответ, вздыхая и разводя руками.

Наконец «подруга семьи» не выдержала и засобиралась уходить. Никто не обратил на неё ни малейшего внимания — её присутствие никому не было нужно. Только Татьяна вышла её проводить на крыльцо — ей хотелось убедиться, что Вероника ничего не заподозрила, передавая ей накидку. Но Вероника бормотала обычные слова сочувствия, предлагала свою помощь, и Таня кивала ей, почти не слушая, с чувством огромного облегчения.

На стуле за спиной Татьяны, небрежно брошенная на стул, лежала сумка с распечаткой романа. Ещё совсем недавно, по пути от редакции до дачи, она радовалась, вспоминая отзывы Вероники Павловны о своей работе, и лелеяла сладкую надежду увидеть книжку со своим именем на обложке. Но сейчас, на стылой тёмной террасе, эта радость погасла, как свеча от порыва ветра. Зачем она всё это написала? Кого хотела обмануть?

Детство… Все повторяют: счастливая пора. Вот и она описала своё детство в лучезарных тонах. А ведь она не была счастлива в детстве — нет! Её считали печальной, тихой, задумчивой. Дураки. Никто не догадывался, что вовсе не задумчивость и природная скромность, а затаённая, глухая ревность заставляла её опускать глаза, сжимать губы, молчать и замыкаться в себе. С годами её талант расцвёл: родные щеголяли в связанных ею оригинальных кофточках и шалях, друзья с удовольствием принимали в подарок вытканные ею узорчатые салфетки самой неожиданной формы и расцветок. Повзрослев, она достигла своей детской мечты — стала художником-модельером, приобрела известность и клиентуру. Её хвалили знакомые, ею гордились родные. Но сердцем все тянулись — Таня это хорошо чувствовала, и мучительно завидовала — к смешливой, озорной Наталье. В ней была магнетическая притягательность детского простодушия и неподдельной душевной теплоты. У неё был дар, недоступный Татьяне, — она умела веселить сердца.

Тоска, непроглядная, как ночь за окном, навалилась Татьяне на плечи. Тишина вокруг казалась материальной, за спиной угрюмо молчал мёртвый, пустой дом. Подумать только, одно движение веслом — и всё могло бы быть совсем иначе, здесь звенели бы голоса и песни. А теперь — ни души, и впереди — нескончаемая череда тягучих лет и безмерность одиночества. Перед глазами встало лицо сестры — чуть раскосые дерзкие глаза, плутоватая улыбка. «Позови меня! — в отчаянии прошептала Таня. — Позови меня вновь, я приду!»

Вдруг она вскрикнула от страха — ей показалось, что снаружи, за окном, кто-то стоит. Липкий, отвратительный пот охолодил спину, и она, замирая, вгляделась в ночной мрак: голая яблоневая ветвь, безвольно подчиняясь ветру, билась о стекло.

Татьяна выдохнула с облегчением, торопливо прошла в комнату и стала разжигать печь. Скорей, скорей — зажечь все лампы, согреться, вскипятить чайник. Руки всё ещё чуть дрожали от пережитого страха, но она довольно быстро справилась с растопкой, огонь весело заплясал по сухим веткам, уверенно принимаясь за всё более толстые поленья.

Татьяна уселась перед печкой и стала безотрывно глядеть в её гудящий зев. Тоска, испуганная светом и теплом, отступала, душа отогревалась.

Если быть честной с самой собой, так ли страшит её одиночество? — спрашивала Татьяна сама себя, прислушиваясь к внутреннему голосу. Нет, не страшит. Её одиночество — это свобода от ревности, зависти, глухой, разъедающей душу ненависти. Она хозяйка своей жизни, независимая, сильная, успешная. Ей не надо смирять себя в угоду чужим правилам и мнениям, не надо лгать и притворяться.

Но что же всё-таки получается? — думала она в следующую минуту, неотрывно глядя в гудящее жаркое нутро печки. Ведь она — по сути дела, убийца.

И она, внутренне напрягаясь, задумалась над этим словом, над этим пронзительным сочетанием двух визжащих звуков — «и» и «й», и чем больше раздумывала, тем больше успокаивалась. И вовсе не надо ударять сзади веслом, выталкивать из лодки, держать пышноволосую голову под водой. Как просто всё оказалось: неторопливое круговое движение веслом — и лёгкое судёнышко, послушно развернувшись, понесло её к радости и свободе.

В конце концов её тревога совсем прошла, рассеялась, как рассеивается под лучами солнца утренний туман над озёрной гладью. Никто её ни в чём не обвиняет. Никто никогда не узнает правды. Татьяна вздохнула полной грудью и расправила плечи. Сладкий привкус тайного безнаказанного преступления наполнил душу тихим весельем.

Александр Степанов

Не было прежде такого рассвета

• • •

Не было прежде такого рассвета.
Над разгорающимся небосводом
в выдохе первом ветра холодном,
в крыльях, захлопавших справа и слева.
Из оболочки туманной, землистой
двинулись в рост освещённые сосны,
быстрой мигая жемчужною искрой,
каждая на наконечнике остром!

Мой табурет, ты скрипишь бесподобно,
ловко туман оживил твою песню!
Серый глашатай метнулся по лесу
прочь от упрямых лучей небосвода
к руслу реки. Не желаете кофе?
Чайник у нас старомодный, но марши
все наизусть заучил он—сноровки
не занимать ему, к радости нашей.

• • •

За Иосифа Бродского дал шесть рублей
в читальном зале и был с ним месяц
в разлётах-разъездах, почти не разлей
вода.
Сочинения. Том второй. Тезис:
подъездную дверь отворял апрель,
смердело мочой вперемешку с хлоркой,
и снег, будто падаль, сочился слюной,
наплёванной за зиму Глебом с Егоркой.
Постились,
что значит: мели всё подряд.
Не знаю, скостятся ли вам, Иосиф,
дороги гуронов, когда Ленинград
бодала комолая осень.
«Смирнофф» пустотелый, вот весь мой скарб,
и плащ вороной, но дыряв до кучи,
живуч, как гимн, как такой плакат,
который и в спину вам пальцем тычет.

• • •

Одним косым лучом январь отметил
снег вотчины своей, перебирая
картинки на лубке, со снеговым же
над ними покрывалом облаков.

Средь них, всегда гонимых восвояси,
и я мечтал, бывало, оказаться,
но лень у нас в роду превыше страсти
иных, способных запросто взлетать.

Где был бы я теперь с моей приязнью
к деревне с завалившимся забором
и, может быть, навеки ослеплённый
безлюдным алюминием равнин?

Забыл бы, для чего на самом деле
глядел через оттаявшие окна,
как Арктика над долгими холмами
заносит узкий месяца клинок.

• • •

Я разминулся с летнею порою,
когда июньский воздух утончённый
владеет суматохой поднебесной
и все ему и каждый подчинён;
когда ещё от превосходства зноя
среди зверья никто не утомился,
обитель их чащобную, лесную
добытчик-зверобой не посетил.

Я разменял на медные жетоны
остатки все от переездов долгих,
стою, и мне за ворот с крыш зелёных
стекает грязь столицы островной.
Не будь я столь застенчивым и грустным,
уже б спешил на поиски верёвки
и напрямик признался бы шофёру:
«Почтеннейший, а после—в „Англетер“…»

● ● ●

Флаги на тёплых проспектах и улицах тёплых,
крем шоколадный на шёлковом галстуке вышит,
и неизвестным, простуженным временем года
веет в цветочные шторы довольное утро.

Место, в которое мы никогда не вернёмся;
пепел, полёта которого мы не услышим,
между пустячным значением нынешних суток
и пирогами с повидлом из школьной столовой.

● ● ●

На стене рисунок красный, белый на стекле,
именем своим украшен, спит Борисоглебск.

Керосиновые лампы, выговор простой
и ударного помола в магазине соль.

Что ни рыба там — белуга, с бани — самовар,
в оснежённом поле гулко ухает сова.

Без дорог и без названий, раньше и теперь,
а вверху, под облаками, колокольный кремль.

И никто уже не помнит новоселья их:
вековая пыль на полках стиснула архив.

● ● ●

От начального до конечного
класса школы в пространстве ранцевом:
«не» с глаголом, Чудское озеро,
Пугачёв Александра Пушкина,
Трафальгар с одноглазым Нельсоном,
«кол» по физике из-за лампочки,
«Буревестник» Максима Горького,
спячка (как его имя?) Герцена,
Пифагорово поучение,
Архимедово восклицание,
дроби вспученные этажные,
лица сплюснутые монгольские,
а в гортани свинца позорного
твоего,
моя Инквизиция.

● ● ●

Две карты — земли и неба,
и ручка, в которой шарик,
и яблоко, и сентябрь
на жёлтом столе.
Ещё был когда-то компас
и порох в железной банке;
ещё был когда-то август
и жизни — сто лет.

● ● ●

Топко становится — труден и долог
путь до конечной унылых прохожих;
шире, до крыш отдалённых, свой полог,
из прохудившейся будто рогожи,
небо откинуло; запад с востоком
встретились — и потекли дождевые,
по желобам и глухим водостокам,
тёплые грязные струи кривые.

Топко становится — пёстрые своры
выживших чудом собак осторожных
на животах из подвалов, как воры,
вылезли в мутную сырость творожных
серых дворов; обозначился эллипс
лунный сиреневый между домами
в пору, когда уже слышался шелест
трав, пробивающихся под ногами.

● ● ●

Не будь я восприимчив к обжитому,
пропахшему календулой и мылом,
простому бытию в патриархальной,
сугробистой по окна стороне,
не разглядел бы, как твои тюльпаны
среди февральской оттепели вышли
из-под земли в горшках за занавеской,
встречая отступление зимы.

Тогда ещё была пора метелей,
и солнце только изредка светило,
но лёд уже тончал, и наст ломался
под весом ненагруженных саней:
молчание природы истощённой —
проекты, перекрашенные наспех, —
тяжёлый снег и рыхлая дорога…
Пойдём сегодня вечером гулять?

● ● ●

Где был Санкт-Петербург,
малина и щавель,
болотами вокруг
голодный ходит зверь.

У берега реки
коней — ни одного:
кувшинки, васильки,
дождливо и темно.

Один собор, как стог,
глядит который век
туда, где был восток
и где востока нет.

● ● ●

А здесь—никуда не денешься—за стенкой скребётся мышь,
и медленный дождь царапает покатые скаты крыш,
и ночь с очерствелым пряником черна в полуночный час—
на Млечном Пути вольфрамовом никто не услышит нас.

Ах, комнаты ваши низкие и песни осипших птиц,
мои города безвестные, без адреса и границ!
И ветреная, неверная, хватившая кистеня,
пропавшая чья-то молодость. Как некогда и моя.

● ● ●

Душу мою погубили жёсткие камни дорог:
ночи посконные, горький табак папиросный;
прутья столбов, бесконечных столбов пограничных дорог;
угольный дым паровозный и дым папиросный.

Камни катились по насыпи, бились по днищу машин,—
пасти щербатые, пляшущие мостовые,—
это по ним я вышагивал, ползал, подковы крошил,
выстужен насмерть, от пяток до мозга,—навылет.

Эти лекарства—сквозняк в подстаканнике, голод в висках—
несколько лет или вёсен бесплатны, и только.
Вены оставят следы за собой на протёртых висках.
Сбудется то, что не может не сбыться. И только.

● ● ●

На полянах с ярким маком в жарком августе хмелеет
голова, когда медовый полдень солнцем ослепит
и наполнит воздух звонким серебром и липким клеем
завершившегося лета—семена отцветших лип.

День незримых окончаний и начал: пустое небо,
поворот лесной дороги, паутина, щавель, мак;
и трава, уже сухая, и погаснувший мгновенно
далеко на горизонте первой молнии зигзаг.

Обними меня сильнее оттого, что одиноко
в наступающих потёмках на покинутой земле;
оттого, что нас коснётся, наконец, другая нота,
далеко на горизонте лишь блеснувшая во мгле.

● ● ●

С веретеном за пряжей, с вышивкой на коленях;
холодно, а зимою—тусклый короткий день;
в небе ночные стражи, в звёздах его нетленных,
спутанные дороги и голоса сирен.

Бледностью лунной пьяный вечером бессловесным—
нет ничего под небом этим теплей, чем шерсть,
связанная едино, как полотно Зевеса,
здесь, на твоих коленях, нитка за ниткой, здесь.

Варвара Юшманова

Если бы детство знало…

● ● ●

На рынке жара, мошкара, но отсюда
Виднеется море вдали.
Среди абрикосов и синей посуды
Скучает высокий Али.

Его черносливы-глаза равнодушны,
Улыбка сияет: «Купи».
И вот покупатель кивает послушно,
Коварству её уступив.

Монеты отсчитаны. Время плетётся.
Неспешно минуло полдня,
Когда под навес молодого торговца
Жара заманила меня.

Али предлагает орехи и сливы.
Неясно, кто нынче в плену…
Похоже, со мною он будет правдивым,
И я его обману.

● ● ●

Если вдруг мы захотим,
То заведём быт,
Станем жалеть тыл
И наплодим смысл.
Будет росой сон,
Будет скалой дом,
Будут звенеть в нём
Часики: бом-бом.
И через -дцать лет
Будем иметь вес,
Будем себя знать,
Станем ходить в лес,
Станем ругать век:
Был он—и вот весь.
Что же теперь лезть,
Что же теперь лезть?..
Не навредить бы
Времени, что вспять.
И, отложив быт,
Мы захотим спать.

● ● ●

Солнце ещё золотит и неспешно садится
На переносицу города:
Ратуша—будто свеча.

Небо от дня пытается освободиться,
На горизонте распорото
Светом луча-меча.

Этот закат прекрасней всего, что было:
Музыки, тайны, слов,
Прикосновения.

Молча уходит огненное светило,
Нам раздавая снов
Хитросплетения.

Кто-то проснётся будто другим, как новым,
Кто-то—с десятком ссадин,
С крепостью баррикад,

Кто-то нарочно сна избежит, но снова
Город устанет за день
И разожжёт закат.

● ● ●

Из бреда мира, из его нутра
Мы вырвемся, оставив во вчера
Вороньи гнёзда—наши города—
Живое средоточие труда
И снега. Распрощаемся в ночи,
Себя от дня нарочно отлучив.
Уедем в лес и будем до утра
Молчать и жить у тихого костра,
Всё понимать, и небо обнимать,
И птичьи языки перенимать.
Но только утро в красное макнёт—
И солнца раскалённый огнемёт
Задребезжит, разбудит, разнесёт
Повсюду новый день. И тут же всё
Вернётся. Мы проснёмся от звонка.
И будут снегом по́лны облака.

Рим

1.

Эти парки-дворы — у них надо мною власть,
Эта площадь Венеции, слышимая извне.
Мы помиримся здесь, мы будем друг друга красть
У прохожих и солнца, смоченного в вине.

За стеною машины, карабинеры, люд,
Мировая история на череде колонн.
Здесь тенисто, легко, а птицы поют и пьют:
То фонтанчик им свой поклон, то они — поклон.

Пропадём, наречёмся жителями сего,
Будто это заветная точка во всём пути.
Только ключник-старик, не видящий ничего,
Будет связкой звенеть и нас приглашать уйти.

Мы уйдём, но самое главное унесём.
И нас примет город, знающий обо всём.

2.

Всё стелет, стелет нам земля
Свои перины.
Растут из них и тополя,
И мандарины.

Сорвёшь, и плод в руке твоей —
Звено в цепочке.
И в ней всё прошлое людей —
Ещё цветочки.

Старо холмистое селенье,
Пыльновато.
Но все небесные знамения
Когда-то

Свои оставили печати.
Место это
В людское счастье и несчастье
Разодето.

Но нам судить не мир —
Тех, кто мы сами, —
Не повзрослевшими
Ещё глазами,

Стоять в ряду дерев плодами,
Вязать сетями-проводами,
Идти шажочками-годами
К Мадонне и Прекрасной Даме,

Убавить время на полтона,
Не знать далёкого итога
И через око Пантеона
Смотреть на Бога.

3.

Выходят львы. Трибуны воют,
Несчастных хищников клянут,
А гладиатор вынул кнут.
Убьют его или закроют —
Решится в несколько минут.

Смеётся люд и рукоплещет,
Им чуден падающий слон.
А раб выходит на поклон,
И меч в руке его трепещет,
Раб знает: следующий — он.

Болото смерти на арене,
Костей ломающихся хруст…
Амфитеатр давно уж пуст,
Но вижу я как на рентгене
Кровавейшее из искусств.

Своими арками глазея,
Цирк Флавиев стоит хитрó.
Но всё сжимается нутро,
Когда к громаде Колизея
Я поднимаюсь из метро.

Санаторий

Безликий санаторий спит.
Пусты аллеи.
Сестра-хозяйка зла на вид,
Но язва злее.
Не выйти ночью, не сбежать.
Тюрьма приличий.
Ни грабежа, ни кутежа —
Таков обычай.
Сосед — (отит) — молчит и спит,
Не мочит ухо.
Соседка лечит тонзиллит,
Но тоже глухо.
На процедурах медсестра
Сидит бочонком.
Ей все диагнозы с утра
Уже в печёнках.
Она душою не кривит
(Уж кривы души),
А очень просто говорит,
Что будет хуже,
Что нет здоровья, нет пути,
Что всё гнилое,
Что если стар, то не спасти
Своё былое.

Спасибо

Он перебрасывает мой портфель через забор.
«Там же что-нибудь сломается…»—думаю я.
Но всё равно теперь знаю,
за что говорить «спасибо».

Он перелезает через забор и зовёт,
руку не подаёт.
«Мог бы и помочь»,—думаю.
Но всё-таки знаю,
за что говорить «спасибо».

В парке он всё время говорит не о том.
«Что же ты такой несуразный?»—думаю.
Но всё-таки
теперь знаю…

В воскресенье мама ведёт меня в храм.
Я улыбаюсь, потому что наконец-то знаю,
за что говорить «спасибо».

● ● ●

Если бы детство знало,
Что исчезают зря
Вязкое покрывало,
Глобусные моря.

Изредка связь наладив,
Шлёт оно свой поклон:
Бабушкины оладьи,
Папин одеколон,

Брешь в корабле бумажном
И лимонад «Байкал».
Проговорит о важном,
И поминай как звал.

Ба́луй его, не ба́луй—
Спрячется: раз, два, три.
Жду и не жду. Пожалуй,
Где-то оно внутри.

Лето

Сначала была жимолость.
Она горчила, но была одна.
Мы ели её.
Познакомились с собакой,
стали дружить за кости.
Крыжовник отяжелел от зелёных ягод,
их невозможно разгрызть.
Потом пошла клубника.
Её было так мно-о-ого,
что мы не обедали.
Собака была вялой от жары
и стала линять.
Крыжовник смеялся над нами.
Потом появилась смородина.
Мелкая, но новая.
Собака ожила. Мы стали дрессировать её.
Научили показывать смерть.
Крыжовник сменил цвет.
Затем пошли малина, черешня, вишня… и
клубника всё ещё, и смородина.
Мы стали делать компоты, лимонады,
пироги, раздавать, уговаривать, не ценить.
Собака не понимала:
нет веселья, затей, радости.
Расстроилась и ушла куда-то.
И тут созрел крыжовник.
Колючий.
Кислый.

Борис Суслович

Дорога

Дорога

Памяти И. Ф. А.

Казалось —
    прохожим усталым
Бредёшь в направленье вокзала.

Вокзал.
    Измотавший все силы,
Бредёшь в направленье могилы.

Могила.
    Счастливчик: теперь-то
Бредёшь в направленье бессмертья.

Бессмертье.
    Его не хватало
На скользких ступеньках вокзала…

Двойняшки

Как украшает каждый шаг,
Когда они наперечёт,
Когда ещё неведом страх:
Жизнь не летит и не течёт —
Она растёт, как на дрожжах,
Годам и дням не зная счёт…

Как разрушает каждый шаг,
Когда они наперечёт,
Когда уже неведом страх:
Жизнь не летит и не течёт —
Она сбегает впопыхах,
Оставив без оплаты счёт…

Колыбельная

Что тебе снится, малыш,
вечером, ночью и днём?
Ты заразительно спишь
в крохотном царстве своём,
будто мелодия сна
радостью напоена.

Этот нехитрый мотив
не устаю напевать.
Как ты лежишь, обхватив
царское ложе — кровать!
Жаль, что улыбка во сне
не предназначена мне…

● ● ●

Мы по-детски доверчиво спали.
Неожиданно рядом возник,
Никому не мешая вначале,
То ли свет, то ли звук, то ли миг.

Все мгновения сцеплены были,
Но одно из них выпало вдруг
И растаяло в утренней пы́ли:
То ли миг, то ли свет, то ли звук.

Было что-то спросонья задето,
Чему даже названия нет.
На полях сновиденья помета:
То ли звук, то ли миг, то ли свет.

● ● ●

Три месяца — как день один.
Какая чушь, что время лечит!
По-прежнему пригнуты плечи,
А чувства ломки — вроде льдин
При ледоходе, ледоставе…
Что отменить сегодня вправе
Души замёрзшей карантин?

Три месяца — как день один.
В тумане мысли и поступки,
Толчёшь, как будто воду в ступке,
Недели с днями. Из картин
Былого вычленяет память
Людей, что раньше были нами,
В чьих снах ты нынче властелин.

На миг. На час. На день один.

● ● ●

Маме

Мы сегодня с тобой вдвоём
По дороге ночной идём,
Через смерть переходим вброд,
А дорога стремит вперёд.

Мы молчим. Тишина вокруг.
Как тепло от касанья рук,
От не сказанных нами слов.
Рассветает. День свеж и нов.

Слова

Внуку

Они приходят невзначай
И остаются навсегда.
С улыбкой радости встречай
И переборчивое «да»,
И переменчивое «нет»:
У каждого есть свой секрет.

Запоминаешь наизусть,
Когда приходит их черёд,
И легкомысленное «пусть»,
И недоверчивое «вот»,
Приманку «можно», хлыст «нельзя»:
У каждого своя стезя.

Расчисленный по звёздам путь,
Проявленный сейчас и здесь,
У скрытого в тумане «будь»,
Лучащегося солнцем «есть»
И тесного, пустого «был»,
Несущего раздрай, распыл.

Что так легко произнести
И невозможно удержать
Зажатое в душе—в горсти—
Как шрам, белеющее—«мать»,
А рядом, будто звук один,
Усталый, еле слышный—«сын».

Но это всё же не конец.
Лекарством от потерь, от бед
Звучит защитное «отец»,
Оберегающее «дед».
И, как исток любых наук,
Понятий, слов—младенец. Внук.

ДиН симметрия

Фёдор Сологуб

Баллада о высоком доме

Дух строителя немеет,
Обессиленный в подвале.
Выше ветер чище веет,
Выше лучше видны дали,
Выше ближе к небесам.
Воплощенье верной чести,
Возводи строенье выше
На высоком, гордом месте,
От фундамента до крыши
Всё открытое ветрам.
Пыль подвалов любят мыши,
Высота нужна орлам.

Лист, ногою смятый, тлеет
На песке, томясь в печали.
Крот на свет взглянуть не смеет,
Звёзды не ему мерцали.
Ты всходи по ступеня́м,
Слушай радостные вести,
Притаившись в каждой нише,
И к ликующей невесте
Приникай всё ближе, тише,
Равнодушный к голосам
Петуха, коня и мыши.
Высота нужна орлам.

Сердце к солнцу тяготеет,
Шумы жизни замолчали
Там, где небо пламенеет,
Туч расторгнувши вуали.
Посмотри в долину,—там
Флюгер маленький из жести,
К стенкам клеятся афиши,
Злость припуталася к лести,
Люди серые, как мыши,
Что-то тащат по дворам.
Восходи же выше, выше,
Высота нужна орлам.

1920

Валерий Сухов

От жалости сжалась живая душа

Искупление

Метели путь мой заметали,
Но вывел к дому огонёк.
Меня встречая, в чёрной шали
Старуха вышла на порог.

Пустила молча на ночлег
И постелила, словно сыну,
И понял я её кручину,
Как самый близкий человек…

Нисходит озаренье свыше,
Когда сбивает вьюга с ног.
Вдруг голос матери я слышу:
«Вернись на родину, сынок».

Пусть тучи нависают низко,
Я вижу в темноте огни.
Иду с молитвой материнской:
«Сынок, Господь тебя храни!»

Когда дороги жизни пройдены,
Тогда дойдёшь до глубины.
И возвращение на родину—
Как искупление вины.

Святому поклонюсь распятию
И на родной порог взойду.
И на колени перед матерью
Я блудным сыном упаду…

Родник

Я воду пил из родника,
Обняв замшелый сруб.
Срывались каплями века
С моих дрожащих губ.

И на меня смотрела Русь
Из бездны, словно миф.
На материнский лик молюсь,
Колени преклонив.

Исток обжёг устами струй
Горючих русских слёз.
Земли родимой поцелуй
Так я в душе унёс.

Русская душа

Зима. Год сорок пятый. Русь.
Война идёт к закату.
И трудно верить в «Gott mit uns»
Немецкому солдату.

Несладко и ему в плену:
Морозы, снег и голод.
Он понимал свою вину,
Ведь был уже немолод.

Белели из берёз кресты
В безмолвии суровом.
И до деревни полверсты
Добрёл он по сугробам.

Ввалился в избу, как скелет,
Худой и несуразный.
По похоронке на столе
Всё немец понял сразу.

У горя милостыню ждать—
В боль сыпать соль солонкой…
Но поднялась седая мать,
Как тень, над похоронкой.

Сказала: «Погоди, сынок…»
Рукой в набухших жилах
В солдатский мятый котелок
Краюшку положила…

Проруха

Гудела когда-то
Затонная тишь.
Закатом объято
Семь сгорбленных крыш.

От жалости сжалась
Живая душа.
Деревня осталась—
Дорога ушла.

Вздохнула старуха:
«Господь, ей прости,
Что с нашей прорухой
Не по пути».

«Лёгкая смерть»

Лёгкой смерти для мамы я у Бога молил.
Видеть муки её больше не было сил.

Бог услышал меня—мать ушла в мир иной,
И с тех пор мою душу оставил покой.

Не могу той мольбы сам себе я простить.
Пусть в мученьях, ещё ведь могла бы пожить

На земле для родных, ну хотя бы немного…
И зачем лёгкой смерти молил я у Бога!

Так терзает бессонною ночью вина.
И простить меня может лишь мама одна.

Молитва

Помню, я смеялся над бабкой,
Уверял её: «Бога нет!»
И крестилась она украдкой
На божницы закатный свет.

Так бывало: лишь рассвело,
Я глаза открывал. «Да спи ты!»—
Бабка день начинала с молитвы
И молитвой кончала его.

И мне это смешным казалось.
С той поры прошло много лет.
Одна в доме она осталась.
Все разъехались. Помер дед.

Детство светит магнитным светом.
По нему сверяем судьбу.
Потому пришёл за советом
Я в родную свою избу.

Поклонившись с порога бабке,
Шапку снял я и, сев на скамью,
Под иконами в красной рамке
Всю родню увидал свою.

В притолоке качнулось,
Тихо скрипнув, для зыбки кольцо.
И знакомо вдруг усмехнулось
Мне со снимка моё лицо.

За окошком метель бесилась.
Тёмен ликом был скорбный Спас.
Здесь святая душа молилась
За её позабывших—нас.

Богоматерь смотрела с мукой.
Сердце сжалось от боли в комок…
Помолись, родная, за внука,
Чтобы верой спастись он смог.

Не согреет рябина…

«Гой ты, Русь моя!» Выть твоя горем засеяна.
Глотку волка сдавила капканом тоска.
На торги выставляют удавку Есенина.
Обнищала душа—и пошла с молотка.

И продать, и купить можно всё в идеале.
«Смерть поэта», как нефть, подскочила в цене.
В разорённой стране есть «Страна негодяев»,
Где калифом навек бизнесмен на коне.

А народу осталась одна лишь отрада.
И покорно он вздёрнут на телеигле.
Прёт на нерест её голубая отрава.
Открестясь от чертей, плачет ангел во мгле.

Не согреет рябина, огарком сгорая.
Пляшет ветер, а дьявол играет в дуду.
Лучше в петлю! Не надо за доллары рая.
«До свидания, друг мой!»—
«До встречи в аду».

Если в Бога не веришь, молиться нелепо.
В каждом мальчике чёрный живёт человек.
Задыхаясь, ногтями царапаем небо.
И на землю извёсткою сыпется снег.

Холм могильный

Мне опять живой приснилась мать.
Подошёл, хотел её обнять.

Но она растаяла во мгле.
И не стало мамы на земле…

Мама умерла в начале осени.
Пожелтев, берёзы листья сбросили…

Снег теперь хранит её покой
Долгою холодною зимой.

А весной ей птицы будут петь,
Летом сосны на ветру шуметь.

На могилу осенью приду.
День в гостях у мамы проведу.

Молча по душам поговорим
До вечерней сумрачной зари.

И всплакнёт берёза надо мной,
Осыпая золотой листвой…

Холм могильный, фото и ограда.
А душа-голубушка—крылата!

От несчастий сохранит навек
Крыльев материнских оберег.

Погост

Высокий холм вздымается в крестах.
И слёзы застывают на глазах.
Богатый смерти выдался покос.
Родней села становится погост.

Качнусь от горя я — без водки пьян.
И поминальный уроню стакан.
Скрестила руки на груди родня
И ждёт не в гости — насовсем меня.

Ожидание

Золотые сердечки берёзы
Засыпают могильный холм.
Вспомнил я материнские слёзы
И родительский старый дом.

Не вернуться мне больше туда.
Впору сердцу с тоски разорваться!
Не прощу себе никогда
То, что с мамой не смог попрощаться.

У могилы повинно стою.
Душу ломит невыносимо!
Где ж ты, мама? Наверно, в раю
Золотым своим сердцем ждёшь сына…

Родня

Срок настанет — и родня
Хоронить пойдёт меня.
На горе́ стоит погост.
Он крестами в небо врос.
Крепче нет его корней.
Мёртвые живых родней.
Тихо мать вздохнёт: «Сынок,
Снова ты под сердце лёг».

Всё в душе

Скоро к Богу уже.
Скарб я нажил большой.
Унесу всё в душе.
Ничего за душой.

Знал морозный я зной.
Пел про холод огня.
Золотою казной
Лес осыпал меня.

Переломится свет.
Лягу я средь корней…
Был поэт или нет?
После смерти видней.

ДиН симметрия

Иван Бунин

Звезда морей, Мария

На диких берегах Бретани
Бушуют зимние ветры.
Пустуют в ветре и тумане
Рыбачьи чёрные дворы.

Печально поднят лик мадонны
В часовне старой. Дождь идёт.
С её заржавленной короны
На ризу белую течёт.

Единая, земному горю
Причастная! Ты, что дала
Своё святое имя морю!
Ночь тяжела для нас была.

Огнями звёздными над нами
Пылал морозный ураган.
Крутыми чёрными волнами
Ходил гудящий океан.

Рукой, от стужи онемелой,
Я правил парус корабля.
Но ты сама, в одежде белой,
Сошла и стала у руля.

И креп я духом, маловерный,
И в блеске звёздной синевы
Туманный нимб, как отблеск серый,
Сиял округ твоей главы.

1920

Дмитрий Косяков

И это прекрасно смотрится

Обзор прозы журнала «Сибирские огни» за 2019 год

При знакомстве со всяким новым литературным произведением у читателя возникает вопрос: «А зачем это нужно читать?» Ответа может быть два: «это полезно» и «это приятно» читателю. Первый ответ—ответ с точки зрения содержания, второй—с точки зрения формы. Оба способа обоснования я нахожу вполне удовлетворительными.

Философ Михаил Лифшиц утверждал, что первую, самую низкую ступень вкуса «образует наивный реализм простого человека, который интересуется искусством, поскольку оно похоже на жизнь, требует умения, занимает ум и создаёт приятные эмоции. Это сознание воскресного посетителя художественной галереи». Я не требую от современных авторов слишком многого. Если меня порадуют хотя бы на этом низшем уровне, я скажу писателям спасибо.

А уж если окажется, что произведение и полезно, и приятно сразу, то тут уж читательской радости не будет предела.

Этот вопрос я постоянно задавал себе при изучении прозы литературного журнала «Сибирские огни» за 2019 год. Скажу честно: некоторые вещи я пропустил, и, возможно, именно в них заключалось нечто такое, что перевернуло бы мой взгляд на современную литературу. Но пока то, что я прочёл, не поколебало моего мнения: современные писатели крайне редко задаются вопросом, зачем и для кого они пишут.

Наиболее интересными мне показались рассказ «Афей» Михаила Рантовича (июньский выпуск), рассказы «Ирис» и «Лапочка» Татьяны Сапрыкиной (июльский выпуск) и «Сибирские бывальщины» Бориса Проталина (декабрьский выпуск).

Признаки нашего времени

Рантович описывает довольно заурядную ситуацию: с героем выходит на связь его бывшая одноклассница, которая пытается вовлечь его в некое индуистское религиозное сообщество и заодно совершить с ним адюльтер. Оба плана проваливаются.

Зачем же это читать? Ради подробностей. Автор очень хорошо воспроизводит признаки нашего времени. Например, общение героев начинается в социальной сети. В то время как большинство современных писателей упорно игнорируют Интернет в своём творчестве, Рантович неплохо описывает механику и психологию общения в виртуальной реальности.

Автор касается денежных проблем: возникает неловкая ситуация, когда наступает время оплачивать счёт в кафе, герою также стыдно признаться, что ему не по карману поездка в другой город и так далее. Весьма живо и убедительно описывается встреча с гопниками, в которой персонаж оказался не на высоте. Всё это написано убедительно, без какой-либо фальши.

В результате вырисовывается картина скучного и душного мирка, из которого действительно хочется сбежать в секту или в сомнительные сексуальные приключения. Правда, оба пути оказываются тупиковыми: собрание секты и попытка соблазнения описаны с убийственной иронией.

«Она поймала мою руку. Я должен обещать, что приеду, перееду. Перееду? Трудно мне тут будет найти работу. Она убеждённо сказала, что найду, и теперь напирала мягкой грудью. Я освободил руку. Мне нужно в туалет.

Не сразу удалось спустить воду в унитазе, и уже в ванной, когда я умывался холодной водой и отражался в зеркале среди чуждого голубого кафеля, было забавно думать о людях, которые с рвением и остервенением обустраивают духовную жизнь, но при этом годами терпят своенравие сливного механизма унитаза».

К счастью, автор не пересаливает с безнадёгой: он пытается посмотреть на окружающую действительность с улыбкой. И, повторюсь, главная ценность рассказа не в выводах, а в деталях, во внимательном и честном отношении к окружающей действительности.

Никем и ничем не одержима

Рассказы Татьяны Сапрыкиной «Ирис» и «Лапочка» демонстрируют явный перекос в сторону формы. С содержательной стороны в них почти ничего нет. По содержанию они очень напоминают глянцевый журнал или женский инстаграм-аккаунт: верандочки, прянички, загородная жизнь, цветочки,—автор так подбирает материал, чтобы

нам не попалось ничего «прозаического», ничего такого, что нельзя было бы «запостить» в гламурном блоге.

Собственно, начинаются рассказы с довольно откровенного признания: «Не помню, чтобы я была когда-нибудь кем-то одержима. Мир представлялся мне структурой вялой, слепленной из чего-то вязкого, вроде смородинового варенья в банке, перемещающегося туда-сюда, если эту банку потрясти. Я выпивала людей и события потихоньку, как густой сок с мякотью. И не было в этом ни страсти, ни боли, ни огня».

Вот и в рассказах присутствует эта «вялость» и нет «ни страсти, ни боли, ни огня». Автор бежит от реальности в цветистые фантазии. Но зато по крайней мере старается эти цветистые фантазии поярче и повычурнее описать. В рассказах присутствует работа над слогом, Татьяна Сапрыкина действительно старается сделать чтение своих произведений приятным, то есть проявляет заботу об аудитории.

Она не претендует на интеллектуальную глубину, актуальность темы, но стремится к оригинальности, хотя бы и чисто формальной.

«Такая держава» и прочее

Иное в небольших зарисовках Бориса Проталина «Сибирские бывальщины». Они имеют достоинство этнографического материала, личного свидетельства о сельской жизни двадцатого века. Автор по большей части концентрируется на описании курьёзных случаев, так что его бывальщины приобретают характер анекдота и дают крайне мало пищи для размышлений о судьбе русской деревни.

Не дотягивает до серьёзного обобщения и приведённое воздыхание старика Владимира Ивановича Бобровского: «Хреновый был царь Николашка. Просвистал такую державу!.. Да при нём всё — от гвоздика до косилки-самоотвалки — купить бы я мог. А рыба красная!»

Надо бы автору как-то отнестись к приводимым словам и фактам, сделать какие-то выводы: все ли селяне разделяли взгляды старика на «Николашку» и его державу? Ну да ладно. По сравнению с иными творениями и это прекрасно смотрится.

Есть, конечно, в журнале и куда менее удачные и интересные вещи, о них долго говорить ни к чему. Например, после чтения рассказа Геннадия Бакшуева «Убить время» (сентябрьский выпуск) хочется убить самого автора или пойти принять душ: кому приятно знакомиться с порнографическими фантазиями дряхлеющего мужчины?

Рассказ Марии Стародубцевой «Гадалка» (августовский выпуск) написан из рук вон плохо (как редакция пропустила стилевые неряшливости вроде «оклеенный клеёнкой»?), в плане содержания же представляет типичную мечту обывателя об обретении суперспособностей. Увы, эта мечта изначально попахивает презрением к людям.

Лень и зона против вселенского добра

Несколько подробнее следует высказаться про рассказ Юрия Виськина «Автиан», хотя бы потому, что он довольно длинный и занимает львиную долю в разделе прозы ноябрьского выпуска журнала. Автор пытается вдохнуть новую жизнь в архетипический сюжет о раскаявшемся грешнике. Собственно, параллель с житием заявлена в самом начале.

В детстве рассказчик прочитал книжку про святого и проникся историей о том, как в жизни разбойника произошёл «внутренний перелом, который высветлил его душу до кристальной чистоты». А потом встретил такого человека в своей жизни.

Итак, заявленная схема довольно прозрачна: сперва нам должны предъявить грешника, а потом праведника «кристальной чистоты» и как-то обосновать переход одного в другое. Задача непростая, потому что жизнь мало похожа на библейские легенды, в ней редко встречаются абсолютно плохие и безупречно хорошие люди. Но, судя по рассуждениям автора, сам он верит в абсолютное абстрактное зло и в абсолютное добро.

Рассмотрим первый элемент. Как изображает нам автор абсолютного грешника? Рассказчик встречает его в советское время на зоне, куда рассказчик устроился работать технологом механического цеха.

Заключённый Петров отлынивает от работы, презрительно относится к администрации зоны, нарушает распорядок. Да и на зону он регулярно попадает из-за того, что не желает работать и постоянно ввязывается в глупые криминальные истории: то подерётся, то совершит какую-нибудь нелепую кражу. Вот оно, зло: безделье и неуважение к начальству.

Спустя много лет, уже в наши «демократические» времена, рассказчик снова встречает Петрова, но уже в роли праведника. Что значит праведник по Виськину? Теперь Петров — человек работящий и исполнительный, свято чтит своего начальника, бизнесмена Антонова, а также занимается благотворительностью. То есть, ой, благотворительностью занимается не сам Петров, а его начальник, а Петров лишь завозит его подарки в социально-реабилитационный центр. Да, ещё Петров очень чтит церковь. Даже не религию, а саму церковь, поскольку о вере он почти не заикается, но зато охотно общается со священниками, передаёт им деньги.

Осталось рассмотреть последний элемент — причину преображения Петрова из стихийного анархиста в исполнительного работника. Интересно, что этот перелом приходится на перестроечные времена, и связан он со знакомством

Петрова с добрым и безответным интеллигентом Скоромниковым.

Скоромников и его жена — люди очень начитанные и воспитанные, у них много книг. Они учат Петрова тому, что «делать людям приятное — большое удовольствие» и что «всегда предпочтительней делать всё в пользу добра». Какого добра? Что такое добро? Об этом автор скромно умалчивает, то есть суть возвышенного учения Скоромниковых остаётся в тумане.

«И всё бы шло хорошо у Петрова, если бы не перестроечные перемены в стране, вызвавшие вслед за порывом свежего ветра надежды шквал разочарования и гнева с протестными акциями, в которых очень неосмотрительно и совершенно напрасно, как считал Петров, взялся участвовать Скоромников».

Опять же, в каких именно акциях и с какими лозунгами выступал Скоромников — об этом автор молчит, как партизан на допросе. Ведь лозунгов в то время было море: призывал ли Скоромников к возвращению Романовых на престол или к «истинному воплощению ленинских заветов», жаждал «перейти поскорее к рынку» или требовал «больше социализма»?

Короче, во время разгона одной из акций (опять же, кто разгонял-то — ещё горбачёвские милиционеры или уже ельцинские спецназовцы?) Скоромникова зашибли, и Петров, чтобы собрать денег на операцию (а что, медицина в стране уже тогда стала платной, или автор что-то путает?), идёт «на дело» и снова попадает в тюрьму. На нарах Петров мучается тем, что надо было не воровать, а взять кредит: «Всё было бы как надо — он бы не торчал сейчас в камере, а Тимофеич был бы жив!»

Вот такая интересная схема получается: переход от зла, пришедшегося на советское время, к добру, воплощённому в церкви, благодетельных предпринимателях и банковских кредитах, происходит благодаря перестроечным ораторам. Ну что же, идея вполне удобная, за такую можно и премию получить от какого-нибудь благотворительного фонда, организованного благодетельным предпринимателем.

Поцелуй фашиста

Но сильнее всего взволновал меня и одновременно продемонстрировал мне особенности «Сибирских огней» рассказ Оксаны Ветловской «В упор не промахнёшься» из октябрьского номера журнала.

Главная героиня рассказа, Лика, ухаживает за престарелой и полусумасшедшей бабушкой. Бабушка была снайпером в Великую Отечественную. И вот на её имя приходит письмо из Цюриха от некоего Кристофа Венцеля с просьбой «пощадить и простить его». Бабка на это имя никак не реагирует, Лика вступает в электронную переписку с внуком Кристофа — тоже Кристофом.

Тут возникает некая натяжка, потому что по электронной переписке у Лики с Кристофом завязываются крайне тёплые, можно сказать — интимные, отношения, что в ситуации виртуального общения маловероятно; впрочем, не это главное.

Выясняется, что Кристоф Венцель-старший во Вторую мировую тоже был снайпером, и у него с бабушкой Лики, тогда «грудастой деревенской девчонкой», возникает своеобразный поединок. Венцель проникается уважением к сопернице и даже вытаскивает её из болота, потому что «кароший снайпер не дольшен так умирать». В общем, проявляет благородство. Он же фашист — они там все такие благородные рыцари.

Потом у них, естественно, вспыхивает любовь и даже секс: «Вдруг он сжал её голову в грязных ладонях и принялся целовать. Это было настолько безумно, настолько чудовищно — и так искренне, так беззащитно, каждое прикосновение к губам — будто к открытой ране, что Нора зашлась слезами; никогда бы в жизни она не подумала, что способна так плакать. Её раньше никто не целовал. Её и потом, за всю вековую жизнь, никто так не целовал».

Да уж, никогда советской снайперше не было так хорошо, как под нацистом. Надо было, наверное, не перестреливаться с фашистами, а сразу ложиться и получать удовольствие…

Выяснив всю эту историю, Лика произносит патетическую фразу: «Наверное, я — мы — не имеем права осуждать. Не мы прошли через всё это. Но у нас есть право прощать. Честно — я бы его простила».

Ничего не напоминает? Да ведь это практически речь Коли из Уренгоя, который в бундестаге признался в сочувствии к солдатам гитлеровского вермахта! Понять… простить… простого фашиста, который «чисто случайно» дошёл до Сталинграда, по дороге сжигая деревни вместе с детьми, стариками и женщинами. А ещё что напоминает? Конечно, нашумевший номер пары фигуристов, также изображавший вспыхнувшую любовь между гитлеровским солдатом-оккупантом и девушкой с захваченной территории.

Образ «благородного фашиста» давно и настойчиво внедряется в сознание россиян. Можно вспомнить и свежий фильм «Т-34» — там тоже война изображается как благородный, почти спортивный поединок между двумя асами-танкистами. Однако такое убийственное упрощение недопустимо. Ведь Великая Отечественная война была геноцидом с одной стороны и отчаянной борьбой за выживание и спасение жизней миллионов людей — с другой. Нельзя забывать и о том, что Вторая мировая была также войной идеологий.

В большинстве исторических книг легко прочесть, что «крайне реакционной, националистической и шовинистической была идеология фашизма. На первом месте в комплексе фашистских идей

находился расизм, согласно которому германская нация рассматривалась как единственная высшая, „Богом избранная“, и потому ей якобы должно принадлежать мировое господство»[1].

При этом стоит отметить, что вина рядовых гитлеровцев как раз и заключалась в том, что подавляющее большинство из них поверило демагогическим лозунгам, согласилось считать себя «расой господ» и позволило толкнуть себя на путь завоевания и порабощения других стран. А наш «герой» далеко не рядовой, а убеждённый боец-снайпер.

«Составной частью фашистской идеологии было также проявление грубой силы, являющейся якобы главным фактором общественного прогресса и всего развития человечества»[2].

Теперь нам это всё преподносят как чисто спортивное состязание в ловкости, после которого возможен и дружеский секс… А расстрелы, а казни, а голод, блокады, бомбёжки, лагеря смерти? Разве наше поколение проходило через всё это? Стало быть, мы не имеем права и прощать.

И ведь Ветловская знала, не могла не знать, как реагирует российское общество на все эти попытки реабилитировать фашизм — всплеском справедливого возмущения.

Выходит, что творческим людям регулярно посылают два типа сигналов: Минкульт раз за разом демонстрирует благосклонность к «примиренческой» риторике, а общество раз за разом на эти попытки отзывается с негодованием. Чем обусловлены сигналы первого типа? Тем, что кое-кому хочется делать бизнес с «белыми господами» из Европы, а Европа тем временем активно фашизируется. Стало быть, чтобы облегчить взаимодействие с Европой, необходимо устранить некоторые идеологические препятствия…

Стоит отметить, что рассказ Ветловской заканчивается намёком на грядущий брак Лики с Кристофом Венцелем-младшим. Тогда всё ясно: если мечтаешь выскочить замуж за внука нацистского снайпера и укатить с ним в Цюрих, придётся многое простить и забыть.

Литературные перебежчики

Почему редакция «Сибирских огней» публикует такое? Очень может быть, что других подобных рассказов на страницах журнала нет. В таком случае редакции стоило бы извиниться перед читателями: зачем же марать себя перед россиянами, деды и прадеды которых сражались с нацистской заразой? А ещё лучше опубликовать что-нибудь открыто антифашистское, произведение, расставляющее все точки над «i», объясняющее, в чём заключается античеловеческая сущность фашизма и какова мера вины всех участников нацистской агрессии.

Почему редакция этого не делает? Тут мы подходим к важной проблеме современной литературы и одновременно возвращаемся к вопросу, поставленному в самом начале обзора (зачем это читать?). Современный литературный журнал зачастую оторван от аудитории и не зависит от неё. Подписчиков может быть хоть ноль — экземпляры разойдутся по авторам и их знакомым.

Журнал же существует не за счёт продаж, как это было в золотую эпоху «Современника» и «Отечественных записок», а, как правило, на различные гранты. Эти гранты получаются либо через разнообразные негосударственные фонды, либо через чиновников. Поэтому мнением читателей журнал может смело пренебречь, главное — как-то понравиться спонсорам. А спонсор спонсору рознь: уровень культуры и представления о патриотизме у них могут быть абсолютно разные.

1. Вторая мировая война. Итоги и уроки. М.: Военное издательство, 1985. С. 18.

2. Там же.

Мастерские Елены Тимченко

Дарья Семёнова

Красноярский лицей №2, 9 класс

Что действительно важно

У каждого из когда-либо живших или ныне живущих людей есть своя неповторимая, как отпечаток пальца, дорога, которая так просто и непримечательно называется — Жизнь. Она — как небольшая тропинка в лесу: постоянно поворачивает (порою даже не туда, куда хотелось бы), поднимается в гору и обрывается вниз, меняется, и ты никогда не знаешь, что тебя ждёт за следующим поворотом. Люди, чьи дороги пересекаются с твоей, тоже постоянно меняются, приходят и уходят — в этом нет ничего плохого. Но кое-что остаётся с тобой на протяжении всего пути. Важное, дорогое, столь же необходимое, как карта для путешественника. Что-то, благодаря чему ты никогда не чувствуешь себя совсем одиноким в этом мире.

Вечер проходит непримечательно и снова с той же компанией: я, надрывно плачущий за окном сентябрь и просто невыносимая скука. Все дела переделаны, а мне очень хочется чем-нибудь заняться и в то же время совсем не хочется ничем заниматься. Так и сижу, растёкшись ленивой лужей в кресле и глядя на стекающие по окну дождевые капли. От скуки мне даже приходит мысль о том, что пора бы почистить и рассортировать файлы на рабочем столе своего компьютера, а то очень уж много ненужного там развелось, и поиск необходимого документа теперь занимает уйму времени.

Поначалу «уборка» идёт медленно. Я нехотя перебираю файлы и копаюсь в папках, но вскоре увлекаюсь и полностью погружаюсь в процесс. Перечитываю свои очень старые работы с улыбкой и лёгкой неловкостью, что вызваны былым неумением грамотно излагать полёт мысли. Чувствуя азарт и свою власть над происходящим, беспощадно удаляю всё ненужное, освобождая всё больше места в угоду своему внутреннему минималисту. Взгляд спотыкается о папку с лаконичным названием «Фото. Даша». Никаких фото, которые могли бы там быть, я не припоминаю, поэтому, неразборчиво бормоча: «Странно, странно…» — открываю её.

Содержимое меня потрясает: там оказывается множество моих детских, местами некачественных и размытых, фотографий, о которых я никогда не знала. Даже фотоаппарат, которым, вероятно, были сделаны эти фото в далёком две тысячи восьмом, давно и безвозвратно утерян. Встрепенувшись и заинтересованно подавшись ближе к монитору, я открываю первую фотографию.

С экрана на меня радостно смотрит маленькая трёхлетняя Даша в тёплой розовой курточке, шапке и шарфе. Я стою рядом с бронзовой скульптурой клоуна, той, что около цирка. У скульптуры ярко блестит и золотится на тусклом солнце большой клоунский нос, затёртый от постоянных людских прикосновений «на счастье», мой же нос семафорит всеми оттенками красного, ведь на улице — холодный сибирский март две тысячи восьмого года. В дальних уголках памяти что-то начинает шуршать и шевелиться, как будто кто-то сдувает пыль со старых фотокарточек. Кажется, тогда я с семьёй впервые пришла в цирк. Конечно, спустя двенадцать лет я уже не помню ни момента, когда была сделана фотография, ни самого представления. Но даже сквозь мутную плёнку времени я всё ещё слышу свой звонкий смех и ощущаю отголоски абсолютного, чистого, свойственного лишь детям восторга — ведь спустя почти четыре года жизни в холодной северной Игарке большие и важно вышагивающие по арене слоны действительно кажутся чудом.

После нескольких кадров из цирка появляется другая, чуть более поздняя фотография. На ней снова я, вот только на этот раз грустная и зарёванная. Я сижу на кровати, обиженно надувшись, в глазах стоят слёзы, а на носу краснеет свежая царапина — я уже не помню, как это получилось, наверное, бежала и врезалась во что-нибудь, но даже спустя прожитые годы чувствую, как неприятно болел нос и как обидно от этого было. Тогда папа достал фотоаппарат, чтобы развеселить меня, я любила фотографироваться, и стал специально корчить смешные рожицы, попутно делая снимки. Чем дальше я листаю, тем шире становится улыбка на лице маленькой Даши, а на последней фотографии она уже вовсю хохочет, запрокинув голову. Слёзы высохли, а неприятно ноющий нос давно позабыт, в тот момент,

я помню, меня охватывало лишь всепоглощающее и светлое счастье бытия. Больше ничего мне и не нужно было, чтобы быть самой счастливой в мире: ведь я была дома, где-то за кадром наверняка смеялся папа, делая очередной снимок, а рядом мама любяще улыбалась, глядя на меня. И сейчас, спустя двенадцать лет, я смотрю на эти фото и понимаю, что даже спустя всё это время мама всё так же нежно смотрит на меня, а папа всё ещё вытирает мне слёзы, когда жизнь поворачивает совершенно не туда, куда мне хотелось бы, и я снова и снова теряюсь в этом лесу.

Когда я открываю следующую фотографию, мои глаза уже наполнены влагой. На этом снимке я, встав на стул и смешно раздувая щёки, пытаюсь погасить четыре свечки на розовом праздничном торте. Мне исполнялось четыре, я страшно гордилась этим и говорила всем, какая я уже большая. Следом за фотографией идёт видеозапись.

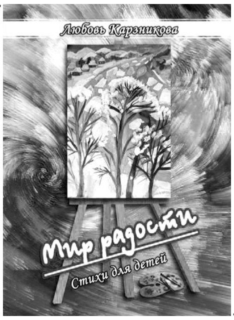
«Даша, вставай на стульчик и задуй свечи»,— говорит мне мама. Я, сонная и всё ещё в пижаме, потерянно оглядываюсь и забираюсь на стул. Смотрю на торт. Не понимаю. «Загадывай желание»,—посмеиваясь, подсказывает папа за кадром. «Какое?»—я удивлённо оборачиваюсь и пытаюсь разглядеть папу за камерой. «А чего тебе больше всего хочется? Много-много конфет загадай, хочешь?» Я качаю головой и задумчиво смотрю на свечки. «Мыльные пузыри»,—просто отвечаю я и изо всех сил дую на торт.

Дальше были фотографии из садика, где я крепко держала за руку лучшую подругу—рыжую, веснушчатую девочку-одногруппницу. Тогда мы были по-настоящему неразлучны, проводили вместе много времени и клялись, что обязательно будем дружить всегда, всю жизнь. Как жаль, что нам не удалось пронести эту дружбу через годы, но люди уходят, а время идёт, и так будет всегда. Люди будут приходить, покидать, взрослеть, меняться и забывать. Но только моя семья, моя главная в жизни опора, будет со мной до последнего.

В итоге весь вечер проходит за просмотром фотографий. Я плачу, вспоминаю, смеюсь и всё больше осознаю, какая же я на самом деле счастливая. Пусть в детстве мир казался больше, полка с книжками—выше, а мечта стать великой—реальнее, сейчас я чувствую, что почти ничего не изменилось, потому что те любящие люди, что меня окружают, всё ещё со мной. Это чувство поглощает и увлекает меня, я чувствую себя обладателем настоящего и безумно ценного сокровища—такого, которое есть у каждого из нас. Мне хочется подойти и крепко-крепко обнять маму, папу и младшую сестрёнку.

Потому что семья—это то, что действительно важно.

ДиН ревю



Любовь Карзникова

Мир радости

Стихи для детей

Красноярск: ИП Феньков С. С., 2018

Муська

Кошка Муська спит на печке.
Мыши пляшут на крылечке:
«Ты нам, Муська, не страшна!»
Кошка тянется со сна.

И мурлычет:
«Мыши, мыши,
Подойдите-ка поближе.
Я закрою глазки,
Промурлычу сказки.
Мышки, всех я вас уважу,
Лапкою я вас поглажу.

Ну а кто не удерёт,
Цап-царап—и прямо в рот».

Колокольчик

Принесла к себе домой
Колокольчик голубой.
На столе стоял в стакане—
Яркий, ласковый, живой.

Солнце скрылось за горой—
Приуныл цветочек мой.
Утром встала, а в стакане
Сник он синей головой.

Я решила: в лес пойду,
Колокольчики найду.
Больше рвать я их не буду.
Посмотрю и отойду.

Мой Красноярский край

Сочинения учеников Жеблахтинской школы (Ермаковский район)

Живёт себе и живёт в Красноярском крае одна из тысяч деревень под названием Жеблахты. Триста пятьдесят лет назад поселился в этих краях первый человек по фамилии Чеблахт. Построил себе жилище на берегу реки Ои. Так и начала обрастать безымянная земля людьми. Позднее и название получила — деревня Чеблахты (Жеблахты).

Село это теперь красиво и зимой, и летом. Живут и трудятся здесь разные люди. Уходят во тьму имена и судьбы старого поколения, а их дети и внуки пишут в двадцать первом веке ко дню рождения Красноярского края о своих Жеблахтах на земле красноярской, о родных и близких, о том, чем они занимаются, как живут, о школе, о природе. Пишут искренне, незамысловато, с душой.

Говорят самые тёплые слова краю-имениннику. С днём рождения, Красноярский край!

НИНА НИКОЛАЕВНА УЛЬЧУГАЧЕВА
директор школы

Каждый человек помнит и любит свою малую родину, место, где ты появился на свет. Любовь к этому месту навсегда остаётся в человеческом сердце. Мне всего девять лет, и у меня рано умерла мама. Мне её заменила моя тётя Ира. Её семья помогает жить и учиться. А ещё у меня хорошие друзья и добрая учительница. В моей деревне есть дома новые, а есть деревянные, старые, есть детская площадка, есть спортивный двор, есть снежные горки. Мы с друзьями собираемся и весело проводим время. Для меня нет лучше и краше моего села Жеблахты, которое расположено на юге Красноярского края.

НАТАША БЫКОВА
3 класс

Я живу в Красноярском крае, в селе Жеблахты. Село наше расположено в живописном месте на берегу реки. Его окружают сосновый бор и горы. Я живу с дедушкой и бабушкой и с моей мамой. Ещё у меня есть старшая сестра, которую я очень люблю. Учусь я в школе. Наша школа самая лучшая в районе. Моя любимая учительница — Наталья Геннадьевна Инина. Она чуткая и внимательная. Я каждый день хожу в школу, а потом гуляю по улицам.

ЗЛАТА КИРИЕНКО
3 класс

Красноярский край — это место, где я родился и живу. Здесь родился и мой брат Егор. Это самое прекрасное место на земле. Называется оно — село Жеблахты. В деревне протекает речка Оя. По берегам реки расположились с одной стороны деревня, а с другой стороны леса и поля. На полях раньше выращивались пшеница, кукуруза, овёс. Теперь поля заброшены, и на них растут сосны. Скоро в моём селе не останется ни одного поля, с которого можно будет собирать урожай. Раньше на поле работал мой папа. Я ездил с ним на комбайне, помогал убирать урожай. Во время отдыха мы с ним пили чай, а потом ехали на зерноток и выгружали зерно для просушки. Когда шла уборка урожая, папа работал не только день, но и ночь, а мы с братом помогали маме дома. Я люблю свой Красноярский край. Я не уеду отсюда никуда. Это моя родина. Здесь мои друзья, братья. Здесь для меня всё родное: школа, дом. Красноярский край — самое дорогое место в моей жизни.

КЛИМ ВАРИК
4 класс

В моей деревне мне живётся очень хорошо. В этой деревне родилась моя мама. У нас есть школа, а в ней учителя. Самый любимый учитель — это директор. Я люблю ходить в Жеблахтах на природу. Однажды я взобрался на гору и увидел столько цветов — просто цветочное море. В деревне течёт речка под названием Оя. Летом здесь много людей. Они купаются, загорают, ловят рыбу. Я очень люблю нашу деревню. Она входит в состав Красноярского края и стоит на трассе Красноярск — Кызыл.

САША АЛЦМАН
4 класс

Мою деревню окружают горы, а на горах лес, цветы, ягоды, грибы. Однажды я пошёл с братом на гору. Мы увидели столько красоты! Собрали с ним много цветов и подарили их нашим мамам. В другой раз мы поймали с братом рыбу, а наши мамы испекли вкусный рыбный пирог. Всё это водится в Красноярском крае.

ДЁМА САУТИН
4 класс

В наших Жеблахтах очень красивая природа: здесь разный лес, горы, речка Оя, поля. Летом здесь как на курорте. А осенью все деревья стоят жёлтые, оранжевые, красные. И земля от этих листиков вся цветная. Зима у нас в Сибири, в Красноярском крае, холодная, выпадает много снега. Мы с родителями ходим зимой в лес на прогулку. Катаемся на санках с горы. Я люблю свой край и мою любимую и заботливую семью.

КРИСТИНА ТАРАСЕНКО
4 класс

Я живу в Красноярском крае, в Ермаковском районе. Моя семья очень большая. Она состоит из семи человек. Нас пять сестёр и двое родителей. Сестёр моих зовут Фая, Марина, Ксения, Дарья. Моя мама работает в школе техничкой, а папа кочегаром. Я люблю свою семью за доброту и за ласку. Мой папа выращивает клубнику, малину и разные овощи. Родители кормят нас разными вкусностями, а излишки мы продаём на рынке. Я тоже помогаю маме и папе торговать. На эти деньги мы покупаем одежду и школьные принадлежности. Дома у нас везде чистота. Папа любит порядок во всём. Мы помогаем мыть посуду, пол, убирать игрушки. Ещё с нами живёт Наташа, мамина племянница, она учится в третьем классе. Моя мама очень добрая, её любят все. Наша семья трудолюбивая. Мы выращиваем утят, цыплят, кур. Чем больше будет таких семей в Красноярском крае, тем край будет богаче. Я люблю свою родину, я здесь родилась.

АЛЁНА КАЙКОВА
4 класс

Я живу в селе Жеблахты. Я здесь родился. Мои бабушка и дедушка живут на улице Сосновой. Напротив улицы растёт хвойный лес. Зимой очень красиво. Выпадает снег и ложится на сосновые ветки. Смотришь, как будто наложили ваты, а если подует ветер, то лес превращается в белый туман. Зимой в лес хожу редко, боюсь упасть и замёрзнуть. Летом играю в лесу, там прохладно. А под ёлочкой закапываю свои секреты. Больше всего я люблю речку Ою. Купаться в тёплой воде могу до бесконечности, но мама волнуется, чтобы я не утонул. Я люблю свою родину, свой край и своё село Жеблахты.

КИРИЛЛ ЧЕРЕМНЫХ
4 класс

Очень красив наш Красноярский край. Не зря он называется Красноярский, от слова «красный» — «красивый». Здесь много кристально чистых рек и голубых озёр. Едешь по дороге и видишь огромные горы, бескрайние леса. Весной особенно чувствуешь запах сырой смолы. Нарисовать это невозможно, но запах этот не забудешь никогда. Рядом со школой тоже красивый сосновый бор. Летом там такой запах смолы, что просто голова кружится. А сколько цветочных полей: на них жарки́, васильки, венерин башмачок, изумительные барашки, ромашки. А сколько рыбы в нашей речке Ое! Ельцы, окуни, щуки, пескари и даже таймени. Я люблю свой край и стараюсь беречь природу родной земли. Приезжайте к нам в Красноярский край.

КАРИНА ШТУКАРИНА
5 класс

Лично я не родилась в Красноярском крае, а переехала сюда в 2016 году. С первого взгляда — край как край и деревня как деревня. Но когда наступают разные времена года, природа преображается. Какие здесь белоснежные, с чёрными пятнышками, берёзы, необъятная тайга, степные просторы, чистая речка! Всё поражает своими красотами. Погода в Красноярском крае непредсказуемая. То вдруг стукнет мороз до минус сорока градусов, то неожиданная оттепель, а летом опять же сильная жара, а на другой день, холодный дождь. Несмотря на это, я полюбила этот край и влюбилась в село Жеблахты. Люблю в любое время года прогуливаться по тихим улицам нашего посёлка. Вы не представляете, какая нынче великолепная зима. Мгновенно засыпает белым пушистым снегом все улицы, переулки и крыши домов. Самая красивая часть зимы — это Новый год, праздник, который любят люди всех возрастов. На Кубани, в Краснодарском крае такой зимы нет.

АНЯ АШЛАПОВА
5 класс

Я с мамой и папой летала отдыхать в Таиланд, во Вьетнам, а этой осенью мы летали в Турцию, где тёплое ласковое море и жарко. Мне всегда хотелось домой, в Россию, в Красноярский край, в село Жеблахты. Это моя малая родина. Когда мы прилетели в Красноярск и сошли с трапа самолёта, мы вдыхали родной запах моей родины. Я очень люблю своё село Жеблахты, свою школу, свой дом и бабушкин дом напротив. Вся моя родня живёт в этом селе. А бабушка Галя и бабушка Вера живут в селе Шушенское. Есть ещё два прадеда, два Семёна. Они — участники Великой Отечественной войны. Я их знаю только по фотографиям. У деда Семёна Смолькина день рождения девятого мая. А прадед Семён Бесхмельницын воевал вместе с маршалом Баграмяном. Это рассказал его сын, мой дедушка Коля. В День Победы, 9 Мая, мы все едем на кладбище, и я кладу на памятник живые гвоздики. Бабушка Вера и бабушка Надя поют военные песни своему отцу. Спасибо всем ветеранам Великой Отечественной войны за то, что мы живём под мирным небом. Над моим любимым селом никогда не будут летать фашистские самолёты. Когда я окончу школу, выучусь на врача

и вернусь в своё село. И своим детям я расскажу, как люблю свою малую родину, своё село, свой дом, свою родню, свою речку Ою, всех своих родных и близких людей.

Соня Варюшкина
5 класс

Наше село находится на юге Красноярского края. Зима здесь менее холодная, чем в северных районах Красноярья. Наша местность имеет богатую и разнообразную природу. В лесах растёт много ягод и грибов, водятся разные дикие животные, а на бескрайних полях произрастает огромное количество полезных и целебных трав.

Благодаря этому разнотравью наша семья держит свою пасеку, с утра до ночи пчёлки трудятся и улетают далеко за пределы пасеки, чтобы принести нектар. Но на этом их усилия не заканчиваются. Когда уже смеркается и вся природа погружается в ночной сон, тогда пчёлам не до сна. Им нужно весь принесённый за день жидкий нектар переработать, убрать из него лишнюю влагу, чтобы получилась тягучая, густая, прозрачная жидкость — мёд. Тысячи пчёлок одновременно быстро машут в улье крылышками, чтобы влага испарялась. Это долгий, трудоёмкий процесс для маленькой букашки. Но пчёлы очень трудолюбивы, поэтому у некоторых просто отпадают крылышки, и они погибают. Работа у пчёл не прекращается ни днём, ни ночью. Поэтому недаром про трудолюбивого человека говорят: трудится как пчёлка.

Я люблю наблюдать за работой пчёл. Это завораживающее зрелище. Особенно мне нравится в разгар медосбора зайти на пасеку и ощутить сладкий аромат мёда, смешанный с цветочными нотками разнотравья. Наш местный мёд особенно полезен, потому что он собран с наших полей. Мы любим холодными зимними вечерами собираться за семейным столом и пить чай с ароматным мёдом. Я очень рад, что наша природа Красноярья так разнообразна. Мы можем использовать её ресурсы, и это ценно. Как здорово, что мы всё это имеем!

Олег Козлитин
5 класс

Мой дом находится в Красноярском крае, в деревне Жеблахты. У нас кругом красивая природа: поля, луга, речка. А дома у нас большое хозяйство: свиньи, лошади, коровы, утки, курицы. Мы любим за ними ухаживать и можем всех научить. Зимой у нас много мяса, есть молоко, яйца. Мы любим наш дом и наше хозяйство.

Рома Абышев
5 класс

Я проведу экскурсию по нашему селу. Здесь зимой и летом необычайно красиво: цветы, зелёные деревья летом, а зимой крутые горки. Летом мы с братьями забираемся на гору с луками, чтобы пострелять по мишеням, а потом идём рыбачить, а то и купаться и загорать. Вот и провёл экскурсию по любимым местам моих Жеблахтов.

Кирилл Семёнов
5 класс

Я родилась и живу в Красноярском крае, в селе Жеблахты. Люди в этом селе приветливые и доброжелательные. У нас в селе остался в живых только один участник Великой Отечественной войны, Кибанов Григорий Егорович. Ему сегодня девяносто семь лет. Раньше он часто приходил в гости в школу, а теперь уже не может. Мы, ученики, его уважаем и стараемся чем-нибудь помочь, но он всегда отказывается. У меня был ещё один дедушка, Петухов Виктор Константинович. Я не видела его, но всё равно горжусь им и тем, что он защищал Ленинград. Их называли «Сибирские медведи».

Ира Лямина
5 класс

Мой Красноярский край простирается от маленькой деревушки Журавлёво в Курагинском районе, которая стоит на берегу живописной и очень холодной горной реки Кизир, до села Жеблахты Ермаковского района, которое тоже стоит вдоль реки, но очень спокойной и тёплой. Имя ей — Оя.

Моя мама из Журавлёво, а папа из Жеблахтов. Я думаю, что я очень счастливый человек, потому что мне посчастливилось жить и видеть красоты двух разных районов одного большого края.

Журавлёво — это деревня среди тайги, больших гор. Я люблю приезжать туда к бабушке. Там природа как из сказки: большие тёмно-зелёные ели, скалы, нависающие над бурной рекой. Очень быстрая, леденящая ноги река с каменным дном, в которой даже в самую жаркую погоду трудно искупнуться. По берегу реки стоят длинные деревянные лодки, их много, потому что рыбаков в деревне тоже много. Через реку построен большой мост. Мы с мамой переходили на другую сторону. А там ещё одна деревенька — Мульга. Папа любит бывать в Журавлёво зимой, потому что снега здесь раза в три больше, чем в Жеблахтах.

Жеблахты — это деревня более современная, потому что она ближе к районным центрам, к городам. Здесь вокруг поля, просторы и очень мною любимый сосновый бор. Река Оя очень спокойная, тихая, с песчаным дном и очень тёплая. Есть удобный пляж, который сама природа разделила на две зоны: детскую, неглубокую, и взрослую, глубокую. Берег пляжа песчаный, что очень напоминает берег моря. Сюда летом приезжают отдыхать люди из ближайших сёл и городов и даже из Абакана.

Моя мама полюбила это место, и поэтому они с папой решили жить в Жеблахтах. Теперь мы

строим большой дом на горе, с окон которого открывается вид на поля, холмы и речку Ою.

Арина Шевченко
6 класс

Мой Красноярский край — это место, где я родился и живу. Что я знаю о моём крае? Это один из самых больших субъектов Российской Федерации. Красноярский край имеет много полезных ископаемых, богат озёрами и реками. Здесь течёт самая крупная река в Красноярском крае — Енисей. В Красноярском крае есть такая достопримечательность, как Ергаки. Это такой природный парк, от которого ты приходишь в восторг. Сюда приезжают иностранные туристы, но чтобы этот парк развивался, туда надо вкладывать деньги. Богат мой край не только природными ресурсами, но и людьми. Здесь жил и писал великие произведения Виктор Петрович Астафьев, здесь родился известный всему миру оперный певец Дмитрий Хворостовский. Родиной художника Василия Сурикова тоже является город Красноярск. Красноярский край прославили олимпийские чемпионы Евгений Устюгов и Александр Третьяков.

Когда я вырасту, обязательно побываю в столице нашего края — городе Красноярске, а может, и прославлю мой край.

Семён Степанько
6 класс

Я живу в Красноярском крае, в деревне Жеблахты. Это моя малая родина. В моём крае много полезных ископаемых, но главное — люди, которые всегда помогут. Со своей семьёй летом мы часто ездим на рыбалку, чтобы не только рыбки поймать, но и почувствовать запах леса, цветов, покупаться в речке, посидеть у костра.

Наша деревня очень красивая. Летом по берегам реки цветёт черёмуха. Запах её, как дымка, плывёт по всей деревне. Особенно это чувствуешь утром и вечером. Откроешь окно — и наслаждаешься красотой родного края. Буду всегда здесь жить.

Альберт Шмидт
6 класс

Красноярский край — моя родина. Край этот необычный — Сибирь всё-таки. Есть суровые горы, есть красивые горки и пригорки, усыпанные цветами и ягодами, есть бескрайние степи, есть могучие реки и тундровые просторы. В нашем крае много людей, которые сражались за родину. Ведь в годы войны на территории Красноярского края была создана Сибирская дивизия. Наших воинов-сибиряков называли «Сибирские медведи». Я много интересного знаю из биографий участников Великой Отечественной войны Виктора Константиновича Петухова, Василия Яковлевича Гаврилова, Александра Абрамовича Орлова, Михаила Дмитриевича Жуланова. Они воевали на Ленинградском фронте, защищали город Ленинград. Израненными и контуженными трое из них вернулись в Жеблахты, а Гаврилов Василий Яковлевич похоронен в братской могиле в деревне Синявино под Ленинградом. Не зря моих односельчан называли «Сибирские медведи». Они были самые выносливые, самые сильные, они сражались за нашу Родину как львы. Когда я вырасту, я останусь жить в Красноярском крае и постараюсь приносить пользу моей стране.

Ренат Шмидт
6 класс

Красноярский край славится полезными ископаемыми, красотой природы, её разнообразием. Здесь берёт своё начало река Енисей, которая впадает в Карское море. Енисей богат рыбой. Водятся таймень, судак, хариус, ленок, горбуша. В Красноярском крае очень богатая тайга: много полезных и лечебных трав, много грибов и ягод. На всю страну известны такие места отдых,а как Ергаки, знаменитые «Столбы». Приезжайте в Ергаки, и вы увидите Каменный город, Висячий камень, Спящий Саян, Мёртвое озеро. На территории Красноярского края и Республики Хакасия находится Саяно-Шушенская гэс, там есть рыбное хозяйство, где разводят форель. Моя любимая деревня Жеблахты тоже находится на территории Красноярского края. Когда идёшь с горки, смотришь направо, а там сосновый бор, и на каждом дереве снежная шапка, посмотришь налево, а там деревня, и горят фонари и медленно из труб идёт дым. Хорошо в деревне, тихо и чисто. Это мой край.

Ваня Фильшин
6 класс

Меня зовут Ростислав. Я родился в Красноярском крае. Второй год как мы переехали из Минусинска на своё поле в Ермаковском районе, недалеко от деревни Жеблахты. Первое, что я заметил: как красива и богата природа вокруг! Возле нашего домика растёт сосновый лес. Он выстроился в виде сердечка, а рядом берёзовая роща, в которую входишь как в старую добрую сказку. Кругом белоствольные берёзки и большая полянка с ярко-оранжевыми жарка́ми. И как же хорошо дышится тут! В лесу, как в супермаркете, большое разнообразие ягод и грибов. В нашем лесу живут ласка, кабаны, козы, зайцы, прилетает сова, приходит лис, иногда набегают барсуки.

Мне очень нравится жить в поле, на природе. Я хочу, чтобы моё поколение переезжало жить на поле, в лес, тогда больше будешь любить природу и ценить эту землю — Красноярский край.

Ростислав Рыбкин
6 класс

В Красноярском крае, в селе Жеблахты, по улице Школьной живёт мой дедушка, Ульчугачев Геннадий Георгиевич. Он очень хороший рыбак и хороший человек. Он всё знает про рыбалку. Может сам мастерить удочку, сделал палатку зимнюю, чтобы рыбачить зимой на льду прямо в палатке. Рыбачит всегда только удочкой. Дедушка — настоящий добытчик и мастеровой. Он никогда не заблудится в лесу, он никогда не придёт из леса пустой. Приносит грибы, ягоды, травы лечебные, цветы для бабушки. Дедушка семнадцать лет работал в колхозе агрономом, а потом ушёл. Теперь поля все заросли деревьями, и деда Гена из-за этого страдает. Все пашни называет по фамилиям и говорит, что когда-то эта земля принадлежала этим людям. В молодости дедушка учился в Красноярске, в совпартшколе, на агронома. Он любит землю и любит на ней трудиться.

ГЛЕБ УЛЬЧУГАЧЕВ
7 класс

Для меня Красноярский край — это мой дом. Мой край удивителен. Он огромный, богатый, славится своей природой, животным миром. В Красноярском крае нашлось место и для нашего села Жеблахты. В селе протекает моя жизнь. Здесь мои друзья, семья, мой дом и любимая школа. Здесь я учусь быть человеком. Учат меня этому окружающие люди. Население у нас небольшое, поэтому все друг друга знают. Люди трудолюбивые и доброжелательные, всегда готовы прийти на помощь. К нам даже из Германии приехали две многодетные семьи. Им нравится у нас.

А какая природа вокруг нашего села! Летом все дети, в том числе и я, любят купаться в реке Оя. Зимой строим снежные крепости и лепим снеговиков. Порой идёшь зимой из школы и слушаешь, как щебечут воробьи, наблюдаешь, как переливается на солнце снег. Из головы выходят все ненужные мысли, и чувство лёгкости не покидает тебя до самого дома.

Конечно, Красноярский край — обычная земля, но за свою жизнь лучше родного края я не видела, хотя ещё и не была нигде.

КРИСТИНА ЛЯМИНА
7 класс

Я люблю мой Красноярский край, потому что тут хорошие люди и есть красивые места. Здесь я вырос. Расскажу про себя одну историю. Когда был маленький, у мамы пропало молоко, и я питался только молочной водой. Тогда я начал сильно худеть, и мама это заметила. Мы поехали в Ермаковскую больницу, а там проходил практику студент из Красноярского медицинского университета. Он взял меня под своё крыло и вылечил. Хочу надеяться, что если тот врач живёт в Красноярском крае, то пусть услышит мои слова: дорогой врач, я вам очень благодарен за то, что вы помогли мне выжить!

ЕГОР ВАРИК
7 класс

Я живу в самом красивом месте России — в Красноярском крае. Приезжайте когда-нибудь в наши Жеблахты. Мой дом по улице Ойской стоит у самой горы. А на горе белой кипенью зацветает весной черёмуха. И запах разносится по всему селу, как в песне «А за рекой черёмуха, и в селе черёмуха…». Просыпаюсь рано утром, открываю окно и не могу надышаться сладким запахом черёмухи.

ДАША ШАФРАНОВА
7 класс

Красноярский край — родной и близкий сердцу уголок России. Это один из самых больших регионов нашей необъятной Родины. Здесь протекает самая многоводная река России — Енисей. Для меня Красноярский край — это, в первую очередь, национальный парк Ергаки. С этим местом у меня связано множество воспоминаний.

Этим летом мы поехали на отдых в Ергаки. По дороге мы веселились: пели песни, фотографировались, любовались природой. И вот, наконец, Висячий камень. В этот раз подниматься к нему было намного удобнее — благодаря ступенькам. На обратном пути мы с сестрой сумели заблудиться. Здесь, в горах, на нас вдруг стали находить огромные, появившиеся из ниоткуда тучи. Сразу стало ясно, что сухими до машины не доберёмся и нужно срочно доставать дождевики. Достать я достала, а вот надеть — не надела. Почему? Это науке и памяти моей неизвестно. Дальше начал идти дождь, да такой сильный, что было больно щекам и рукам. Начался град. С каждым ускоренным шагом град не отставал от нас, а накатывал ещё больше и больнее. Маше, моей сестрёнке, было хорошо — она же была в дождевике, а я продолжала свой держать в руках. Наконец добежали до машины, я вся промокла и только теперь опомнилась, что в руках держу свой свёрнутый дождевик. Маруся же перед машиной вдруг протянула мне букетик жёлтых цветочков и говорит: «А это мы маме увезём, в подарок». Какая же умница наша Маруся-первоклассница!

Вот такая история приключилась в Ергаках. Она запомнилась мне как самая лучшая и самая тёплая. Мы ещё обязательно привезём маме букетик цветов с «Красноярских Столбов» и Боруса.

АНАСТАСИЯ БАРСУК
11 класс

Сочинения учеников Литературного лицея на тему

«Закон Мёрфи, или Закон падающего бутерброда, или Закон подлости»

Этот закон можно по-разному сформулировать, но если кратко, то так: «Если какая-нибудь неприятность может произойти, она случается».

Иногда обидно, что так происходит не только с бутербродами с маслом, что закон действует во всём.

Например, ты хочешь общаться с какими-то людьми, но у них никогда нет на тебя времени, а когда всё это общение становится тебе не нужным, все сами к тебе липнут.

Странно, что этот закон работает только тогда, когда мы волнуемся, напрягаемся и хотим сделать всё хорошо. Может быть, чтобы это правило не работало, не нужно лишний раз «париться» из-за чего-либо,—и всё получится!

ТАМАРА ГОЛОВИЗНИНА
8 класс

Если прийти в школу зимой в чём-нибудь лёгоньком, то в школе обязательно будет холодно.

Если день с утра кажется прекрасным, то днём станет чуточку хуже, потом ещё хуже… и к вечеру обязательно произойдёт что-нибудь неприятное.

Если мечтаете сегодня прийти домой, закутаться в плед, включить телевизор и попить горяченького зелёного чайку, то на вас обязательно свалится тысяча причин, чтобы этого избежать.

Если будете налегать на один школьный предмет, то второй у вас обязательно запустится.

Если в городе откроют какой-нибудь сквер, знайте, что через месяц там невозможно будет гулять из-за огромной толпы или какой-нибудь аварии.

Если ждёте какую-нибудь книгу, то она не всегда будет такой же интересной, как та, что вы уже прочитали.

Если вы захотите попробовать какую-нибудь еду, которую увидели в рекламе, не покупайте—обязательно разочаруетесь!

Думаете избежать контрольной, если учитель сказал: «Будете себя хорошо вести—контрольной не будет»? Не надейтесь, кто-нибудь всё равно ослушается.

Бывает, покупаешь что-нибудь и думаешь: «Может, взять побольше?» Бери, но тогда всё не съешь. Не бери, но тогда тебе не хватит.

Напоследок я скажу: лучше поверьте в этот закон и не пытайтесь его опровергнуть!

ПАВЕЛ ПЕТРУЛЕВИЧ
8 класс

Никто не задумался над тем, что закон Мерфи может быть не только подлым, но и полезным и даже спасёт вам жизнь.

К примеру, идёте вы по улице, подходит к вам незнакомый человек, протягивает вам яблоко—и убегает.

Вы с удовольствием смотрите на дар незнакомца, подносите его ко рту, чтобы откусить, но тут, по закону подлости, яблоко выскальзывает из ваших рук и падает в грязь. Вы смотрите на яблоко с сожалением и со вздохом разочарования уходите прочь.

А затем экспертиза устанавливает, что яблоко было отравлено!

Ну что, убедились, что закон Мерфи не такой уж и плохой?

СЛАВА МАЛЫШЕВ
7 класс

Красноярский городской конкурс школьной публицистики «Суперперо-2019»

Владислава Мицукова

Школа №10, 9 класс

Чего желаешь ты, Душа дурака?..

Душа дурака театра просит. Нагло просит. Я ей: «Вон, бесстыжая!..» И она отходит. Не остаётся требовать, как истинная душа артиста, а отходит в сторонку писать стихи о том, как ей хочется и не можется. Глупая Душа. Она мне очень напоминает женщину. Её так удачно посватали! Давно, в детстве ещё. В Москву, говорят, поедешь благодаря Литературе! Но токмо если угождать будешь. Холить, лелеять, воспитывать по-правильному… Но ты ничего! Не зря же тебя так удачно выбрали… Красивая ты, необычная, то-о-о-оненькая (при этих словах Душу обязательно должны ущипнуть, и никак иначе).

А Душа и не против. Красота, ум, благосклонность к ней Литературы не может оставить её равнодушной. С детства они знакомы и всё время практически неразлучны… Родные рады: славно всё сложилось!

Душа не спит ночью, как положено всякому, кто обручён с Литературой и обречён служить ей верой и правдой. Но не спит Душа совершенно по иной причине…

Вчера приходил Театр… Душа так отчётливо ощутила родственную душу, так дышала вчера в унисон с Театром! Оказалась с ним на одной волне! И сегодня она уже сказала, что не хочет быть суженой Литературы. Но продолжает отношения с ней, и довольно близкие. Буквально живёт ею в мыслях, а чувства говорят Душе, что Театр ей ближе.

И вот однажды, в лунную ночь, под звуки пения соловья, из уст Души вырвалось признание…

— Я люблю тебя, Театр,— говорит Душа.

— Да и я тебя тоже люблю, Душа моя,— говорит Театр.

Душа сначала не поверила, усомнилась в искренности Театра.

— Да ничего-то ты не любишь! У тебя таких, как я, миллионы. Но я буду стараться! Буду… Буду уживаться с тобой, заботиться о тебе как никто!

Театр исчезает, и появляются родные Души.

— Ты хочешь стать рабой? Совершенно напрасно. Да не любит он тебя, выбросит, как последнюю собаку,— пытаются вразумить глупую Душу.

— Вы не верите в меня, вы!..— кричит Душа, а потом садится и плачет.

Вся такая нежная в своём тонком платье. И вот сейчас она особенно красива.

— А из этого можно что-то сделать, артистку сотворить,— задумывается Театр,— запомни это, запомни.

— Да… Мне это нравится. Это хорошо. Она будет моей, будет служить мне,— говорит Литература.

— Иди ко мне,— говорю я,— иди ко мне… Я не буду тебя успокаивать. Тебе полезно оказаться в такой ситуации. Тебя не нужно беречь, ты должна сделать выбор, и только ты… Но знай, что бы ни случилось, ты *права*. Я доверяю тебе. Не им, родным и благожелателям, а тебе, красивая Душа дурака.

стр. 23
Ануфриев Игорь Владимирович
Пермь, 1959 г. р.

Композитор и протоиерей. Родился в Перми. Начал заниматься музыкой с 10 лет. Окончил Пермское музыкальное училище и Московский государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных по специальности «Композиция». Один из основателей и первый председатель Пермского отделения Союза композиторов России. В 1995 году при Пермском отделении Союза создал (вместе с Валерием Грунером и Анатолием Жоховым) первую в России и Европе детскую школу композиции. В 1988 году за балет «Холодное сердце» по сказке Вильгельма Гауфа ему присуждена премия Союза композиторов России имени Д. Д. Шостаковича. В этом же году рукоположен в сан диакона, а в 2000-м — в сан священника. С 2011 года — протоиерей. Служил в Свято-Троицком Стефановом монастыре Перми, Свято-Троицком кафедральном соборе, храме-часовне св. Стефана Великопермского. С 2003 по 2009 год — проректор Пермского духовного училища. В дальнейшем — директор Пермского регентского училища, проректор Пермской духовной семинарии. В настоящее время — настоятель храма св. великомученика Георгия Победоносца в Перми, духовник Пермской духовной семинарии. Член Общественной палаты Пермского края. Среди сочинений — симфония для большого симфонического оркестра «Звоны и песнопения», кантата-акафист для хора и симфонического оркестра «In Pace», «Поэма-молитва» для вокального ансамбля, скрипки, флейты, кларнета и синтезатора, музыкально-драматический цикл «Стихи Чердыни Великой» для сопрано, чтецов и мужского вокального квартета. Последнее сочинение неоднократно исполнялось в России и за рубежом. Живёт в Перми.

стр. 137
Басалаева Елена
Красноярск, 1987 г. р.

Выпускница Красноярского литературного лицея. В 2009 году с отличием окончила филологический факультет Сибирского федерального университета. Преподаёт русский язык и литературу в Красноярской гимназии №13. Публикации на сайтах «Добрая лира», «Город детства», в журнале «День и ночь» и др. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Большой финал» (Мурманская область) и журнала «День и ночь» за 2019 год.

стр. 23
Беликов Юрий Александрович
Пермь, 1958 г. р.

Поэт, эссеист, публицист. Родился в городе Чусовом Пермской области. Окончил филфак Пермского госуниверситета. Автор книг «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой», «Я скоро из облака выйду». Обладатель Гран-при и звания «Махатма российских поэтов» (всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», Алтай, 1989), лауреат международного фестиваля театрально-поэтического авангарда «Другие» (2006) и литературных премий имени Павла Бажова (2008), имени Алексея Решетова (2013), общенациональной премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» (2014). Основатель поэтических групп: «Времири» (конец 70-х), «Политбюро» (конец 80-х), «Монарх» (конец 90-х). Лидер движения «дикороссов» и составитель книги «Приют неизвестных поэтов» (Москва, 2002). В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность». Был собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», «Литературной газеты», спецкором «Труда». Стихи публиковались в журналах «Юность», «Знамя», «День и ночь», «Арион», «Дети Ра», «Флорида» (США), «Зарубежные записки» (Германия), «Киевская Русь» (Украина), «Иерусалимский журнал» (Израиль), в альманахе «День поэзии. XXI век», в антологиях «Самиздат века», «Современная литература народов России», «Антология русского лиризма. XX век», «Молитвы русских поэтов». Награждён орденом-знаком Велимира «Крест поэта», орденом Достоевского I степени и медалью «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе». Член редколлегии журнала «День и ночь».

стр. 107
Брель Сергей Валентинович
Москва, 1970 г. р.

Родился в Москве. Окончил Московское педагогическое училище №1 имени К. Д. Ушинского, затем Московский открытый педагогический университет имени М. А. Шолохова по специальности «Учитель русского языка и литературы». Кандидат

филологических наук. В 2009 году окончил Высшие курсы сценаристов и режиссёров в Москве (мастерская Л. Голубкиной и О. Дормана, специальность «Драматургия игрового и неигрового кино»). Автор двух поэтических сборников: «Мир» и «Свой век». В 2007 году с С. Арутюновым и М. Лаврентьевым основал литературную группу «Дети ампира», выступления которой проходили в Москве. Член Союза писателей XXI века. Преподаёт русский язык, литературу, мировую художественную культуру, ведёт открытый семинар для школьников и студентов «Современная драматургия и основы сценарного мастерства».

стр. 69
Васильев Геннадий Михайлович
Красноярск, 1959 г. р.

Журналист, поэт, исполнитель авторской песни. Родился в Томске. Отслужил в армии, потом по комсомольской путёвке оказался на КАТЭКе, в Шарыпово. Учился заочно в Иркутском университете на факультете журналистики. Работал в газетах «Красноярский комсомолец», «Свой голос», «Евразия», «Деловая Сибирь», вёл еженедельную программу на красноярской студии «Авторадио», участвовал во всевозможных медиапроектах. Участник Всероссийского совещания молодых литераторов в Ярославле в 1996 году.

стр. 80
Востриков Сергей Владиславович
Воронеж, 1971 г. р.

Поэт. Автор четырёх стихотворных сборников. Финалист конкурса поэтов Лабиринт.ру «Музыка слов-2015» с последующим участием в сборнике «100 новых имён». Автор публикаций в сборнике стихов лауреатов третьего конкурса «Пятая стихия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва (2016) и в антологии современной русскоязычной поэзии начала XXI века «Отражение настоящего времени», представленной на XII Санкт-Петербургском международном книжном салоне (2017).

стр. 78
Ерёмин Николай Николаевич
Красноярск, 1943 г. р.

Родился в городе Свободном Амурской области. Окончил медицинский институт в Красноярске и Литературный имени А. М. Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 года и Союза российских писателей с 1991 года. Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья». Выпустил в свет 6 томов собрания сочинений. Лауреат премий «Хинган» и «Нефритовый Будда». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института-2011» в номинации «Классическая лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» имени Н. А. Некрасова. Награждён Почётной грамотой Министерства культуры РФ.

стр. 119
Зубарева Вера Кимовна
Филадельфия (США)

Поэт, писатель, литературовед и режиссёр, автор 18 книг поэзии, прозы и литературной критики на русском и английском языках. Родилась в Одессе. В 1995 году защитила докторскую диссертацию по теории чеховской комедии в Пенсильванском университете, где в настоящее время преподаёт чеховскую комедию, а также искусство принятия решений в литературе, кино и шахматах. Лауреат многих международных премий. В 2012 году была объявлена первым лауреатом премии имени Беллы Ахмадулиной.

стр. 28
Коряков Юрий Михайлович
Красноярск, 1962 г. р.

Родился в городе Абакане. В 1983 году окончил Омское Высшее общевойсковое командное училище имени М. В. Фрунзе. В период с ноября 1986 по август 1988 года, проходил службу в Республике Афганистан в должностях от командира мотострелкового взвода до командира роты.

стр. 181
Косяков Дмитрий Николаевич
Красноярск, 1983 г. р.

Выпускник филологического факультета Красноярского государственного университета, «Школы культурной журналистики» Фонда Михаила Прохорова. Арт-критик и искусствовед, журналист, поэт-мелодекламатор, основатель дайв-театра, автор и ведущий дискуссионных клубов, преподаватель, сценарист кино и театра. Публикации в журналах «День и ночь», «Дети Ра». Живёт в Красноярске.

стр. 91
Кузнецова Зинаида Никифоровна
Зеленогорск

Родилась в Воронежской области, в большой крестьянской семье. В Красноярск-45 (ныне Зеленогорск) приехала в 1966 году. Работала электромонтёром связи на Красноярской ГРЭС-2, в течение 37 лет была секретарём высших руководителей города. Литературным творчеством занимается с 25 лет. Автор поэтических сборников «Настроение», «Медовый август», «Ночной звонок», «Память сердца», «Облака», «Куст калины» (1-й том 2-томника), «Забытые острова», сборников рассказов «Райские яблоки», «Болеутоляющее средство», «Белый снег, дорожка чёрная…». Многочисленные публикации в газетах, в журналах «День и ночь», «Енисей», «Светлица», «Совершенно открыто», «Молодая гвардия», «Новый Енисейский литератор», в коллективных сборниках «Поэзия на Енисее», «Поэтессы Енисея», «Антология поэзии закрытых городов» и мн. др. Руководитель литературного объединения «Родники» города Зеленогорска, составитель и редактор коллективных и авторских сборников городских поэтов. Член

Союза российских писателей, член правления Красноярской писательской организации.

стр. 82 **Кузнечихин Сергей Данилович**
Красноярск, 1946 г. р.

Родился в посёлке Космынино под Костромой. Вырос в центре России (Костромская, Ярославская и Тверская области), но любимые места и любимые реки—на востоке. После окончания Калининского политехнического института взял распределение в город Свирск Иркутской области. Потом перебрался в Красноярск. Около 20 лет отработал в пусконаладочном управлении—постоянные и долгие командировки от Урала до Чукотки. Автор десяти стихотворных сборников. Первый рассказ напечатал в 1981 году в альманахе «Енисей». Первая книга прозы, «Аварийная ситуация», вышла в издательстве «Советский писатель» в 1990 году. Потом выходили «Омулёвая бочка» (Красноярск, 1994), «Забавный народ» (Красноярск, 2007), «Бичрыба» (Москва, «Эксмо», 2014), «Седьмая жена Есенина» (Москва, «Эксмо», 2017), «Игры на интерес» (Москва, «Эксмо», 2018), «Блюститель» (Издательский дом «Выбор Сенчина», 2017), «Закрытый перелом» (Красноярск, 2017), «Где наша не пропадала» (Москва, «Вече», 2020). Был составителем в книжной серии «Поэты свинцового века» (подготовил сборники А. Барковой, А. Тинякова, Н. Рябеченкова, А Кутилова). Составил антологию интимной лирики «Свойства страсти». Печатался в «Литературной газете», в журналах «Енисей», «Дальний Восток», «Радуга», «Сибирские огни», «День и ночь», «Киевская Русь», «Наш современник», «Дети Ра», «Арион», «Юность», «Подъём», в альманахе «День поэзии» и др.

стр. 60 **Образцов Александр Алексеевич**
1944–2017

Родился в городе Свободном. Стартовал оттуда, где теперь космодром «Восточный». После школы переехал в Ленинград. Работал компрессорщиком в «Ленметрострое», плавал на лихтере по Волго-Балту. Окончил Литературный институт. Более известен как прозаик (автор многих книг), драматург (пьесы ставились в Москве, Петербурге, европейских театрах, США), публицист. Между тем начинал как поэт в знаменитом ЛИТО ДК имени Горького на площади Стачек и всю жизнь писал стихи.

стр. 74 **Орлов Александр Владимирович**
Москва, 1975 г. р.

Окончил Московское медицинское училище №1 имени И. П. Павлова, Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работал ортопедом в челюстно-лицевом госпитале для ветеранов Великой Отечественной войны, разнорабочим, начальником отдела и заместителем генерального директора в частной компании, последние годы работает учителем истории в столичной школе. Автор нескольких книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийского конкурса малой прозы имени А. П. Платонова (2011), Всероссийского конкурса малой прозы и поэзии имени Ф. Н. Глинки (2012), Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014). Публиковался в широком круге изданий: «День и ночь», "Дети Ра", "Зинзивер", «Литературная газета», «Литературная Россия», "Литературная учёба", «Сибирские огни», «Южное сияние», «Юность», в сборниках и антологиях.

стр. 96 **Пашкевич Ольга Иосифовна**
Якутск, 1960 г. р.

Выпускница Иркутского государственного педагогического института, работает в системе подготовки кадров для речного транспорта. Кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей России. Автор восьми книг стихов и прозы. Печаталась в изданиях «Полярная звезда», «Роман-журнал XXI век», "Литературная газета", «Невский альманах», «Ала-Тоо», «Крым», «Север», «Причал», «Огни Кузбасса» и других. Лауреат региональной премии имени Кирилла и Мефодия, лауреат Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова» (Анапа, 2017, 2018). Заслуженный работник культуры Республики Саха (Якутия).

стр. 18 **Пшеничников Виталий Фёдорович**
Красноярск, 1948 г. р.

Родился в лесопункте Хабайдак Уярского района Красноярского края. Учился в Красноярске. Окончил техническое училище, работал слесарем, затем слесарем-испытателем на заводе «Красмаш». Заочно окончил юридический факультет Красноярского государственного университета, работал следователем прокуратуры города Канска, прокурором Новосёловского района, с 1985 года по декабрь 2009 года—судьей федерального суда Советского района Красноярска. Находится в почётной отставке. Член Союза писателей России с 2009 года. Печататься начал с 2004 года, издав сборник рассказов «Приговор», в основу которых положен материал из следственной и судебной практики. Автор изданных книг «Служу отечеству», «Надежда умирает последней», «Заглянуть за перевал», «Сладкий вкус смерти», «Записки полярного лётчика», «Река жизни», «Войну не оставить за порогом», «Операция „Ловля на живца“». Публиковался в альманахах «Московский Парнас», «Новый Енисейский литератор», журналах «Приокские зори», «День и ночь». За литературную деятельность в 2005 году награждён дипломом и медалью имени Альберта Швейцера «За гуманизм и служение народу» Европейской академии наук (Ганновер, Германия). В 2010 году

за романы «Река жизни» и «Войну не оставить за порогом» награждён международным дипломом и золотой медалью конкурса имени Валентина Пикуля. Лауреат альманаха «Московский Парнас» (2008). Призёр литературного конкурса малой прозы «Триумф короткого сюжета» в номинации «Пространство времени» с произведением «Сквозь пространство и время» (2011). Награждён медалями: «15 лет вывода советских войск из ДРА», «За мужество и гуманизм», «За верность долгу и отечеству», «К 100-летию со дня рождения Героя Советского союза генерала Маргелова».

стр. 7
Ромашков Юрий Валерьевич
Енисейск, 1988 г. р.

Родился в Красноярске. Затем переехал в деревню Старая Кузурба Ужурского района. В конце 1990-х новый переезд — на этот раз Шарыповский район, деревня Александровка. В 2009 году окончил исторический факультет Енисейского педагогического колледжа. После службы в рядах Вооружённых сил РФ поступил на исторический факультет Красноярского педагогического университета имени В. П. Астафьева, который окончил в 2014 году. С 2011 года и по сей день работает научным сотрудником фондов Енисейского краеведческого музея имени А. И. Кытманова. Историко-литературные этюды Юрия Ромашкова, которые периодически печатаются в местных газетах, стали заметным явлением в культурной жизни Енисейска. В 2014 году вышел первый сборник стихов «Стихи из-под шкафа».

стр. 64
Саввиных Марина
(Наумова Марина Олеговна)
Красноярск, 1956 г. р.

Выпускница филологического факультета Красноярского педагогического института. Публикации в литературной периодике с 1973 года: журналы «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Москва», «Дети Ра», «Северная Аврора», «LiterаruS» (Хельсинки), «Побережье» (Нью-Йорк), «Образы жизни» (Сан-Франциско), еженедельник «Обзор» (Чикаго), коллективные сборники и антологии. Автор 10 книг стихов, прозы, художественной публицистики. Лауреат премии Фонда имени В. П. Астафьева (1994), Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014), X Всероссийского поэтического конкурса «Мечети — Божьи храмы» (2016). Член Союза российских писателей, Международного Союза писателей Иерусалима, Международного ПЕН-клуба, Гильдии межэтнической журналистики. Член президиума Международного Союза писателей XXI века. Автор проекта, организатор и первый директор Красноярского литературного лицея. Заслуженный работник культуры Красноярского края. Награждена орденом общественного признания имени Достоевского I степени и медалью «Василий Шукшин».

стр. 170
Степанов Александр Валентинович
Санкт-Петербург, 1964 г. р.

Родился в Ленинграде. Образование высшее. Стихи публиковались в журналах «Аврора», «Наш современник», «Нева», «Новая Юность», «Молодая гвардия», «Север», «Москва». Автор сборника стихов «Клеймо» (г. Подпорожье, 1999).

стр. 176
Суслович Борис
Холон (Израиль), 1955 г. р.

Родился в Днепропетровске. Окончил мехмат ДГУ, программист. Стихи и проза публиковались в журналах «Новая Юность», «Крещатик», «7 искусств», иерусалимском альманахе «Огни столицы», российско-израильском альманахе «Диалог», на сетевом портале «Точка зрения». В 2006 году вышел поэтический сборник «Просыпается слово», в 2014-м — сборник стихов и прозы «Царскосельский Эйлат».

стр. 178
Сухов Валерий Алексеевич
Пенза, 1959 г. р.

Родился в селе Архангельском Пензенской области. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В. Г. Белинского и аспирантуру при Московском педагогическом университете (1997, тема диссертации: «Сергей Есенин и имажинизм»). Работал учителем в сельской школе, преподавателем педагогического училища, с 1988 года — на кафедре литературы и методики Пензенского государственного педагогического университета, доцент. В сфере научных интересов — история русской литературы XX века, русский имажинизм, творчество С. Есенина и А. Мариенгофа, автобиографическая и мемуарная русская проза XX века. Автор монографии «Очерки о жизни и творчестве Анатолия Мариенгофа» (2007), шести поэтических книг: «Вербное воскресенье», «Благословение», «Неопалимая полынь», «Родное Архангельское» и др. Стихи публиковались в журналах «Сура», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём», «Русское эхо», «Странник», «Простор», «Нижегородская провинция», в «Литературной газете». Лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова (2009), Международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами…» (2010). В 2015 году награждён памятной медалью «Сергей Есенин». Член Союза писателей России.

стр. 76
Федотов Станислав Петрович
Реутов, 1938 г. р.

Выпускник радиофизического факультета Томского госуниверситета по специальности «физик-радиоэлектроник». Литературная работа началась

с публикации стихов в молодёжной газете в 1956 году. Автор более десятка книг стихотворений и поэм, нескольких пьес (четыре поставлены в театрах Томска, Благовещенска и Москвы), двух романов (3-томный историко-приключенческий «Под знаком Амура» выдержал четыре издания: в Москве (серия «Сибириада») и Благовещенске; «Волны Русского океана» вышел в серии «Сибирский приключенческий роман»), повести «Катрин» («Роман-газета»), сборника драматургии. Лауреат Международной литературной премии имени В.С. Пикуля «За развитие традиций русского исторического романа» (2013) и премии «Рукопожатие» (1999). Дипломант Всероссийского конкурса молодых драматургов имени Н. Погодина (1976). Член Союза писателей России.

стр. 67

Чмыхало Анатолий Иванович

1924–2013

Русский писатель, фронтовик, заслуженный работник культуры РФ, почётный гражданин города Красноярска. Родился в селе Вострово Алтайского края. Вырос в крестьянской семье. Окончив в 1941 году школу в Алма-Ате, поступил в юридический институт, но со второго курса ушёл на фронт. В 1943 году, форсируя Днепр, получил тяжёлое ранение, был контужен. За заслуги перед Родиной награждён орденами Отечественной войны I и II степеней и многими медалями. Демобилизовавшись, продолжил учёбу в Алма-Атинском юридическом институте. В 1947 году переехал в Красноярский край. Работал в Ачинском драмтеатре, в газете «Красноярский рабочий». Начинал как поэт. В 1951 году в городе Абакане вышла первая книга стихов «Земляки». В конце 1950-х годов, обратившись к истории, взялся за роман «Половодье» — о борьбе сибирских крестьян за свою власть в 1918–1919 годах. Позже продолжил эту тему в романе «Отложенный выстрел». Его перу принадлежит книга об освоении целины «Нужно верить»; судьбам своего поколения Анатолий Чмыхало посвятил роман «Три весны». В 2007 году писатель публикует дилогию в стихах и прозе «В царстве свободы», которая звучит как исповедь целого поколения — обманутого и героического, грешного и святого, поколения победителей, заплатившего страшную цену за свои великие идеи и заблуждения. В последний период писатель вновь возвращается к стихам: в 2009 году выходит его сборник «Самородки. Нецензурные стихи», в 2011 году вышла вторая часть этой поэтической дилогии — «Россыпи. Озорные стихи». История создания города Красноярска и другие происходившие на нашей земле важнейшие исторические события отражены в романах «Дикая кровь» и «Опальная земля». С 1963 по 1976 год возглавлял Красноярскую писательскую организацию и работал главным редактором альманаха «Енисей», долгие годы руководил литературным объединением творческой молодёжи Красноярска. По его инициативе в Красноярске в 1970-х годах проходили «Енисейские встречи»: они собирали здесь десятки самых известных писателей и поэтов всего Советского Союза, и память о них жива до сих пор. Заслуги писателя в русской литературе отмечены орденами Дружбы, «Знак Почёта», другими правительственными наградами. За особые заслуги в деле сохранения и преумножения историко-культурного наследия народов России награждён медалью Российского союза исторических городов и регионов, наградой Красноярского края «Признание».

стр. 157

Шульгина Ирина Михайловна

Москва, 1951 г. р.

Прозаик, автор рассказов, эссе, документально-художественного романа «Хроники прошедшего времени». Родилась в Москве, в семье литераторов. Окончила геологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, принимала участие в исследованиях и разработке золоторудных месторождений Магаданской области. С начала 2000-х годов работала в коммерческих издательствах. Профессиональный путь позволил встретиться с людьми самых разнообразных характеров и судеб, наблюдать человеческие поступки в различных, порой форс-мажорных, обстоятельствах. Этот опыт, помноженный на привитые с детства вкус и интерес к художественному слову, побудил в конце концов самой взяться за перо. Печататься начала в конце 90-х годов. Публиковалась в журнале современной прозы «Наша улица» (Москва), литературном журнале Союза писателей Москвы «Кольцо „А“», литературно-художественном и культурологическом международном журнале «Меценат и мир», русско-еврейском историко-литературном альманахе «Параллели» (Москва), экуменическом журнале «Истина и жизнь» (Москва), международном литературно-художественном журнале «Гостиная» (Филадельфия), литературном журнале «День и ночь» (Красноярск). Участник Международного литературного форума «Славянская лира-2018» (Минск) в номинации «Малая проза».

стр. 3

Щербаков Александр Илларионович

Красноярск, 1939 г. р.

Родился в Красноярском крае, в селе Таскино, в старообрядческой крестьянской семье. Образование: история и филология, экономика и журналистика. Работал учителем, корреспондентом краевых и центральных изданий, возглавлял Красноярское отделение Союза писателей России. Автор двух десятков книг стихотворений, прозы, публицистики, повести «Свет всю ночь», сборников рассказов «Деревянный всадник», «Лазоревая бабка», «Змеи оживают ночью», поэтических книг

«Трубачи весны», «Глубинка», «Горлица», «Жалейка», «Дар любви». Печатался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Уральский следопыт», «Сибирские огни», «Огонёк» и др. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Академик Петровской академии наук и искусств.

стр. 173 Юшманова Варвара Алексеевна
Москва, 1987 г. р.

Родилась в Братске. Поэт, журналист, редактор. Окончила Ульяновский государственный университет по специальности «Журналистика». Публиковалась в сборниках «Братск — Пушкину», «Жизнь творчества» (Братск), журналах «Волга — XXI век» (Саратов), «День и ночь» (Красноярск), «Новая реальность», «Русская жизнь». Финалист Международного литературного Волошинского конкурса (2013). Лауреат премии имени Риммы Казаковой «Начало» (2014).

стр. 103 Якутский Александр
Санкт-Петербург, 1971 г. р.

Родился в Запорожье. Учился в Якутском госуниверситете на физическом факультете. В 2002 году перебрался в Петербург. В последние годы половину времени проводит в Юго-Восточной Азии. Работал в геологоразведке, в журналистике, в IT. В настоящее время — программист. Автор книги «Энциклопедия полезных программ» для компьютерных пользователей (2005). Слушатель курсов литературного мастерства Дмитрия Орехова и Андрея Аствацатурова. Публикации в сетевых литературных изданиях.

ДиН ревю

Наталья Потапова

Лекарство от боли

Челябинск: издательский центр «Павлин», 2019

Этот сборник рассказов при желании несложно было бы превратить в повесть. За небольшим исключением, рассказы в этой книге объединяют боли, радости, сомнения и открытия юных героинь — девочек-подростков и молодых девушек, входящих или только что вошедших в мир взрослых. У них разные имена, но схожие судьбы, родственные проблемы. А взрослый мир, как правило, встречает их сурово, серьёзными испытаниями.

Наверное, это потому, что рассказы Натальи Потаповой преимущественно автобиографичны. Автор черпает сюжеты из своего детства, оживляет их собственными ассоциациями, вызывая и у читателя эхо ассоциаций в ответ.

Считаю, что эти рассказы будет полезно прочесть не только подросткам, но и их родителям. Может быть, тогда взрослым будет легче понять своих детей. Лично мне образы девочек, с любовью и бережностью выписанные Натальей Потаповой, напоминают героев трогательных фильмов Динары Асановой. И те, и другие вырастают, преодолевая конфликты не столько с чужими, сколько с близкими людьми. Непонимание родного человека ранит гораздо сильнее.

В основе большинства рассказов лежат именно такие остро ранящие конфликты: с мамой, учителем, любимым мальчиком. А силой, снимающей пик напряжения, мудрым советчиком, разрешающим тупиковые проблемы, может стать случайно встреченный, совершенно чужой человек. <…>

Сами же героини Натальи Потаповой — открытые, ищущие понимания и желающие приносить счастье другим солнечные души.

Одна из них (на мой взгляд, это и есть их главное объединяющее) в порыве чувств обращается к звёздам с молитвой: «Пожалуйста, пусть все мои близкие встретятся и смогут узнать друг друга. Все-все: деды и бабушки, братья и сёстры, дети, родители и друзья… живые и мёртвые. Я хочу знать, как жил и чем дышал каждый человек, который сберёг и дотянул ниточку жизни до меня…»

Это, я полагаю, и кредо самого автора — Натальи Потаповой, на долю которой выпало немало испытаний — духовных и физических.

«Лекарством от боли» явилось для неё литературное творчество, с ним она преодолевает названные выше испытания столь достойно и успешно, что может быть для читателей, для коллег, для всех современников примером стойкости и солнечного жизнелюбия.

Хочется пожелать этой книге и её автору успешного путешествия в читательский мир, обретения новых искренних друзей.

«И это для неё будет самым большим счастьем…»

Олег Ник Павлов

обл. **Ларионов Евгений Анатольевич**
Красноярск, 1962 г. р.

Художник. Родился в селе Сосново-Озерское Еравнинского района Бурятской АССР. Учился в Красноярском художественном училище им. В. И. Сурикова (1989–1993). Член Союза художников России с 2001 г. Участник художественных выставок с 1993 г.

Репродукции с картин Евгения Ларионова любезно предоставлены художественным салоном «Дар».

Красноярск, ул. Ленина, 23
т. +7 (391) 266-04-45

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В. Н. Наговицын

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Марина Наумова-Саввиных

РЕЦЕНЗЕНТ
Дмитрий Косяков

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Олег Наумов

КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель: Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.
Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Александр Астраханцев
Красноярск
Наталья Ахпашева
Абакан
Юрий Беликов
Пермь
Глеб Бобров
Луганск
Елена Буевич
Черкассы
Вера Зубарева
Филадельфия
Александр Кердан
Екатеринбург
Сергей Кузнечихин
Красноярск
Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург
Евгений Минин
Иерусалим
Виталий Молчанов
Оренбург
Миясат Муслимова
Махачкала
Александр Орлов
Москва
Олеся Рудягина
Кишинёв
Анна Сафонова
Южно-Сахалинск
Андрей Тимофеев
Москва
Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург
Нина Ягодинцева
Челябинск

В оформлении обложки использованы картины Евгения Ларионова.

ИЗДАТЕЛЬ
АНО РИЦ «День и Ночь».
ИНН 770 207 0139

Расчётный счёт
4070 3810 4004 3000 0496
В филиале «Сибирский» банка ВТБ ПАО в г. Новосибирске
БИК 045 004 788
КПП 540 643 001
Корреспондентский счёт
3010 1810 8500 4000 0788

Рукописи принимаются по электронной почте:
dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск, пр. Мира, д. 3,
т. +7 950 991 4349
Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 6.2.2020
Дата выхода в свет: 29.2.2020
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

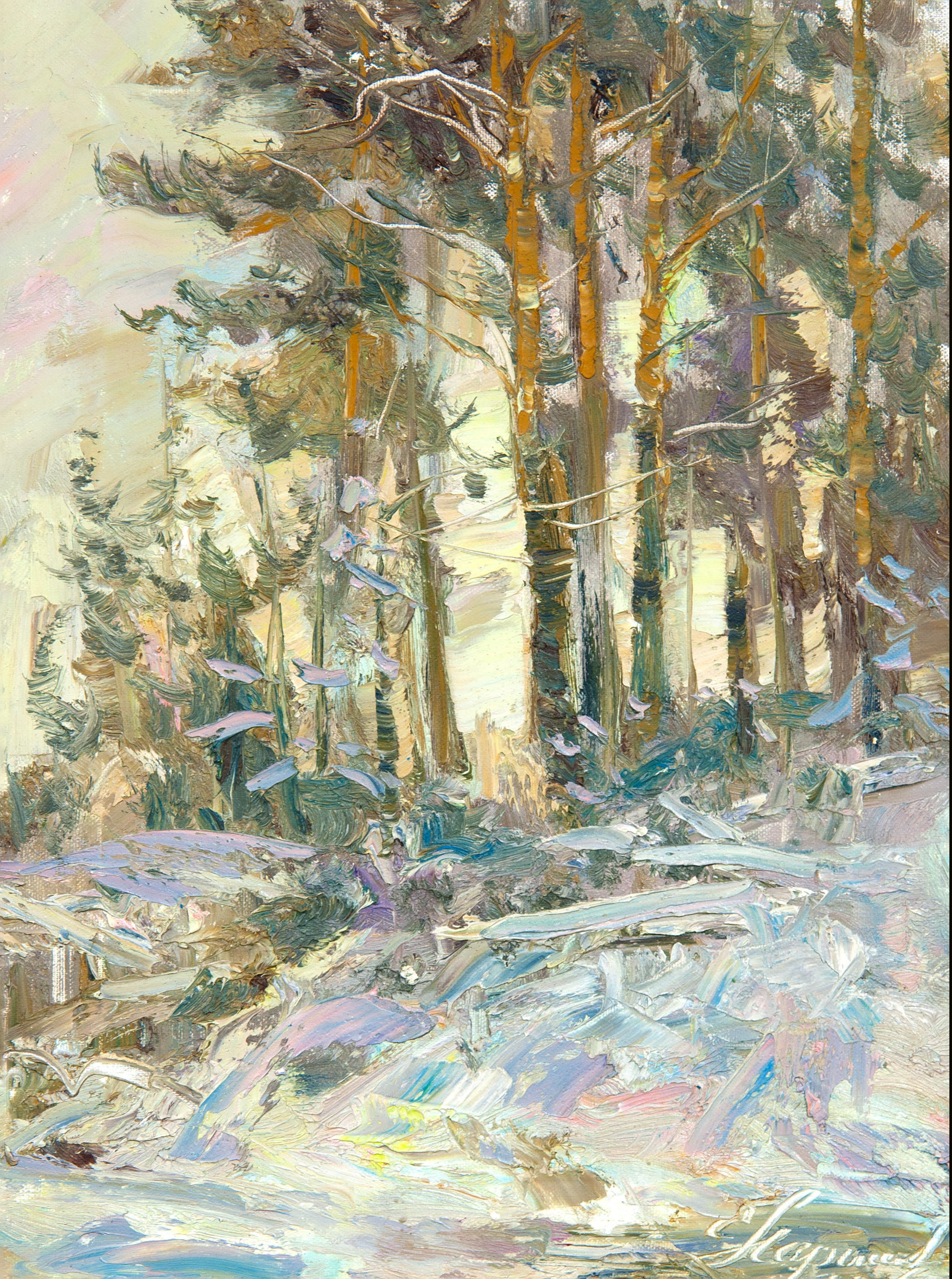
Журнал выходит 1 раз в 2 месяца

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт» г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+

Евгений Ларионов | Зимний вечер | 21×30 | 2018

Евгений Ларионов | В горах Ергаки | 21×30 | 2018



Евгений Ларионов *Зимнее утро* | 30×40 | 2017 На обложке: ул. Коммунистическая (*фрагмент*) | 70×90 | 2014